ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке

The Humanities and Social Studies in the Far East

POLITICAL AND ETHNO-NATIONAL PROCESSES IN THE PACIFIC RIM COUNTRIES

№ 1 (49) 2016

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 1 (49) 2016

Хабаровск, 2016

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии
Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии
З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **М.Г. Лебедько**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Р.Р. Чайковский**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии
К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»
Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Л.П. Лазарева**, д-р пед. наук, проф.;
Н.Е. Мерецкий, д-р юрид. наук, проф.; **В.В. Романова**, д-р ист. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
А.М. Шкуркин, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц.;
Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

Ю.В. Пономарчук, канд. физ.-мат. наук (web-мастер);
Е.В. Листопадова (технический секретарь); **Е.Л. Рябкова** (переводчик);
Е.Ю. Мальнева, канд. филол. наук (переводчик)

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по отраслям научного знания, в рамках которых осуществляется профессиональная экспертиза публикаций: 09.00.00 – философские науки; 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языкознание; 19.00.00 – психологические науки.

Печатается по решению Совета ректоров вузов Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № 77-16283 от 29 августа 2003 г.
Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 6

СТАТЬИ 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Анисимов А.Л. Организация администрацией Восточной Сибири торгово-разведывательных и дипломатических экспедиций в Корею в 60-х годах XIX века 7

Арутюнян М.П. Целостность мировоззрения как экзистенциальная мера гармонизации бытия и качества жизни в проекции этнического 12

Довгополов Е.Ю. Объективные предпосылки институционализации национальной (этнической) политики на Дальнем Востоке России 21

Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Институционализация мультикультурализма в Соединенных Штатах Америки в ракурсе регулирования этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России 29

Ковальчук М.А. Статус Китайской Восточной железной дороги: формально-юридический и фактический аспекты 39

Костюченко А.П. Демаркация российско-китайской границы на территории Еврейской автономной области в 90-е годы XX века 47

Моисеева Л.А., Печерица В.Ф. В поисках новой бизнес-модели: политика поддержки опережающего развития Дальнего Востока (с позиций современного исторического знания) 55

Молчанова Е.Г. Историко-психологические основания российской ментальности и социальные преобразования последних десятилетий 64

Новиков Д.В., Печерица В.Ф. Политические партии как элемент системы современного российского политического монополизма 69

Пикалов Ю.В. Влияние переселения на социальный облик коренных малочисленных народов Дальнего Востока РСФСР (1922–1941) 75

Рудецкий О.А. Русское национальное самосознание в постсоветской России 86

Сливко С.В. Развитие ракетной и ядерной программ КНДР на современном этапе и реакция мирового сообщества (2011–2016) 92

Смоляков В.А., Захарова Т.И. Малайзия: политическая система и политический процесс в мультикультурном обществе 99

Сидоров С.А. Пограничное пространство Дальнего Востока России как зона уязвимости и контактности 111

Цыплаков Д.А. «Культурный код» и секуляризация в России 114

Титорева Г.Т. Ясачная политика в Приохотье: история и практика 120

Ярулин И.Ф. Концепт «доверие» при анализе этнических миграций 126

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Коваль С.В. Музыкальный образ в музейной экспозиции Хабаровска конца XIX века 132

Кулепанов Р.В. Образ японского солдата в американской информационно-пропагандистской литературе 1941–1945 годов 137

Ляхов Д.А. Вопрос о созыве Приамурского Учредительного собрания в деятельности антибольшевистских сил Приморья (май 1921 г. – июнь 1922 г.) 143

Олифер О.О., Сокольская М.В. Инклюзивный метод социализации детей с особыми образовательными потребностями в условиях школьного образования Дальневосточного региона 147

РЕЦЕНЗИЯ

Смоляков В.А. Рецензия на монографию В.Ф. Печерицы «"Восточный экспресс" Путина ускоряется на Китай» 154

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 158

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ 159

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Очередной выпуск журнала посвящён политическим и этнонациональным процессам в странах АТР. В тематическом разделе собраны статьи, затрагивающие философские, исторические, политологические аспекты указанных процессов. Открывает раздел статья *А.Л. Анисимова* об истории российско-корейских отношений 60-х гг. XIX в. Как пишет автор, несмотря на закрытый статус Кореи, этот период отмечен возникновением неофициальной приграничной российско-корейской торговли и налаживанием дипломатических отношений на уровне приграничных властей. Статья *М.П. Арутюнян* посвящена общеметодологическим вопросам целостности мировоззрения в аспекте этнического самосознания. Предпосылки институционализации национальной (этнической) политики в региональном измерении анализируются в работе *Е.Ю. Довгополова*. Отмечается принципиальная роль противоречия между региональной политикой и неопределенностью федеральной стратегии по отношению к Дальневосточному региону. В публикации *А.С. Кима* и *Е.Ю. Довгополова* освещены вопросы институционализации мультикультурализма, а также возможности заимствования некоторых его элементов в России. В работе *М.А. Ковальчука* анализируется правовое и фактическое положение КВЖД, обозначено её место в общей сети железных дорог России. Процесс демаркации российско-китайской границы на территории Еврейской автономной области в 1990-е гг. рассматривается в статье *А.П. Костюченко*. Публикация *Л.А. Моисеевой* и *В.Ф. Печерицы* посвящена вопросам опережающего развития российского Дальнего Востока. Авторами отмечается закономерный характер смены вектора развития России на дальневосточный и необходимость решения сложнейших по историческим меркам проблем. Историко-психологические основания российской ментальности исследованы в работе *Е.Г. Молчановой*. Как отмечает автор, российский менталитет проявляет чрезвычайную устойчивость даже в условиях серьезных социальных преобразований. Статья *Д.В. Новикова* и *В.Ф. Печерицы* посвящена функционированию политических партий в контексте российского политического монополизма. В ходе своего исследования авторы приходят к выводу о том, что современная российская многопартийность отличается ярко выраженным корпоративистским характером. В публикации *Ю.В. Пикалова* поднимается проблема этносоциальных трансформаций коренных малочисленных народов Дальнего Востока в период 1922–1941 гг., рассматриваются вопросы общественной социализации малочисленных народов Севера в контексте советской национальной политики. Кризисным проявлениям русского самосознания в постсоветской России посвящена статья *О.А. Рудецкого*. Вместе с тем автор подчёркивает наметившийся в 2000-е гг. подъём русского национального самосознания и необходимость его государственной поддержки. Развитию ракетной и ядерной программы КНДР посвящена работа *С.В. Сливко*. Отмечается необходимость комплексного обсуждения данной проблемы, а также перспективы взаимодействия России и КНР в вопросе снятия международной напряжённости на Корейском полуострове. В статье *В.А. Смолякова* и *Т.И. Захаровой* рассматривается политическая система мультикультурной Малайзии. Делается вывод о её гибридном политическом режиме, при котором сосуществуют признаки и авторитаризма, и демократии. *С.А. Сидоров* анализирует пограничное пространство Дальнего Востока России, показывает особенности пограничной политики РФ в Дальневосточном регионе. Опираясь на понятие «культурного кода», *Д.А. Цыплаков* рассматривает ценностно-религиозную сторону российского национального самосознания. Истории ведения ясачной политики Российского государства в Приохотье посвящена публикация *Г.Т. Титоревой*. Завершает тематический раздел статья *И.Ф. Ярулина*, в которой исследуется концепт «доверие» при анализе этнических миграций.

Редакторы выпуска
Е.Н. Спасский, О.А. Рудецкий

СТАТЬИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

ОРГАНИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ТОРГОВО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В КОРЕЮ В 60-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

А.Л. Анисимов

Анисимов Александр Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (Дальневосточный филиал), г. Хабаровск.

Контактный адрес: anisimov@email.kht.ru

В статье рассматриваются действия администрации Восточной Сибири, направленные на установление официальных дипломатических и торговых отношений с приграничными провинциями Корейского королевства в 60-х гг. XIX в. Как ни маловажны были эти первые сношения с корейскими властями, но при существовавшей в то время замкнутости Кореи они привели к возникновению неофициальной приграничной российско-корейской торговли и налаживанию официальных дипломатических контактов между приграничными властями, а также послужили опорой и примером для дальнейших официальных сношений с Кореей.

Ключевые слова: Корея, Российская империя, российско-корейские отношения, торгово-разведывательные экспедиции, дипломатические экспедиции, XIX век, администрация, Восточно-Сибирское генерал-губернаторство, Приморская область.

Во второй половине XIX в. Корея, находившаяся в вассальной зависимости от Цинской империи, являлась самой закрытой страной Дальневосточного региона. Корея ввела запрет на торговлю с западными державами. Россия не имела с ней договорных отношений. Но потребности развивающегося Южно-Уссурийского края, а также начавшееся переселение корейцев на российскую территорию побуждали региональные власти попытаться завязать торговые отношения хотя бы с пограничными районами Кореи.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев придавал важное значение непосредственному разграничению с корейским государством, рассчитывая на то, что это слабое государство со временем будет искать защиты у России от посягательств со стороны других держав. Последующие события полностью подтвердили его прогнозы [2: с. 47].

Первые официальные контакты между представителями Российской империи и корейскими пограничными властями состоялись в 1861 г. во время работы совместной российско-китайской Пограничной комиссии, проводившей демаркацию дальневосточной границы в соответствии с Айгуньским (1858 г.) и Пекинским (1860 г.) договорами. Начальник китайского г. Хуньчунь, настроенный агрессивно по отношению к русским (он даже предлагал правительству вырезать российский военный пост в заливе Посьет), распорядился самовольно поставить пограничный знак в устье р. Туманган, что противоречило условиям Пекинского договора 1860 г. Враждебное отношение цинских властей и их незаконные действия в деле демаркации границы вынудили комиссара российско-китайской Пограничной комиссии полковника К.Ф. Будогоссого принять меры по скорейшему окончанию демаркации границы. В связи с этим в конце августа 1861 г. к устью р. Туманган прибыл помощник комиссара российско-китайской Пограничной комиссии капитан Турбин для описания границ и установки пограничных знаков. 7 сентября он поставил последний пограничный знак напротив корейского города Бянь-лянь-чжи-чень, на противоположном берегу реки, в 22 верстах от ее устья. Незадолго до этого к Турбину явились корейские чиновники и, высказав дружелюбное отношение к русским, пригласили его посетить их город. Корейцы, по свидетельству члена российско-китайской Пограничной комиссии И.Ф. Бабкова, ненавидели маньчжуров и китайцев, поэтому были рады появлению нового соседа на своей северо-восточной границе и готовы были

завести торговлю с русскими. Они начали поставлять скот в пост Посьет для снабжения мясом как самого поста, так и русской флотилии на Восточном океане и постов в заливе Петр Великий [3: с. 80–81; 14: с. 33; 12: с. 70–71].

Постепенно зарождалась и торговля между жителями пограничных районов обеих стран, что сразу же привлекло внимание торгово-промышленных кругов Сибири. Газета «Кяхтинский листок» еще в сентябре 1862 г. отмечала, что в приграничных районах отношения русских к китайцам и корейцам установились «весьма и довольно благоприятно», последние сбывают в Россию главным образом скот, получая за него преимущественно серебро. Летом 1862 г. российский купец И. Носков в сопровождении солдата, знавшего несколько китайских слов, и манзы Шу, знавшего несколько слов по-русски, совершил торговую экспедицию из Новгородской гавани в китайский город Хуньчунь, где он имел встречу с корейскими купцами. Последние сообщили, что они тайно торгуют с русскими, так как цинские власти препятствуют этой торговле и конфисковывают товары, купленные корейцами у русских. Сами корейские купцы желают торговать с русскими и будут вести тайную торговлю до тех пор, пока этот вопрос не будет положительно решен дипломатическим путем [11: с. 82–84; 13: с. 71]. Придя к выводу, что у «…корейцев деспотизм начальников неограничен и что они истязуют народ по своему произволу, но что собственно корейцы весьма желают с нами сблизиться и торговать и будут делать это, разумеется, тайно от их начальников, пока не будет дано дозволения, которого нужно добиваться дипломатическим путем», газета признавала полезным «оказать покровительство этой торговле» и устроить на русской территории, недалеко от корейского пограничного города, а затем и на самом берегу моря небольшие торговые поселения. В заключение указывалось, что «…оставлять это дело без внимания не следует, ибо народ корейский стоит того, чтобы с ним сблизиться» [11: с. 82–84; 14: с. 38–39; 13: с. 70–71].

В связи с этим летом 1865 г. в Корею была отправлена экспедиция под руководством штабс-капитана Генерального штаба П.А. Гельмерсена. 11 июня 1865 г. генерал-губернатор Восточной Сибири В.С. Корсаков сообщил правительству о плане командировать в гавань Посьет штабс-капитана Генерального штаба П.А. Гельмерсена. Одновременно М.С. Корсаков просил дать Гельмерсену дополнительные указания от имени правительства, как это было согласовано им ранее с Министерством иностранных дел Российской империи [1: с. 22–23].

В предписании от 11 июня 1865 г. за № 1072 генерал-губернатор Восточной Сибири В.С. Корсаков поставил перед экспедицией цель ознакомиться с Кореей и положить начало торговли между жителями пограничных районов двух стран. П.А. Гельмерсен должен был в сопровождении переводчика и 1–2 нижних чинов отправиться в Корею к ближайшему пограничному областному правителю от имени военного губернатора Приморской области с письменным сообщением на русском и китайском языках. По пути своего следования Гельмерсен должен был приглашать как представителей местной власти, так и жителей к установлению дружественных административных и торговых отношений с российскими властями и жителями. Еще одной задачей являлся сбор сведений о географических, статистических, этнографических и экономических условиях Кореи. Все сведения П.А. Гельмерсен должен был сообщать военному губернатору Приморской области, а по возвращении в Иркутск – представить полный отчет об экспедиции генерал-губернатору Восточной Сибири [16: л. 1; 8: с. 82–84; 13: с. 85; 8: с. 22–23; 9: с. 22–24]. Кроме того, П.А. Гельмерсен должен был передать губернатору пограничной корейской провинции сообщение от военного губернатора Приморской области И.В. Фуругельма о том, что он посылает штабс-капитана Гельмерсена с целью установления дружественных дипломатических отношений и развития приграничной торговли для взаимной пользы населения двух государств [4: с. 82–84; 13: с. 86].

М.С. Корсаков предписал военному губернатору Приморской области оказать содействие экспедиции Гельмерсена. Лошадей для экспедиции Гельмерсен должен был взять на военном посту или купить у местных жителей за счет казны. После окончания экспедиции лошадей должно было оставить на посту. В Иркутске П.А. Гельмерсен должен был получить в комиссариатской комиссии прогонные деньги из расчета 1 руб. 50 коп. суточных на 6 месяцев, по шнуровой книге – 300 руб. на подъем и в соответствии с Амурским положением – 300 руб. на экстраординарные расходы, наем переводчика и проводников, подарки корейским чиновникам, на продовольствие казаков и нижних чинов и др. Кроме того, Гельмерсен должен был получить от казначея Главного управления Восточной Сибири подарки для областного корейского начальства. Во время экспедиции Гельмерсен за границей мог выписывать из экстраординарной суммы по 4 руб. 50 коп. в сутки дополнительных порционов [16: л. 2–3].

Летом 1865 г. П.А. Гельмерсен прибыл в г. Кёнхын. Пуса (начальник города) заявил, что согласно корейским законам въезд иностранцам на территорию Кореи запрещен, и воспротивился поездке Гельмерсена в г. Хамхын. Российский представитель передал губернатору провинции Хамгён предложение российской стороны установить торговые отношения между жителями приграничных территорий двух стран. На что губернатор ответил,

ссылаясь на указания правительства, что русские торговцы должны передавать свои бумаги губернатору, а сами оставаться на границе, ожидая ответа.

П.А. Гельмерсен дал пусе Кёнхына 15 дней на получение ответа из Хамхына и вернулся в Посьет. В рапорте генерал-губернатору Восточной Сибири Гельмерсен сообщил, что добиться установления дипломатических и торговых отношений с Кореей через пограничные корейские власти не удастся, необходимо действовать через центральные власти и добиваться заключения официальных договоров, опираясь на содействие российских военных судов [20: с. 89; 13: с. 73].

В ноябре–декабре этого же года П.А. Гельмерсен попытался еще дважды завязать сношения с корейскими властями, но снова неудачно. В связи с этим он решил прекратить попытки вести переговоры с корейскими пограничными властями [7: с. 23] и выехал в Пекин, куда прибыл в начале марта 1866 г. для представления отчета о переговорах с корейцами Российскому посланнику в Китае А.В. Влангали.

Российский посланник в Пекине, внимательно ознакомившись с предложениями Гельмерсена относительно сношений с корейцами, согласился с ним, что отношения России с Кореей до поры до времени должны ограничиваться лишь «скромными пограничными торговыми сношениями». Эта точка зрения получила одобрение в Министерстве иностранных дел и была положена в основу корейской политики Петербурга в 60–70-х гг. XIX в. (до начала русско-корейских переговоров об установлении официальных дипломатических и торговых отношений). В одобренном императором Александром II отношении вице-канцлера А.М. Горчакова из Азиатского департамента МИД посланнику в Пекине генерал-майору А.В. Влангали в начале мая 1867 г. по этому поводу было прямо указано: «Таким образом, способ наших действий относительно полуострова (Корейского. – *А.А.*) совершенно выяснился. Правительство наше намерено следовать ему даже в виду морской экспедиции, предпринимаемой Франциею и Англиею вследствие умерщвления миссионеров» [19: л. 35–36; 10: с. 44–45].

17 ноября 1866 г. Н.М. Пржевальский получил приказ о причислении к Генеральному штабу с назначением для занятий в Восточно-Сибирский военный округ. В апреле 1867 г. Н.М. Пржевальский приехал в Иркутск. Здесь он получил содействие со стороны Сибирского отдела Императорского русского географического общества и начальника штаба Восточно-Сибирского военного округа генерал-майора Б.К. Кукеля. Пржевальский стал настойчиво просить Б.К. Кукеля о посылке его в Уссурийский край. Денег Пржевальскому выдали мало, его помощник – немец-препаратор Р. Кёхер ехать отказался и был отправлен в Варшаву. Помощником Пржевальскому был назначен гимназист, сын бедной вдовы, сосланной на поселение, Николай Ягунов, которому было всего шестнадцать лет. Через месяц Пржевальский получил командировку в Уссурийский край. По поручению штаба войск он должен был: 1) осмотреть расположение находящихся в Уссурийском крае двух линейных батальонов; 2) собрать сведения о количестве и состоянии поселений, как российских, так и маньчжурских и корейских; 3) исследовать пути, ведущие к границам Маньчжурии и Кореи; 4) исправить маршрутную карту и добавить в нее новые пункты, которые он посетит; 5) проводить любые научные изыскания. Кроме того, Сибирский отдел Императорского русского географического общества поручил Пржевальскому описать флору и фауну Уссурийского края и собрать зоологические и ботанические коллекции. Свою личную цель Пржевальский видел в изучении животного и растительного мира, климата, быта местного населения и сборе различных статистических данных о крае. 26 мая он выехал из Иркутска. В состав экспедиции был включен еще и Николаев [6: с. 47, 48, 51, 53, 55].

В октябре 1867 г. Н.М. Пржевальский совершил поездку на лодке в г. Кёнхын. С ним были переводчик, солдат и трое гребцов. Он встретился с начальником города Юнь Хабом. Пржевальский поинтересовался, почему русских не допускают в город и не ведут с ними торговлю. На что получил ответ, что это запрещено корейским королем под страхом смерти [17: с. 116–122; 18: с. 112–119, I, 1].

Становление официальных отношений Российской империи с Корейским королевством связано с переговорами пограничных властей в конце 1869 – начале 1870 г. по поводу массового перехода корейцев в пределы Российской империи.

В конце сентября – начале октября 1869 г. 1850 корейцев прибыли в деревню Тизинхэ и объявили начальнику Новгородского поста полковнику Я.В. Дьяченко, что «…скорее решатся умереть с голоду, чем вернуться обратно в Корею» [23: л. 11]. Малочисленные корейские, китайские и русские пограничные караулы не могли приостановить дальнейшее движение переселенцев. В ноябре – декабре 1869 г. границу, большей частью через Маньчжурию, перешло еще 4500 человек.

Ввиду невозможности обеспечить продовольствием такую массу переселенцев, а также опасаясь осложнить отношения с Кореей, военный губернатор Приморской области адмирал И.В. Фуругельм предписал пограничному комиссару князю Трубецкому и начальнику Новгородского поста отправиться к корейскому пограничному начальнику и, объяснив ему, что русское правительство будет смотреть на эмиграцию как на желание корейского правительства выпроводить всех пролетариев в

Россию, потребовать от корейских властей самых энергичных мер к ее прекращению. Трубецкому поручено было также договориться, чтобы корейцы по возвращении из России не подвергались никаким притеснениям и наказаниям и получили необходимое пособие [21: л. 19–20].

В ходе переговоров корейские представители уверяли в своем желании прекратить переселение и принять обратно беглецов, но в то же время жаловались, что русские сами завлекают корейцев, давая им пищу и одежду. После переговоров князь Трубецкой в официальном письме начальнику пограничного Кегенского округа провинции Хамгён заявил, что «…российское правительство, несмотря на всегдашнее дружелюбное расположение свое к Корее, не может благосклонно смотреть на постоянно увеличивающийся переход из Кореи бездомных людей в русские пределы и, само собой разумеется, должно подозревать, что корейское правительство покровительствует этому переходу из желания избавиться от беспокойного нищенского населения. Русское начальство находит нужным принять решительные меры к прекращению этого зла, но, имея в виду давнишнее дружелюбное соседство с Кореей, оно желает во избежание всяких недоразумений в будущем принять эти меры по соглашению с корейским начальством» [15: л. 33].

В конце декабря 1869 г. недавно назначенный заведующим (пограничным комиссаром) Южно-Уссурийского пограничного комиссариата князь Трубецкой по предписанию И.В. Фуругельма, который сам прибыл в Посьет для изучения вопроса на месте, отправился в Корею (в сопровождении начальника Новгородского поста полковника Я.В. Дьяченко и переводчика), чтобы взять с начальника Кегенского округа письменное обязательство не пропускать в российские владения в Южно-Уссурийском крае корейцев и не наказывать возвращающихся [5: л. 34; 22: с. 155]. Во время очередной встречи с корейским пограничным начальством российский пограничный комиссар был принят весьма дружелюбно. Трубецкой получил письменное обязательство за подписью начальника Кегенского округа, в котором было заверено, что «…если они (корейцы, переселившиеся из Кореи в Южно-Уссурийский край. – *А.А.*) действительно вернутся, то я обещаю не подвергать их никакому наказанию и принять благосклонно. На будущее время обязуюсь всеми мерами препятствовать переходу корейцев за границу, в русскую землю» [12: л. 34].

Начавшиеся переговоры между пограничными властями по вопросу корейских мигрантов, перешедших или хотевших перейти в российские владения, вызвали удовлетворение со стороны восточно-сибирской администрации. Генерал-губернатор Восточной Сибири отмечал, что эти контакты «…в будущем могут служить нам опорою и примером для дальнейших официальных сношений с оною страною» [5: л. 134; 14: с. 42–44].

ЛИТЕРАТУРА

1. № 4. Информация о командировании капитана Гельмерсена в Посьет. 11 июня 1865 г. // Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX в.) : документы и материалы. В 2 кн. Кн. 1. – Владивосток : РГИА ДВ; Информационно-рекламное агентство «Комсомолка-ДВ», 2004. – С. 22–23.

2. *Анисимов, А.Л.* «Корейский вопрос» в политике российской дипломатии в период разграничения на Тумангане и возникновения русско-корейских отношений / А.Л. Анисимов, Б.Б. Пак // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность : доклады Второй междунар. науч.-практ. конф. (11–14 августа 1997 г.). В 2 кн. Кн. 2 / гл. ред. Б.Д. Пак ; отв. ред. А.И. Штейнгауз. – М. – Иркутск – Тэгу, 1997. – С. 47–54.

3. *Бабков, Ф.И.* О разграничении между Россией и Кореей / Ф.И. Бабков // Известия о Корее в России (1675–1884). – М. : Первое марта, 2010. – С. 79–81.

4. Великого Российского государства губернатора пограничной Приморской области государства Каоли пограничному губернатору сообщение // Первые известия о Корее в России (1675–1884). – М. : Первое марта, 2010. – С. 82–84.

5. Всеподданейший отчет по управлению Восточною Сибирью за 1869 год // ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. 24. – Оп. 9. – К. 1904. – Д. 151.

6. *Дубровин, Н.Ф.* Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк / Н.Ф. Дубровин. – СПб. : Военная тип., 1890. – X, II, 603, VIII с.

7. *Иванов, А.Ю.* Проблема урегулирования пограничных вопросов между Россией и Кореей (1860–1885 гг.) / А.Ю. Иванов // История и культура Приамурья. – 2012. – № 1 (11). – С. 19–27.

8. Из предписания генерал-губернатора Восточной Сибири М. Корсакова состоящему при штабе войск Восточной Сибири штабс-капитану П. Гельмерсену. 11 июня 1865 г. // Первые известия о Корее в России (1675–1884). – М. : Первое марта, 2010. – С. 82–84.

9. Копия с предписания генерал-губернатора и командующего войсками Восточной Сибири состоящему при штабе войск Восточной Сибири Генерального штаба штабс-капитану Гельмерсену. 11 июня 1865 г. // Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX в.) : документы и материалы. В 2 кн. Кн. 1. – Владивосток : РГИА ДВ; Информационно-рекламное агентство «Комсомолка-ДВ», 2004. – С. 23–24.

10. *Нарочницкий, А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895 / А.Л. Нарочницкий. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 900 с.

11. *Носков, И.* Отношение русских к китайцам и корейцам (отрывок из путешествия по амурской стране) / И. Носков // Первые известия о Корее в России (1675–1884). – М. : Первое марта, 2010. – С. 82–84.

12. Обязательство начальника Кегенского округа Хамгенской области в Корее. Копия // АВПР (Архив внешней политики Российской империи). – Ф. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, 1869–1888. – Оп. 579. – Д. 307.

13. *Пак, Б.Д.* Россия и Корея / Б.Д. Пак. – 2-е изд., доп. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2004. – 520 с.

14. *Пак, Б.Д.* У истоков русско-корейских отношений / Б.Д. Пак // Очерки истории Сибири. Вып. 2 / под общ. ред. В. Г. Тюкавкина. – Иркутск : ИГПИ, 1971. – С. 33–57.

15. Письмо великого Российского государства пограничного комиссара начальнику Кегенского округа в Корее // АВПР. – Ф. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, 1869–1888. – Оп. 579. – Д. 307.

16. Предписание генерал-губернатора Восточной Сибири Военному губернатору Приморской области о командировании штабс-капитана Гельмерсена в Корею 12 июня 1865 г. // РГИА ДВ (Российский государственный архив Дальнего Востока). – Ф. 87. – Оп. 1. – Д. 1767.

17. *Пржевальский, Н.М.* Корейцы / Н.М. Пржевальский // Первые известия о Корее в России (1675–1884). – М. : Первое марта, 2010. – С.116–122.

18. *Пржевальский, Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. / Н.М. Пржевальский. – СПб. : Тип. Н. Неклюдова, 1870. – III, 297, 59 с.

19. Проект высочайше утвержденного отношения генерал-майору Влангали в Пекин от 24 апреля (6 мая) 1867 г. // АВПРИ. – Ф. СПб., Главный архив, I-1, 1867 г. – Д. 177.

20. Рапорт штабс-капитана П. Гельмерсена генерал-губернатору Восточной Сибири. 30 сентября 1865 г. // Первые известия о Корее в России (1675–1884). – М. : Первое марта, 2010. – С. 89.

21. Телеграмма военного губернатора Приморской области Фуругельма пограничному комиссару в Южно-Уссурийском крае. Николаевск, 5 декабря 1869 г. // ГАИО. – Ф. 24. – Оп. 10. – К. 2107. – Д. 202.

22. *Филонов, А.М.* Три ипостаси Якова Дьяченко : Из истории освоения Приамурья и Приморья / А.М. Филонов. – Хабаровск : ИД «Приамурские ведомости», 2009. – 200 с.

23. Фуругельм Корсакову, Николаевск-на-Амуре, 6 ноября 1869 г. // ГАИО. – Ф. 24. – Оп. 10. – К. 2107. – Д. 202.

ЦЕЛОСТНОСТЬ МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ МЕРА ГАРМОНИЗАЦИИ БЫТИЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В ПРОЕКЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО

М.П. Арутюнян

Арутюнян Маргарита Павловна – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mpa@email.su

Современный социум глобальных рисков, кризисов и разрывов бытия побуждает методологическую мысль к изучению способов самосохранения человеческой жизни и оптимизации ее качества. Обращаясь к «этническому», автор рассматривает идею целостности мировоззрения как единства «духовного» и «практического» экзистенции, важнейшей меры качества жизни, не только в истории, но и в условиях современности. В этом плане предложеный автором статьи концепт качества жизни может быть полезным в методологическом обосновании определенной исследовательской позиции и её аргументации в дискурсе политических стратегий.

Ключевые слова: мировоззрение, целостное мировоззрение, качество жизни, экзистенция, этнос, «мир малого», этническое, методология, онтология.

Понятие качества жизни: методологический подход. Понятие качества жизни, интегрирующее в своем содержании совокупность разноплановых и значимых для человека параметров и условий жизнедеятельности (природных, социальных, экономических, идеологических, политических; фиксирующих меру свободы, меру здоровья – индивидуального, общественного, семейного, профессионального и т.д.), появилось в социальной науке к середине 60-х гг. XX в. и обозначилось, прежде всего, в контекстах различных версий концептов постиндустриального общества и леворадикальных политических движений (Р. Арон, Д. Белл, Дж.К. Гэлбрейт, Г. Кан и др.). И сегодня это понятие является важнейшим интегральным показателем социального благосостояния общества и индивида. Отслеживание и измерение качества жизни предстает необходимым (в аналитическом и прогностическом аспектах) компонентом социального мониторинга, оценки состояний и характера развития социальных процессов [13: с. 237–238].

Вместе с тем в аналитике этого сложного феномена традиционно доминировали чисто «внешние» подходы, ориентированные, прежде всего, на количественные его измерения. Интерес к понятию качества жизни диктовался и идеологическими соображениями противостояния двух систем. Будучи «детищем холодной войны», понятие качества жизни, отмечает Р.Л. Лифшиц, выступало «как альтернатива образу жизни» и использовалось для того, чтобы «…подвергнуть критике реальный социализм и доказать преимущества капитализма» [18: с. 18–19]. Изучение же сущностных основ качества жизни – прояснение онтологической меры социальности как тождественного себе бытия – оставалось в тени. Соответственно и количественные показатели проявлений качества в «социальном» оказывались мало согласованными между собой. Таковы, к примеру, традиционный *«линейный» подход* и типологические *статистические описания* «объективистски» фиксируемых параметров качества жизни. Статистика ООН, в частности, определяет порядка 150 такого рода обобщенных индикаторов, рассчитываемых для каждой страны. В разных исследованиях спектр подобных внешних характеристик предстает еще более широким и может варьироваться от 3–4 до почти 1000 показателей [13: с. 237–238]. Понятно, что в разноплановых «разрозненных» единицах «количества» трудно уловить интегральную меру качества жизни как некой целостности социального бытия.

Истоки идей *системного подхода* в изучении качественных состояний социума обнаруживаются в логике структурного функционализма Т. Парсонса. Именно при подходе к обществу как целостной системе, по Парсонсу, аналитически высвечиваются определенные составляющие его качества, характеризующиеся, прежде всего, способностью преодолевать «болезненные состояния», социальные конфликты и потрясения, утверждением форм «общественного равновесия», «стабильности», «общественного порядка». При этом необходимыми формообразующими элементами такой целостности мыслитель полагает не только собственно социальную, но и личностную, культурную, «поведенческую» подсистемы, взаимодействующие со средой, по Парсонсу, – физическим миром и «высшей (трансцендентной. – *М.А.*) реальностью». Так, *многомерность социального мира*, ориентированного на устойчивость и стабильность, а вместе с тем интерес в оценке качества такой целостной «социетальной» системы к состояниям и составляющим образа жизни человека оказываются обозначенными в методологии «социального» Т. Парсонса.

И сегодня все более заявляет о себе, требуя дальнейшей разработки, разноуровневая, многомерная методология рефлексии качества жизни. В ней оказывается значимым обращение не только к объективно фиксируемым и количественно выразимым его параметрам, но к принципиально иной – субъективной мере восприятия и оценки качества жизни социальными агентами. Игнорирование же субъективной составляющей ведет «к апологии безграничного потребления, мещанскому идеалу счастья» [18: с. 19]. Субъективная мера качества жизни своеобразно улавливает состояния жизненного мира человека, «знаково» выражая в целостности психических и душевных процессов его глубинные, сущностные грани. Удовлетворенность или неудовлетворенность жизнью, меры «степени счастья», «жизненной тревоги», уверенности или неуверенности человека в завтрашнем дне и т.п. характеризуют эти грани. И именно в их проявлениях обнаруживает себя одна из ключевых проблем измерения и оценки качества жизни – проблема социальной, культурной, этнической и личностной идентификации человека в динамично меняющемся мире. А рефлексия феномена качества жизни проецируется в данных контекстах в русло столь же многомерной и разнопредметной экзистенциальной проблематики.

Экзистенциальные контуры техногенного мира: проблема угасания качества жизни и кризис мировоззрения. Особенно остро и отчетливо проблема социальной и личностной идентификации заявляет себя в переходные исторические эпохи, периоды коренных преобразований социокультурных традиций, кризисные состояния жизни. Знаковым в этом плане стал исторический рубеж перехода традиционного уклада жизни к техногенному обществу. Соответственно сопутствующие этой трансформации острые экзистенциальные проблемы, фиксирующие «угасание» качества жизни, не ушли и от внимания исследователей. Дело в том, что тотальное наступление техногенной цивилизации в корне меняет субъективный мир. Переживания человека становятся соразмерными, отмечает Д.В. Пивоваров, экзистенциальным переживаниям *отчуждения* как гнетущего чувства бессмысленности жизни, утраты самоуправления и ощущения бессилия перед подавляющими обстоятельствами внешнего воздействия. Эти переживания становятся созвучными состояниям аномии (Э. Дюркгейм) – обостренного чувства одиночества, беспомощности, заброшенности; утраты ощущения общности; равнодушного или даже негативного отношения к социальным нормам; поглощая человека, они все более и более утверждают его в позициях индивидуализма. Неприятие существующих культурных ценностей и «тоска одиночества», в свою очередь, сопровождаются деперсонализацией и самоотчуждением, ощущением ирреальности себя или внешнего мира, разрывом связи со своим «Я» [22: с. 68–69]. Во многом это происходит именно тогда, когда человек не находит для себя социальной опоры, не ощущает принадлежности к своей этнической группе, причастности к данному обществу [20: с. 66].

Особенно остро и напряженно эти вопросы обсуждаются в дискурсах экзистенциалистов. Именно ими поднимаются проблемы утраты «подлинности» бытия, сущностных «превращений» человеческой самости в техногенном мире, когда «техническое», овладевая человеком, диктует свою логику и динамику развития, заставляет человека жить по законам, чуждым его собственной, человеческой природе. По мере роста отчуждения и усиления «бездушного технического интеллекта» (О. Шпенглер) сама культура, онтологически призванная быть хранительницей человеческого опыта бытия в мире, «превращается в цивилизацию». Наиболее губительными последствия техноцентризма цивилизационных процессов оказались для социумов, истоками своими и плотью бытия укорененных в культуре. Таковы традиционные этносы. И уже только в этой связи их сбережение в современном мире, а также изучение в качестве уникальной модели самосохранения целостного социального опыта бытия в его устойчивой культурно-исторической традиции представляется весьма ценным и актуальным для настоящего.

В современном «сверхсложном» мире многомерно усугубляются риски, кризисы, разрывы бытия. Новые цивилизационные вызовы ставят человечество перед задачей решения глобальных проблем собственного выживания. Под натиском тотальных трансформаций и рисков уничтожения оказываются не только традиционные ценности культуры, быта этносов, но и такие исторически стабильные классические формы воспроизводства социальности и духовности, сообразные онтологической природе человека и существу качества его жизни, как семья, брак, религия, образование. Однако когда судьба укореняющих жизнь оснований, сама жизнь оказываются под угрозой, «сущностное» бытия экзистенциально проявляется и фиксируется своей онтологической размерностью. Ранее «сокрытое» становится наиболее очевидным, обозначаясь проблемами, противоречиями и парадоксами сложившейся модели бытия.

Действительно, с одной стороны, глобальный мир, реальность глобальной коммуникации и высоких информационных технологий значительно расширяют масштабы бытия, – круг объективных возможностей самореализации человека «общества знания». Но, с другой, – сориентированные, в первую очередь, на уплотнение и концентрацию

«вещного» потенциала цивилизации, они значительно сужают ориентиры самой этой перспективы, сущностно деформируя саму меру качества жизни человека. Реалии «футуршока» (А. Тоффлер), информационного стресса техногенной культуры качественно трансформируют мировосприятие и мироощущение человека «общества спектакля» (Г. Дебор), все более и более усиливая состояния его тревожности и напряжения. Функционирующие формы мироотношения при разрушении моделей традиционных культурно-исторических механизмов адаптации к изменчивому миру (когда «рассыпаются» устоявшиеся ценности, смыслы и жизненные ориентиры человека) оказываются неспособными удержать и воплотить в жизнь духовную составляющую онтоса человека; реализовать сущностное предназначение его мировоззрения – упорядочения и гармонизации миров бытия.

Таким образом, в современном мире не просто складывается, но достаточно остро обозначается *экзистенциальный парадокс мировоззрения*, свидетельствующий о его (мировоззрения) кризисных состояниях. В своем существенном основании он выражается *разрывом онтологической природы и действительным состоянием нарушения целостности мировоззрения*, экзистенциальным разрывом «духовного» и «практического» человеческой жизнедеятельности. Об этом ярче всего свидетельствует тот факт, что богатства духовного опыта человечества, накопленные и сохраняемые сферой культуры, практически не востребуются сферой повседневности. Они не актуализируются реальными структурами и формами жизнедеятельности, не опредмечиваются, не потребляются и не воспроизводятся в своем качестве сферой образования. Кризис мировоззрения, таким образом, оборачивается и парадоксом культуры, экзистенциальным выхолащиванием, и «опрощением» института образования. Своеобразным критерием этого глубокого кризиса оказывается перманентное воспроизводство «разрывов бытия», утрата мировоззрением его стержневого механизма – *«оборачивания» моральной нормы общества в нравственный поступок человека.*

В результате действительность жизни (при наличии богатого потенциала ее духовности, человечности, накопленного опытом культуры) экзистенциально воспроизводит качества «одномерного человека» (Г. Маркузе); «индивидуализированного общества» (З. Бауман); «общества риска» (У. Бек); реалии «фрагментарного» мира, «клипового сознания» и «лоскутной» культуры (А. Моль). Очевидным парадоксом экзистенции становится и тот факт, что человек, вошедший своей исторической и «психологической топологией Пути» (М. Мамардашвили) в подобные состояния повседневности, не только не преодолевает, но даже не фиксирует и не пытается осознать этой своей «одномерности». Кризис идентификации прочно вписывает в реальность жизни «опрощеннно-выхолощенный» онтос человека с тотальными нарушениями бытийной гармонии «природного», «социального» и «духовного» в нем. Вместе с тем именно эта гармония онтологически фундирует целостность человека, цельность его бытия в мире и качество жизни. Что же лежит в основаниях модели «этничности» социального и проявляет особый методологический интерес к ней в мире кризисов, рисков, разрывов бытия? Очевидно то, что она выстроена по онтологическим основаниям и методологическим принципам целостного мировоззрения.

Онтология целостности мировоззрения: гармонизация «духовного» и «практического» экзистенции. Идея целостности мировоззрения как экзистенциальной меры гармонизации бытия и качества жизни может быть раскрыта в следующих методологических ключах.

Во-первых, через онтологический подход к самому понятию мировоззрения, признания мировоззрения человека в качестве атрибута, неотъемлемого свойства его бытия. Данная позиция согласуется с положением М. Хайдеггера о том, что «здесь-бытие» (Dasein) – «сущее, которое в своем бытии *понимающе* относится к своему бытию», включает в себя и «обладающее мировоззрением» как содержащим истолкование, т.е. субъективное восприятие, понимание и принятие. В миропонимании происходит синтез и снятие многообразия действительных форм познавательной, коммуникативной и деятельностной активности человека, трансформация их внешнего проявления во внутренние состояния, в некую цельность и целостность, на основе которой формируется ценностное отношение человека к миру, лежащее в основе саморегуляции его бытия. Поэтому именно убеждения, возникающие на основе миропонимания, оказываются ядром мировоззрения. Убеждения не привносятся извне, а «складываются в развитии», в собственной жизнедеятельности человека. Они основываются на личном опыте и потому становятся побуждающей силой в отборе знаний, определении способов их практической реализации.

Убеждения проявляются в личностной позиции и оказываются основой выбора ориентиров той или иной системы ценностей и норм поведения. И именно через систему убеждений, отмечает И.И. Жбанкова в «Новейшем философском словаре», мировоззрение становится «социальным качеством индивида», выступает «внутренним законом» его жизни, утверждающимся в результате сложного процесса понимания окружающей действительности, самопознания и самооценки. Погруженное в реалии жизни мировоззренческое

убеждение «считывается с действительности» и организует действительность бытующего человека в идеальный конструкт его ценностного мира. В данном аспекте онтологически обосновывается, углубляется и проясняется цельность субъективной составляющей меры качества жизни.

Во-вторых, целостность мировоззрения моделирует уникальный образ – «Я». Действительно, мировоззрение как личностный стержень человека в аспекте «практического» проявляется его многочисленными функционалами – мироотношением, мироощущением, мировосприятием, миропониманием, миросозиданием, миропреобразованием, самосознанием, самопознанием, самореализацией, адаптацией, идентификацией и др. Мировоззренческий стержень личности организуется в уникальный образ «Я» или «Я-концепцию».

Именно через целостность «внутреннюю» – «Я-концепцию» – человек воспринимает целостность «внешнюю» – окружающий мир, становясь *«говорящим субъектом»* (Ж. Лакан) посредством языка, понимания, диалога, дискурса, игры, образования. Будучи культурологически емким интерпретативным контекстом познания, мировоззрение в своих функционалах осуществляет перевод, перенос, трансляции когнитивных смыслов и значений; знание в мировоззренческом контексте «оживает» – образуется, развивается, замещается, преобразуется, запрещается, возрождается либо забывается. Мировоззрение как познание становится своеобразной лабораторией динамики мысли. В ней осуществляются необходимые синтезы и интерпретации, идентификации и генерализации смысловых значений.

Итак, сущность мировоззрения кроется в онтологии человека, духовно-практической природе его бытия. Мировоззрение предстает особым способом «включения» человека в мир посредством специфического идеального конструкта. В мировоззрении формируются, трансформируются, преобразуются миры человеческого бытия, происходит «упорядочивание» первичного хаоса бытия, прояснение «непонятного мира» до его смысловой «прозрачности» – в целом идентификация человека и его адаптация к условиям внешней среды. Мир внешний «превращается» в контекстах мировоззрения в мир внутренний, гармонизируется, трансформируясь в образы, смыслы и ценности, экзистенциально значимые для человека. Так, через мировоззрение моделируются отличные от чисто «объективистских» глубинные субъективные формы проявления и меры оценки и восприятия качества жизни.

В-третьих, духовно-практическая природа обусловливает «особенное» форм целостностей мировоззрения, его амбивалентных размерностей: ментального – визуального, рационального – внерационального, научного – вненаучного, повседневного – культуроемкого, личностного – социального, конечного – бесконечного, трансцендентного – имманентного, вечного – преходящего и т.д. Амбивалентная онтологическая природа порождает в мировоззрении не только противоречивую специфику его целостных форм, но обусловливает и различные состояния возможных мировоззренческих нарушений. Последние, в свою очередь, могут проявляться и фиксироваться, как мы видели, экзистенциальными «разрывами бытия».

В этом плане воссоздание целостностей «духовного» и «практического» экзистенции, проецирующееся на содержание и состояние активизирующихся в наличной действительности мировоззренческих форм (картина мира, миф, идеал, идеология, философия, религия, утопия и др.) и обозначенных выше функционалов мировоззрения, направленных на преодоление «разрывов бытия», также становится экзистенциальной составляющей форм проявления качества жизни.

В-четвертых, онтологический аспект проявления состояний целостности мировоззрении проецируется в «хронотопе» (М. Бахтин) мировоззренческой ситуации, которая может нести в себе и проявлять как целостности мировоззрения соответственно экзистенции, так и ее «разрывы». Современные «разрывы бытия» очевидны и во всей полноте своей проявляются в современной мировоззренческой ситуации. Рефлексивное феноменологическое восприятие мировоззренческой ситуации выражает темпоральность мировоззрения со стороны ее «хронотопа» – пространственно-временной локализации мировоззренческих феноменов. Введенный в контекст современности, хронотоп мировоззренческой ситуации тематизируется состояниями экзистенциальных «разрывов» – *«мировоззренческого безвременья»*, соответствующего модели реальности *«мировоззренческого хаоса»,* порождающей образ *«мировоззренческого коллапса».* Современная мировоззренческая ситуация во многом порождает мировоззренческий миф «*отсутствия мировоззрения*», нередко связывающийся с образами «клипового сознания», «калейдоскопа» постмодернистского мировосприятия. Вместе с тем онтологический подход к современности как «со-бытию человека со временем мира» со своей стороны способствует углублению смысловых полей понятия мировоззрения, акцентирующего отношение «человек – мир» в его, человека, смысложизненных ориентирах и субъективной рефлексии качества жизни. Очевидно, в этом плане, что лексемы «одномерный человек» (Г. Маркузе), «симулякр» (Ж. Батай, Ж. Бодрийяр и др.), «человейник» (А. Зиновьев), «общество спектакля» (Г. Дебор), социум «футуршока» (А. Тоффлер), «глокализации» (М. Кастельс), мир «лоскутной культуры» (А. Моль) и т.д. отнюдь не фиксируют реалии гармонии и цель-

ности бытия человека в мире, а напротив, – его кризисности, фрагментарности и разрывов.

В-пятых, феномен мировоззрения онтологически заявляет себя и раскрывается в анализе не только «значимым» бытию, но и «ответственным» за бытие, а его носитель – человек – самореализующимся в модусах свободы и креативности. При этом идея целостности мировоззрения характеризуется как проявляющая «сущностное» и «особенное» человеческого бытия, как меру человеческого в самом человеке. И может быть спроецирована на методологические идеи конструктивной активности субъекта в его мироотношении, воспринимающем кризисные реалии настоящего через творческое усвоение опыта прошлого и свою обращенность к созиданию гармонии будущего.

В-шестых, в контекстах историко-философского исследования достаточно отчетливо обозначилась методологическая рефлексия исторических типов целостного мировоззрения, таких как мифология, религия, философия и (по В. Дильтею) художественного сознания. В этих формах «духовное» и «практическое» мировоззрения достаточно гармонично связаны и образуют специфичную для каждой из них целостность, фундируя устойчивую систему убеждений, верований, смысложизненных ориентиров людей. Исторические формы целостного мировоззрения ментально оформляют и практически закрепляют господствующую в ту или иную эпоху модель культуры, коммуникативные матрицы, нравственные ценности, жизненные образцы и образы образования человека. Такие модели закреплены социально и поддерживаются соответствующими институтами.

Итак, тип целостного мировоззрения отличается, прежде всего, целостностью «духовного» и «практического» экзистенции. Он становится исторически оправданным и культурологически обоснованным, т.е. оптимальным с точки зрения выверенной нормы и идеалополагания, способом гармонизации миров бытия в проекции мировоззрения в определенную историческую эпоху.

В-седьмых, целостное мировоззрение коррелирует мировоззренческим формам, но не тождественно им. Каждая из специфических форм мировоззрения (миф, идеал, идеология, утопия, научная картина мира, сказка, метафора, и т.д.) представляет собой особый склад, способ соединения духовного и практического. Находясь в «стабильном состоянии», мировоззренческая форма может взять на себя функции целостного мировоззрения – культурно-исторического контекста, фона, духовного содержания эпохи, и становится при этом «превращенной формой мировоззрения». Об этих «превращениях» особо не задумываются и, как правило, не вспоминают до той поры, пока «духовное» содержания превращенной формы не приходит в явное противоречие с ее «практическим». Затянувшееся противоречие приводит к кризису мировоззрения, преодоление которого требует иных оснований воссоединения «духовного» с «практическим», их обновленной гармонизации.

В подобных мировоззренческих «превращениях» может происходить и в действительности происходит так называемое опрощение. В результате него сложная система воспринимается как простая. Цельное мировоззрение подменяется его «частичными» формами. Нарушается мера целостного мировосприятия, миропонимания и мироотношения человека. В итоге возникают серьезные ментальные деформации и практические дезориентации. И тогда встает закономерный аналитический вопрос, а вернее, запрос методологическому исследованию феномена мировоззрения на предмет его себетождественности как формы целостности. При этом складываются объективные основания трансформации мировоззрения. Из «молчаливого» контекста эпохи мировоззрение превращается в ее «говорящий» текст. И одновременно он становится открытым многомерной методологической рефлексии феномена качества жизни. В формах целостного мировоззрения удается преодолеть риски «клипового сознания», опрощающего, «выхолащивающего» человека, отнимающего у него возможность и способность «говорить от своего имени» [9: с. 77].

Онтологическая природа этноса как носителя целостного мировоззрения. Достаточно наглядно проблемный пласт динамики состояний и измерений качества жизни как феномена можно обнаружить, как отмечалось ранее, обратившись к этносам и вопросам этнической идентификации в аспектах их культурно-исторической традиции и новаций, касающихся самосохранения этносов в действительности мира глобальной коммуникации. Исторически этническая культура жила по законам самовоспроизводства на собственной ценностной основе. В реальности же глобального мира, как мы видим, гаснут шансы традиционного пути самосохранения этнокультурной идентичности. Означает ли это невозможность смотреть на ее будущее с оптимизмом; вписать самосохранение этносов в действительность глобального мира. Отдельные аспекты этой общей темы, как отмечается в исследованиях, касаются вопросов «сохранения национальной идентичности», «диалога и полилога культур», «культурного плюрализма», «понимания и интерпретации культурного наследия», вопроса «рисков и альтернативы будущего культуры», «возможности существования единой мировой культуры», «формирования современной модели культурной политики в России» и т.д. [6: с. 122, 98–99]. При этом изучаются проблемы полиэтничности глобального мира; природа процес-

сов этнической диверсификации и мультикультурализма; проблемы рисков национальной ассимиляции и дискриминации, с одной стороны, и крайностей ксенофобии и национализма – с другой.

Занять определенную методологическую позицию в оценке перспектив саморазвития этнического в условиях современности и, вместе с тем, снять некоторые противоречия поверхностной интерпретации этого сложного феномена позволит общая методологическая установка в понимании «этнического» как специфической формы социального бытия, отличающегося онтологической целостностью, устойчивым самосознанием и способностью самосохранения социокультурной идентичности в динамике мировых процессов и собственного саморазвития [4; 23]. А также его углубленную онтологическую рефлексию как особого «мира малого» [4]. Подобное прочтение феномена «этнического» представляется значимым не только в плане изучения и поиска путей решения практических проблем выживания «миров малого», их самосохранения в условиях глобальной цивилизации, но и с позиций прояснения некоторых общих вопросов – системной организации самого глобального мира, механизмов его динамики: «устойчивости – изменчивости», «прерывности – непрерывности», стагнации и эволюционных перспектив.

Не безынтересными в обозначенном плане обсуждения становятся: обращение к традиционным образцам и формам самоорганизации этнической идентичности; механизмам, с одной стороны, самосохранения, а с другой – нарушений, разрывов и разрушений их целостности; осмысление способов прорастания сквозь толщи исторических модификаций и обновляющихся форм организации жизни онтологически устойчивого стержня этнической традиции. Сам феномен «этнического» при таком методологическом подходе может быть позициирован в качестве идеализированного объекта, своеобразной модели, или эпистемологического конструкта, рефлексивно «проецирующегося» на матрицы социальной реальности и «считывающего» с них возможные способы самосохранения экзистенциальной цельности и устойчивой жизнестойкости бытия.

Вместе с тем анализ литературы показывает, что онтологические аспекты феномена «этнического» еще недостаточно обозначены и методологически прояснены. Использующиеся в исследованиях понятия «бытие этноса», «этнобытие», «экзистенциальность этноса», «сущее этноса» и др., несомненно, представляют предметность подобного интереса, образуя «семейное сходство» (Л. Витгенштейн) онтологических понятий, обращенных к пониманию этноса. Однако смысловые значения данных лексем, проясняющихся вне феноменологического анализа, как правило, лишь фиксируют, но не углубляют сущностных, онтологических звучаний феномена «этнического». Представленные в литературе социально-философские, социологические, культурологические, социально-исторические, политологические, этнографические и другие исследования, как правило, подчиняют использующиеся онтологические лексемы «этнического» своей логике и замыслу ее содержательной тематики. И тем самым наделяют их смыслы соответствующими оттенками интерпретационных значений. При этом «сущее» бытия этноса либо остается феноменологически сокрытым, либо редуцируется к логически иному.

Подобно, на взгляд автора, в основаниях логики редукции выстраиваются и широко представленные в истории методологической рефлексии «этнического» эссенциалистский (примордиалистский), конструктивистский, инструменталистский и структуралистский подходы. Метатеоретической позицией, обозначающей основания их дискурса, способной, вместе с тем, снять заданные этими подходами ограничения в прояснении «бытийно-сущего» этноса, и представляется углубленный анализ «этнического» в контекстах онтологии «мира малого». Именно через «малое», замечает Р. Рорти в своей книге «Случайность, ирония и солидарность», «действительность является каждому», происходит «упорядочивание» и «составление узоров из всевозможных малых вещей», именно в малых формах мы себя в мире реализуем. Однако «мир малого» в качестве экзистенции, укорененной в бытии, не идентифицируется с любой формой проявления социальной локальности. Он являет себя, прежде всего, онтологической целостностью. И первым в сущностной характеристике этой целостности следует обозначить, на мой взгляд, феномен ее онтологической границы.

Онтологическая граница «мира малого» определяет и задает динамику социального бытия достаточно цельных и устойчивых систем. С одной стороны, такая система способна проявить себя защищенной, и в этом плане «закрытой» в отношении возможных нарушений и агрессивных воздействий внешней среды, но с другой – она открыта трансформациям, взаимодействиям и взаимовлияниям, аутентично согласующимся с логикой ее собственного самосохранения и саморазвития. Таким образом, «о-граниченный» и относительно закрытый «мир малого» с необходимостью «открывается» определенным формам социальной коммуникации. «Открытая закрытость» этого мира и составляет его глубинную онтологическую природу. Граница как «особенное» такой меры устойчивости характеризуется способностью сохранять и воспроизводить в целостности системных связей экзистенциально сущее и онтологически значимое – даже тогда, когда формы наличного бытия социума подвержены серьезным нарушениям и разрушени-

ям. Особые «фильтры» границы «мира малого» открывают его одним формам коммуникации, предостерегая и закрывая от разрушающих воздействий других, в современном мире, прежде всего, – от реалий «одноразовой» техногенной цивилизации, последствий ее глобальных проблем, кризисных трансформаций и размывающих традиционный опыт культуры рисков бытия. Что же образует подобные «фильтры» в их сущностном самовыражении – в онтологической мере «границы»? Что становится основанием относительной устойчивости и жизнестойкости локальных миров, онтологии этноса как «мира малого»? Какова глубинная природа этнической целостности, этнического самосознания и этнической идентичности?

Совершенно справедливо замечают в учебном издании по курсу философии А.С. Кармин и Г.Г. Бернацкий: «Этнос цементируется в единое целое его историей, которая сохраняется в социальной памяти». И поясняют: «…*социальная память* связывает воедино различные исторические состояния этноса и дифференцировавшиеся в ходе истории формы его жизни. Все перемены в культуре, языке, формах хозяйствования, территориальном расселении и т.д. предстают в ней как изменения, происходящие с одним и тем же этносом» [14: с. 243–252]. Соответственно каждый из значимых факторов этнической идентификации – единства происхождения, единства места проживания, единства хозяйственно-экономической жизни, единства языка, единства культуры – сам по себе, вне исторического подхода, не может быть обозначен в качестве определяющего критерия этнической принадлежности, – вне *этнического самосознания*, закрепленного хронотопом бытия, исторической памятью этого «мира малого».

Историческая память, организующая хронотоп онтологического конструкта «мира малого», фундирует «о-граничивание» его социального бытия, воздвигая препятствия разрушающим воздействиям извне. Она укрепляет «этническое» своей открытостью онтологически значимому этой форме социальности – ее Иному. Сохраняет в «социальном» необходимые грани бытия, выходящие за его собственные рамки и пределы. Этнос, укорененный своей исторической памятью в традиционалистский тип культуры, онтологически открыт, с одной стороны, Универсуму Мира Природы и, с другой – Духовному Потенциалу его Культуры, сферам Трансцендентного. И эта открытость, образующая и культивирующая «социальное», закрепляется мощной силой инерции этнического исторического опыта. Прорыв «этнического» к сферам абсолютного, вечного и бесконечного в исторической памяти закрепляется культурной традицией – устойчивым стержнем целостного мировоззрения.

Онтологический потенциал мировоззрения методологически раскрывается в антропологическом измерении и углубляется через его анализ в «семейном родстве» (Л. Витгенштейн), связке его с понятиями «человек», «образование», «культура». Каждое из данных понятий и соответственно стоящих за ними феноменов находит свое самовыражение через «семейную» связь с «родственными» ему понятиями. «Сущностно-человеческое» образуется в формах целостного мировоззрения как аутентичное человеческому качеству бытия, ответственное за гармонию мира и собственную экзистенцию, единство «духовного» (ментально-когнитивного) и «практического» его жизнедеятельности. Эта миссия образования касается, в первую очередь, духовной составляющей культуры. И в каждой целостной культуре она реализуется специфически, через свой особенный мировоззренческий стержень и прорастающие из его основ формы образования.

Итак, онтологически гармония «миров малого» воспроизводится в модели и конструктах целостного мировоззрения. В этом плане важнейшей стороной онтологии этноса как «мира малого» – уникальной социальности целостно-синкретичных культур – является его открытость личностной трансценденции, «прорывающей» эмпирического этнического субъекта к сферам вечного, абсолютного, бесконечного в его повседневной жизни. В реалиях идеалополагания и мифотворчества мировоззренческого трансцендирования человек как микрокосм бытия становится в «этносоциальном» соразмерным «сакральному».

Онтологическая мера сакрального здесь предстает сущностной трансформацией хронотопа бытия. Его пространственно-временная структура не знает ни прошлого, ни настоящего; пространство-время обратимо, вечно и непрерывно. Ритуал как способ приобщения к мифологическому бытию задает событию и ритуальному действию двоякую размерность – человеческую и трансцендентную. За текучим, преходящим, профанным в нем скрывается мир единого, непрерывного, самотождественного бытия, мир сакрального пространства-времени. Через ритуал как «духовно организованную» сакральную форму проявления «практического» мифологического мировоззрения эмпирический субъект традиционной этнической культуры – отдельный человек – обретает уверенность в себе. Через социальное чувство этнической принадлежности человек повышает ценность собственного бытия, ощущает гармонию родства душ, реализующуюся в этнической коммуникации. Обычаи, обряды и ритуальные действия этнической традиции оживляют в памяти и чувствах человека коллективные социальные ценности, закрепленные историческим опытом онтологически значимые формы

жизнедеятельности. «На уровне *высшего социального чувства* (выделено мной. – *М.А.*), – справедливо отмечает А.Ф. Еремеев, – закреплен общественный опыт, его историческое применение, оберегаются те ценности, которые действительно благотворны для человека данного общества» [10]. Таким образом, через мифотворчество и идеалополагание в процессах этнической социализации и инкультурации образуются экзистенциально значимые качества человека и культивируется образ его жизни; традиционный этнос осуществляет идентификацию, самосохранение и «о-граждает» себя, формируя свой особенный, целостный, устойчивый и защищенный мир.

Понятно, что представленная модель экзистенции и обозначенные в ней позиционные структуры социальности сущностно проявляются и обретают свое полноценное самовыражение цельности бытия исключительно в исторической традиции, далеко за пределами реалий современной цивилизации и ее глобальных ритмов. Традиционные этнические целостности даже в аспектах меры их темпоритмов архаичны для бытия современного мира. При их оценке прагматик озадачится рядом вопросов практического интереса: необходимо ли, и если да, то в каких формах и в какой мере, сохранять архаику этнической традиции в современной жизни? Теоретик заинтересуется вопросами форм бытования и выживания исторической традиции; проблемами соизмеримости этнических традиций и цивилизационных новаций. Заинтересуется вопросами оснований возможных коммуникаций столь различных культур и рисков ассимиляции. Практику станет интересным вопрос полезности сегодняшнему дню такой коммуникации и ее перспектив. А с ним – внимания глобальной цивилизации к подобной исторической ретроспективе, к концептуальным обоснованиям самоценности традиционной культуры локальных миров, этноса как «мира малого». Безусловным при всем этом является одно: только внимательное отношение к исторической памяти, культурной традиции «социального» поможет выстроить конструктивный взгляд в будущее, сберечь качество жизни его от угроз его разрушения. В этом плане несомненным представляется то, что сам взгляд в будущее обязан быть родом из прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова, Н.Т.* Возможно ли единство разнообразия: модели идентичности и догматизм сознания / Н.Т. Абрамова // Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. – М. : ИФРАН, 2010. – С. 168–197.

2. *Агаджанян, Н.А.* Качество жизни / Н.А. Агаджанян // Глобалистика : энцикл. В 4 т. Т. 2. – М., 2003. – С. 433–434.

3. *Арутюнян, М.П.* Феномен мировоззрения / М.П. Арутюнян. – Хабаровск, 2006. – 322 с.

4. *Арутюнян, М.П.* Онтология этноса как «мира малого» / М.П. Арутюнян // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 71–78.

5. *Ахутин, А.В.* Поворотные времена / А.В. Ахутин. – СПб. : Наука, 2005. – 743 с. – (Серия «Слово о сущем»).

6. *Баксанский, О.Е.* Когнитивные медиаинструменты сохранения культурного многообразия / О.Е. Баксанский // Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. – М. : ИФРАН, 2010. – С. 98–126.

7. *Бек, У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек. – М., 2007. – 464 с.

8. Более безопасный мир: наша общая ответственность : докл. Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. Организация Объединенных Наций // Безопасность Евразии. – 2005. – № 1 (19) – С. 164.

9. *Гиренок, Ф.И.* Клиповое сознание / Ф.И. Гиренок. – М. : Проспект, 2016. – 256 с.

10. *Еремеев, А.Ф.* Первобытная культура: происхождение, особенности, структура : курс лекций. В 2 ч. Ч. 1 / А.Ф. Еремеев. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1996.

11. *Зиновьев, А.А.* Логическая социология : избранные сочинения / А.А. Зиновьев. – М., 2008. – 602 с.

12. *Ильин, Н.П.* Трагедия русской философии / Н.П. Ильин. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 608 с. – (Библиотека истории и культуры).

13. *Каменская, Г.В.* Качество жизни / Г.В. Каменская // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. – М., 2010. – С. 237–238.

14. *Кармин, А.С.* Философия : учеб. для вузов / А.С. Кармин, Г.Г. Бернацкий. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2009.

15. *Кастельс, М.* Могущество самобытности / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. – М., 1999.

16. Конфликты и согласие в современной России (Социально-философский анализ). – М., 1998. – 160 с.

17. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

18. *Лифшиц, Р.Л.* Качество жизни как понятие социальной философии / Р.Л. Лифшиц // Формирование мировоззрения как фактор оптимизации качества жизни : сб. науч. тр. / под ред. Ю.И. Маховой. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПУ, 2013. – С. 15–24. (Работа выполнена по тематическому плану и при финансовой поддержке МОиНРФ; регистрационный номер: 6.7778.2013.)

19. Проект Россия. – М., 2011. – 384 с.

20. *Олескин, А.В.* Сетевые структуры и задача сохранения этнической и региональной идентичности в условиях глобализации / *А.В. Олескин* // Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия. – М. : ИФРАН, 2010. – С. 51–75.

21. *Парсонс, Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс. – М., 1997.

22. *Пивоваров, Д.В.* Онтология религии / Д.В. Пивоваров. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 244 с.

23. *Рудецкий, О.А.* Феномен этнического как форма социального бытия / О.А. Рудецкий // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 103–112.

24. *Самохвалова, В.И.* Восток и Запад: о различии идеологических векторов в культуре / В.И. Самохвалова // Ориентиры… Вып. 6. – М. : ИФРАН, 2010. – С. 121–145.

25. *Сердюков, Ю.М.* Контуры трансцендентального опыта / Ю.М. Сердюков. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – 255 с.

26. *Сыроедова, А.* Мир малого. Опыт описания локальности / А. Сыроедова. – М. : ИФРАН, 1998. – 121 с.

27. Формирование мировоззрения как фактор оптимизации качества жизни : сб. науч. тр. / под ред. Ю.И. Маховой. – Комсомольск-на-Амуре : Изд-во АмГПУ, 2013. – 208 с. (Работа выполнена по тематическому плану и при финансовой поддержке МОиНРФ; регистрационный номер: 6.7778.2013.)

28. *Фукуяма, Ф.* Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М., 2008. – 474 с.

29. *Фукуяма, Ф.* Доверие / Ф. Фукуяма. – М., 2008. – 730 с.

30. *Фукуяма, Ф.* Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М., 2005. – 588 с.

31. *Хейзинга, Й.* Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир : эссе / Й. Хейзинга. – СПб., 2010. – 456 с.

32. *Arutiunian, M.* «Ecologizing» Education in Russia / M. Arutiunian // What Works : A Guide to Environmental Education and Communication Progects for ractitioners and Donors / Edited bu Martha C. Monroe. – New Socicty Publishers, 1999.

33. *Arutyunian, M.* Worldoutlook Context of Education and Problems of Intercultural Communication / M. Arutyunian // Культурно-экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной Азии : материалы Второго междунар. симпозиума (18–19 мая 2006 г.). В 2 т. Т. 2. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2006.

34. Teaching Kinds to Love the Earth / M.L. Herman, J.F. Passineau, A.L. Schimpf, P. Treuer. – Prefer – Hamilton Publishes, 1991.

35. *Mies, T.* Weltanschauung / T. Mies // Enzyklopadie Philosophie. Band 2 – O – Z / Unter Mitwirkung von Detlev Patzold, Armin Regenbogen und Pirmin Stekeler-Weithofer, herausgegeben von Hans Jorg Sandkuhler. – Felix Meiner Verlag, Hamburg.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ (ЭТНИЧЕСКОЙ) ПОЛИТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Е.Ю. Довгополов

Довгополов Егор Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, юрист Центра исследований проблем российского права (г. Москва).

Контактный адрес: Degor@pochta.ru

В статье анализируются объективные условия, являющиеся предпосылками институционализации национальной (этнической) политики на Дальнем Востоке России. На примере Хабаровского края и Еврейской автономной области рассмотрено взаимодействие управления этническими процессами с регулированием миграционных процессов, что позволяет сделать вывод о формировании в регионе институциональной системы этномиграционной политики. Несмотря на то что региональные сюжеты свидетельствуют об объективном учете органами государственной власти и местного самоуправления вызовов этнической миграции, тем не менее ситуация остается напряженной вследствие воспроизводства оттока с дальневосточных территорий старожильческого населения. В свою очередь, этническая миграция провоцирует этнический сдвиг, формирующий межэтническую напряженность. Обосновано, что образующийся конфликтогенный потенциал институционализации национально-этнической политики является результатом противоречия между региональной политикой и неопределенностью федеральной стратегии по отношению к Дальневосточному региону.

Ключевые слова: Дальний Восток, демографический фактор, институционализация, институты национальной (этнической) политики, национальная политика, этническая миграция, этническая политика, этнонациональный, этнополитические элиты.

Дальневосточный регион в настоящее время рассматривается в системе приоритетов государственного развития России. «Только в самые последние годы в обществе и в руководстве страны стало формироваться понимание истинной особой роли Дальнего Востока в судьбе будущей России. Начали появляться серьезные политические заявления, проекты различных программ, попытки разработки долгосрочной стратегии развития этого региона» [12: с. 79]. Однако, как справедливо полагает известный дальневосточный политолог И.Ф. Ярулин, «…возрастающий интерес продолжает по инерции реализовываться преимущественно в системе устаревших представлений, оценок, решений, которые приходят в острое противоречие с тем, что в действительности происходит во всей стране и на Дальнем Востоке» [12: с. 79]. Именно поэтому «Если Россия действительно заинтересована в том, чтобы и в XXI в. оставаться азиатско-европейской страной, максимально использующей выгоды территориально-пространственного, природоресурсного и геополитического характера, то ей нужна принципиально новая региональная политика. Основой этой политики должны стать оценки и решения, освобожденные от груза устаревших представлений и основанные на принципах реалистичности и прагматизма» [12: с. 79].

Важнейшей составляющей эффективной региональной политики является этническая политика (этнополитика). Этнический фактор весьма значим и актуален для всех уровней власти, особенно для органов местного самоуправления, ибо последние призваны осуществлять непосредственную регуляцию межэтнических взаимодействий на локальном уровне регионального пространства. Поскольку во многих государствах, в том числе и в России, трудно отыскать моноэтнический состав населения, то несомненно, что сфера этнополитики – это не только забота территориально-национальных образований, выстроенных по этническому признаку, но и повседневная деятельность всех без исключения управленческих институтов и институтов гражданского общества. Именно поэтому для интеграции их совместных усилий разработана и введена в действие Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., на основе которой должно осуществляться управление межэтническими и этноконфессиональными отношениями [18]. Между тем успешная реализация Стратегии предполагает совершенствование старых и формирование новых институтов национальной (этнической) политики. Цель настоящей статьи – выявление основных предпосылок, которые определяют характер и направленность институционализации этнической политики на Дальнем Востоке России.

Необходимость институционализации соответствующего вида политических отношений исторически обусловлена потребностью в достижении эффективности управления социальными процессами. И в этом обстоятельстве должна заключаться основная предпосылка институционализации какого-либо вида политической деятельности. Если речь идет об этнонациональных процессах, то в их

содержании особую значимость получают те связи и отношения, которые замыкаются на проблеме институционализации политической власти, определяющий ее функционирование, изменение и модернизацию применительно к управлению межэтническими отношениями. Этнополитика, как и политика в целом, является контрольно-регулятивной сферой, придающей направленность жизнедеятельности национальных и этнических общностей, а также их отношениям между собой (согласие, подчинение, господство и конфликт). К этнической политике также относятся и способы взаимодействия между людьми различной национальной и этнической принадлежности (культура, язык, менталитет, традиции и обычаи).

В целом же следует отметить, что для объяснения сущности этнической политики необходимо, прежде всего, выявить те исходные принципы, которыми она руководствуется или на которые, по крайней мере, ориентируется. Именно их вариации и определяют различные виды этнополитики. Исходя из вышеизложенного, не составляет особого труда объяснить, почему, например, в процессе национально-этнического развития огромную роль начинают играть этнократические силы: они превращают стихийный процесс в сознательно регулируемые мероприятия, служащие мощным инструментом политической борьбы. В такой ситуации вполне естественный, хотя и противоречивый процесс национально-этнического развития превращается в нечто надуманное, служащее исключительно корпоративным, эгоистическим групповым целям, провоцирующим и стимулирующим этнонациональную предубежденность, недоверие и этнофобию [21: с. 183].

С тем чтобы понять логику вышеуказанной трансформации, обратимся к постмодернистской парадигме трактовки политической власти, которая, по мнению российского политолога А.С. Панарина, «…начисто исключает такие "романтические" понятия, как конечные цели политики, ценности, во имя которых она осуществляется, общественные интересы, которым она призвана служить» [16: с. 140]. Как полагает А.С. Панарин, «Политика здесь выступает как игра профессионалов, сделкой которых является выигрыш как таковой, т.е. власть в качестве самоценной категории, и внимание которых всецело поглощено не "публикой" (избирателем), а партнерами по игре» [16: с. 140].

Из вышеизложенного вытекают следующие выводы, связанные с мотивацией действий субъектов этнополитики, рассматриваемой в дискурсе постмодернистской социально-политической мысли.

Во-первых, идейно-ценностная ориентация субъектов этнополитики – это скорее ограничитель (тормоз, барьер), который связывает конкретных политических игроков в выборе алгоритмов и технологий, жизненно необходимых для выигрыша. Это ведет в той или иной степени к утрате способности уделять внимание игре: «…отвечать на ходы партнера адекватными ходами, менять поведение в зависимости от ситуации, мобилизовать новые источники поддержки и отказываться от старых, неэффективных» [16: с. 140]. Ведь «Полноценно участвовать в игре – значит мобилизовать нужные ресурсы, невзирая на их происхождение, и вступать в коалиции, которые ценностно ориентированному сознанию показались бы предосудительными» [16: с. 140]. Такова, например, двойственная природа коммунистической партократии, осуществлявшей этнополитику в государствах социалистического лагеря. Она подчиняла национально-этнические процессы системе своего господства, поддерживая определенную стабильность, при которой, с одной стороны, происходило под лозунгами интернационализма развитие многих народов и их сотрудничество, а с другой, проводилась шовинистическая политика, сопровождавшаяся репрессиями и дискриминацией. После крушения коммунистической системы бывшая партократия в своей значительной части возглавила процессы суверенизации во вновь образованных на основе стран социалистического лагеря государствах. Так поступила, в частности, советская партократия. «Отбросив интернационализм и взяв на вооружение этнонационалистическую идеологию, она повела эти процессы в направлении приватизации власти и других ресурсов в новых национальных государствах, провозглашая приоритетные права так называемых коренных (титульных) этносов, что привело к образованию дискриминируемых меньшинств, массовому оттоку русскоязычного населения, разрушению интернациональной культуры межэтнического (межнационального) общения» [8: с. 171]. Что касается постсоветской России, то элиты национальных республик воспроизводили «на местах» модель политических и социальных сообществ мобилизационного, авторитарного типа [1: с. 138]. Таким образом, постмодернистский подход выявляет противоречие между политической эффективностью и ценностной, мировоззренческой ориентацией этнополитики.

Во-вторых, этнические, национальные общности со своими потребностями и интересами, этнокультурное и этносоциальное пространство в целом являются средствами давления на партнера – игрока. Как справедливо полагает А.С. Панарин, «В модернистской системе "среда" ("народ", "избиратели") тоже рассматривалась как политически несуверенная, как средство. Но это средство выступало не в контексте самоценного процесса производства власти как таковой или простого козыря в политической игре, а в контексте высших миро-

спасательных целей – прогресса, построения "великого общества" и т.п. Идентификация с той или иной "высшей необходимостью" не исключала политического профессионализма, не уменьшала, а, напротив, усиливала политическую эффективность актора. Теперь же, напротив, всякая добросовестная идентификация с высшими целями считается признаком непрофессионализма и в самом деле выводит политика из круга игроков "высшей лиги"» [16: с. 141]. На основании такого подхода становятся понятны процессы этнополитической мобилизации, разыгрывания «этнической карты» противоборствующими политическими элитами.

В-третьих, из логики постмодернистского подхода следует, что статус, т.е. место и роль индивидов, групп и организаций, в системе этнической политики является исключительно результатом «…специфического политического производства, в котором, с одной стороны, генерируются события, создающие поле игры, с другой – задействованы игроки, вынужденные подтверждать свой статус (репутацию) постоянным участием в соревновании по переработке "сырья" событий в "конечный продукт" – политические акции и решения» [16: с. 141]. Данное обстоятельство предполагает существование и функционирование в системе этнополитики особого слоя этнополитических предпринимателей – этнических антрепренеров, «…статус которых аналогичен статусу обычных рыночных предпринимателей в том, что он не является гарантированным, а требует перманентного воспроизводства в ходе взаимодействия с потребителями и конкурентами» [16: с. 141]. Отсюда – мотивация и стремление к «изобретению», «внедрению», «запуску» с последующим функционированием всевозможных организационно-управленческих, общественно-политических и социально-культурных структур (министерства, агентства, управления, партии, общественные объединения, национально-культурные автономии, этнокультурные ассоциации, фронты, движения и т.п.). При этом, чтобы получить искомую «прибыль» – политическое влияние, этнические антрепренеры постоянно генерируют спрос на него, провоцируя события, требующие, в глазах публики, политического вмешательства и политических решений. Этнополитические события – это приглашение профессионалам-бюрократам, профессионалам-чиновникам, профессионалам-антрепренерам, т.е. всей совокупности этнических предпринимателей, поучаствовать в новых соревнованиях на предмет мобилизации этнической идентичности. Как справедливо отмечает А.С. Панарин, «Парадоксальность постмодернистской системы состоит в том, что она сознательно генерирует конфликты и трения, ибо они создают новый спрос на политику. Расширение спроса означает и расширение предложения, т.е. рост числа продавцов политического товара и новые формы увлекательного соревнования между ними» [16: с. 141].

Эвристическая ценность неомодернистской парадигмы институционализации этнополитики мультиплицируется обращением к неоинституционалистскому подходу, который, базируясь на парадигме социального конструктивизма, трактует социальные институты как относительно устойчивые социальные практики и признает совокупность когнитивных схем, смыслов и значений как важную составляющую процесса институционализации, которая представлена не институтами как таковыми, а «культурными основаниями» процессов институционализации [5: с. 147–148]. Различая институциональные практики и культурные основания институционализации, можно полагать, что на базе последних могут воспроизводиться достаточно устойчивые социальные практики применительно и к управлению этнополитическими процессами. Так произошло, в частности, с опытом этнополитики в западно-европейских и североамериканских государствах, воспринявших и реализовавших ценности мультикультурализма. Например, обобщение канадского опыта позволяет увидеть, что декларации о признании культурного многообразия объективировались в конкретные социальные институты гарантированной поддержки государства этнических меньшинств. Кроме того, признание и обеспечение многокультурности заключались в реальных политических действиях, направленных на создание институтов поддержания и развития взаимодействия между различными культурами [6: с. 148].

Таким образом, вышеприведенный анализ позволяет выявить следующие составляющие представления об институционализации этнополитики как виде политической институционализации.

1. Институты этнической политики формируются и развиваются под влиянием доминирования в правящих элитах определенных «культурных оснований» институционализации в виде мировоззренческих ценностей, рациональных подходов и знаний, под влиянием которых складываются определенные смыслы, представления и поведенческие установки. Как свидетельствует опыт мультикультуралистской политики, она включила в себя значительные по масштабам государственного содействия институты реализации мультикультуралистской идеологии. Если говорить о советском опыте, то налицо этнополитическая институционализация как продукт мировоззренческого видения коммунистической элитой национально-этнических отношений сквозь призму классовой борьбы и интернационализма в сочетании с политическими интересами административно-имперского управления многонациональным государством.

2. Постмодернистская парадигма содействует пониманию феномена «этнического предпринимательства», которое включает в себя акции по воспроизводству, в том числе, и институтов, необходимых для поддержания конструируемой этнополитической реальности. В таком случае этническая политика институционализируется в большей степени не как ответ на общественные вызовы, но как корпоративный вариант этнополитической мобилизации, осуществляемой в интересах самосохранения и самовоспроизводства политических элит. Отсюда несоответствие объективным интересам этнических общностей, дисбаланс идентичностей (прежде всего, гражданской и этнической), а также огромный массив этнополитической конфликтности, порождаемый дискриминацией, сепарацией и этническим национализмом.

3. Формирование новых этнополитических институтов определяется тем, что властные группы нередко вынуждены разрабатывать и реализовывать соответствующие политические практики в связи с объективной необходимостью реагировать на новые общественные вызовы, стремясь исходить, прежде всего, из своих корпоративных интересов. В связи с этим целесообразно предположить, что одним из основных противоречий, процесс разрешения которого служит источником развития этнополитической институционализации, является противоречие между стремлением к воспроизводству и самосохранению элит, выражающимся в конструировании выгодной для себя этнополитической реальности, и необходимостью реагирования элит на общественные вызовы в сфере национально-этнических взаимодействий. Именно поэтому, как справедливо полагает В.А. Ачкасов, «…акцентировать внимание только на действиях элит, преследующих собственные выгоды, было бы ошибкой», так как «…реальная ситуация не всегда позволяет результативно осуществлять стратегию этнопредпринимательства и манипулировать этносами» [2: с. 43]. Итак, можно заключить, что этнополитическая институционализация общества не исчерпывается только лишь стремлением к выражению и регулированию групповых интересов. Следовательно, политические элиты нередко заинтересованы в достижении соответствующего качества управления национально-этническими процессами. Последнее же предполагает совпадение, в известном смысле, интересов правящих элит с объективными интересами развития общества в сфере национально-этнических отношений.

С учетом вышеизложенного целесообразно рассмотреть ту ситуацию, которая складывается с точки зрения последствий политики, проводимой государственной властью на Дальнем Востоке России. С одной стороны, конечно же, реальность свидетельствует о наличии весьма серьезных объективных предпосылок для формирования национально-этнической напряженности. Так, одной из ее составляющих является демографический фактор, последствия воздействия которого возникают в виде резкого уменьшения численности старожильческого населения на фоне этнического сдвига, ведущего к заметному увеличению численности этнических мигрантов [12: с. 79–90].

Что касается советского периода, то миграция была подчинена задачам расширения геополитического пространства и подъема народного хозяйства, что проявлялось преимущественно в перемещении населения из сельской местности в городскую и из трудоизбыточных западных районов страны в трудодефицитные северные и восточные районы. С началом рыночных преобразований, как отмечает известный дальневосточный исследователь Е.Л. Мотрич, демографический потенциал российского Дальнего Востока, сформированный в советское время, подвергся необоснованному разрушению. «Нынешний кризис воспроизводства населения в регионе проявился одновременно в двух проекциях: в депопуляции (естественной убыли) населения вследствие превышения смертности над рождаемостью и миграционном оттоке населения» [12: с. 81]. «Максимальная численность населения на Дальнем Востоке – 8056,6 тыс. чел. – была зафиксирована на 1 января 1991 г. С этого времени численность дальневосточников стабильно снижается. За период 1991–2008 гг. регион потерял 1 596,5 тыс. чел., или 19,8 % собственного населения. Ни один из федеральных округов России до этой отметки не опускался. Лидирующую роль в процессе сокращения численности населения сыграл миграционный отток населения, многократно превышающий его естественную убыль. Это уже был тревожный сигнал, свидетельствовавший о начале крушения населенческой политики на Дальнем Востоке России» [14]. В Дальневосточном федеральном округе на 1 января 2015 г. проживало 6211,4 тыс. чел., что на 1,3 % меньше, чем в 2010 г. После Всероссийской переписи населения 2010 г. убыль населения продолжалась только в Дальневосточном и Приволжском федеральных округах. За весь период, т.е. от начала стабильного сокращения численности населения (1991–2014), число жителей в ДФО уменьшилось на 22,9 %, или на 1845,2 тыс. чел., таким образом, за эти годы регион потерял более чем каждого пятого своего жителя [13: с. 6].

В этих условиях происходит этническая миграция. Вследствие оттока населения, который сказывается на обеспечении народно-хозяйственного комплекса рабочей силой, возникает необходимость ее замещения привлеченными трудовыми ресурсами из стран СНГ и дальнего зарубежья. Как

указывает Е.Л. Мотрич, «В общем миграционном потоке в Россию из стран СНГ на долю ДФО приходится по прибывшим 3,7 %, по выбывшим – 5,7 %. Наиболее популярными для представителей стран СНГ являются Камчатский, Приморский и Хабаровский края … Результативность миграционных связей Дальнего Востока высокая со странами СНГ – Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией. Соотношение прибывших из них к выбывшим составляет 10:1. Их численность за межпереписной период 2002–2010 гг. увеличилась: таджиков – в 2,3 раза, узбеков – 3,4 раза, киргизов – 3,8 раза. Таким образом, миграция становится все более инокультурной: славянской миграции, которую имел регион, уже нет и, как показывает практика, не будет» [13: с. 12]. Как справедливо полагает И.Ф. Ярулин, процессы этнической миграции могут вполне привести к ситуации этнического сдвига – замещения одной этнической группы другой/другими с соответствующим созданием новой этносоциальной и этнокультурной среды [12: с. 89]. В таком контексте целесообразно согласиться с А.М. Кузнецовым, обращающим внимание на то, что «…сегодня современная этнополитическая ситуация региона существенно меняется и в ней возникают новые риски и угрозы. Не случайно, даже зарубежные исследователи характеризуют наш регион как зону риска. Указанные особенности Дальнего Востока России определяют и специфику протекания здесь процесса этнотрансформации в сравнении не только с зарубежными странами, но и с такими регионами России, как Поволжье и Кавказ» [10: с. 75].

Итак, разнообразные по видам и содержанию этномиграционные процессы в Дальневосточном регионе, характеризующиеся интенсивным и масштабным притоком этнических мигрантов, приводят к возникновению комплекса противоречий, разрешение которых становится неотложной практической задачей социальной и этнической политики на федеральном и региональном уровнях. Вследствие этого возникает вопрос о том, каков характер этнополитического реагирования органов государственной власти на Дальнем Востоке России на вызовы этнической миграции.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 г., в качестве одной из важных задач декларируется содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом. В рамках реализации этой задачи определяется такое направление, как содействие развитию в обществе культуры межнациональных и межрелигиозных отношений, формирование у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости [9]. Отвечая на федеральный посыл, власти дальневосточных территорий на общественно-политическом уровне стимулируют образование и функционирование институтов национально-культурной автономии, а также автономных некоммерческих организаций, выступающих формами самоопределения этнических меньшинств [5: с. 148].

Так, в 2011 г. тринадцать национальных объединений образовали филиал Ассамблеи народов России в Хабаровском крае, подписав совместный документ – декларацию с признанием в качестве приоритетов своей деятельности защиту прав каждого жителя на свое этнокультурное развитие [17]. В 2012 г. на базе данной структуры организована Ассамблея народов Хабаровского края [19: с. 297], объединяющая общественные организации представителей как местных этнических общностей, так и диаспор, сформировавшихся из граждан среднеазиатских стран СНГ. Такого типа объединения декларируются властями как институты гражданского общества, являющиеся главным партнером региональной исполнительной власти в части реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Их значимость, как справедливо полагают хабаровские исследователи А.С. Ким и Т.В. Пономаренко, «…состоит в … возможностях по воспитанию этнических индивидов как граждан единого и целостного национального сообщества, налаживанию межкультурного диалога и межэтнической интеграции» [7: с. 170]. Справедливости ради следует отметить, что есть примеры, подтверждающие это. Так, в рамках деятельности Ассамблеи народов Хабаровского края проводятся различные этнокультурные мероприятия, крупные мероприятия полиэтнического характера, акции предупреждения межэтнической напряженности и конфликтов. Здесь следует обратить внимание на одну из наиболее заметных акций – участие в проведении обряда примирения узбекской и киргизской диаспор «Плов примирения» [19: с. 298].

Сходная с Хабаровским краем по направленности деятельность проводится и в соседней Еврейской автономной области. «Действенным фактором развития в области культуры межэтнических отношений является проводимая в этом направлении региональными органами государственного и муниципального управления политика. При губернаторе ЕАО создана и функционирует комиссия по вопросам гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, информационному противодействию экстремизму и терроризму. В состав комиссии наряду с госслужащими входят представители всех зарегистрированных в области

национальных общин, работники сферы культуры и образования, ученые, религиозные и общественные деятели. Подобные комиссии действуют и при органах местного самоуправления области. На заседаниях комиссий обсуждаются актуальные для различных диаспор вопросы, вырабатываются предложения и рекомендации в адрес органов, компетентных принимать и осуществлять решения, направленные на гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений» [15: с. 90].

Кроме того, в процессе согласованной деятельности существующих национальных общин, других общественных организаций, государственных органов управления и местного самоуправления представители различных этнических групп региона получают возможность для удовлетворения своей самобытности в сферах предпринимательской деятельности, культуры и самоуправления. Стали популярными регулярные фестивали еврейской культуры, «Русь многоликая», «В семье единой», спортивные соревнования команд, сформированных из представителей разных национальностей. По инициативе студентов Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема в 2015 г. проведен фестиваль «Этносфера», на котором была представлена этническая самобытность различных диаспор. Массовыми стали мусульманские праздники «Курбан-байрам», «Навруз» и др. Власти автономной области через СМИ официально поздравляют жителей области с Новым годом, Рождеством Христовым, еврейскими праздниками «Пейсах» и «Ханука», Новым годом по лунному календарю. Таким образом, сочетание властями региона различных форм межэтнического взаимодействия способствует установлению в Еврейской автономной области позитивных межэтнических отношений [15: с. 91].

В институциональном плане в Еврейской автономной области на позитивное решение вопросов этнической политики влияет и деятельность структур управления миграцией. Как отмечает исследователь Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема Е.В. Титова, «В Еврейской автономной области сложилась и достаточно полноценно функционирует система органов власти, занимающихся вопросами нормативно-правового регулирования трудовой миграции» [20: с. 86]. Вместе с тем, по мнению Е.В. Титовой, существует ряд проблемных задач, для решения которых необходимо построить систему механизмов регулирования процессов адаптации трудовых мигрантов в области. Как полагает вышеупомянутый ученый из Еврейской автономной области, основную роль в формировании и реализации миграционной политики играют две группы механизмов.

Первую из них составляют механизмы административно-правового контроля, предполагающие совершенствование миграционного законодательства, наведение порядка в сфере трудовой миграции посредством сокращения теневого использования иностранных работников и максимального обеспечения потребностей экономики в местных трудовых ресурсах, переход к организованной системе использования иностранной рабочей силы путем привлечения в Россию квалифицированных трудовых мигрантов, обеспечение полномасштабного контроля за исполнением миграционного законодательства [3].

Вторую группу составляют этнокультурные механизмы (например, приобщение трудовых мигрантов к культурным традициям региона проживания; воспитание чувства культурной и этнической идентичности; развитие образовательных, языковых программ по улучшению уровня адаптации трудовых мигрантов и гармонизации межэтнических отношений; приобщение местной молодежи к проблемам адаптации и интеграции мигрантов; увеличение количества этнокультурных мероприятий в области; создание локальных функциональных центров, занимающихся вопросами адаптации и интеграции трудовых мигрантов) [20: с. 86].

Таким образом, как в Хабаровском крае, так и в Еврейской автономной области происходит системная увязка управления этническими и миграционными процессами, что позволяет сделать вывод о формировании в регионе институциональной системы этномиграционной политики. Рассмотренные региональные сюжеты свидетельствуют об объективном учете органами государственной власти и местного самоуправления вызовов этнической миграции, обусловливающих в известной степени межэтническую напряженность.

Вместе с тем, как справедливо полагает Е.Л. Мотрич, анализ динамики населения в Дальневосточном регионе позволяет сделать вывод, «что на восточных рубежах страны не все спокойно» [13: с. 12–13]. По ее мнению, «…необходимо решить вопрос о том, рассматриваются ли восточные районы страны как территория, откуда не просто намерены выкачивать природные ресурсы и которые используются как стратегический плацдарм в бассейне Тихого океана, но как район, с которым связываются серьезные и длительные надежды в смысле организации нормальной жизни людей, как район, на который будет приходиться значительная часть интересов общества» [13: с. 13].

Нерешенность вышеобозначенного вопроса свидетельствует об определенной рассогласованности федеральных и региональных институтов национальной (этнической) и миграционной политики. По сути дела, органы региональной и местной вла-

сти вынуждены формировать политико-общественные институты, во многом исходя из реалий так называемого этнического сдвига, вызванного миграционными процессами и негативной демографической ситуацией. Что касается федерального центра, то, с одной стороны, он принимает определенные меры по развитию дальневосточных территорий. Речь идет, например, об утверждении на заседании подкомиссии Правительства РФ в начале 2015 г. параметров первых трех территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), что свидетельствует о признании необходимости масштабных проектов по социально-экономическому развитию Дальнего Востока [7: с. 168–169]. Кроме того, Правительство РФ утвердило Концепцию развития приграничных территорий Приморского и Хабаровского краев. На сертификаты для переезда на Дальний Восток из бюджета выделят 450 млн руб., предпринимателям упростят процедуру выдачи земли. Предполагается, что переселенцы будут развивать туризм, заниматься сельским хозяйством, пчеловодством, создавать новые рабочие места [11].

С другой стороны, как справедливо полагает директор Института международного бизнеса и экономики Владивостокского государственного университета экономики и сервиса А. Латкин, закономерно возникает вопрос о том, заработает ли программа. «Ведь сколько проектов по развитию региона уже провалилось!» [11]. По предложению А. Латкина в 2015 г. была создана экспертная группа, которая посетила Приморский и Хабаровский края. В результате было выявлено, что в настоящее время для приграничного сотрудничества с российской стороны не сделано ничего и ситуация стала даже хуже, чем 20 лет назад. Хотя с каждым годом на таможенных переходах идет увеличение туристического потока [11]. Реальные примеры показывают наличие серьезных бюрократических барьеров на пути реализации Концепции развития приграничных территорий. Так, в Хасанском районе Приморья предприниматели провели научную экспертизу проекта предприятия по выращиванию женьшеня, которая подтвердила благоприятность условий для выращивания женьшеня на хасанских направлениях. Однако предприятие не было запущено по причине невозможности оформления земли. Подобные ситуации, по мнению экспертной группы, имеют широкое распространение. Поэтому программа должна не только привлекать рабочих, но и позволить талантливым и предприимчивым людям без помех войти в сельскохозяйственный и производственный процесс. Нужны высокие гарантии для того, чтобы все вложенное или созданное завтра не было отнято новыми указами, чтобы не изменялись условия налогообложения [11].

Недостаточность гарантийных механизмов реализации проектов развития Дальнего Востока, инициированных федеральной властью, приводит, в свою очередь, к тому, что Стратегия государственной национальной политики в данном регионе осуществляется преимущественно в тех направлениях, которые в большей степени связаны с реакцией на этническую миграцию, а не с регулированием отношений между русским и другими народами, проживающими на Дальнем Востоке России. Именно формирующееся вследствие вышеупомянутой рассогласованности противоречие и составляет, на наш взгляд, основное противоречие институционализации национальной (этнической) политики на Дальнем Востоке России. При этом «…на большинстве территорий Дальнего Востока России нет внутренних базовых факторов, воспроизводящих этническую и культурно-религиозную основу созревания межнациональных конфликтов. Уже в XIX в. здесь стало складываться особое дальневосточное полиэтнокультурное пространство, которое основывалось на российской национально-государственной общности. В приращении Дальнего Востока к России, его освоении как российской территории заключалась значимость пребывания и жизнедеятельности переселенцев. Данное обстоятельство является … идентификационной основой, интегрирующей российское дальневосточное полиэтнокультурное сообщество» [4: с. 57].

Как справедливо полагает известный дальневосточный этнополитолог А.С. Ким, «…на Дальнем Востоке практически не ощущается феномена титульного, коренного этноса, что обусловлено полиэтнично-миграционным со времен царской России и СССР составом его населения. Представители коренных этносов (нанайцы, удэгейцы, орочи, эвены, эвенки и др.) в силу своей малочисленности и проживания в труднодоступных районах традиционного природопользования не занимают в системе региональной социально-экономической и политической стратификации значимых диспозиций. Поэтому применительно к Хабаровскому краю, как и ко всему российскому Дальнему Востоку, уместно говорить не об автохонном, а о старожильческом (местном) населении, которое вследствие этноассимиляционного происхождения (пусть и преимущественно на основе славянского субстрата) в известной степени обладает толерантными установками» [7: с. 214–215]. Следовательно, не приходится говорить о сложившихся этнополитических элитах как преобладающего русского населения, так и коренных малочисленных народов и этнических меньшинств, проживающих в составе местного населения. А раз так, то нет оснований полагать наличие объективных предпосылок для институционализации напряженности, генерируемой политизированной этнической идентичностью.

Вместе с тем демографический фактор, несомненно, негативно влияющий на социально-экономическое развитие Дальнего Востока, представляет и серьезную угрозу с точки зрения формирования конфликтных моментов, связанных с возможностью институционализации возрастающих по численности миграционных потоков. Местное население, убывающее как по абсолютной, так и по относительной численности, перестает быть фактором поддержки гражданской и культурной идентичности российской территории. На фоне оттока «старожилов» вероятны значительные изменения в статусных и ролевых позициях, формирование компактного и анклавного этнического расселения, этническая монополизация различных сфер предпринимательской деятельности. Диаспоризация миграции, проявляющаяся в закрытости этнических общин, этноклановой организованности и сплоченности, воспроизводит отличные от местного населения интересы и ориентации, что в конечном счете приведет к трансформации миграционных сообществ в институты поддержки этнокультурной идентичности и возможности быстрой мобилизации всех факторов этнического потенциала. И неудивительно, что может возникнуть ситуация, когда группы «новоселов» начнут требовать не только использования своих языков и традиций, но и «новых» институциональных систем права и политики. В вышеохарактеризованном обстоятельстве заключается, на наш взгляд, конфликтный потенциал институционализации региональной национальной (этнической) политики, формирующийся в результате известной рассогласованности последней с действиями федеральной власти по стратегическому развитию Дальневосточного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ачкасов, В.А.* «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России / В.А. Ачкасов, С.А. Бабаев. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского филос. о-ва, 2000. – 145 с.
2. *Ачкасов, В.А.* Этнополитический конфликт как конфликт идентичностей / В.А. Ачкасов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2015. – Вып. 1. – С. 37–43. – (Серия 6. Политология. Международные отношения).
3. *Здоровец, Я.И.* Миграционная проблематика и развитие российского законодательства / Я.И. Здоровец // Национальная и миграционная политика: зарубежный и отечественный опыт : аналитический вестник Совета Федерации – 2007. – дек. – № 22 (339). – С. 35–46.
4. *Ким, А.С.* Методологические конструкции концепции региональной этнической и миграционной политики / А.С. Ким // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3 (35). – С. 52–59.
5. *Ким, А.С.* Миграционная политика в Дальневосточном регионе: институционализация социальных практик как фактор воздействия на социальную адаптацию мигрантов / А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов, Т.В. Пономаренко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3 (47). – С. 145–152.
6. *Ким, А.С.* Позитивная этнополитика (анализ мультикультуралистской модели) / А.С. Ким // DIXI-2015: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. Вып. 6 / под науч. ред. А.Ю. Завалишина. – Хабаровск : РИЦ ХГУЭП, 2015. – С. 141–154.
7. *Ким, А.С.* Реализация стратегии государственной национальной политики на Дальнем Востоке: конфликтологический аспект (на примере Хабаровского края) / А.С. Ким, Т.В. Пономаренко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2 (46). – С. 165–169.
8. *Ким, А.С.* Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика / А.С. Ким ; под науч. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.
9. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г. // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – Послед. обновление: 18.11.2015.
10. *Кузнецов, А.М.* Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы / А.М. Кузнецов // Ойкумена. – 2012. – № 1. – С. 67–79.
11. *Латкин, А.* Теряем восток? / А. Латкин // Аргументы и факты. – 2015. – № 47 (1828). – 18–24 нояб. – С. 4.
12. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований) : препринт / И.Ф. Ярулин [и др.]. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2014. – 96 с.
13. *Мотрич, Е.Л.* Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа / Е.Л. Мотрич // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 6–14.
14. *Мотрич, Е.Л.* Трансформация миграционных связей Дальнего Востока со странами ближнего и дальнего зарубежья / Е.Л. Мотрич // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 74–95.
15. *Никитенко, В.Н.* Межэтнические отношения в системе национальной безопасности в Еврейской автономной области / В.Н. Никитенко, Ю.Н. Аверина // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 2. – С. 86–92.
16. *Панарин, А.С.* Политология : учеб. / А.С. Панарин. – М. : ТК Велби, 2004. – 440 с.
17. *Соловьева, Т.* Хабаровский край – территория гражданского мира. Как предупредить проявления национального и религиозного экстремизма / Т. Соловьева // Приамурские ведомости. – 2013. – 24 мая. – № 53 (7648). – С. 4.
18. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. указом Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 // СЗ РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.
19. *Сулейманов, С.Ш.* Роль общественных организаций в реализации государственной национальной политики в Хабаровском крае / С.Ш. Сулейманов // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч. конф. / под ред. Н.Б. Москвиной [и др.]. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 294–299.
20. *Титова, Е.В.* Механизмы регулирования процессов адаптации этнической трудовой миграции в Еврейской автономной области / Е.В. Титова // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 82–87.
21. *Тощенко, Ж.Т.* Этнократия: история и современность. Социологические очерки : моногр. / Ж.Т. Тощенко. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. – 432 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ В РАКУРСЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОМИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

А.С. Ким

Е.Ю. Довгополов

Ким Александр Сергеевич – доктор политических наук, профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: stosorok2005@yandex.ru

Довгополов Егор Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, юрист Центра исследования проблем российского права (г. Москва).

Контактный адрес: Degor@pochta.ru

В статье анализируется специфика институционализации мультикультурализма в США. Авторы проявляют исследовательский интерес к данному процессу в связи с тем, что в составе России есть регионы Дальнего Востока, которые по способу формирования населения имеют много общего со странами – «родинами» мультикультурализма (США, Канада, Австралия): заселение шло иммиграционными потоками при малочисленности аборигенного населения. В условиях усиления этнической миграции на Дальнем Востоке возникает необходимость ее научно обоснованного регулирования, что требует изучения мультикультуралистского опыта. К сожалению, дефицит трудовых ресурсов в Дальневосточном регионе, сопровождающийся неблагоприятной демографической ситуацией, обусловливает отток русскоязычного населения и растущий приток этнических мигрантов, что с неизбежностью приводит к постоянному воспроизводству интереса к классической мультикультуралистской модели, а следовательно, к увеличению вероятности институционализации ее практик.

Ключевые слова: Дальний Восток, Дальневосточный регион, США, мультикультурализм, мультикультуралистская модель, мультикультуралистские практики, иммиграционная политика, иммигранты, мультикультурная демократия, институционализация мультикультурализма, этномиграционная ситуация.

Советское интернациональное государство представляло собой де-юре интеграционное объединение национальных государственных образований в рамках единого союзного государства, а де-факто – имперскую многонациональную систему, ядром которой являлась коммунистическая номенклатурная бюрократия. Она выстроила централизованную государственно-политическую систему, посредством которой сумела сформировать этнополитическую и этносоциальную структуру советского общества на основе подчинения по вертикали национально-государственных и административно-территориальных образований союзному центру. Центр, представленный партократической элитой, использовал в качестве одного из важнейших инструментов власти интернационалистскую идеологию и советскую общенациональную культуру, основанную на русском языке и ценностях (разрешенных цензурой) преимущественно русской культуры. Так осуществлялось иерархическое ранжирование этнических общностей: 15 из них были наделены статусом наций, имевших свои государства и конституции с формальным правом выхода из СССР, другая часть имела так называемые автономные республики, области и округа в составе союзных республик и, наконец, существовали этносы, обреченные на ассимиляцию, поскольку им было отказано в праве на самоопределение – прежде всего это касалось диаспор [9: с. 98–99]. Таким образом, советская этнополитика носила авторитарно-ассимиляционный характер, закамуфлированный практиками, внешне сходными с некоторыми современными вариантами мультикультурализма, хотя и основанными на другой ценностной платформе – идеологии социалистического интернационализма и дружбы народов.

Процесс распада СССР предопределил выбор Россией уже в 1990 г. (с принятием Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [6]) модели нации-государства. Российское суверенное государство, названное Российской Федерацией в 1993 г. в соответствии с Конституцией Российской Федерации (далее – РФ), изначально представлялось пришедшими к власти реформаторами как основополагающий момент процесса nation-building – строительства нового российского государства, а следовательно, формирования новой российской нации. С этой точки зрения справедливо высказывание В. Малахова о том, что «…наши европейские соседи, в отличие от Северной Америки и Австралии,

привыкли считать себя "национальными государствами"» [10: с. 77]. Если в США, Канаде и Австралии нации складывались в результате иммиграции (вследствие чего произошла самоидентификация этих стран как «иммиграционных»), то в Западной Европе и «…в историческом плане, и в плане официально поддерживаемого нарратива иммиграция не являлась основополагающим моментом процесса nation-building. В этом смысле Россия – типично европейская страна» [10: с. 78].

Последнее обстоятельство дает основание полагать, что Россия на рубеже XX–XXI вв. все-таки заимствовала у Западной Европы модель нации-государства и тем самым поставила себя в состояние нелегкого выбора между этой моделью и традиционной для России имперской системой регулирования межнациональных отношений, о приверженности которой заявляют некоторые российские исследователи, видящие одной из главных целей своего творчества «реабилитацию» категорий «нация», «национализм», «империя» и обоснование необходимости возвращения российского общества на изначально присущий России имперский путь развития [7: с. 4–5]. Таким образом, Россия как суверенное государство находится в состоянии трудного поиска адекватной модели сочетания многонациональности и полиэтничности с необходимостью конструирования общероссийской идентичности, предполагающей формирование новой российской нации. Выполнение этой новой исторической задачи осложнено следующими обстоятельствами современной постсоветской истории России.

Во-первых, это отсутствие новой общенациональной государственной идеологии. В настоящее время не ясно, какими мировоззренческими принципами руководствуется государство в управлении современной Россией. Граждане РФ не имеют четкого представления о том, на основе каких ценностей власть объединяет их в единое полиэтническое государство. Следовательно, возникают серьезные трудности с определением ценностной основы формирования российской национальной идентичности, и как результат этого – происходит торможение разработки современной модели российского патриотизма.

Во-вторых, непрекращающаяся в отношении России со стороны Запада политика санкций, политическая ситуация в Украине, военные действия в Сирии, а также неблагоприятные последствия зависимости российской экономики от мировых цен на энергоносители способствуют росту изоляционистских настроений и усиливают ориентации на чрезвычайные меры, силовые, авторитарные способы управления государством. В таких условиях происходит блокирование формирования установок на позитивное сотрудничество, созидательную деятельность и модернизацию общественных отношений.

В силу вышеуказанных причин огромное научное и практически-политическое значение имеет продолжение творческо-критического анализа и учета в управленческой практике зарубежного опыта регулирования социальных процессов. Поэтому весьма актуально рассмотрение реализации мультикультуралистской модели, которая крайне значима для России не только в связи с ее полиэтничностью, но и с давлением глобальной этнической миграции. Но насколько возможно в условиях современного российского общества использование потенциала мультикультурализма? Основания отказа от последнего коренятся в обсуждении негативных последствий его реализации в Западной Европе и Северной Америке. Особенно показательными в этом отношении стали заявления с признанием краха мультикультуралистской политики, сделанные главами западно-европейских государств Д. Кэмероном, А. Меркель, Н. Саркози в начале 2011 г.

Однако среди российских исследователей есть и такие, кто полагает, что сообщения о «смерти» мультикультурализма кажутся преувеличенными. По мнению Л.Р. Низамовой, «Теперь он выступает и в качестве весомого компонента политических решений и действий (и даже как самостоятельный политический проект), журналистского дискурса и деятельности масс-медиа, новаций в мире литературы и искусства, системы воспитания и образования, языка повседневного общения, т.е. буквально всех сфер жизни общества, стремящегося к рефлективному осмыслению существующих проблем и исправлению несправедливостей рубежа XX и XXI вв.» [12: с. 12]. Р.Э. Бараш полагает, ссылаясь на известную западную исследовательницу С. Бенхабиб, что кризис мультикультурализма был связан именно с утратой первоначального смысла явлениями, для определения которых он использовался [3: с. 128]. Разница лишь в том, что теперь для ситуации культурного разнообразия используются такие новые категории, как «политика различия» (И.М. Янг), «трансформирующая политика признания» (Н. Фрейзер), «интеркультурализм» (Т. Модуд) [3: с. 129]. Кроме того, следует учитывать разночтения в интерпретации категории «мультикультурализм» в среде самих западных исследователей. В этой связи Р.Э. Бараш полагает, что «Сегодня можно говорить как минимум о четырех проблемных векторах интерпретации категории "мультикультурализм": это проблемы его культурологического и социологического измерения, его эпистемологической интерпретации, а также прагматики его реализации» [3: с. 130].

Таким образом, современный мультикультурализм, давно выйдя за рамки академического дискурса, переставая быть официальным политическим курсом целого ряда европейских государств,

тем не менее продолжает существовать как устойчивое явление, с которым ассоциируются культурное разнообразие и групповые культурные идентичности. В пользу этого говорит широкое зарубежно-региональное распространение мультикультурализма, проявляющееся в распространении его установок и практик, его институционализации в Северной Америке и Западной Европе. Вопрос заключается в том, что степень исследованности соотношения общего и особенного в регионально-страновых проявлениях институционализации мультикультурализма сравнительно невысока.

Что касается России, то в силу актуальности решения проблемы культурной неоднородности ей «…не следует отворачиваться от восприятия мультикультурализма и как системы мер, и как дискурса социального существования» [3: с. 130]. Особенно это нужно учитывать в связи с тем, что в составе России есть регионы Дальнего Востока, которые по способу формирования населения имеют много общего со странами – «родинами» мультикультурализма (США, Канада, Австралия), ибо заселялись преимущественно иммиграционными потоками при малочисленности аборигенного населения. Именно поэтому представляется рациональным проанализировать институционализацию мультикультурализма в США как социального дискурса и политической практики в ракурсе регулирования этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России.

Так, в Хабаровском крае, по данным Федеральной миграционной службы, насчитываются представители 145 народов и этнических групп. На предприятиях региона, только по официальным данным, трудятся около 30–35 тыс. иностранных мигрантов. В основном это приехавшие в Дальневосточный регион граждане стран СНГ. На их долю приходится 41 % прибывающих в край иностранных рабочих [11: с. 85]. Большинство иностранных граждан зарегистрировано по месту пребывания в Хабаровске (71,1 %) и Хабаровском районе (8 %). В первом полугодии 2013 г. на миграционный учет в Хабаровском крае было поставлено 67 024 иностранных гражданина. По данным миграционной службы, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года рост численности мигрантов составил 7,3 % [13].

В 2014 г. на миграционный учет встал 131 181 чел. (–0,2 %) [13], за 11 месяцев 2015 г. – 117 022 чел. (–3,1 %), в том числе зарегистрировано по месту жительства 3055 чел. (+82,9 %), из них прибывших в визовом порядке – 52 776 чел. (+4,5 %) [13]. При этом сохраняется тенденция преобладания в составе приезжающих граждан среднеазиатских стран СНГ. Таким образом, по своим динамическим характеристикам иммиграционные потоки не претерпевают значительных изменений, и в целом следует отметить, что миграционная ситуация остается сложной с точки зрения усиливающейся этноконфессиональной многосоставности населения Хабаровского края.

Вышеуказанные данные целесообразно рассматривать с точки зрения понимания этномиграционной ситуации как совокупности протекающих в описываемый период этнических миграционных процессов, представляющих собой социальные взаимодействия, приводящие к социально-территориальным и социально-статусным изменениям в положении различных этнических групп, формирующихся в результате иммиграции. С этой позиции целесообразно согласиться с мнением коллектива дальневосточных исследователей под руководством И.Ф. Ярулина, которые провели масштабное социологическое изучение межэтнических и межконфессиональных отношений в Дальневосточном федеральном округе. Как очевидно из их исследования, «…даже в таком немногочисленном, но полиэтническом массиве, как Дальний Восток, взаимодействие коренных и пришлых этносов и этнических групп создает межэтническую среду и потенциально – источник конфликтных ситуаций» [11: с. 80]. Именно поэтому «…внутреннее этнорегиональное положение страны, внешние и внутренние миграционные процессы требуют изучения и обобщения с научной точки зрения» [11: с. 80], что необходимо для их научно обоснованного регулирования. А это, в свою очередь, требует объективного анализа зарубежного опыта управления этномиграционными процессами, одним из видов которого является модель мультикультурализма.

По сути дела, анализ реализации североамериканской мультикультуралистской модели позволяет выявить предпосылки, источники и механизмы определенного типа институционализации процессов межкультурного и межэтнического взаимодействия, характерного именно для данного национального сообщества, т.е. США. Рассматриваемые процессы по умолчанию включают в себя и деятельность по регулированию этномиграционных и этноконфессиональных отношений посредством реализации определенной этномиграционной политики. Применительно к институционализации мультикультуралистской политики следует отметить, что, во-первых, импульсы «входа» в политическую систему характеризуются теми требованиями, которые вызваны процессами межэтнических, этномиграционных и этноконфессиональных отношений. Во-вторых, внутри политической системы осуществляется взаимодействие (нередко конфликтное) различных ее акторов по «переработке» этих требований. В-третьих, могут исчезать «старые» (прежние) и появляться новые акторы – субъекты политики мультикультурализма. В-четвертых,

созревают, формируются и активно используются различные культурные основания мультикультурализма в виде мировоззренческих ценностей, идеологических взглядов, лозунгов, программ, деклараций. В-пятых, отмирают, возникают, формируются, функционируют и развиваются соответствующие институциональные структуры, вызванные к жизни потребностями реализации различных интересов и ценностей в сфере миграционных, межэтнических и национально-этнических отношений. Все вышеперечисленное, собственно, и образует основное содержание институционализации мультикультурализма.

Мультикультурализм как понятие появился в академическом и социально-политическом лексиконе Канады и США в конце 1960-х гг. для обозначения новых интеграционных проектов, кардинально отличавшихся от классической модели «плавильного котла» (melting pot), которая ранее стихийно сложилась в этих государствах. В отличие от ассимиляционного проекта мультикультурная модель концентрируется на усилиях принимающего общества по созданию благоприятных условий для интеграции иммигрантов. С точки зрения мультикультуралистского дискурса наложение принципиальных социально-экономических различий на этнические, конфессиональные и расовые создает мультипликативный эффект социального неравенства, которое невозможно преодолеть без реализации определенных мер, инициированных властными институтами. Как отмечает В.В. Сахарова, к такого рода мерам, примененным в североамериканских государствах, относились:

«– направление инвестиций и субсидий для развития групп и территорий их компактного проживания;

– разработка специальных программ, стимулирующих развитие такого рода регионов и групп;

– предоставление членам неблагополучных/дискриминируемых групп возможности получения образования и трудоустройства на льготных условиях» [14: с. 35].

По мнению американского исследователя В.Л. Хесли, вышеперечисленные меры должны рассматриваться как временные, направленные на достижение в будущем равенства возможностей и равного отношения ко всем членам общества [19].

Вышеуказанная версия мультикультурализма определила политику, направленную на обеспечение устойчивого развития демократического общества, претерпевающего поликультурную трансформацию в расовом, этническом и конфессиональном отношении. Как полагают западные политологи Дж. Страттон и И. Энг, в историческом плане мультикультурализм «…можно рассматривать как следствие неудачи, которую потерпел модерный проект национального государства, во главу угла ставивший единство и однородность» [24: p. 138]. Принятая Соединенными Штатами доктрина мультикультурализма определила специфический дискурс восприятия прав и свобод личности в рамках национального государства. Права групп стали декларироваться как часть и продолжение прав личностных, а гражданская идентичность представляться как одна из ряда идентичностей человека и совсем не обязательно – главная [2: с. 384–385]. С этой точки зрения можно выделить такие общие классические особенности мультикультурализма, как:

– отказ от универсальной концепции гражданских прав, реализующийся в предложении о предоставлении разного объема прав различным группам людей;

– требование дифференциации гражданства в виде особых прав дискриминируемых и маргинальных меньшинств, разрушающее основное содержание классической модели гражданства национального государства, состоящее в единстве места жительства, административного подчинения, демократического участия и культурной принадлежности;

– декларирование множественности и равенства культурных идентичностей, передачи все больших властных полномочий регионам и группам, ослабления связи между длительностью проживания на территории определенного государства и гражданской ответственностью [4: с. 216].

Чем же предопределена ситуация зарождения мультикультуралистского дискурса в США? При ответе на этот вопрос следует выяснить исторические особенности складывания американской модели национальной интеграции. Во-первых, приток иммигрантов в США на протяжении всего XX в. постоянно увеличивался, вследствие чего государство вынуждено было непрерывно регулировать миграционные потоки, устанавливая определенные квоты и противодействуя нелегальной иммиграции. В национальной идеологии США вплоть до начала 1970-х гг. доминировало представление о «плавильном котле». Существовал постулат о том, что в стране равных возможностей для представителей всех этносов, рас, религий и различных субкультур формировалась единая американская нация со своей идентичностью и культурой. При этом «…наряду с этой официальной точкой зрения в США прочно сохранялась неофициальная, но не менее значимая идея различного социального статуса разных этнических, расовых, религиозных, тендерных, возрастных и прочих групп. Так, главным носителем американской культуры и ее героем считался взрослый белый мужчина протестантского вероисповедания. Существовала в обществе и неофициальная "этническая шкала", на верху которой оказывались англосаксы и их потомки, ниже – выходцы из Южной и Восточной Европы, а в самом

низу – латиноамериканцы, азиаты, индейцы и негры» [1: с. 10].

Вышеупомянутая неформальная «этническая стратификация» весьма существенно влияла на сферы занятости, образования, политическую и духовную подсистемы общественной жизни. Именно поэтому выходцы из Европы (хотя бы во втором-третьем поколении), как правило, легче интегрировались в общество, становясь просто «белыми американцами» с различными этническими корнями. Для представителей же Азии, Африки и Латинской Америки успешная интеграция была существенно затруднена вследствие их фенотипических отличий от европейцев, а браки и другие межличностные связи между «белыми» и «цветными» часто порицались. «Еще в 60-е годы XX века во многих штатах США имели место существенные проявления расовой дискриминации, например, отдельные места в транспорте, отдельные кафе и рестораны "только для белых" и "только для негров (цветных)"» [1: с. 11].

Американский «плавильный котел» реализовывался на основе английского языка как государственного, что предполагало определение полноценности гражданина только по критериям полного овладения и использования этого языка во всех базовых сферах общественной жизни с учетом мультиэтничности населения Соединенных Штатов. Английский язык служил не только необходимым инструментом межэтнического общения, но и важнейшим способом межкультурной коммуникации, что по умолчанию для своих носителей формировало общую специфическую систему социокультурных ценностей и установок, на базе которой осуществлялся «сплав» различных иммигрантских субкультур. Вся система образования носит явно англосаксонский характер с точки зрения изучения литературы, истории, культуры. Таким образом, «переплавка» различных этнических культур имела результатом культурные формы, содержание которых в значительной степени определялось англосаксонскими культурными корнями.

Но к концу XX в. демографическая ситуация в стране существенно изменилась: американцы европейского происхождения, все еще сохраняя ведущие позиции в экономике и политике, перестали доминировать по количеству. Так, сегодня в США, где по-прежнему население увеличивается ежегодно на 1 %, в основном за счет притока иммигрантов, последние составляют уже более 10 % населения страны. При этом если в 1910 г. среди стран, «поставлявших» наибольшее количество переселенцев, неевропейскими были всего две, то к 1990 г. все десять относятся к Восточной Азии и Карибскому бассейну (Филиппины, Южная Корея, Индия, Китай, Вьетнам, Ямайка, Гаити, Куба, Мексика, Доминиканская Республика), т.е. к регионам, где традиции, ценностные ориентации и образ жизни существенно отличаются от североамериканских [14: с. 42–43]. Показательна и динамика роста иммиграции из этих регионов. Только за 1940–1980-е гг. число иммигрантов из Латинской Америки возросло в 27,1 раза, а из Азии – в 88 (!) раз. В начале нового века иммигранты из Мексики составляли 27,6 % от общего числа, намного превосходя ближайших соперников – китайцев (4,9 %) и филиппинцев (4,3 %) [18: с. 351]. «В самые ближайшие годы каждый четвертый американец будет принадлежать к этническому меньшинству», – констатировали в начале 1990-х гг. М. Бернал и Г. Найт [20: p. 1]. Однако реальность превзошла все прогнозы, поскольку число американцев европейского происхождения уменьшалось гораздо более стремительными темпами: если в 1980 г. они составляли 80 % населения США, то в 2000 г. – уже 70 % [21: p. 12].

Несмотря на вышеперечисленные обстоятельства, до 1960-х гг. США как самое крупное иммигрантское государство оставались относительно однородными в расовом и культурном плане – среди населения преобладали англосаксонская культура и европейские фенотипические качества. Сказались не только исторические условия формирования населения США, но и политика квотирования по этнорасовым основаниям при приеме иммигрантов. Экономический подъем в США привел к тому, что эти основания посчитали нецелесообразными. Именно поэтому в 1965 г. в новом Иммиграционном акте, принятом в США, была провозглашена постепенная отмена расово-национального принципа отбора иммигрантов: всем странам «предоставлялись» равные доли, однако доля выходцев из каждой страны не должна была превышать 20 тыс. мигрантов. Отличительной чертой вышеуказанного правового акта было то, что преимуществом въезда в США пользовались не только ближайшие родственники граждан страны, проживающие за рубежом, но и ученые, врачи и представители других дефицитных специальностей, включая высококвалифицированных рабочих. Одновременно впервые в истории США были введены ограничения для иммигрантов из стран Латинской Америки [5: с. 15].

Вышеизложенное совпало по времени с достижением успехов в многолетней борьбе за гражданские права так называемого цветного населения США. Конгресс США принял в 1964 г. Акт о гражданских правах, в котором запрещалась дискриминация при найме на работу и получении образования по признаку расы, пола, религиозных убеждений и этнического происхождения, а также сама по себе дискриминация, обусловленная местом рождения конкретного лица, его происхождением,

культурой или языком, квалифицировалась как противоправное действие [14: с. 44].

Итак, исходя из характеристики вышеперечисленных условий становится ясным, что мультикультурализм в США оказался востребованным в силу развития экономики и гражданского общества. Именно поэтому начиная с середины 1970-х гг. стало постепенно происходить замещение интеграционных концепций, базирующихся на ассимиляционных установках, концепцией мультикультурности, в основе которой находятся положения выдвинутой еще в 1915 г. Хорасом Калленом (1882–1974) теории, известной как концепция салата. Х. Каллен полагал, что иммиграция «…растворила в себе прежнюю американскую национальность, превратила Америку в "федерацию национальностей"» [17: с. 171]. Именно поэтому данную теорию точнее было бы назвать концепцией «этнического плюрализма». И она оказалась весьма актуальной с учетом того, что вышеупомянутый Акт о гражданских правах 1964 г. в известной степени ослабил англосаксонское этнокультурное и этнорасовое доминирование в США, а благодаря Иммиграционному акту 1965 г. в США был обеспечен массовый приток иммигрантов из стран «третьего мира».

Специфика политики мультикультурализма в США состоит в том, что в процессе своей реализации она с неизбежностью вышла на необходимость утверждения на практике принципа толерантности. Это было обусловлено в первую очередь тем, что особую проблему для США представляли исторические обстоятельства взаимодействия американцев европейского происхождения (белых) с индейцами и афро-американцами. Попытки «восстановить справедливость» проявились, в частности, в замене прежнего, имеющего в американской культуре негативную окраску, названия «негр» на «афро-американец», появление негров в ролях положительных героев в кино и т.д. Следует отметить, что особую значимость имело введение в 1980 гг. так называемой политики утвердительного действия (affirmative action), или позитивной дискриминации. Она заключалась в составлении и применении этнических и расовых квот при приеме в вузы и при занятии престижных должностей [1: с. 11–12].

Вышеуказанные мероприятия первоначально считались временными (в перспективе обреченными на отмену), так как предполагалось, что по мере ликвидации фактического неравенства, в состоянии которого пребывали различные этнорасовые группы, будет происходить постепенная интеграция этих меньшинств в единое политическое сообщество. Однако после двух десятилетий практики аффирмации оказалось, что отказ от нее в настоящее время невозможен в силу следующих причин. Во-первых, этнорасовые меньшинства, для которых позитивная дискриминация обернулась значительным выигрышем, резко воспротивились свертыванию данной программы. Во-вторых, многие проблемы современного общества связаны с борьбой за свои права не только расовых и этнических, но и других самых разных меньшинств, ранее подвергавшихся дискриминации; наиболее значительными ныне являются феминистские и молодежные движения [1: с. 11–12].

В то же время, несмотря на определенные позитивные изменения, этносоциальная и этнорасовая напряженность в значительной степени не была преодолена. Получение льгот меньшинствами вызвало недовольство общностей, лишенных этих льгот, которые расценили аффирмативную практику как «расизм наоборот». Кроме того, следует отметить, что вместе с притоком дешевой рабочей силы этнорасовые проблемы, вспышки ксенофобии и национализма стали неизбежными издержками масштабной иммиграции. Данному процессу сопутствовали увеличение числа безработных, рост преступности, формирование диаспор и этнических гетто, что не могло не вызвать отрицательной реакции старожильческого населения [9: с. 89–90].

Исходя из вышеизложенного, можно с достаточной уверенностью полагать, что в США с бóльшим или меньшим успехом начиная с 1970-х гг. реализуется модель мультикультурной демократии. Основным содержанием ее идеологии, политики и социального дискурса выступает постулат о возможности длительного параллельного сосуществования различных расовых и этнических групп в рамках единого национального государства с сохранением многообразия и разноликости культурных форм (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ). Таким образом, мультикультуралистская версия в США – это признание правомерности и ценности культурного плюрализма, уместность и значимость последнего в рамках общегражданской национальной идентичности.

Сложившаяся модель мультикультурной демократии обусловлена в решающей степени системными факторами, вызванными спецификой политической истории США. Во-первых, следует отметить, что Движение за гражданские права формально искоренило практику сегрегации и полностью трансформировало американскую политическую культуру. Это движение «…полностью изменило идею гражданства в США: здесь утвердились нормы *либерального республиканизма* и концепция инклюзивного гражданства. До 60-х годов минувшего века механизмы гражданского включения, построенные на идеологии "черно-белого" расизма, были крайне ограничительными» [8: с. 65–66]. Закон о гражданских правах 1964 г. отменил все ограничительные цензы для участия в федеральных выборах.

Публичное пространство стало формально инклюзивным для всех этнокультурных меньшинств, что естественным образом не замедлило сказаться на характере и направленности иммиграционной политики, которая стала претерпевать существенную либерализацию. Так, сразу после принятия Закона о гражданских правах в 1964 г. был введен в действие Закон об иммиграции, упразднивший квотную систему для иммигрантов по национальному и расовому признаку и аннулировавший запрет на иммиграцию из стран Азии [23]. Реализация вышеуказанного нормативного акта, собственно, и вызвала третью и четвертую мощную волну иммиграции в истории США: так, если в 1950-х гг. прибыло 2,5 млн иммигрантов, в 1960-х – 3,8 млн, то в 1970-х – 7 млн, а в 1980-х – более 10 млн [22].

Во-вторых, спецификой формирования американской нации является принцип «гражданского национализма». Сердцевиной этого принципа стала приверженность политическим идеалам республиканской демократии. Новый американский «либеральный республиканизм» представлял собой универсалистскую концепцию гражданства. Она была основана на следующих двух принципах: 1) принципе формально культурного нейтралитета со стороны государства; 2) принципе индивидуальных прав и свобод в ущерб групповым привилегиям. В этом смысле целесообразно согласиться с К. Зайка, полагающей, что абстрактные «…гражданские принципы стали в США национальной доктриной и определили смысловое поле, в котором формируется национальная идентичность» [8: с. 66]. Именно в этом состоит принципиальное отличие американской версии национального сообщества от французской модели, предполагающей сильное давление в плане культурной ассимиляции на гражданскую концепцию нации. В Соединенных Штатах, несмотря на популяризацию до 1960-х гг. концепции «плавильного котла», реальная интеграция постоянно прибывающих иммиграционных потоков проходила в условиях политики невмешательства. Многообразие культур не вытеснялось в частную сферу, а находило свое выражение в публичном пространстве, например на уровне конфессиональных ассоциаций. Культурная ассимиляция в американском обществе ограничилась только лишь языковой гомогенизацией по вполне прагматическим причинам [8: с. 66].

В-третьих, в отличие от классических национальных государств Западной Европы, где политическое сообщество предполагает существование этнокультурного «ядра» нации, в которую затем стали «включаться» иммигранты, в США в политическом дискурсе отсутствует само представление об этнокультурном ядре. Данное обстоятельство предопределило такую доктринальную особенность американского республиканизма, как самопризнание на официальном уровне Соединенных Штатов Америки иммиграционным государством. Именно поэтому можно полагать, что в последнем, собственно, и заключается источник кардинальных изменений в публичном дискурсе США, что проявилось, прежде всего, в утрате легитимности европоцентричного (основанного ранее на доминировании англосаксонской культуры) концепта «плавильного котла».

В-четвертых, следует отметить, что парадигма либерального республиканизма легла в основу дискурсивных политических практик, сделавших правовую процедуру в США основой общенационального консенсуса и гражданской интеграции. Кроме того, именно на базе правовой процедуры складываются взаимоотношения между государством и гражданами [8: с. 66]. Отсюда проистекает такая особенность политической культуры США, как исключительно значимая роль судебных инстанций в регулировании деятельности и взаимодействия политических институтов. Так, решения исполнительной и законодательной власти на всех уровнях проходят обязательный контроль со стороны судебных органов. Именно поэтому американская политическая система в США носит ярко выраженный легалистский характер, что обусловило, в том числе, следующие особенности процессов институционализации этнической и иммиграционной политики.

1. В условиях резкого увеличения легальной иммиграции нормы гражданского равноправия стали применяться для интеграции иммигрантов из всех стран мира, а процесс натурализации стал единообразен для выходцев из любых государств вне зависимости от этнического происхождения.

2. Либерализация гражданских прав иммигрантов активизировала политическую деятельность этнокультурных групп по реализации гражданских и политических прав и свобод, сопровождавшуюся ростом значимости судебных инстанций в этом процессе. Например, суд первой инстанции в Техасе обязал правительство штата позволить детям нелегальных иммигрантов посещать государственные школы [8: с. 66].

Какие же выводы следует сделать на основе вышеприведенного анализа с точки зрения учета последствий американской публичной политики мультикультурализма в управлении этномиграционной ситуацией на Дальнем Востоке России?

Во-первых, радикальная либерализация иммиграционной политики резко увеличит и без того пестрое этнокультурное многообразие региона, а последовательная институционализация мультикультуралистских ценностей позволит иммигрантам различного этнокультурного происхождения добиваться

признания групповых интересов в публичной сфере. Как цепной реакции следует ожидать политизации культурных различий, прежде всего в виде трансформации института гражданства, этнополитической мобилизации диаспор, направленной на инкорпорирование в системы власти.

Во-вторых, появление новых многочисленных групп иммигрантов приведет не только к этнокультурной гибридизации принимающего общества, но и к добровольной сепарации некоторой части как старожильческого населения, так и приезжих. Формирование диаспор, члены которых не принимают правила местного общежития и не разделяют базовых гражданских и культурных ценностей страны приема, чревато масштабными конфликтными ситуациями. На примере США можно увидеть добровольную сегрегацию иммигрантов второго и третьего поколений. «В последние десятилетия это особенно характерно для урбанизированных районов. В школьных кафетериях компании складываются по принципу общего этнокультурного происхождения их родителей. В школах существуют студенческие ассоциации для афро-американцев, выходцев из Латинской Америки и стран Азии» [8: с. 67].

В-третьих, практически неизбежным последствием «мультикультуризации» этномиграционной политики будет возникновение конфликтующих в политическом отношении этнокультурных групп, борющихся за введение законов, благоприятствующих их интеграции. Это обстоятельство можно наблюдать на примере США – «…в Майами присутствует общественно-политическое напряжение между испаноязычным сообществом и афроамериканцами. Этот феномен возникает в результате геттоизации, а также как следствие растущего желания иммигрантов репрезентировать себя в этнической и расовой перспективе» [8: с. 67].

В-четвертых, на Дальнем Востоке России, пусть и в отличной от других федеральных округов форме, присутствует признание этнокультурного ядра российской нации – русской культуры, ставшей одновременно национальной культурой России. Данное обстоятельство не вписывается в формат модели североамериканских «иммиграционных» государств, а следовательно, делает невозможным принятие исходных установок на радикализацию этномиграционной политики в версии мультикультурализма. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. настраивает на укрепление единства российской нации посредством развития интеграции народов России путем сочетания этнокультурной самобытности и гражданской идентичности. Следовательно, иммиграционные группы должны интегрироваться в российское общество, а не продуцировать формирование диаспоральных сетей и сообществ [15]. Что касается поддержания культурного своеобразия приезжих, то оно должно быть в приватной сфере и поддерживаться за счет их собственных усилий. Государство же не должно запрещать публичное выражение своеобразия в формах, не противоречащих закону.

Сохранение национальной и региональной идентичностей, отсутствие угрозы национальной и региональной безопасности являются главными условиями заимствования некоторых полезных с точки зрения рационального развития регионов России компонентов мультикультурализма. При выполнении этого условия возможны следующие направления их вероятной интеграции в практики регионального менеджмента – в частности, в регулирование этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России.

1. В условиях усиления этнической миграции заслуживают внимания «аффирмативные» (утверждающие, позитивные) практики, нацеленные на обеспечение прав меньшинств с точки зрения рациональных усилий государства по аккультурации иммигрантов и их потомков, направленных на обеспечение их функциональной социальной мобильности посредством системы образования [16: с. 144–145]. Эта задача весьма актуальна в свете того, что за 25 лет постсоветского развития в странах СНГ выросли новые поколения, слабо владеющие русским языком или практически не знающие его, фактически не знакомые с российской культурой.

2. С учетом необходимости позитивной интеграции в принимающее общество требуют изучения практики применения норм гражданского равноправия в процессе натурализации иммигрантов. С этой точки зрения интересно было бы исследовать опыт деятельности судебных инстанций США в сфере реализации иммигрантами полных гражданских прав, а также активизацию политической деятельности этнокультурных групп, вызванную либерализацией гражданских прав. Следовало бы также изучать деятельность институтов, сформировавшихся в результате развития Движения за гражданские права, которые позволили иммигрантам добиваться признания групповых интересов в публичной сфере [8: с. 66–67].

3. И, наконец, необходимо изучать опыт конфликтных ситуаций и конфликтов, возникающих как между иммигрантами и старожильческим населением, так и между различными этнокультурными группами самих приезжих. В условиях Дальнего Востока это весьма актуально, поскольку в конфликты могут быть вовлечены представители этносов, которые являются коренными или давно проживающими на территории Российской Федерации. Мультипликация конфликтного потенциала, вызванная наложением различных конфликтогенных

факторов, включает в себя, в том числе, и целый спектр проблем, связанных с усложнением этноконфессиональной структуры населения Дальневосточного региона.

К сожалению, дефицит трудовых ресурсов в Дальневосточном регионе, сопровождающийся неблагоприятной демографической ситуацией, обусловливает отток русскоязычного населения и растущий приток этнических мигрантов, что с неизбежностью приводит к постоянному воспроизводству интереса к классической мультикультуралистской модели, а следовательно, к увеличению вероятности институционализации ее практик. Тем более, что мультикультурализм при всех его изъянах и недостатках объективно утвердился в мире и как идеология, и как социальный дискурс, и как институциональная практика, признающие правомерность и ценность культурного плюрализма и культурной самобытности. А Россия в целом и ее регионы в частности по понятным причинам не могут находиться вне влияния мировых трендов. Мультикультурализм же, как один из них, предполагает, по справедливому замечанию В. Малахова, то, что «…интегрировать тех мигрантов, которые отделены от старожилов существенной культурной дистанцией, без учета их культурных особенностей невозможно» [10: с. 85]. Однако такой учет «…требует от властей целого ряда шагов, встречающих со стороны местных жителей в лучшем случае непонимание и раздражение, а зачастую и противодействие» [10: с. 85]. Именно поэтому решение вопроса о возможности адаптирования практик мультикультурализма к регулированию этномиграционной ситуации на российском Дальнем Востоке требует тщательной конфликтологической экспертизы, необходимой для выстраивания региональной системы мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова, Л.В.* Мультикультурализм и его модели в современном мире : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Л.В. Арутюнова. – М., 2009. – 23 с.

2. *Ачкасов, В.А.* Этнополитология : учеб. / В.А. Ачкасов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 495 с.

3. *Бараш, Р.Э.* Мультикультурализм как (не)реализуемый проект: вопросы к теории и методологии / Р.Э. Бараш // Этнос, нация, ценности: социально-философские исследования : моногр. / науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – С. 127–143.

4. *Бенхабиб, С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру : пер. с англ. / С. Бенхабиб. – М. : Логос, 2003. – 350 с.

5. *Богина, Ш.А.* Иммигрантское население США 1865–1900 гг. / Ш.А. Богина. – М. : Наука, 1976. – 276 с.

6. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики : принята Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. № 22-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 2. – Ст. 22.

7. *Елишев, С.О.* Основы национальной политики : сб. ст. / С.О. Елишев. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – 352 с.

8. *Зайка, К.* Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков / К. Зайка // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 59–70.

9. *Ким, А.С.* Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика / А.С. Ким ; под науч. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.

10. *Малахов, В.* Интеграция мигрантов как административная проблема: опыт Евросоюза / В. Малахов // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 77–87.

11. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований) : препринт / И.Ф. Ярулин [и др.]. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2014. – 96 с.

12. *Низамова, Л.* Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России / Л. Низамова // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах : материалы конф. (Казань, 2–3 июня 2004 г.) / под ред. А. Малашенко ; Моск. Центр Карнеги. – М. : Гендальф, 2005. – С. 9–30.

13. Официальный сайт Управления ФМС России по Хабаровскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.27.fms.gov.ru/about/Statistic.

14. *Сахарова, В.В.* Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада : моногр. / В.В. Сахарова. – СПб. : Златоуст, 2011. – 176 с.

15. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. указом Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 // СЗ РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.

16. *Тощенко, Ж.Т.* Этнократия: история и современность. Социологические очерки : моногр. / Ж.Т. Тощенко. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. – 432 с.

17. *Травина, Е.М.* Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире : учеб. пособие / Е.М. Травина. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 256 с.

18. *Хантингтон, С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности : пер. с англ. А. Башкирова / С. Хантингтон – М. : АСТ ; Транзиткнига, 2004. – 640 с.

19. *Хесли, В.Л.* Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий / В.Л. Хесли // Полис. – 1996. – № 6. – С. 39–51.

20. Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanies and other minorities / ed. by M.E. Bernal, G.P. Knight. – Albany : State University of New York Press, 1993. – 311 p.

21. *Frum, D.* Comeback: Conservatism That Can Win Again / D. Frum. – N.Y. : Broadway Books, 2009. – 240 p.

22. *Hollifield, J.F.* The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model / J.F. Hollifield // Migration Ethniziät Konflict / Bade Klaus J., ed. Osnabrück. – 1996. – 375 p.

23. *Massey, S.D.* The New Immigration and Ethnicity in the United States / S.D. Massey // Population and Development Review. – 1995. – Vol. 21. – №. 3. – P. 631–652.

24. *Stratton, J.* Multicultural Imagined Communities: Cultural Difference and National Identity in the USA and Australia / J. Stratton, I. Ang // Multicultural States: Rethinking Differ-

ence and Identity / D. Bennett (ed.). – L. : Routledge, 1998. – P. 135–162.

СТАТУС КИТАЙСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ: ФОРМАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКИЙ И ФАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

М.А. Ковальчук

Ковальчук Михаил Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mnbr88@mail.ru

В статье анализируется правовое и фактическое положение Китайской Восточной железной дороги. Формально это частное акционерное общество, созданное на правах концессии. Фактически это совместное предприятие России и Китая, включенное в транспортную систему двух стран. Дорога играла важную положительную роль в развитии двух стран.

Ключевые слова: правовой статус, фактическое положение, Россия, Китай, железная дорога, международные договоры, концессия.

Понятие «статус» в широком смысле означает наличие определенных признаков, характеризующих положение того или иного объекта/субъекта общественных отношений (от лат. status положение). Однако чаще всего употребляется словосочетание «правовой статус». Важнейший принцип современного права – равенство его субъектов перед законом, но так как субъекты правоотношений не могут быть тождественны друг другу, то такое равенство носит формальный характер. Цель данной статьи – определить не только правовой статус Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), но и ее фактическое положение в общей сети железных дорог России.

КВЖД вступила в строй в 1903 г. и соединила кратчайшим путем территории Забайкалья и Приморья, пройдя по территории Северной Маньчжурии, которая является составной частью Китая. Таким образом, она стала уникальным сооружением, поскольку включалась в транспортную систему двух государств – России и Китая. По этой причине правовое положение железной дороги определялось как международными соглашениями России и Китая, а также других государств, интересы которых она затрагивала (имеются в виду Япония, США, Англия, Франция), так и внутригосударственными правовыми актами (главным образом России).

Общеизвестно, что принципиальное согласие на сооружение КВЖД от имени правительства Китая дал видный китайский сановник Ли Хунчжан в мае 1896 г. во время пребывания на коронации Николая II [14: с. 180]. 27 августа (9 сентября) того же года в Берлине представителями Русско-китайского банка (РКБ) А.И. Ротштейном и Э.Э. Ухтомским, с одной стороны, и полномочным представителем Китая в Санкт-Петербурге Сюй Цзынченом, с другой, был подписан контракт на постройку КВЖД, придавший предварительному соглашению о сооружении дороги формально международный частный характер, хотя по сути это был публично-правовой акт. О том, что дело обстояло именно таким образом, свидетельствуют сами условия заключенного контракта, выходящие далеко за рамки компетенции РКБ как формально частного кредитного учреждения. Так, предусматривалось, что РКБ создаст для строительства будущей дороги на акционерных началах специальное Общество Китайской Восточной железной дороги согласно принятому в России законодательству, а технические условия сооружения дороги, в частности ширина железнодорожного полотна, будут соответствовать принятым в России [11: с. 213]. Таким образом, царское правительство действовало через подставное юридическое лицо, коим являлся РКБ, созданный незадолго до этого с привлечением российского и французского капитала. Такая юридическая уловка диктовалась соображениями международного характера, связанного с усилением конкурентной борьбы держав на Дальнем Востоке, в частности за раздел сфер влияния в Китае. Наличие подставного лица так же, как и другие обстоятельства, затрудняло и затрудняет определение подлинного характера правового и фактического статуса КВЖД.

Как и было оговорено в контракте между представителями Китайского правительства и РКБ, 4 декабря 1896 г. Николай II подписал Устав Общества Китайской Восточной железной дороги. В нем конкретизировались оговоренные ранее вопросы, связанные со статусом КВЖД и характером управления ею. Так, в контракте оговаривалось, что председатель правления Общества будет назначаться Китайским правительством, в его обязанности входило наблюдение за строгим соблюдением РКБ и Обществом своих обязательств перед Китайским правительством, осуществление сношения между центральными и местными властями по вопросам строительства и эксплуатации дороги [11: с. 212]. В уставе Общества уточнялось, что его правление будет состоять из председателя и 9 членов, и если председатель назначался правительством Китая, то остальные избирались общим собранием акционеров. В свою очередь, члены правления из своей среды выбирали товарища председателя, на кото-

рого возлагалось непосредственное заведывание делами Общества. Местопребывание председателя, при котором находился и представитель РКБ, было в Пекине, а товарища председателя вместе с другими членами правления – в Санкт-Петербурге [20].

В самом уставе прямо указывалось, что он является концессионным договором [20]. К этому времени в России имелась богатая практика заключения таких договоров и преимущественно в области строительства и эксплуатации железных дорог (табл. 1). Ввиду того что правовая сущность такого договора слабо изучена, а имеющиеся оценки носят противоречивый характер [22], выскажем свою точку зрения на этот счет в целом и применительно к конкретному соглашению, определившему особое положение КВЖД в системе железных дорог России.

Таблица 1

Характеристика частных железных дорог России (на 1913 г.) [12]

Железная дорога и участки дорог		Концессия			Ввод в эксплуатацию
		Период	Начало и окончание	Начало права казны на выкуп	
Богославская		78	1896–1974	1931	1906
Белгород-Сумская		85	1901–1986	1923	1901
Владикавказская		84	1872–1956	1924	1875
Волго-Бугульминская		85	1902–1987	1922	1911
Гербы-Келецкая		81	1903–1984	1928	1903
Ейская		85	1907–1992	1936	1911
Лодзинская фабричная		75	1966–1941	1886	1866
Московско-Казанская		80	1865–1945	1905	1862
Северо-Донецкая		81	1911–1997	1936	1911
Троицкая		81	1912–1993	1937	1912
Московско-Воронежская	Москва–Воронеж	85	1870–1955	1930	1868
	Ливенская и Курская	Аренда у казны до 1955			Сдавались по частям
Московско-Виндаво-Рыбинская		85	1870–1955	1915	
Рязанско-Уральская	Рязано-Уральская	81	1866–1947	1917	
	Козлово-Саратовская	Аренда у казны до 1947			
Юго-Восточная	Орлово-Грязевские	Аренда у казны до 1945			
	Юго-Восточные	85	1861–1946	1906	1861
КВЖД	Уссурийская	Аренда у казны (1906–1936)			1897
	КВЖД	80	1903–1983	1939	1903

Накануне Первой мировой войны в России, помимо КВЖД, действовало 12 концессионных договоров, заключенных царским правительством с частными акционерными обществами, которые дополнялись, в свою очередь, договорами аренды казенных железных дорог с железнодорожными акционерными обществами. Таким образом, законодатель разводил понятия аренды и концессии. Поэтому полагаем, что некорректно выводить понятие концессии из практики «кормлений» и «откупов», действующих в Древней и Московской Руси вплоть до петровской эпохи [6: с. 14]. Они представляются нам актами сугубо публично-правового характера, когда государство в отсутствие развитого управленческого аппарата, а главное средств на его содержание предоставляло частным лицам публичные полномочия (сбор налогов, торговля товарами, представляющими государственную монополию и т.д.).

Понятие «концессия», на наш взгляд, восходит к такой классической римской правовой конструкции, как «цессия» (от лат. cessio передача). Д.В. Дождев определяет цессию как перенос на другое лицо идентичного требования, когда по поручению кредитора третье лицо выступает в качестве истца в процессе [5]. Слова «концессия» и «цессия» обладают, несомненно, общим корнем – «передача», имеется в виду каких-либо прав. Если учесть, что в качестве модели для составления Свода законов Российской империи (1832) послужил Кодекс Наполеона (1804), создатели которого сознательно апеллировали к авторитету освященного веками римского права, то, вероятнее всего, правовая конструкция «концессия» пришла в отечественное законодательство из Франции. На это указывает и тот факт, что в России предоставление концессии носило не уведомительный, а так же, как и во Франции, разрешительный характер[1].

[1] Понятие «концессия» появилось в Кодексе Наполеона в качестве дополнения в 1810 г. и означало как раз предоставление прав на эксплуатацию недр физическими и юридическими лицами, так же, как и создание последних, в разрешительном порядке [5].

В то же время в российском законодательстве концессия уже в период железнодорожного грюндерства неразрывно связывалась не только с передачей прав акционерным обществам на строительство дорог, но и с предоставлением им привилегий и изъятий из общих правил, среди которых выделим главнейшие: 1) пользоваться правами, государственным работам присвоенным, в том числе и правом законного отчуждения и занятия частных земель и зданий необходимых; 2) земли, капитал и доходы железных дорог, разрешенных обществу, освобождались от всякого налога, кроме общих сборов с недвижимого имущества; 3) гарантированное получение 5-процентного чистого дохода от вложенных в эксплуатацию построенных на время действия концессии [14].

Относительно последней привилегии следует отметить, что с принятием в 1885 г. Общего устава железных дорог России получение гарантированных прибылей акционерными железнодорожными обществами увязывалось с общегосударственной тарифной политикой. С одной стороны, были не только упорядочены тарифы на железнодорожные перевозки, но и практически установлено их государственное регулирование, а с другой – сбалансированы интересы перевозчиков и их клиентуры через предоставление гарантий акционерным компаниям чистого дохода вплоть до системных доплат терпящим убытки от низких тарифов частным железным дорогам [8].

В то же время в концессионных договорах, заключаемых царским правительством с частными акционерными обществами, оговаривалось, что после истечения срока его действия железные дороги как единый нераздельный хозяйственный комплекс переходят безвозмездно в распоряжение казны. Срок концессий определялся, как правило, 78–85 лет. Согласно этим договорам государство имело право через 20–60 лет после введения в эксплуатации железных дорог досрочно выкупить имущество концессионера (см. табл. 1).

Исходя из принятой в настоящее время международной классификации российские железнодорожные концессии XIX – начала XX в. могли быть отнесены к типу **BOT** (Build – Operate – Transfer) [22]. За концессионером – строительство железной дороги (build), долгосрочное владение без права распоряжения и эксплуатация (operate) и после истечения срока – передача (transfer) объекта, т.е. железной дороги, государству (концеденту).

Таким образом, КВЖД это – **концессия**, т.е. предприятие, созданное по соответствующему концессионному договору. **Договор железнодорожной концессии** – это договор, по которому государство (концендент) предоставляет на льготных условиях (в качестве привилегии) юридическому (акционерному обществу) / физическому (комиссионеру) лицу право на строительство и исключительное владение железной дорогой (недвижимость и нераздельный имущественный комплекс) на продолжительный срок, по истечении которого комиссионер безвозмездно передает имущество в распоряжение концеденту.

Строго формально контракт 1896 г. и Устав Общества КВЖД определяли в качестве комиссионера созданное Русско-китайским банком Общество КВЖД, которому концендент – Китайское правительство передавало права: 1) на строительство железной дороги и 2) после начала движения по ней на 80 лет ее эксплуатацию с целью извлечения прибыли. Естественно, что вместе с железной дорогой в пользование общества передавалась земля, расположенная под ней, включая полосу отчуждения. В учредительных документах правительство Китая указано как **концендент**, так как именно оно уступает право на свою территорию для строительства и последующей эксплуатации железной дороги. Роль правительства России не столь однозначна. Оно, с одной стороны, как **концендент** также предоставляет определенные привилегии Обществу КВЖД, а с другой, участвуя через это общество в строительстве, управлении и эксплуатации дороги, выступает в роли **концессионера.**

Реализация на практике учредительных нормативно-правовых актов – контракта 1896 г. и Устава Общества КВЖД – была осложнена рядом обстоятельств: во-первых, военными конфликтами на территории Маньчжурии («боксерское восстание» и Русско-японская война), во-вторых, возрастающим давлением со стороны Японии и других держав Европы и США на Россию; в-третьих, стремлением Китая, используя противоречия между дугими державами и Россией, упрочить свой суверенитет, в-третьих, спецификой самого предприятия КВЖД. В этих условиях Россия опиралась на международное право того времени, в котором причудливо переплетались понятия государственного суверенитета и принцип экстерриториальности, т.е. неподсудности граждан и подданных великих держав китайским законам. В число таких держав входили отдельные страны Европы, включая Россию, США и Японию.

«Боксерское восстание» (1900–1901) отсрочило ввод дороги в эксплуатацию на год от планируемого срока: согласно контракту 1896 г. дорога должна была вступить в строй не позднее чем через 6 лет после его подписания (пункт 2). Железная дорога была подвергнута значительным разрушениям и ей был нанесен серьезный материальный урон от действий восставших. Вместе с проблемой восстановления дороги одновременно обострилась проблема ее охраны. Для решения последней немногочис-

ленная Охранная стража КВЖД преобразуется в отдельный корпус Заамурского округа Пограничной стражи. Однако это вполне боеспособное воинское соединение подчиняется не военному министру, а непосредственно министру финансов, как и все пограничники Российской империи.

Поражение России в войне с Японией привело к тому, что Россия передала Японии южную ветку КВЖД – Южно-Маньчжурскую железную дорогу, построенную русскими от Харбина до Порт-Артура и Дальнего по Конвенции царского правительства с Китаем от 15 марта 1898 г. об аренде Ляодунского полуострова [11]. Кроме того, статус КВЖД стал определяться не только законодательством России, международными соглашениями между Россией и Китаем, но и договорами с участием третьих стран. По Портсмутскому мирному договору от 1 октября 1905 г. между Россией и Японией обе стороны брали обязательства «…эксплуатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги в целях коммерческих и промышленных, но ни в коем образе не в целях стратегических» [19: с. 36]. Это обстоятельство внесло новый элемент в деятельность КВЖД – началась конкуренция железных дорог Японии и России за вывоз на экспорт маньчжурских хлебных грузов.

В контракте 1896 г. указывалось (пункт 2), что трасса будущей железной дороги пройдет по Северной Маньчжурии по безлюдной местности, а «…кладбища, могилы, равно как и города и деревни, должны быть, по возможности, обходимы и оставляемы в стороне» [11]. Осуществление этого пункта соглашения на практике означало, что полоса отчуждения заселялась русскими подданными, так как китайцев здесь не было, а Общество КВЖД и стоящее за ним правительство России должны были озаботиться их полноценным обустройством, а не только технической стороной сооружения и эксплуатации дороги.

Полноценное обустройство, на взгляд автора, включает в себя строительство школ, открытие православных церквей и других культовых учреждений, создание системы местного самоуправления, охрану правопорядка и обеспечения эффективного правосудия. Комплексное решение всех этих задач предполагало проведение реорганизации системы управления КВЖД, что и было сделано под руководством Министерства финансов в 1907 г. Суть реорганизации заключается в том, что находящиеся в подчинении управляющего КВЖД службы и отделы были разделены на три части. Одни непосредственно подчинялись управляющему, другие находились в ведении двух его заместителей – заместителя управляющего по технической части (на железных дорогах России это еще и главный инженер дороги) и заместителя по гражданской части, в ведении которого находилась вся социальная инфраструктура.

На взгляд автора, руководство Министерства финансов, которое, как уже отмечалось, курировало КВЖД, подошло нестандартно к созданию системы самоуправления в г. Харбине и русских крупных станционных поселках полосы отчуждения КВЖД. Утвержденное 10 ноября 1907 г. Министерством финансов Положение об Общественном управлении в Харбине в целом соответствовало российскому закону 1892 г. о городском самоуправлении, хотя, как отмечают исследователи, расширяло круг лиц, имеющих право на его формирование. В п. 12 Положения было записано: «Правом участия в выборах уполномоченных пользуются все лица без различия подданства, национальности и вероисповедания, достигшие 25-летнего возраста…» [16]. Положение предусматривало участие в самоуправлении не только русских подданных, но и подданных Цинской империи, а также иностранцев, соответствующих определенным цензовым требованиям (имущественным, половым, «оседлости», возраста и т.д.). Таким образом, русские подданные не имели никаких преимуществ перед остальным населением в формировании Харбинского общественного управления (ХОУ).

Такая позиция России получила международно-правовое признание. 17 апреля 1914 г. правительства России и Великобритании подписали особое соглашение о распространении на британских подданных муниципальных порядков и повинностей в полосе отчуждения КВЖД на одинаковых условиях с подданными России. Представитель Великобритании был введен в состав городского совета Харбина. К соглашению прилагались местные положения и постановления относительно уплаты сборов и налогов, которые признавались обязательными и для британцев. В том же году к российско-британскому соглашению примкнула Франция, на следующий год – Нидерланды, в 1916 г. – Бельгия, Италия, Дания и Испания, а в феврале 1917 г. – Япония [1]. В частном порядке китайские и японские подданные появились в составе уполномоченных ХОУ до того, как в нем стали работать европейцы. В целом, на наш взгляд, был достигнут баланс интересов в налаживании системы самоуправления Харбина всех заинтересованных сторон: русских, китайцев, иностранцев[2].

Аналогичная попытка достичь компромисса между признанием принципа государственного суверенитета Китая и принципом экстерриториаль-

[2] Наш вывод подтверждается тем, что ХОУ, несмотря на то что КВЖД после изменения социального и политического строя в России лишилась государственной поддержки, было ликвидировано китайскими властями только в 1926 г.

ности европейцев в Китае была предпринята при создании русской судебной системы в полосе отчуждения КВЖД. В связи с этим возникли два вида судов.

1. Смешанные русско-китайские суды, так называемые Главные отделения, созданные по соглашению администрации дороги с провинциальными властями Китая. В их ведении находились гражданские споры и уголовные преступления, субъектами которых были и русские, и китайские подданные одновременно.

2. Пограничный окружной суд, созданный по указу царя от 2 февраля 1906 г. на основе судебных уставов Российской империи. Его юрисдикция распространялась исключительно на российских подданных, а также на споры имущественного характера, возникающие между КВЖД и ее клиентурой и пассажирами [9].

Для того чтобы обеспечить беспрепятственное прохождение маньчжурских грузов к Владивостокскому порту, в 1906 г. царское правительство передало КВЖД во временную эксплуатацию казенную Уссурийскую железную дорогу сроком на 30 лет [18]. Последняя была включена в систему управления КВЖД как относительно самостоятельное отделение дороги.

Таким образом, в течение десяти лет, с 1896 по 1906 г., царское правительство подписало три нормативно-правовых акта о передачи ему или от него недвижимого имуществ во временное пользование, это Устав КВЖД 1896 г. как развитие и конкретизация соглашения, достигнутого между представителями РКБ и Китая, договор 1898 г. с Китаем об аренде Ляодунского полуострова и соглашение о передаче КВЖД во временную эксплуатацию Уссурийской железной дороги. Последний акт носит не международный, а внутригосударственный характер. Стороны, заключившие соглашение, вероятно, затруднялись определить его характер, хотя по всем признакам он подпадал под договор аренды. Он не обязывал арендатора вносить улучшение в имущество, которым он временно владел, в отличие от концессионера.

Конвенция между Россией и Китаем об аренде Ляодунского полуострова 1898 г. – это, безусловно, международно-правовой акт. В его статьях были ряд неясностей, недоговоренностей, позволивших России их произвольно толковать. В частности, хотя срок аренды и был оговорен 25 годами, но сам договор не исключал его пролонгации. Не ясен был и статус управляющего арендуемой территории. Говорилось только, что это не может быть ни губернатор, ни генерал-губернатор. Не было в нем ничего сказано об экстерриториальности, но китайские подданные, совершившие преступление на арендованной территории, высылались за ее пределы и судились по китайским законам. В общих чертах оговаривалась система судебной власти (ст. IV Конвенции) [11: с. 222].

16 августа 1899 г. Николай II собственноручно подписал «Временное положение об управлении Квантунской областью» (так стали называться арендованные территории). Согласно положению управление областью переходило к назначенному царем начальнику, в подчинении которого находились все сухопутные войска и флот, базирующийся в Порт-Артуре, а также гражданское управление. Отправление правосудия на полуострове передавалось Порт-Артурскому судебному округу, который, в свою очередь, находился в ведении Иркутской судебной палаты. Российской судебной юрисдикции передавались все гражданские споры и уголовные дела, совершенные русскими подданными, а также китайцами, если одна из сторон в конфликте – русская. В Положение был включен обширный перечень деяний (от государственных до убийства и т.д.), которые, не взирая на подданство преступника, рассматривались в окружном суде. В исключительных случаях, когда совершенное деяние носило особо опасный характер, преступник передавался русскому военному суду [4].

Таким образом, Положение выхолащивало те немногочисленные уступки китайскому суверенитету, которые содержались в Конвенции 1898 г. Оба документа означали и их воплощение в жизнь, на взгляд автора, устанавливали временный суверенитет Российской империи на арендуемой территории. Под суверенитетом мы понимаем независимость установленной государственной власти от диктата внешних сил и полный внутренний контроль над принадлежащей ему территорией.

Вернувшись к статусу КВЖД, отметим, что формально она была частным предприятием – акционерным обществом. Аренда обществом с 1906 г. Уссурийской железной дороги есть пример установления государственно-частного партнерства. Однако если анализировать ситуацию в привычных категориях отечественной исторической науки, объединение Китайской Восточной и Уссурийской железных дорог привело к появлению на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии государственно-монополистического объединения, на которое пришлось более половины перевозок всех видов транспорта региона.

Мы разделяем ту точку зрения, что сами железнодорожные концессии изначально были наиболее ранней формой государственно-частного партнерства, направленного на привлечение инвестиций в экономику. Под внешними одеждами частного акционерного общества – КВЖД – скрывалось русское полугосударственное предприятие. Об этом свидетельствует следующее:

1) железная дорога строилась на деньги из русской казны и русскими специалистами;

2) эксплуатация дороги осуществлялась русскими людьми, в том числе и теми, кто находился на гражданской и военной службе[3];

3) убытки, понесенные дорогой в ходе ее эксплуатации (за 1904–1909 гг. КВЖД получила на эти цели 53,4 млн руб.), возмещались;

4) тяжелым грузом на плечи казны легло содержание нетранспортной инфраструктуры дороги (больницы, школы, церкви, охрана благочиния, пенсионные кассы и т.д.). Только с 1915 г. дорога смогла выйти на бездефицитную работу, покрыв все расходы.

В то же время КВЖД можно рассматривать и как **совместное российско-китайское предприятие**. При этом вклад России в развитие дороги был максимальным, а соответственно роль в управлении – преобладающей. Следует отметить, что был создан механизм согласования интересов двух сторон и в решении спорных вопросов, заложенный в структуре управления КВЖД. Не надо сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что всю «черную» работу на русских железных дорогах Дальнего Востока выполняли китайские отходники, в том числе и из внутренних районов Китая. Красноречивее всего о роли КВЖД в развитии русского Дальнего Востока и Северной Маньчжурии, говорят цифры (табл. 2).

Талица 2

Структура грузоперевозок по КВЖД в 1908–1913, тыс. т. [3]

Год	Местные грузы	Вывоз (через Владивосток)	Ввоз (через Владивосток)	Транзит (между Читой и Владивостоком и обратно)	Всего
1908	158	242	87	59	546
1909	137	387	149	59	732
1910	198	498	181	70	947
1911	216	721	214	75	1226
1912	380	537	110	90	1117
1913	363	544	161	97	1165

За период от перестройки работы дороги в новых условиях после Русско-японской войны и до начала Первой мировой войны ее грузооборот вырос в целом более чем в 2 раза. Это относится как к местным перевозкам, обслуживающим нужды собственно китайской территории, так и к вывозу хлебных грузов, главным образом бобовых, на экспорт через Владивосток. В результате Северная Маньчжурия стала вторым после Шанхая и прилегающих к нему приморских территорий экономически развитым регионом Китая. Безусловно, от вывоза маньчжурского экспорта выигрывал и Владивосток. При этом, вопреки опасениям русской дальневосточной буржуазии, маньчжурский транзит грузов не составил серьезной конкуренции речным перевозкам по Амуру: грузооборот Амурского бассейна в указанные годы был на порядок выше транзита.

В этой связи интересна выдержка из отчета министра финансов Российской империи В.Н. Коковцева о его поездке на КВЖД в октябре 1909 г.: «…китайское население не питает к нам враждебных чувств, и … с его стороны нам, по-видимому, не угрожает никакой опасности. Практичные по своей натуре, дисциплинированные, трудолюбивые и умеренные в своих привычках китайцы отлично понимают выгоды, доставленные русской железной дорогой, и вполне их учитывают. Высказываемое многими мнение о том, что китайские власти искусственными мерами направляют колонизацию в Северную Маньчжурию якобы с целью облепить с двух сторон железную дорогу, по моему мнению, не основательно: если площадь пустующих земель вдоль линии железной дороги все уменьшается, то, бесспорно, именно потому, развиваемый железною же дорогою экспорт зерновых продуктов, особенно бобовых, находящий прекрасный сбыт за границей, дает хороший заработок трудящемуся китайскому населению, которое, с одной стороны, испытывает сильную нужду у себя на родине в собственном Китае, а с другой, встречает в последнее время менее гостеприимное к себе отношение в Приморской и Амурской областях, большими массами устремляется в район КВЖД» [18].

В связи с приведенными фактами и высказыванием В.Н. Коковцева, по мнению автора, некорректно рассматривать КВЖД исключительно как орудие колониального захвата в Китае, тогда как аренда Ляодунского полуострова таковым является в полной мере. Последняя делалась в ущерб собственно русской территории на Дальнем Востоке. Значительные средства прошли не только мимо Благовещенска и Хабаровска, но и Владивостока. По данным С.А. Власова, население Владивостока за время строительства Порт-Артура уменьшилось [24]. В 1904 г. Квантунская область преобразуется в наместничество, в состав которого вошли Приморская и Амурская области. Понятно, что управление русского Дальнего Востока из заморской территории не могло быть эффективным в принципе [8]. Создание наместничества стало следующим шагом к аннексии территории Китая. Авантюризм царской власти привел к изоляции России, а это, в свою очередь, нарушило хрупкое

[3] Заамурская железнодорожная бригада с января 1908 г. выставляла для эксплуатационной работы дороги порядка 3 тыс. только «нижних чинов». Подготовка квалифицированных рабочих в железнодорожной бригаде осуществлялась в технической учебной команде.

международное равновесие на Дальнем Востоке в пользу Японии. Россия проиграла Русско-японскую войну. Последовавшая затем первая русская революция 1905–1907 гг. стала прологом Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Владимир Николаевич Коковцев

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов по своей сути был учредительным, так как на нем были приняты важнейшие документы, заложившие основы советской государственности. Один из таких документов – «Декрет о мире», в котором провозглашались принципы демократического мира (без аннексий и контрибуций, денонсация неравноправных договоров и т.д.). Однако есть одна важная деталь: В.И. Ленин непосредственно на съезде уточнил свою позицию по отношению к неравноправным и грабительским договорам: «Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать» [13]. По сути дела, это выступление В.И. Ленина знаменовало признание принципа правопреемства советской государственностью соглашений, заключенных царской Россией, заложивших основы международного положения нашей страны.

К лету 1918 г. советское государство определилось и по отношению к КВЖД. Выступая на очередном V Всероссийском съезде Советов, новый нарком иностранных дел Г.В. Чичерин сказал: «Мы уведомили Китай, что отказываемся от захватов царского правительства в Маньчжурии и восстановляем суверенные права Китая на той территории, по которой пролегает важнейшая торговая артерия, – Восточно-Китайская железная дорога, собственность китайского и русского народа, поглотившая многие миллионы народных денег и потому принадлежащая только этим народам и никому более» [23].

Общим между Г.В. Чичериным и В.Н. Коковцевым было не то, что они оба относились к потомственным дворянам, а то, что они оба были **государственниками**, хотя и работали в при разном государственном строе. Первый – министр финансов царской России, второй – нарком иностранных дел СССР.

Однако приступить к практическому выполнению поставленных задач удалось только через шесть лет. В 1924 г. советская Россия установила официальные отношения с Китаем и подписала два дополнительных соглашения с Пекинским правительством и правительством трех Восточных провинций о КВЖД. Суть их сводилась к следующим положениям.

1. Дорога является исключительно совместным предприятием России и Китая, и какой-либо международный контроль за ее деятельностью недопустим.

2. Аннулируются все положения прежних российско-китайских договоров, где присутствовал принцип «экстерриториальности» российских подданных.

3. Провозглашается «деполитизация» дороги, т.е. ни одна из сторон соглашений не будет использовать «полосу отчуждения» для ведения недружественной пропаганды и в целом политики, направленной против другой стороны.

4. Возрастает роль Пекина в управлении железной дорогой. Формирование управленческих структур КВЖД осуществляется на паритетных началах. Правда, китайская сторона признавала приоритет русских специалистов в техническом управлении дорогой.

В целом можно согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что подписанные соглашения базировались на принципе равноправия сторон и имели взаимовыгодный характер [24].

Тем не менее реализовать заложенные в советско-китайских соглашениях по КВЖД возможности до конца не удалось. Через пять лет после их подписания произошел советско-китайский военный конфликт на КВЖД, когда китайцы в одностороннем порядке хотели завладеть дорогой. В 1931 г. японцы захватили Маньчжурию, и нормальная работа КВЖД стала невозможна. В 1935 г. СССР продал КВЖД марионеточному государству Маньчжоу-Го. Фактически это была сделка между СССР и Японией.

Таким образом, если подходить к КВЖД формально-юридически, то это – частное юридическое лицо (акционерное общество), созданное на правах железнодорожной концессии как одной из форм государственно-частного партнерства. Фактически КВЖД – совместное российско-китайское предприятие. Разрыв между формально-правовым статусом дороги и ее фактическим положением был преодо-

лен только при подписании соответствующих советско-китайских соглашений о КВЖД 1924 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бектяшинский, Н.С.* Муниципалитет города Харбина / Н.С. Бектяшинский // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 5–7. – С. 147.
2. *Варнавский, В.Г.* Государственно-частное партнёрство. Теория и практика / В.Г. Варнавский, А.В. Клименко, В.А. Королёв. – М. : ГУ-ВШЭ, 2010.
3. Вестник Маньчжурии. – 1928. – № 6. – С. 11.
4. Временное положение об управлении Квантунской области // Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 г. – Томск : Изд.-во Ф.П. Романова, 1900. – Отд. II. – С. 94–116.
5. Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона) 1804 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http://mmkaz. narod. ru/ vigp1/sources/civil.htm
6. *Дождев, Д.В.* Римское частное право : учеб. для вузов / Д.В. Дождев ; под ред. чл.-корр. РАН, проф. Нерсесянца. – М. : ИНФРА-М – НОРМА, 1996. – 484 с.
7. *Казанцев, В.П.* Формирование системы гражданского управления на арендованных Россией территориях: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 90-х гг. XIX – февраль 1917 г.) / В.П. Казанцев. – СПб. : Росток, 2015.
8. *Ковальчук, М.А.* Государственно-правовое регулирование деятельности железнодорожного транспорта России (1837–1917) : моногр. / М.А. Ковальчук. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2007.
9. *Ковальчук, М.А.* Русская судебная система на Китайской Восточной железной дороге и в Квантунской области (1896–1920) / М.А. Ковальчук // Помним, думаем, спорим… : сб. ст., посвящ. 75-летию со дня основания кафедры «История государства и права» Урал. гос. юр. акад. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 343–362.
10. Конвенция, заключенная между Россией и Китаем об аренде части полуострова Ляодун с портами Люйшункоу (Порт-Артур), Далянь (Дальний) и с прилегающими к ним водным пространством и территорией от 15 марта 1898 года // Российско-китайские договорно-правовые конвенции (1869–1916) / под общ. ред. В.С. Мясникова. – М. : Памятники истор. мысли, 2004. – С. 221–224.
11. Контракт, заключенный между Русско-Китайским банком и Китаем на постройку и эксплуатацию КВЖД. – 1896 г. августа 27 // Российско-китайские договорно-правовые конвенции (1869–1916) / под общ. ред. В.С. Мясникова. – М. : Памятники истор. мысли, 2004. – С. 212–215.
12. *Ленин, В.И.* Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) / В.И. Ленин // Избранные произведения. В 3 т. Т. 2 (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) – М., 1973. – 421 с.
13. Министерство путей сообщения : стат. сб. ; Вып. 141. Железные дороги в 1913 г. – Петроград, 1917.
14. Международные отношения на Дальнем Востоке. В 2 кн. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. / А.Л. Нарочницкий [и др.]. – М. : Мысль, 1973. – С. 180.
15. О сооружении первой сети железных дорог в России. 1857. Январь, 26. № 31448// ПСЗРИ. – Собр II-е. – Т. XXXII. – Отд. I. – 1857. – СПб., 1858.
16. Положение об Общественном Управлении в Харбине// Сборник узаконений и распоряжений по управлению территорией Китайской Восточной железной дорогой. Т. 1. Организация частей управления (ч. 1–2) / составил Фон-Арнольд. – Харбин, 1916. – С. 67–68.
17. Отчет Министра Финансов В.Н. Коковцева на Дальний Восток // РГИА. – Ф. 268. – Министерства финансов. – Оп. 3. – Д. 893. – Л. 43.
18. Соглашение о передаче Казенной Уссурийской железной дороги во временную эксплуатацию Обществу Китайской Восточной железной дороги. 28365. – [1896] сентябрь 22. // ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XXXVL. – 1906. – Отд. 1. – № 27173-28753 и доп. – СПб., 1909.
19. Справочник по Северной Маньчжурии и КВЖД. – Харбин, 1927. – С. 30.
20. Устав Общества Китайской Восточной железной дороги : [принят 4 дек. 1896 г. № 13486] // ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. XVI. – 1896. – Отд. 1. – № 12355–13610. – СПб., 1899.
21. *Шапиро, Н.А.* Государство и рынок: концессии как форма взаимодействия [Электронный ресурс] / Н.А. Шапиро, С.А. Горячий. – Режим доступа: //http://economics. ihbt.ifmo. ru/file/article/6731.pdf
22. *Чичерин, Г.В.* Доклад на V Съезде советов 4 июля 1918 г. / Г.В. Чичерин // Статьи и речи по вопросам международной политики. – М. : Полит. лит., 1961. – С. 37–62.
23. *Яхимович, С.Ю.* КВЖД в советско-китайских переговорах о заключении договоров 1924 года / С.Ю. Яхимович // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России». – 2010. – № 1 (18). – С. 119–131.
24. *Власов, С.А.* Очерки истории Владивостока / С.А. Власов. – Владивосток, 2010. – 56 с.

ДЕМАРКАЦИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

А.П. Костюченко

Костюченко Александр Петрович – соискатель степени кандидата исторических наук Хабаровского пограничного института ФСБ России.

Контактный адрес: anisimov@email.kht.ru

В статье рассматривается процесс демаркации российско-китайской границы на территории Еврейской автономной области, особый упор делается на проблемы демаркации спорных островов по Амуру в этом регионе. В конечном итоге, несмотря на протесты властей ЕАО, общественности и СМИ, демаркационные работы на восточном участке границы, в том числе и на территории Амурской области, были завершены ко второй половине 1997 г. Это было подтверждено в ходе пекинской встречи на высшем уровне 10 ноября 1997 г.

Ключевые слова: демаркация, российско-китайская граница, Еврейская автономная область, спорные острова, река Амур, гидрографические работы, фарватер.

В 1993 г. начался процесс демаркации российско-китайской границы на участке Дальневосточного пограничного округа (ДВПО), в том числе и на территории ЕАО, в результате чего она получила четкое обозначение на местности.

Правовой основой работы демаркационной комиссии стало *Соглашение 1991 г.* Оно устанавливало полномочия демаркационной комиссии и предполагало создание «на паритетных началах Совместной демаркационной комиссии», которой поручалось «…определить на пограничных реках точные положения середины главного фарватера, середины реки или ее главного рукава, определить ... принадлежность островов на пограничных реках, установить пограничные знаки, подготовить проект документов о демаркации границы, составить подробные демаркационные карты...» [10, с. 124].

В 1991–1992 гг. в районе г. Фуюань (КНР) от 67 до 60 км р. Средний Амур не без помощи китайцев произошло спрямление главного фарватера. Российские речники согласились с переносом судового хода на вновь образовавшийся фарватер. В ходе проведения гидрографических работ и демаркации границы в 1993 г. здесь уже была проведена новая линия госграницы.

На 195 км р. Средний Амур в районе острова Попов (200–192 км – 18 погз[1] 63 пого[2]) накануне демаркационных работ в 1993 г. китайцы во время дноуглубительных работ произвели отвал грунта в протоку вблизи китайского берега. В ходе гидрографических демаркационных работ глубина здесь оказалась меньше, чем в протоке Мосалевская, по которой и была проведена новая линия границы. Позднее китайская протока вновь стала более глубокой, но китайцы не разрешили плавание по ней российским судам. Именно из-за этого района руководство ЕАО и Амурводпути высказывали недовольство итогами демаркации госграницы, которая привела к возникновению конфликта между речниками сторон [1: л. 38, 122].

Постановлением Правительства РФ от 10 августа 1992 г. была образована российская делегация. В нее вошли представители МИД, Министерства обороны, Главного штаба ВМФ и Федеральной пограничной службы России с привлечением соответствующих специалистов. Кроме того, предусматривалось включение представителей приграничных регионов на уровне заместителей глав администраций. В комиссию, таким образом, вошли представители Еврейской автономной области. Также в состав демаркационных рабочих групп (далее – ДРГ) вошли представители районов и городов, непосредственно выходящих на границу. Представителем ЕАО был назначен Валерий Соломонович Гуревич. Он должен был, с одной стороны, выполнять решение Законодательного собрания области, которое не признало объективные данные гидрологических измерений при определении границы и принадлежность спорных островов Китаю в пределах области, а с другой, он должен был следовать принципам и критериям, установленным Соглашением 1991 г. В своей деятельность В.С. Гуревич отдавал приоритет общегосударственным интересам. Но в то же время находил решения, которые учитывали мнение руководства и местного населения области [7: с. 314–315].

Директивами Правительства Российской Федерации (постановление Правительства Российской Федерации от 10 августа 1992 г. № 568-38) российской делегации в Демаркационной комиссии предписывалось определить точное положение середины главного фарватера и в соответствии с этим принадлежность островов на пограничных реках по

[1] погз – пограничная застава.
[2] пого – пограничный отряд.

материалам гидрографических измерений. Осуществление гидрографических работ постановлением Правительства России от 5 мая 1993 г. № 419 было возложено на Министерство обороны России. Гидрографические измерения проводились квалифицированными специалистами – офицерами Гидрографической службы Военно-морского флота. Российская делегация поддерживала тесные контакты со специалистами-речниками Департамента речного флота Министерства транспорта РФ и госпредприятия «Амурводпуть».

На большинстве участков р. Амур гидрографические измерения проводились российским или китайским катером с наблюдателем от другой стороны.

Официальная позиция российской стороны состояла в том, что все вопросы, связанные с осуществляемой в соответствии с Соглашением от 16 мая 1991 г. демаркацией российско-китайской государственной границы на ее Восточной части, урегулированы, что демаркируемая граница четко обозначена на местности.

В ходе проведения демаркационных работ на некоторых участках р. Амур возникли сложности. Среди них: группа островов в устье впадающей в р. Амур со стороны КНР р. Сунгари (Сунхуацзян), острова Попов, Савельев, Сазаний, Сухой, На-Створах в устье впадающей в р. Амур со стороны России р. Бира (рисунок), острова Еврасиха, Луговской, Нижнепетровский (участок № 3, в пределах ЕАО).

Население и администрация ЕАО категорически возражали против передачи территорий КНР. Законодательное собрание ЕАО в 1995 г. приняло решение оставить за Россией восемь островов – Попов, Савельев, Сазаний, Сухой, На-Створах, Еврасиха, Луговской, Нижнепетровский [9: с. 45].

Негативное отношение жителей ЕАО к демаркации и Соглашению 1991 г. обусловливалось, прежде всего, тем, что передача ряда островов Китаю затрагивала их традиционные хозяйственные интересы. Высказывались опасения, что КНР может самостоятельно сдвинуть линию середины главного фарватера р. Амур ближе к российскому берегу. По этому поводу подробно высказался председатель Законодательного собрания ЕАО С.В. Вавилов: «На протяжении десятка лет китайская сторона в одностороннем порядке искусственно смещала русловой поток р. Амур к нашему левому коренному берегу. ...Работали земснаряды, которые замывали протоки. Амур раньше тек в правую сторону, земснаряды завалили правый проток, и река потекла в нашу сторону, естественно, начала мыть берег, и у нас получились глубины больше, все это делалось искусственно. Но никто пальцем не пошевелил из министерств и ведомств, чтобы разобраться, почему китайская сторона в одностороннем порядке смещает русловой поток в нашу сторону. Они у нас отбирают все протоки, оставляя узкую полосочку шириной в 50 метров. Амур для нас перестает быть судоходным. Кроме того, у нас по этим протокам идут на нерест осетровые рыбы, добывается красная и черная икра. ...Если эти протоки перейдут под контроль Китая, рыбы в Амуре не будет» [3].

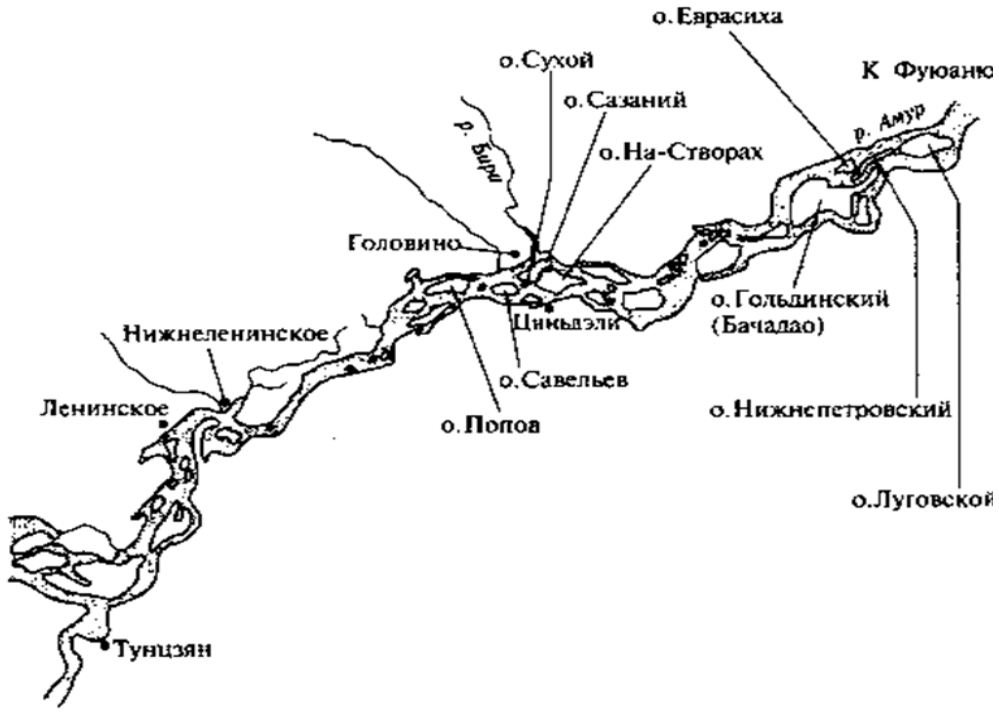

Рисунок. Карта-схема островов на территории ЕАО, бывших предметом спора между РФ и КНР в период демаркации границы в 90-е гг. XX в. [6: с. 178]

Весьма болезненно в ЕАО восприняли тот факт, что в результате демаркации на р. Амур острова Попов, Савельев, Еврасиха, Луговской и Нижнепетровский перейдут к Китаю. В марте 1995 г. Законодательное собрание ЕАО приняло специальное решение оставить эти острова за Россией. В связи с этим, как было сказано выше, российская делегация в Совместной демаркационной комиссии высказалась за прохождение главного фарватера в районе этих островов в более мелких рукавах Амура. Однако китайская сторона согласия на такой вариант не дала и выдвинула встречные требования. В результате стороны вернулись на первоначальные позиции.

С.В. Вавилов также сообщил о нарушениях при проведении гидрографических промеров в ходе демаркации, в результате чего неверно была определена линия середины главного фарватера. Ошибка, по его словам, заключалась в том, что дистанция между точками промеров составляла 700 м вместо 20 м. Он также сообщил, что по просьбе местных законодателей специалистами Амурводпути были проведены повторные измерения, которые определили совершенно иную линию фарватера, по которому 5 перечисленных островов и 40 тысяч гектаров прилегающей акватории оставались за РФ.

Совместная работа российско-китайской рабочей группы на участке № 6 в 1996 г. началась с проведения совместного заседания, которое состоялось 15 мая 1996 г. в с. Ленинское (РФ), на нем стороны обсудили вопросы работы на год и приняли план работ на полевой сезон 1996 г.

Планом работ на 1996 г. было предусмотрено: 1) рекогносцировка 243, 244, 245, 249, 250, 254, 252, 255 пограничных знаков; 2) установка и определение координат 243, 244, 245, 249, 250, 251, 252, 255 пограничных столбов; 3) контрольные измерения 244(3), 246(2), 246(1), 258(2) пограничных столбов; 4) покраска пограничных столбов.

Российская сторона в период с 25 мая по 20 сентября 1996 г. установила и провела измерения пограничных столбов № 243, 244, 245, 249, 250, 251, 252, 255, покрасила 20 пограничных столбов.

На 11-й совместной встрече, которая состоялась в период с 15 по 20 августа 1996 г. в г. Биробиджане, обсуждался план работы по проведению в порядок демаркационной документации.

Планом было предусмотрено: 1) нанесение линии границы и местоположения пограничных знаков на демаркационные карты; 2) заполнение таблицы принадлежности островов и отмелей и таблицы островов и отмелей, названия которых изменились в ходе демаркации; 3) проверка, согласование схем пограничных знаков, заполнение протоколов пограничных знаков; 4) составление черновых протоколов описания прохождения линии границы, их исправление и подписание; 5) доклад об итогах демаркационной работы.

В 1996 г. стороны провели 4 официальные встречи (руководителем российской части совместной российско-китайской демаркационной рабочей группы на участке № 6 являлся майор В. Медяков), на которых были решены вопросы по приведению в порядок демаркационной документации: в городе Биробиджане (РФ) с 15 по 20 августа 1996 г., городе Цзямусы (КНР) с 5 по 14 сентября 1996 г., городе Биробиджане (РФ) с 25 сентября по 4 октября 1996 г., городе Цзямусы (КНР) с 18 по 29 октября 1996 г.

В ходе проведения встреч были подписаны следующие документы: каталог координат и высот пограничных столбов; таблицы изменившихся и новых названий островов и отмелей; протоколы пограничных знаков с № 231 по № 259; три экземпляра демаркационной рабочей карты № 107–128; таблицы принадлежности островов и отмелей; черновик протокола-описания прохождения линии государственной границы; заключительный доклад по итогам демаркационных работ.

Стороны проводили свою работу в духе дружбы и сотрудничества. На каждой встрече решались конкретные вопросы. По многим вопросам было достигнуто единое мнение [13: л. 181].

Очередная рабочая встреча Совместной российско-китайской демаркационной комиссии состоялась 11 марта – 1 апреля 1996 г. в Москве. Важное значение для ее работы имело распоряжение Президента РФ от 21 февраля 1996 г. № 77-рп «О завершении демаркационных работ на Восточной части российско-китайской границы», которым российской делегации поручалось завершить демаркационные работы на восточной части российско-китайской государственной границы, в том числе на участках границы в Еврейской автономной области, в частности в районе островов Попов, Савельев, Сазаний, Сухой, На-Створах, Еврасиха, Нижнепетровский на р. Амур, в строгом соответствии с Соглашением от 16 мая 1991 г. и без серьезных отклонений от установленных сроков.

Прошедшая рабочая встреча Комиссии ознаменовала начало нового важного этапа – этапа документального оформления обозначенной на местности линии границы и подготовки материалов демаркации к изданию.

Стороны проверили и утвердили демаркационные документы на линию границы протяженностью около 1000 км (в том числе на Верхнем Амуре – 790 км): протоколы-описания прохождения линии границы, протоколы пограничных знаков, демаркационные рабочие карты и другие материалы – всего около 600 документов. На основе совместных гидрографических промеров утверждена линия границы на ее речных участках протяженностью приблизительно 300 км.

Стороны условились в ближайшее время продолжить рассмотрение материалов, подготовленных 2-й, 4-й, 9-й и 10-й демаркационными рабочими группами, а также проверку и утверждение гидрографических материалов на участках № 2, 3 и 4.

Важное значение имело окончательное определение середины главного фарватера, принимаемой за линию границы на р. Амур [14: л. 182].

В 1996 г. основные усилия демаркационных рабочих групп были сосредоточены на выполнении распоряжения Президента РФ от 21 февраля 1996 г. № 77-рп.

В соответствии с протоколами рабочих встреч Совместной российско-китайской демаркационной комиссии от 1 апреля и 17 июня 1996 г. обеими сторонами установлены последние 9 пограничных столбов. Из них по 8 пограничных столбов на берегах р. Ср. Амур в районе устьев рек Сунгари (15 погз Биробиджанского пого), Бира (18 погз Биробиджанского пого) и островов Еврасиха, Луговской (1–2 погз Хабаровского пого) на территории Еврейской АО, в том числе китайской стороной на о. Луговской.

В соответствии с протоколом рабочей встречи Совместной российско-китайской комиссии, состоявшейся в июне 1996 г. в г. Харбине, произошло сокращение количества пограничных столбов, устанавливаемых на участке округа. Погранзнак № 250 (устье р. Бира – 18 погз Биробиджанского пого – 6 ДРГ), ранее состоявший из трех столбов, был заменен на знаки, состоящие из двух столбов. В связи с этим количество погранзнаков сохранилось прежнее – 168, а количество пограничных столбов уменьшилось со 181 до 179 [15: л. 162].

Особенностью сезона 1996 г. по-прежнему оставалась сохраняющаяся с 1995 г. особая позиция Законодательного собрания ЕАО по разграничению в районе устья р. Бира (18 погз Биробиджанского пого) и островов Еврасиха, Луговской (1–2 погз Хабаровского пого).

30 мая 1996 г. Законодательное собрание ЕАО приняло постановление № 32 «О ходе демаркационных работ на восточном участке российско-китайской границы, проходящей по территории Еврейской автономной области». В постановлении отмечалось, что заслушав информацию начальника международной договорной службы Дальневосточного пограничного округа А.М. Филонова о ходе демаркационных работ на восточном участке российско-китайской границы, учитывая социально-политические и экономические последствия для ЕАО и России в целом принимаемых в процессе демаркации решений и считая, что предложенное рабочей комиссией на переговорах по демаркации российско-китайской границы прохождение границы в районе устья р. Бира и островов Еврасиха, Луговской крайне негативно повлияет на производственно-хозяйственную деятельность населения области на р. Амур, на обеспечение сохранности и воспроизводства рыбных запасов, Законодательное собрание Еврейской автономной области постановило: «1. Подтвердить решение Законодательного Собрания ЕАО от 22.03.95 № 10 "О ходе демаркационных работ на участке российско-китайской границы, проходящей по территории Еврейской автономной области" о сохранении за Россией исторически принадлежавших ей на реке Амур островов Попов, Савельев, Еврасиха, Нижнепетровский, Луговской.

2. Просить Президента Российской Федерации, Правительство Российской Федерации поручить российской делегации на переговорах обсудить спорные вопросы демаркации российско-китайской границы, проходящей по территории Еврейской автономной области, с целью надлежащего оформления и закрепления за Российской Федерацией вышеназванных островов, являющихся зоной экономической активности населения приграничных районов Еврейской автономной области.

3. Поддержать постановление Парламентской Ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье" и Думы Приморского края в части обращения в Конституционный суд Российской Федерации по проверке конституционности решения Верховного Совета РСФСР от 16.05.91 г. о ратификации Соглашения между СССР и КНР о советско-китайской границе на ее восточной части.

4. Настоящее постановление направить Президенту Российской Федерации, в Правительство Российской Федерации и Федеральное Собрание Российской Федерации» [5: л. 61–62].

В августе 1996 г. Законодательное собрание ЕАО в очередной раз поставило этот же вопрос в Совете Федерации. В комитете по безопасности и обороне 7 октября 1996 г. состоялись слушания по вышеназванной проблеме (р. Бира и острова Попов, Ульшин – 18 погз Биробиджанского пого; острова Еврасиха, Луговской, Нижнепетровский – 1–2 погз Хабаровского пого).

Кроме того, по заказу Законодательного собрания ЕАО в районе острова Ульшин были проведены повторные гидрографические промеры специалистами Амурводпути. По их информации, полученные результаты данных промеров несколько отличаются от проведенных два года тому назад военными гидрографами Тихоокеанского флота.

Обстановка в российском приграничье в основном способствовала выполнению планов демаркационных работ. Администрации ЕАО, приграничных районов оказывали помощь в подготовке и проведении встреч, их представители непосредственно участвовали в работе ДРГ. Наиболее действенная помощь в демаркации границы, особенно в покраске столбов, была безвозмездно оказана Еврейской АО.

Активную помощь округу, непосредственно демаркационным рабочим группам оказывал заместитель главы администрации ЕАО В.С. Гуревич [15: л. 163].

26 марта 1997 г. Законодательное собрание ЕАО постановлением № 35 утвердило предложения ЕАО по демаркации российско-китайской границы в пределах Биробиджанского и Смидовичского районов, приняло решение направить данные предложения в Совет Федерации, Правительство РФ и в Министерство иностранных дел РФ. Комиссии по законодательству во главе с А.В. Гуршпаном было поручено подготовить и провести референдум на территории области по данному вопросу. Было также решено направить обращение членам Совета Федерации с просьбой поддержать позицию Законодательного собрания области при рассмотрении данного вопроса на Совете Федерации Федерального собрания. Предложения ЕАО по демаркации российско-китайской границы в пределах Биробиджанского и Смидовичского районов состояли в следующем: 1) до завершения демаркации границы организовать выполнение поручений Правительства РФ № ЮЯ-П8-220148 от 5 июня 1993 г. с привлечением специалистов и представителей регионов; после всестороннего изучения проблемы МИД провести переговоры с КНР по данному вопросу с учетом корректировки главного фарватера в районе спорных островов; 3) до проведения соответствующих мероприятий приостановить демаркационные работы, в том числе и установку пограничных знаков и оформление окончательных документов на спорных участках; 4) провести повторные контрольные промеры на спорных участках с участием ученых-русловедов и представителей регионов; 5) включить в состав совместной российско-китайской демаркационной комиссии руководителей законодательных органов государственной власти регионов, в том числе и от ЕАО; 6) найти компромиссный вариант, который мог бы предусматривать заключение соглашения с КНР о совместном использовании данных островов и водного пространства при сохранении над ними суверенитета России; 7) пограничные войска должны осуществлять охрану государственной границы на всем протяжении, где проводятся демаркационные работы, в обычном режиме, а не в режиме наблюдения [12].

В письме заместителя председателя Правительства ЕАО В.С. Гуревича заместителю министра иностранных дел России Г.Б. Карасину от 23 марта 1998 г. (№ 05-25/223) Правительство ЕАО сообщало, что пять островов на реке Амур – Попов, Савельев, Нижнепетровский, Еврасиха, Луговской по результатам демаркации российско-китайской границы переходили к Китаю. Эти и прилегающие к ним острова являлись территорией, на которой традиционно осуществлялась хозяйственная деятельность ряда сельскохозяйственных предприятий области. Правительство ЕАО просило учесть вышеизложенное при проведении российско-китайских переговоров по совместному хозяйственному использованию отдельных островов и прилегающих к ним акваторий на пограничных реках [5: л. 134–135].

20 июля 1998 г. председатель российской делегации в Совместной российско-китайской демаркационной комиссии Г.В. Киреев направил письмо губернатору ЕАО Н.М. Волкову (№ 164/ркдк-нс).

В связи с обращением губернатора ЕАО (№ 03-03/298 от 6.07.1998 г.) Г.В. Киреев информировал, что российская делегация в Совместной российско-китайской демаркационной комиссии стремилась в максимальной степени учитывать мнение руководства ЕАО в том, что касается демаркации российско-китайской государственной границы в пределах области. При этом особое внимание было уделено району восьми островов на реке Амур – Попов, Савельев, Сазаний, Сухой, На-Створах, Еврасиха, Нижнепетровский и Луговской [ГАЕАО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 91. Л. 38–39].

Поскольку вопрос о разграничении в данных районах был очень болезненным для российской стороны, то она предложила особо тщательный способ промеров. На участке № 3 – в районах упомянутых групп островов – стороны провели гидрографические промеры, каждая на своих судах и при постоянном присутствии наблюдателя от другой стороны. При этом суда следовали друг за другом на расстоянии не более 50 м. Такой метод полностью исключал возможность необъективного решения или каких-либо ошибок относительно определения местоположения главного фарватера и принадлежности островов [9: с. 43].

Принимая во внимание общественное мнение жителей ЕАО, решение Законодательного собрания оставить восемь вышеперечисленных островов за РФ (что не входило в его компетенцию), а также хозяйственное значение этих островов для приграничного населения, российская делегация попыталась настоять на прохождении главного фарватера в районах этих островов в более мелких рукавах Амура, несмотря на материалы промеров. Это произошло в ходе сессии комиссии в Чите в июле 1995 г. В результате китайская сторона обвинила Россию в использовании «двойных стандартов» и отходе от принципов и критериев, закрепленных в Соглашении 1991 г. Она потребовала перенести линию границы в районе о. Полуденный и группы островов в устье р. Сунгари в более мелкие рукава, значительно ближе к российскому берегу, чем это следовало из результатов гидрографических промеров [8: с. 359].

Урегулировать сложившуюся ситуацию удалось лишь к апрелю 1996 г. Местоположение главного фарватера на р. Амур было определено в соответствии с гидрографическими данными, полученны-

ми в ходе совместных промеров. В итоге острова Сазаний, Сухой, На-Створах в устье р. Бира были отнесены к России, а острова Попов, Савельев, Еврасиха, Луговской, Нижнепетровский – к Китаю. За Россией также остались о. Полуденный и группа островов в устье р. Сунгари [9: с. 45].

Несмотря на то что российская и китайская стороны неоднократно заявляли, что разграничение на реках производится строго по фарватеру, иногда это утверждение ставится под сомнение.

Так, председатель Законодательного собрания ЕАО С.В. Вавилов утверждал, что при проведении демаркационных работ на р. Амур замеры глубин для определения фарватера делались с грубейшими нарушениями, и соответственно была неверно определена середина главного фарватера, по которой должна была пройти граница. В результате пять островов с прибрежной акваторией отойдет Китаю [3].

Доказать неправомерность демаркационных работ на отдельных речных участках в Еврейской автономной области пытались путем проведения собственной гидрологической экспертизы [4]. Однако большинство статей и выступлений против результатов разграничения опирались больше на эмоциональные, а не на научные доводы.

Предложение руководства ЕАО о повторных промерах могло вызвать, по мнению Г.В. Киреева, аналогичные требования китайской стороны о повторных промерах в районах ряда других островов на Амуре и Уссури, в результате чего РФ могла понести существенные территориальные потери в Хабаровском крае, Амурской области и в Еврейской автономной области. Новая постановка вопроса о местоположении главного фарватера на р. Амур в районе островов Попов и Савельев могла взорвать весь процесс демаркации, оставив границу открытой на неопределенное время. Это не отвечало государственным интересам России.

Вопросы, касающиеся хозяйствования на пяти островах, отнесенных по итогам демаркации к Китаю, могли бы быть решены в рамках Соглашения о совместном хозяйственном использовании островов. Но, несмотря на приглашения, в этих переговорах представители ЕАО с самого их начала не участвовали [ГАЕАО. Ф. 500. Оп. 1. Д. 91. Л. 38–39].

С целью достижения полной объективности при проведении гидрографических измерений для определения главного фарватера и принадлежности островов российская делегация предложила, а китайская сторона приняла особый способ промеров. В отличие от обычной практики, когда измерения на своем участке каждая сторона проводила самостоятельно с участием гидрографа-наблюдателя другой стороны, на участках № 2 и 3 – в районах упомянутых групп островов – стороны провели гидрографические промеры каждая на своих судах одновременно при постоянном присутствии на судах одной стороны наблюдателей другой стороны.

Подобные двусторонние совместные гидрографические работы проводились впервые. Главное требование, предъявлявшееся к совместным работам, – одновременность их выполнения. Именно это и предопределило организацию работ: суда сторон следовали друг за другом с одинаковой скоростью, соблюдая дистанцию не более 50 м. У гидрографических групп обеих сторон на момент начала работ должны быть готовы увеличенные светокопии масштаба 1:25000 на районы работ, развита сеть рабочего обоснования на всем протяжении участков совместных промеров. Непременным условием работ были постоянные наблюдения за колебаниями уровня воды, согласованность частот для двусторонней радиосвязи.

Еще один важный момент таких работ – стороны использовали свои точки рабочего обоснования, необходимые для установки аппаратуры по определению местоположения судов на промерных галсах, которое осуществлялось с заданной частотой с береговых постов. Обеспечивалась постоянная двусторонняя радиосвязь между судами сторон, а также с уровенными постами.

Погрешности при определении местоположения катеров не превышали требований, оговоренных в совместной Инструкции.

Особенностью совместных работ являлось также то обстоятельство, что в результате их было получено по два комплекта планшетов на каждый район. Линия середины главного фарватера наносилась на планшет той стороны, которая являлась ответственной за весь участок. В районе совместных промеров на участках устья р. Сунгари, островов Попов, Савельев, устья реки Биры, а также островов Еврасиха, Луговской, Нижнепетровский (участок № 3) линия середины главного фарватера наносилась на китайские экземпляры планшетов, российские планшеты являлись контрольными.

Несмотря на существенные материальные затраты для выполнения этих работ, они оказались оправданными. Данные измерений, полученные на российских и китайских гидрографических судах, показали одну и ту же картину дна, а это полностью исключало возможность необъективного решения или каких-либо технических ошибок относительно определения местоположения главного фарватера и принадлежности островов.

В ходе совместных с КНР гидрографических промеров, которые проводились в Еврейской автономной области, было доказано, что протока Головинская на некоторых участках более предпочтительна для судоходства. В результате удалось отстоять приличные по площади острова На-Створах и Сазаний, расположенные в устье реки Биры. В то же

время фарватер здесь сложился таким образом, что к китайской стороне должны были отойти острова Попов, Мосалев и Кит, которые не представляли интереса в смысле их хозяйственного использования. В то же время значительная по площади группа островов, находящихся в устье китайской р. Сунгари, по условиям фарватера переходили к России [7].

Учитывая принятое в марте 1995 г. решение Законодательного собрания ЕАО оставить все восемь островов за Россией, российская делегация пошла на то, чтобы, несмотря на результаты промеров, тем не менее предпринять попытку на сессии Комиссии в Чите в июле 1995 г. высказаться за прохождение главного фарватера в районе этих островов в более мелких рукавах Амура.

Это значительно затруднило весь ход переговоров и послужило поводом для китайских обвинений в том, что мы отходим от принципов и критериев, зафиксированных в Соглашении 1991 г., и прибегаем к «двойным стандартам». В качестве «ответной меры» китайцы выдвинули требования о переносе линии границы в районе о. Полуденный и группы островов в устье Сунгари (а в последующем также в районе многих островов на р. Уссури) в более мелкие рукава, значительно ближе к российскому берегу, чем это следовало из результатов гидрографических промеров.

Потребовалось немало времени и усилий, чтобы выбраться из этого тупика.

В течение года вопрос о российско-китайской границе на Дальнем Востоке активно не поднимался ни на уровне местной администрации, ни в СМИ. Но 21 февраля 1996 г. было опубликовано распоряжение Б.Н. Ельцина «О мерах по завершению демаркационных работ на Восточном участке российско-китайской границы», в котором российской делегации предписывалось завершить работы «в строгом соответствии с Соглашением» и «без серьезных отклонений от установленных сроков», а главам администраций Приморского и Хабаровского краев, Еврейской автономной области, Амурской и Читинской областей «оказывать всемерное содействие федеральным органам исполнительной власти и российской делегации» в осуществлении демаркационных работ, вести «разъяснительную работу среди населения о необходимости и перспективах проведения демаркации» [11].

На рабочей сессии Комиссии в апреле 1996 г. в соответствии с критериями Соглашения 1991 г. главный фарватер был определен в том рукаве Амура, где глубина, ширина и радиус закругления были больше.

Именно на основе объективных данных гидрографических промеров три из восьми островов – Сазаний, Сухой, На-Створах в устье р. Бира – были отнесены к России, пять островов – Попов, Савельев, Еврасиха, Луговской, Нижнепетровский – к Китаю. За Россией остались о. Полуденный (в Амурской области) и группа островов в устье р. Сунгари.

Однако после ознакомления с этими результатами работ и положением главного фарватера в районах восьми островов представители Еврейской автономной области стали высказывать новые соображения, а именно, что, на их взгляд, промерные галсы в этих районах могли бы прокладываться с большей частотой. Это, мол, создало бы иную ситуацию с распределением островов.

Мнение специалистов на этот счет было однозначным – значение междугалсового расстояния для многорусловых участков рек соответствует требованиям совместной инструкции по гидрографическим работам, является оптимальным и базируется на внутренних документах сторон по этому вопросу. Более частое проложение промерных галсов в ходе гидрографических работ привело бы только к увеличению материальных затрат и сроков выполнения работ, причем бóльшая подробность принципиально не изменила бы полученную гидрографическую картину.

Вместе с тем на основе накопленного опыта при подготовке в будущем к проверке границы в районах, подобных тем, где в ходе нынешней демаркации проводились совместные промеры, можно было бы при необходимости и с учетом мнений местных органов власти и интересов судоходства ставить на рассмотрение двусторонней комиссии вопрос о более подробных измерениях, прокладывать промерные галсы с бóльшей частотой [9: с. 43–46].

«Российской делегации в Совместной российско-китайской демаркационной комиссии завершить демаркационные работы на Восточной части российско-китайской государственной границы, в том числе на участках границы … в Еврейской автономной области, в частности в районе островов Попов, Савельев, Сазаний, Сухой, На-Створах, Еврасиха, Луговской, Нижнепетровский на р. Амур, в строгом соответствии с Соглашением между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части от 16 мая 1991 г. и без серьезных отклонений от установленных сроков, возникающие в ходе дальнейших демаркационных работ вопросы решать на основе соблюдения Соглашения» [9: с. 106].

Президент России Б.Н. Ельцин подписал распоряжение относительно мер по завершению демаркационных работ на Восточной части российско-китайской государственной границы. Президент распорядился, чтобы российская делегация в Совместной российско-китайской демаркационной комиссии завершила работы на Восточной части российско-китайской государственной границы в строгом соответствии с Соглашением между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части от 16 мая 1991 г. и без

серьезных отклонений от установленных сроков. Б.Н. Ельцин также распорядился, чтобы «…главы администраций Приморского и Хабаровского краев, Еврейской автономной области, Амурской и Читинской областей оказывали всемерное содействие федеральным органам исполнительной власти и российской делегации в осуществлении и завершении демаркационных работ, вели активную разъяснительную работу среди населения о необходимости и перспективах проведения демаркации» [9: с. 106].

Демаркационная работа на участке ДВПО проводилась с 1993 по 1997 г. в соответствии с Соглашением между Правительством СССР и Правительством КНР «О разграничении на Восточном участке советско-китайской государственной границы» от 16 мая 1991 г. и Распоряжением Президента РФ № 77-рп о завершении демаркации.

В конечном итоге, несмотря на протесты властей ЕАО, общественности и СМИ, демаркационные работы на восточном участке границы были завершены ко второй половине 1997 г. Это было подтверждено в ходе пекинской встречи на высшем уровне 10 ноября 1997 г. В совместном российско-китайском заявлении говорилось:

«Главы государств России и Китая торжественно объявляют, что все вопросы, связанные с осуществляемой в соответствии с Соглашением от 16 мая 1991 г. демаркацией российско-китайской государственной границы на ее восточной части, урегулированы, что демаркируемая российско-китайская граница на ее восточной части (около 4200 км) впервые в истории отношений двух стран четко обозначена на местности. Это – важный результат нынешней встречи на высшем уровне, которого удалось добиться благодаря обоюдным усилиям, взаимному уважению и учету интересов друг друга» [10: с. 408].

8 апреля 1998 г. была проведена встреча с участниками 40-го совещания (26 марта – 5 апреля 1998 г., г. Харбин) смешанной российско-китайской комиссии по судоходству на пограничных реках (СРКК) Российскую сторону представляли Н.Ф. Жандаров, Ю.В. Михайлов, В.И. Говырин.

Российской делегацией было сделано заявление «О проведении китайской стороной дноуглубительных работ в районе 196 км р. Ср. Амур и переносе судового хода в протоки Головинская, Еврасиха, Луговая (где по результатам демаркации будет проходить линия государственной границы)».

Было отклонено предложение китайской стороны о дноуглубительных работах на 196 км р. Ср. Амур. В ходе анализа предлагаемых китайской стороной дноуглубительных работ (район о. Ульшин) было установлено, что дноуглубление предлагалось провести на участках, где глубины вполне удовлетворяли нормам безопасности плавания (мотивировалось улучшением условий плавания судов), но свал забранного грунта планировалось осуществлять в рукав, который использовался для судоходства по основному руслу р. Амур. Основной целью китайской стороны было посредством сброса грунта искусственно уменьшить глубины на существующем основном судовом ходу и поставить российскую сторону перед необходимостью переноса основного судового хода в протоку Головинская вдоль российского берега.

На предложение российской стороны провести эти работы, но отвал грунта осуществить не в действующий рукав, китайская сторона ответила категорическим отказом [1: л. 52–53, 55].

На этом демаркационные работы на восточном участке границы были практически завершены. Сторонам оставалось лишь оформление соответствующей документации по описанию границы, составление протоколов и т.п. Протоколы-описания и карты российско-китайской границы были подписаны министрами иностранных дел двух государств 9 декабря 1999 г. в Пекине в ходе неформальной встречи на высшем уровне и вступили в силу 19 января 2000 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Пограничного управления ФСБ РФ по Хабаровскому краю и ЕАО. Войсковая часть 9783. – Инв. № 8464. – Д. 71. «Охрана недемаркированного участка государственной границы». – Т. 1.

2. *Бугаевский, В.А.* Урегулирование пограничной проблемы в российско-китайских отношениях (1987–2004 гг.) [Электронный ресурс] : дис. … канд. истор. наук : 07.00.03 – всеобщая история / В.А. Бугаевский. – М., 2006 – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/ uregulirovanie-pogranichnoi-problemy-v-rossiisko-kitaiskikh-otnosheniyakh-1987-2004-gg (дата обращения: 6.04.2015).

3. Владивосток. – 1997. – 2 апр.

4. Владивосток. – 1996. – 24 нояб.

5. Государственный архив Еврейской автономной области. – Ф. 572 – Оп. 1. – Д. 97.

6. *Ивасита, А.* 4000 километров проблем. Российско-китайская граница : пер. с яп. М.Г. Горфункель / А. Ивасита. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2006. – 336 с.

7. Интервью начальника Дальневосточной территориальной инспекции Госгеонадзора В.В. Симахина // Приамурские ведомости. – 1996. – 12 авг.

8. *Киреев, Г.В.* Россия – Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров / Г.В. Киреев. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОСПЭН), 2006. – 416 с.

9. О демаркации российско-китайской государственной границы / Г.В. Киреев [и др.]. – М., 2000. – 116 с.

10. Сборник российско-китайских договоров 1949–1999 гг. – М. : Терра – Спорт, 1999. – 496 с.

11. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 10. – Ст. 2366.

12. Текущий архив Администрации ЕАО за 1997 год.

13. Центральный пограничный архив ФСБ РФ. – Ф. 220. – Оп. 43. – Ед. хр. 169.

14. Центральный пограничный архив ФСБ РФ. – Ф. 231. – Оп. 66. – Д. 20.

15. Центральный пограничный архив ФСБ РФ. – Ф. 1396. – Оп. 5. – Ед. хр. 3.

В ПОИСКАХ НОВОЙ БИЗНЕС-МОДЕЛИ: ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ)

Л.А. Моисеева

В.Ф. Печерица

Моисеева Любовь Андреевна – доктор исторических наук, профессор Дальневосточной государственной академии искусств (г. Владивосток).

Печерица Владимир Фёдорович – доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактный адрес: 1977edward@mail.ru

В рамках данной статьи рассматриваются многочисленные варианты государственной политики ускоренного развития Дальнего Востока как важного звена в реализации стратегической задачи интеграции России в АТР. В статье представлен анализ ряда прерванных проектов, в их числе – замысел обеспечения г. Владивостоку статуса инновационного центра АТР. Важными для активизации процесса внутрирегиональной интеграции девяти субъектов РФ показаны «кластерные проекты», включавшие стратегию возрождения Северного морского пути. Былые проекты, оставшиеся не реализованными, такие как агломерации «Большого Владивостока» или транзитный коридор перевоза с востока на запад, сменились проектом создания «точек роста» (ТОРов), хотя действующих законов «О зонах территориального развития» и «Об особых экономических зонах» никто не отменял.

Ключевые слова: новые бизнес-модели, Дальний Восток, политика, интеграция, Россия, АТР.

Необходимость срочного и крупномасштабного импортозамещения в условиях международной изоляции России и незаконных санкций Запада потребовала крутого разворота страны к Тихому океану в качестве национального приоритета на весь XXI в.

Закончился 500-летний период, когда в экономике и политике доминировал Запад. Произошло смещение экономического и финансового «центра притяжения» в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), где на долю только одной страны-участницы АТЭС сегодня уже приходится 60 % мирового ВВП и около 40 % населения планеты. Согласно прогнозам специалистов, Китай выходит в мировые лидеры: по итогам 2015 г. ВВП Китая составил 19,2 трлн долл., тогда как США – только 18,2 трлн [7: с. 4].

России не потребовалось «прорубать окон» в АТР. Дальний Восток оказался ключевым звеном, будучи наиболее вовлечённым во внешнеэкономические связи с его странами. Являясь стратегическим регионом России, Дальний Восток сохраняет своё большое значение для обороны государства, на это указано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [17]. Дальний Восток примыкает к государственной границе с ведущими сопредельными странами АТР на протяжении 23 тыс. км. Свыше 60 % муниципальных образований региона являются пограничными, на их территории проживает более 80 % населения Дальневосточного федерального округа [3], значительная часть которого связана совместным предпринимательством с деловым миром стран АТР.

Необходимо отметить, что на тему, что делать с Дальним Востоком, в правящих кругах рассуждают последние 100–110 лет. В соревновании с регионами из центра России Дальний Восток всегда проигрывал, поэтому каждый раз, когда полезность региона, измеряющаяся в количестве сырья, геополитических приоритетах, балансе политических и военных сил, сходила на нет, о Дальнем Востоке забывали. Вспоминали при изменении условий, однако проблема необходимости развития Дальнего Востока никогда не сходила с повестки дня. Так, в 50-е гг. XX в. была сформулирована концепция освоения природных ресурсов Дальнего Востока на основе централизованных ресурсов государственного бюджета для снабжения промышленности СССР сырьём и экспорта его в страны АТР.

Обобщение эмирической реальности свидетельствует, что Дальний Восток продолжает и сегодня соответствовать «модели выживания», а не развития, оставаясь и после развала СССР добытчиком сырьевых богатств и их поставщиком в страны АТР. На это продолжали уходить все инвестиции, поступающие в Дальневосточный регион. Так, с 2000 по 2012 г. объём их увеличился в 16,5 раза, с 0,6 до 9,9 млрд долл., однако 93 %, или 9,3 млрд долл., пошли на добычу и поставку в страны АТР природных богатств региона [4].

В 90-е гг. был разработан вариант создания смешанной экономики на основе экспортно-ориентированного производства и системы трёх рынков – внутрирегионального, российского меж-

регионального и рынка АТР. Однако разрушенный внутрирегиональный рынок дальневосточных субъектов РФ не решал проблемы. Отрезаным от внутреннего российского рынка непомерными тарифами на перевозки и отдалённостью от центра дальневосточникам было выгоднее торговать с деловым миром стран АТР, чем с отечественными производителями из других регионов России. Сотрудничество дальневосточных предпринимателей с иностранными в форме совместных предприятий являлось сложным видом международной кооперации, что порождало ряд проблем. Во-первых, дальневосточные предприниматели без соответствующего опыта, без необходимой для такого рода деятельности нормативно-правовой базы, без знаний традиций и культуры стран АТР не вызывали необходимого доверия зарубежных партнёров. Во-вторых, доля машин и оборудования в экспортных поставках Дальнего Востока упала до 1 %, тогда как сырьевые богатства региона подверглись неслыханному разграблению, чему способствовал указ Президента РФ, вышедший в 1992 г. и предоставивший администрациям дальневосточных субъектов право самостоятельно распределять экспортные квоты на ранее недоступные природные богатства для партнёров из стран АТР: круглый лес лучших пород, уголь, рыбу, ракообразных моллюсков, пшеницу, сою, консервы, меха, мёд, медные концентраты и т.д. [4: с. 58–70].

В 2005–2007 гг. государство определило новое стратегическое направление развития Дальнего Востока – «инновационный терминал». Инновационный путь развития требовал создания системы участников научно-инновационной деятельности и механизмов её функционирования, адекватных целям. Но главным звеном этой системы оставалось государство, новыми функциями которого являлись:

– выработка инновационной и научно-промышленной политики, отражающей взаимные интересы науки, промышленности, инвесторов;

– определение научно-технических и технологических приоритетов в условиях ограниченности ресурсных средств;

– создание условий для эффективного функционирования инновационного рынка;

– бюджетное финансирование базисных инноваций, проведение крупномасштабных исследований, разработок и доведение их результатов до практического применения в промышленности.

«Инновационному развитию страны нет альтернативы», – именно так был поставлен вопрос для всей России, в том числе и для Дальнего Востока, Президентом РФ В.В. Путиным: «Сегодня инновационный прорыв для современной России – это реальное слагаемое быстрой модернизации страны. Инновационная политика должна стать одним из самых приоритетных национальных проектов» [9]. Это был вопрос жизнеспособности Дальнего Востока России в условиях глобальных экономических смещений в XXI в. центра Всемирной истории на Восток.

Государственная инновационная стратегия потребовала от администраций дальневосточных субъектов РФ выбрать тип региональной инновационной деятельности, поскольку принципиально были возможны три варианта типизации инновационной стратегии региона: 1) стратегия «разработческого» типа, когда регион «зарабатывает» средства на том, что массово продаёт инновации, созданные в этом регионе; 2) стратегия «производственного» типа, когда регион покупает инновации и массово их использует для модернизации производственных секторов экономики; 3) стратегия «посреднического» типа, когда регион ориентируется на обеспечение движения через него инноваций.

Необходимо отметить, что эффекты от инновационных высокотехнологичных разработок относятся к категории долгосрочных и потому на первом этапе только государство могло дать необходимую поддержку их развитию, чтобы в дальнейшем передать бизнесу и науке возможность сотрудничества. Первой эту инновационную технологию применила Япония, добившись блистательных успехов, распространив свой метод в ведущих странах АТР. Эффективные результаты исследованы дальневосточными учёными [1: с. 266–284]. Особое внимание уделено успехам Китая. Так, в монографии В.Ф. Печерицы «"Восточный экспресс" Путина ускоряется на Китай» поднимаются острые проблемы современности [18: с. 8–22].

С целью выражения общегосударственных интересов и создания в регионе инновационной «среды» для развития высокотехнологичного и наукоёмкого производства был образован Совет по научно-технической и инновационной политике при полномочном представителе Президента РФ в ДФО Камиле Исхакове под председательством доктора технических наук, профессора В.В. Горчакова. Совет разработал и предложил к обсуждению в администрациях субъектов РФ на Дальнем Востоке документ «Основные положения концепции инновационной политики в Дальневосточном федеральном округе», в основу которого были положены ключевые цели и задачи Правительства РФ в научно-технической сфере на перспективу.

Однако реализацию положения осложняла невозможность создать полноценную высокоэффективную инновационную инфраструктуру в силу малого человеческого, промышленного, научно-технического потенциала каждого отдельного субъекта Федерации в ДФО. Таким образом, «будущее пока не наступило». Состояние инновационной «среды» в ДФО отражало количество подан-

ных заявок на изобретения: Центральный федеральный округ – 9885, Приволжский – 4140, Сибирский – 2316, Уральский – 1400, Дальневосточный – 572, в том числе Хабаровский край – 225, Приморский – 148, Амурская область – 93. Для сравнения: в СССР за один год подавалось свыше 270 тысяч заявок, тогда как по РФ их число составило только 22 980 [11: с. 6–13].

Вместе с тем наиболее динамичное развитие показывал Приморский край, который всё больше позиционировался в мировом геополитическом пространстве как крупный логистический центр и как связующее звено между давно состоявшейся Европой и стремительно набирающей темы «тихоокеанской частью» мирового экономического пространства. В крае были сформированы традиции посреднической деятельности, некое иновационно ориентированное мышление, определённые стереотипы и процедуры действий, что позволило сформировать для края особую, имеющую высокую геополитическую значимость стратегию «инновационного терминала» (innovative hub) – такого своеобразного «узла» для поддержания высокой интенсивности движения инноваций, через который должна была проходить вся логистика инновационного развития региона. Это было новым уровнем инновационных отношений, в который должны вовлекаться центральные и западные регионы, сибирские, все азиатские территории и другие государства, в том числе европейские.

Таким образом, формирование инновационных рынков, обеспечение присутствия на них, организация притока капитала, прежде всего венчурного, обеспечение динамики процесса и подготовки креативного, инновационно ориентированного кадрового резерва – это было главным в концепции «инновационного терминала». В связи с проведением форума АТЭС во Владивостоке в 2012 г. проект инновационного терминала приобретал высокий уровень политического значения [16], поскольку участникам АТЭС Владивосток представлялся как идеальное место для создания на тихоокеанском побережье мегаполиса «Большой Владивосток». В Западной Европе, в США, особенно в Китае были очень популярны идеи комплексного строительства целых городов. Самыми крупными такими российскими проектами являлись: «А101» в Московской области, «Балтийская жемчужина» в Санкт-Петербурге, «Академический» на юго-западе Екатеринбурга, «Большое Домодедово», «Солнечная долина» в Читинской области.

Необходимо отметить, что центры АТЭС трансфера технологий уже были созданы во многих странах АТР. Так, недалеко от Шанхая в г. Сучжоу расположено около 400 профессиональных агентов по оказанию услуг научно-техническому сектору, 7 центров стимулирования продуктивности, 1 научный институт технологий, 3 центра развития технологических рынков и технологий, 25 различных инкубаторов (парк научно-технических start-up-компаний, сервисный центр start-up-бизнес, научно-технические инновационные парки), 7 агентств по патентам и товарным знакам и т.д. Все они были объединены Центром АТЭС трансфера технологий во главе с директором Ифан Ван [11].

Исходя из необходимости создания новых развивающих научно-технических городов, Китайское правительство выбрало инновационную политику, основанную на «кластерном» методе. Государственные кластеры и инкубаторы тесно связаны с государственными НИИ и университетами, обладающими высокими технологическими возможностями. Новые start-up-компании и новообразующиеся дочерние компании могут получать значительную технологическую поддержку [11: с. 58–59].

Кластерный тип организации производства как новой модели регионального китайско-российского сотрудничества китайские учёные рассматривают как фактор преодоления узости государственных границ и построения многогранного научного международного сотрудничества в АТР [8: с. 62–64].

Кластеры, или точки роста, начинали внедряться и на российском Дальнем Востоке. Исходя из требований времени, каждый субъект РФ на Дальнем Востоке определил свои кластеры, которые должны были стать точками развития всего Дальневосточного региона. Кластерный путь развития, по мнению специалистов, самый эффективный для восточных территорий России: металлургический (на основе группы проектов «Петропавловск» Еврейской автономной области), космический (на основе космодрома «Восточный»), инновационный (на базе Дальневосточного федерального университета), энергопромышленный (на мощностях Южно-Якутского гидроэнергетического комплекса и минерально-ресурсной базы региона), сельскохозяйственный (прежде всего – соевый) кластеры, с созданием которых начинался современный этап развития региона. В рамках этих кластеров планировались крупные инвестиционные проекты. Так, частью горно-добывающего кластера был инвестиционный проект «Албазино–Амурск», включающий строительство горно-обогатительного комбината на месторождении Албазино в районе им. Полины Осипенко и гидрометаллургический комбинат в г. Амурске. Формирование Ургальского угольно-добывающего кластера замыкалось на возведении фабрики по обогащению углей на ОАО «Ургалуголь» в Верхнебуреинском районе. Развернулось строительство двух верфей в Приморском крае, на базе ОАО «30-й судостроительный завод» в г. Фокино и судоремонтного завода «Звезда» в г. Боль-

шой Камень. ОАО «Объединённая судостроительная корпорация» (ОСК) совместно с корейской фирмой «Daewoo» заключили контракт на проектирование новой верфи на базе ОАО «Дальневосточный завод "Звезда"» для строительства крупнотоннажных судов: танкеров, газоводов дедвейтом до 200–250 тыс. т, буровых платформ, плавучих заводов по производству сжиженного природного газа. Корейская сторона владеет 20 % уставного капитала СП, российская – 80 %.

Администрации краёв и областей ДФО предоставляли инвесторам налоговые льготы на прибыль и имущество, постоянно улучшая «инвестиционный климат». Вся информация об инвестиционных предложениях публиковалась на официальных сайтах. Вместе с тем, предоставляя «региональный режим» любому инвестору на территории региона при равных правах и возможностях для осуществления инвестиций, например, в Хабаровском крае, особое внимание уделялось поддержке и стимулированию трёх комплексных проектов развития: портовой особой экономической зоны «Советская Гавань», острова Большой Уссурийский и создания авиационного хаба в г. Хабаровске.

Инвесторам было предложено 14 реализуемых проектов, 8 проектов, планируемых к реализации, и инвестиционные предложения. Одновременно с этим были определены «четыре точки роста», которые должны служить экономическими локомотивами долгосрочного социально-экономического роста Хабаровского края: Хабаровская агломерация; Комсомольский территориально-производственный комплекс или промышленная зона «Комсомольск–Амурск–Солнечный» (КАС), где производится свыше 50 % промышленной продукции Хабаровского края; Ванино–Советско-Гаванский транспортно-промышленный узел; Верхнебуреинский топливно-энергетический комплекс. До 2025 г. в Хабаровском крае должны быть реализованы 11 инвестиционных проектов по освоению месторождений полезных ископаемых. 99,5 % объёма продукции краевой горно-добывающей отрасли приходится на золото, серебро и платину. Из 57 крупных инвестиционных проектов, реализуемых в крае, 7 относятся к названной горно-добывающей отрасли.

Сахалинская область стала самодостаточным регионом Дальневосточного федерального округа, бюджетная обеспеченность которой составляла с 2011 г. более 100 тыс. руб. на душу населения, тогда как в среднем по ДФО она не поднималась выше 40 тыс. руб.

На территории Сахалинской области было зарегистрировано 736 предприятий с иностранным участием, что было больше в 1,9 раза в сравнении с 2000 г., в том числе: из США – 132 единицы, Республики Кореи – 96, Японии – 89, КНР – 63, Дании – 53, Кипра – 52 [5: с. 4].

Постепенно формировалась политика «смены модели развития региона». Ведущими компонентами этого процесса призвана была стать сбалансированная внутрирегиональная, общероссийская и международная интеграция. На выполнение этой задачи был направлен ряд решений Президента и Правительства РФ, в том числе: федеральная целевая программа (ФЦП) «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года»; программы «Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2020 г. в Дальневосточном федеральном округе»; «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»; подпрограмма «Развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе»; «О проведении форума АТЭС во Владивостоке в 2012 г. и создании Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) на острове Русском как инновационного центра региона». На основе этих решений своевременно были разработаны грандиозные проекты развития Дальнего Востока.

Вместе с тем задача создания на Востоке страны в течение 15–20 лет экономики, сопоставимой по уровню развития с экономиками регионов сопредельных (приграничных) стран, потребовала изменения пространственного размещения производительных сил за счёт Севера Азиатской части России. Важнейшей задачей становится интенсивное формирование Северного широтного экономического пояса (СШЭП), необходимого для России в целом. Развитие СШЭП основывается на создании в нём интегрированных производственно-транспортных инфраструктурных зон (ИПТЗ). В качестве «пилотных» проектов рассматриваются Нижнеангарская ИПТЗ в Красноярском крае, Южно-Якутская ИПТЗ в Республике Саха (Якутия) и Ванинско-Совгаванская ИПТЗ в Хабаровском крае, развитие и функционирование которых взаимосвязано [5].

Наряду с этим определяется промышленно-сервисная дуга на юге Дальнего Востока: создание контактной зоны с сопредельными экономиками Северо-Восточной Азии (Казахстан, Китай, Монголия). Такая дуга опирается на крупные промышленно-инфраструктурные сервисные узлы (Благовещенск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Уссурийск, Владивосток, Находка) и превращается в своеобразный фильтр на пути сырьевых, транспортных и энергетических потоков, обеспечивая производство добавленной стоимости, повышение доходности депрессивного субрегиона, увеличивая ресурсы накопления и инвестирования.

Таким образом, спецификой сегодняшнего дня можно было бы определить развивающуюся интеграцию субъектов РФ внутри Дальневосточного федерального округа, нацеленную на индустриальное развитие всего Дальнего Востока и Восточной Сибири. Так, в рамках программы «Схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года», утверждённой 8 февраля 2007 г. Правительством Российской Федерации, на территории республики успешно стали формироваться четыре основных производственных кластера – в Южной Якутии, в Западной Якутии (совместно с Иркутской областью), в Северо-Восточной Якутии (совместно с Магаданской областью) и в Центральной Якутии – крупный транспортно-логистический узел в г. Якутске, который наряду с другими проектами предусматривает важные индустриальные интересы Амурской области, Хабаровского и Приморского краёв. Кроме того, одним из крупнейших межрегиональных инфраструктурных проектов явилось строительство газопровода «Якутия–Владивосток», развернувшееся с 2011 г. и положившее начало созданию Якутского центра добычи природного газа в рамках Восточной газовой программы.

Формирование единой энергетической системы стало следующей общей задачей дальневосточных субъектов РФ. В результате строительства ЛЭП «Чернышевский–Мирный–Ленск–Пеледуй» с отпайкой (отводкой) от Ленска до Олекминска вдоль нефтепровода «ВСТО» Западная Якутия получает надёжное, устойчивое энергоснабжение от каскада Вилюйских ГЭС. В 2010 г. для этого была построена и введена в эксплуатацию линия электропередачи ЛЭП ВЛ-220 кВ «Сунтар–Олекминск–НПС № 14».

В 2013 г. Федеральная сетевая энергетическая компания приняла решение о переводе линии электропередачи от Братской ГЭС до иркутского Усть-Кута с напряжением 220 кВ до напряжения 500 кВ от Усть-Кута до Пеледуя, Витима на Талакан (промежуточный энергоисточник), которым завершается связка между ОЭС Сибири и Западным энергорайоном Якутии. Это позволило обеспечить электроэнергией объекты нефтегазовой отрасли Севера и золоторудные месторождения Иркутской области и Западной Якутии. Единый нефтегазовый кластер чётко спланирован в нефтепроводной системе «ВСТО»: через Талаканское и Средне-Ботуобинское месторождения, будущий магистральный газопровод и строительство федеральной дороги «Вилюй» вдоль нефтепровода «ВСТО». Ждут своих инвесторов объекты газопереработки и газохимии на территории Якутии. Ведутся работы (совместно с Магаданской областью) по освоению Яно-Колымской золоторудной провинции. Планируется полномасштабная добыча золота на Нежданинском месторождении. Однако сдерживает проблема обеспечения надёжного энергоснабжения объектов золотодобычи, хотя уже принято решение о строительстве ТЭЦ в пос. Хандыга и ЛЭП 220 кВ Хандыгская ТЭЦ–Тёплый ключ–Нежданинское месторождение–Верхне-Менкечи с перспективой выхода этой линии на Усть-Неру и объединения с Магаданэнерго.

Важнейшим в транспортно-логистическом кластере явилось соединение строительства железных дорог с деятельностью по возобновлению Северного морского пути, поскольку большинство грузов из АТР проходило мимо приморских портов и Транссиба. Железнодорожный тариф настолько был не выгоден, что грузовладельцы считали доставку грузов более экономной «вокруг света» по морю. Поэтому приход железной дороги в Якутск, где пересекаются три федеральные автодороги – «Лена», «Колыма», «Вилюй» с соединением через мостовой переход, обновлённый аэропорт в Якутске, возобновление деятельности Северного морского пути – всё это слагаемые создания нового транспортного коридора от Транссиба через Якутск по реке Лена и дальше на Севморпуть.

Таким образом, было определено 52 приоритетных инновационных проекта Якутии, в их числе генеральная схема размещения объектов электроэнергетики, транспортная стратегия и т.д. Все проекты в масштабах страны имели важное геополитическое значение в усилении возможностей транзита грузов с созданием международных транспортных коридоров.

Глобальные проекты потребовали огромных инвестиционных ресурсов. Вложения в реализацию крупных инвестиционных проектов на территории Республики Саха (Якутия) в 2007–2014 гг. составили до 69 % в общем объеме инвестиций. Объёмы иностранных инвестиций выросли с 144,6 млн долл. в 2001 г. до 1336,6 млн долл. в 2014 г. Однако подавляющий объём инвестиций приходился на добычу полезных ископаемых: в Республике Саха (Якутия) он составил 98,6 % [4: с. 5]. Поэтому логика совместных действий дальневосточных субъектов РФ по промышленному развитию и применению инновационных разработок формировала масштабный спрос на инновационные технологии и продукцию. Это особенно показательно в проектах возрождения Северного морского пути – одного из приоритетных направлений совместных действий субъектов ДФО. В глобальном смысле Север – это экологический и стратегический резерв XXI в., поскольку здесь сосредоточена богатейшая минерально-сырьевая база на шельфе арктических морей и на суше. Северный морской путь – это формирование нового транспортного коридора, эффективного для бизнеса. Сегодня мощные грузопотоки

формируются в Китае и следуют на Европу. Строительство железнодорожного моста через Амур (Мохе–Джалинда) в эту логистику встроило железную дорогу до Якутска, дальше товар может следовать по реке Лена и передаваться на Северный морской путь. Этот путь в три раза короче, чем доставка грузов через Тихий и Индийский океаны, Суэцкий канал в Атлантику. Он значительно менее затратный и исключает многочисленные пересечения государственных границ. Таким образом, Северный морской путь – не маршрут прохождения грузов от Владивостока до Мурманска, это огромная территория, которая тяготеет к Северному ледовитому океану, для которой обустройство инфраструктуры нуждается в широкомасштабных инвестициях. Поэтому развитие отношений и интеграция Дальнего Востока России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона стали серьёзным ресурсом подъёма экономики Дальнего Востока и России в целом.

Казалось бы, что выработана новая «модель», обеспечивающая развитие в интеграционном варианте всех девяти дальневосточных субъектов РФ, запущены механизмы реализации грандиозных совместных проектов, создана нормативно-правовая база на федеральном и региональном уровнях, определились отечественные и зарубежные инвесторы. Вместе с тем объявляются всё новые и новые проекты. Таковым стал закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации (ТОСЭР)», подписанный президентом В. Путиным в канун 2015 г. Закон определяет ТОСЭР как часть территории субъекта РФ, на которой в соответствии с решением правительства устанавливается особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для населения. ТОР создаётся на 70 лет, на его территории действует особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности, в том числе особые льготные ставки арендной платы, особое налогообложение резидентов, приоритетное подключение к объектам инфраструктуры, применение процедур свободной таможенной зоны и др. Создание инфраструктуры ТОРов осуществляется на средства бюджетов федерального, регионального и местного уровней и внебюджетных источников.

ТОРы выступают сегодня одним из ключевых инструментов, обеспечивающих реализацию задачи, поставленной президентом страны: «...развитие Дальнего Востока – приоритет на весь XXI век» [7: с. 15]. ТОРы рассматриваются как «окна в глобальный рынок», что позволит Дальнему Востоку включиться в производственные цепочки стран АТР.

Необходимо отметить, что Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Индонезия стали передовыми технологическими, промышленными, научными и финансовыми державами благодаря методу концентрации ресурсов и их усилий. Опыт сопредельных стран АТР явился основой для решения задач, определённых законом «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации (ТОСЭР)».

В Министерстве развития Дальнего Востока были разработаны критерии конкурентоспособности территорий, претендующих на опережающее развитие. Из них назовём четыре, на наш взгляд, наиболее важные: необходимость динамичного развития региона для инвестиционной привлекательности; формирование у населения региона новых ценностей; создание комфортных условий для развития бизнеса; наличие сильных авторитетных лидеров [16]. На основе этих критериев сотрудники Минвостокразвития исследовали всю территорию Дальнего Востока, осмотрели свыше 400 площадок для создания ТОРов. Отобрали 14 наиболее подходящих с ориентацией на тихоокеанский рынок, предусмотрев налог на прибыль не выше 10 %, подключение к электричеству – не более месяца, как в Южной Корее; цены на электроэнергию не выше 7 центов, получение разрешения на строительство – не более 26 дней, как в Сингапуре (таблица). Необходимо отметить, что закон о ТОРах гарантирует пятилетние каникулы по налогам на прибыль, льготные условия на аренду земли, подключение к энергосетям, наём иностранных специалистов и т.д.

Для ТОРов отобраны как новые площадки «в чистом поле» (логистическая ТОР «Надеждинская» Приморского края), где должны реализовываться абсолютно новые проекты, так и уже действующие производства (Якутский проект «Композитный кластер» на базе предприятия «Технологии базальтовых материалов» или Петропавловск-Камчатский морской торговый порт). ТОР «Комсомольск», где будут построены предприятия по выпуску двигателей, агрегатов и узлов и другой продукции для компании «Гражданские самолёты Сухого», Комсомольского-на-Амуре авиационного завода, Амурского судостроительного завода, рассматривается как особо важная [5: с. 2].

Вместе с тем ряд ТОРов создаются на площадках несостоявшихся проектов особых экономических зон (ОЭЗ), что породило скепсис в отношении ТОРов, поскольку туристско-рекреационная зона на острове Русском Приморского края и Советско-Гаванская ОЭЗ Хабаровского края практически остались на бумаге (таблица).

Таблица

Территории опережающего развития, отобранные на подкомиссии

Наименование ТОР, местоположение	Площадь, га	Количество резидентов, ед.	Объём частных инвестиций, млрд руб.	Объём бюджетных инвестиций, млрд руб.	Число созданных рабочих мест, ед.	Объекты создаваемой инфраструктуры
«Хабаровск», Хабаровский край	716	8	28,52	1,8	3095	Электроэнергия, газ, водоснабжение, водоотведение, автодорога
«Комсомольск», г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край	327	5	15,23	1,2	2700	Электроэнергия, водоснабжение, водоотведение, теплоснабжение
«Надеждинская», Надеждинский район, Приморский край	807	3	6,73	3,2	1630	Электроэнергия, газ, водоснабжение, водоотведение, автодорога

Источник: Ларина Л. ТОСЭР: первый пошёл // Дальневосточный капитал. 2015. № 3. С. 14.

Необходимо отметить, что обязательным условием отбора ТОРов являлось также наличие «якорных инвесторов» (см. таблицу). В деловом мире стран АТР к ТОРам Дальнего Востока России сформировался большой интерес. Подписано 19 инвестиционных меморандумов с крупнейшими иностранными компаниями, среди них японские корпорации «Mitsubishi Corporation», «Mitsui», «Toyota Tsusho Corporation», а также китайские, корейские лидеры бизнеса. Однако первыми якорными инвесторами стали российские компании. ТОР «Хабаровск» расположится в пригороде, здесь будет налажено производство теплоизоляционных материалов, трубошпунта, металлургии, построены тепличные комплексы и т.д. Инвесторами стали: группа «Энергия», «ТехноНиколь», «Невада», «МТЕ» и др. Для ТОР «Надеждинская» – «Инком-ДВ», «Невада», здесь будет создан производственно-логистический комплекс, связанный с портами. ТОР «Комсомольск» ориентируется на производство комплектующих для авиапромышленности и судостроения.

Общий объём частных инвестиций для первых трёх ТОРов составит 50,28 млрд руб., инвестиции из федерального бюджета определены в сумме 6,2 млрд руб. На ближайшие три года бюджетом выделено для развития концепции ТОРов 42 млрд руб., одновременно реализуются такие проекты, как «Сила Сибири» объёмом инвестиций в 2 трлн руб., космодром «Восточный» – свыше 300 млрд руб. инвестиций, модернизация БАМа и Транссиба – более 500 млрд руб. Всё это мощный ресурс, который подкрепляет разворот страны к Тихому океану [7: с. 5].

Таким образом, опыт преуспевающих стран АТР, сумевших достичь высоких экономических, промышленных, финансовых, научных результатов, был использован при разработке концепции. Деятельность по управлению дальневосточными ТОРами будет осуществлять АО «Корпорация развития Дальнего Востока», созданная в мае 2015 г. на базе ОАО «Московская материально-техническая база», руководителем которой определён А.В. Корнейчук, опытный и авторитетный лидер. Однако руководители девяти субъектов РФ на Дальнем Востоке, не ожидая разворота деятельности Корпорации, провели в декабре 2014 г. в Сеуле российско-корейский форум «Инвестируйте в Дальний Восток», представив ряд инвестиционных проектов, шесть из которых были утверждены Правительством РФ и рекомендованы к реализации на Дальнем Востоке России: в Республике Саха (Якутия) – «1-я очередь Таёжного горно-обогатительного комбината» и «Строительство горно-обогатительного комплекса "Инаглинский"»; в Камчатском крае – «Горнометаллургический комбинат по добыче и переработке руды Озерновского золоторудного месторождения»; в Амурской области – «Развитие золотодобычи в Селемджинском районе»; в Хабаровском крае – «Комплексный инвестиционный проект развития угледобычи и углеобогащения» и др. Из всего анализа концепции о ТОРах можно сделать вывод, что цель государственной политики поддержки динамики инвестиционной привлекательности Дальнего Востока – увеличить к 2030 г. долю АТР в общем экспорте топлива и энергии до 39 %, диверсифицировав экспорт в АТР, поэтому по разработке и эксплуатации проекты недропользования останутся основными драйверами развития Дальнего Востока России.

Таким образом, экономические санкции и жёсткие меры по международной изоляции ускорили изменение приоритетов сотрудничества Российской Федерации с внешним миром. Россия находится сегодня в переходном периоде смены вектора своего развития, когда глубокие инновационные процессы, охватившие все сферы жизнедеятельности дальневосточных субъектов РФ, спрессованы

во времени настолько, что нередко превосходят порог восприятия и способность адаптироваться большей части населения. Теряя ориентиры, люди оказываются в состоянии фрустрации: там, где вчера, казалось бы, царила уже ясность, снова обозначился разброд точек зрения по проблемам ускоренного импортозамещения, возрождения целого ряда отраслей отечественного производства и опережающего развития Дальнего Востока в целом. Ясно одно, что невозможно свести воедино прежние и новые события, пытаясь «узнать» современность, обновив и пересоздав её, тем самым превратить её в момент развития России XXI в.

В этой связи находим важным подчеркнуть, что «модель» опережающего развития российского Дальнего Востока настолько значима для России XXI в., что в её реализацию будет вложено 108 млрд руб. частных и 13,8 млрд руб. государственных инвестиций [6: с. 6]. Кроме того, Фонд развития Дальнего Востока (ФРДВ) после длительного выбора проектов на Восточном экономическом форуме объявил о начале инвестиционной деятельности, подписав соглашения, определяющие базовые условия участия Фонда в проектах общей стоимостью 136,2 млрд руб. [7: с. 50–51]. Исходя из этих масштабных финансовых вложений в развитие Дальнего Востока, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Министерство по развитию Дальнего Востока провели масштабное исследование, представляющее взгляд россиян на Дальний Восток, которое показало, что 86 % россиян считают, что Дальний Восток – перспективная территория развития всей России. При этом 9 % полагают, что она уже сейчас такой является, 57 % уверены, что она таковой будет в ближайшие 10–15 лет, и ещё 20 % считают, что она она станет перспективной в отдалённом отрезке времени – более 15 лет.

Необходимо отметить, что 10 % дальневосточников считают Дальний Восток перспективной территорией, 51 % уверены, что она станет таковой через 10–15 лет, и 23 % – что такой она станет в более поздний период.

61 % опрошенных поддерживают инициативу по бесплатному выделению участка земли на Дальнем Востоке. ВЦИОМ отмечает, что 20 % российских граждан допускают участие в программе и последующий переезд на Дальний Восток. По подсчётам ВЦИОМ, 20 % граждан Российской Федерации – это 30 млн чел. [7: с. 7].

Таким образом, в поисках путей разрешения политико-экономического кризиса планетарной цивилизации Россия не только вернула себе статус великой державы, занимая всё более важное место в силу своего, в том числе геополитического, положения. Непосредственно или через звенья Великого Лимитрофа (Восточная Европа, Закавказье, Казахстан и Монголия) она граничит с другими важнейшими цивилизациями. Среди них европейская, иранская, среднеазиатская, китайская, японская, североамериканская, а также ближневосточные и балканские цивилизационные комплексы.

Понятие «лимитроф» введено В.Л. Цымбурским, определившим его как промежуточное пространство между цивилизациями [19]. М. Ильин подчёркивал в своё время, что со многими из этих цивилизаций Россия связана породнением, представляя часть двойной цивилизационной системы Европа – Евразия. Эту концепцию поддержали большинство обществоведов в разное историческое время (А.С. Ахиезер, Б.С. Ерасов, И. Пантин, В. Согрин, И.Г. Яковенко, Ю.В. Яковец и др.), считая, что Россия – «мир Миров». Поэтому решить глобальные проблемы планетарная цивилизация не сможет, пока мы сами и лидеры мирового развития не поймём, что представляет собой и чем может стать Россия XXI в.

Определение Россией своего вектора развития на Дальний Восток – закономерность, и все исследованные нами в данной статье «модели» развития этого самого отдалённого и проблемного региона рассматриваются авторами как процесс поиска решения проблем, невиданных в истории по сложности и своим масштабам. Пробуждается огромный регион, богатый природными ресурсами, во что вовлечены 9 субъектов РФ, Восточная Сибирь, страны АТР. Возрождение Северного морского пути от Англии к Китаю и Японии: порты, авиационные хабы, Транссиб, мосты через могучие реки, автодороги, новые заводы и т.д. – привлекает россиян, в их числе 30 млн человек, выявленных ВЦИОМ, готовы жить и трудиться на Дальнем Востоке, поскольку развитие России XXI в. определено её Востоком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век / под ред. В.Н. Соколова. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – 448 с. – (Серия «Научные доклады», Вып. 1).

2. Интервью министра развития Дальнего Востока Галушка А. // Дальневосточный капитал. – 2015. – № 1.

3. Граница России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://granica-rossii.info.

4. Дальневосточный капитал. – 2013. – № 2.

5. Дальневосточный капитал. – 2015. – № 1.

6. Дальневосточный капитал. – 2015. – № 8.

7. Дальневосточный капитал. – 2015. – № 10.

8. *Джоу, Янг Ким.* Инновационная политика в области инновационного малого и среднего предпринимательства в 10 странах АТЭС / Джоу Янг Ким // Азиатско-Тихоокеанский альманах. – 2006. – № 2.

9. Из выступлений В.В. Путина на Совместном заседании Совета Безопасности и Президиума Госсовета в февра-

ле 2004 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://granica-rossii.info.

10. *Ишаев, В.И.* Дальний Восток должен развиваться опережающими темпами. Интервью агентству «Интерфакс-Дальний Восток» 25 июня 2012 г. [Электронный ресурс] / В.И. Ишаев. – Режим доступа: http://granica-rossii.info.

11. *Ифан, Ван.* Развитие научно-технических посреднических структур Сучжоу (КНР) / Ифан Ван // Азиатско-Тихоокеанский альманах. – 2006. – № 2.

12. *Коршенко, И.Ф.* Инновационный терминал – стратегия для Дальнего Востока России / И.Ф. Коршенко // Азиатско-Тихоокеанский альманах. – 2006. – № 2.

13. *Ларина, Л.* Расти нельзя остановиться / Л. Ларина // Дальневосточный капитал. – 2015. – № 1.

14. *Моисеева, Л.А.* Создание на Дальнем Востоке России совместных предприятий с предпринимателями стран АТР / Л.А. Моисеева // Россия и АТР. – 2005. – № 2. – С. 58–70.

15. Окно в АТР. – Владивосток : Издат. дом ДВФУ, 2014. – № 2.

16. Пять критериев конкурентоспособности территории // Приморская газ. – 2015. – 11 сент.

17. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Рос. газ. – 2009. – 19 мая.

18. *Печерица, В.Ф.* «Восточный экспресс» Путина ускоряется на Китай : моногр. / В.Ф. Печерица. – Владивосток : Дальневосточный федер. ун-т. 2015. – 128 с.

19. *Цымбурский, В.Л.* Народы между цивилизациями / В.Л. Цымбурский // Pro et Contra. – 1999. – № 3. – Т. 2.

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Е.Г. Молчанова

Молчанова Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: lenmolch@mail.ru

В статье рассматриваются характерные черты российской ментальности. Особое внимание уделено условиям и факторам, повлиявшим на ее формирование. Отмечается, что специфика российского менталитета определяется его фундаментальным архетипическим основанием, поэтому он проявляет устойчивость даже в условиях серьезных социальных трансформаций.

Ключевые слова: ментальность, традиционные ценности, архетипы, коллективное бессознательное, трансформация ментальности.

Существенным фактором, влияющим на развитие России, является менталитет ее народа, который сформировался в ходе длительного исторического развития. Много сказано о «загадочной русской душе», самобытности россиян, удивительном образе мыслей и поступков, которые не доступны европейской логике и часто не поддаются пониманию иностранцев. К числу важнейших факторов формирования российского менталитета необходимо отнести географические, геополитические, природно-климатические условия, полиэтничность, а также влияние событий российской истории. В свою очередь, менталитет оказывает существенное влияние на развитие социума, ход истории.

Говоря о ментальности больших групп людей, А.Я. Гуревич отмечал, что ментальность означает наличие у людей, принадлежащих к одной культуре, определенного общего «умственного инструментария», «психологической оснастки», которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя. И субъективная сторона исторического процесса, способ мышления и чувствования, присущий людям данной социальной и культурной общности, включается в объективный процесс их истории. Ментальность – это социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать. Существенным признаком ментальности является ее неосознанность или неполная осознанность [18]. В данной статье понятия «ментальность» и «менталитет» употребляются как синонимы.

Особенно актуальным представляется обращение к проблемам российской ментальности в эпоху нестабильности, кризиса. История показывает, что даже в периоды, когда происходили существенные социальные трансформации, многие мировые процессы получили в нашей стране специфическое проявление. Ментальность способствует самосохранению общества в неблагоприятных условиях, обеспечивает преемственность культуры и является основой для развития общества в изменяющихся условиях жизни [14: с. 115].

С конца 80-х гг. XX в. в нашей стране происходили существенные социально-экономические и политические преобразования. Предпринимались серьезные попытки «вестернизации» России, навязывания западных ценностей, культуры и образа жизни. Некоторые ученые и политики в это время даже утверждали, что необходимо «переделать» российский менталитет. В условиях социальной нестабильности в России происходил слом устоявшихся стереотипов, менялась идеология, система ценностей, мировоззрение, мораль. Разрушались традиции, и обесценивалась собственная история. Стали внедряться псевдоценности – крайний индивидуализм, гедонизм, нигилизм. Все это делалось исходя из ложного утверждения об «универсальности западных ценностей», который, по мнению А.А. Зиновьева, является одним из принципов идеологического догматизма [4].

Однако, по мнению автора, «переделать» менталитет невозможно. Он, конечно, подвержен трансформациям. Могут меняться мировоззрение, ценности, а глубинно-психические установки и архетипы остаются почти постоянными. Они по сравнению с другими социальными, культурными, психологическими явлениями обладают относительной стабильностью и устойчивостью. Нам представляется заслуживающей внимание точка зрения В.П. Любчак, которая выделяет в структуре менталитета его фундаментальное архитепическое и социокультурное основания в диалектике их взаимодействия. Фундаментальное архитепическое основание ментальности формируется в результате исторического развития под влиянием длительно действующих факторов и обладает устойчивостью относительно изменений общественно-политической и культурной жизни. Вторая группа факторов

менталитета (социоситуативные) включает в себя опыт культуры в модусе его активного осознания, он более изменчив под воздействием культурно-исторических фактов [9]. Согласимся, что Россию можно отнести к странам внутренней традиционности и что специфика менталитета ее граждан в значительной степени определяется его фундаментальным основанием, в контексте которого сложилась определенная ментальная матрица. На основные компоненты данной матрицы (архетипы, мифы) различные экономические, политические события оказали очень мало влияния, и она в своей сути осталась практически неизменной [10: с. 23].

Именно поэтому необходимо знать особенности российской ментальности, понимать и учитывать ее специфику в разных сферах жизни общества.

Традиция изучения российской ментальности была заложена в XIX –начале XX в. отечественными философами и историками. Анализировали особенности российского менталитета Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, Л.П. Лосский и др. Историк С.М. Соловьев говорил о «духе русского народа», и среди факторов, определяющих развитие Российского государства, называл «природу племени». Историк В.О. Ключевский создал серию так называемых историко-психологических этюдов. Он отмечал, что историю не следует рассматривать только как процесс логический: важен процесс народно-психологический, в котором основной предмет научного изучения – проявление сил и свойств человеческого духа [5].

Российский менталитет прошел долгий путь эволюции, его ядро сформировалось в период, когда были ярко выражены черты традиционного общества, преобладал сельскохозяйственный труд (до начала XX в. более 85 % населения страны проживало в сельской местности). Поэтому огромное влияние на формирование менталитета имели процессы, происходящие в российской деревне. Многие глубинные психические установки, характерные для российской ментальности, берут свое начало именно в многовековом крестьянском образе жизни наших предков, в их опыте справляться со сложностями и лишениями, суровыми природно-климатическими условиями. Русская деревня – это особый быт и образ жизни, порождающий созерцательный тип мышления, которому свойственны интуитивное принятие решений, особые способы познания природного и социального. Мы согласны с определением Э.М. Думновой, что деревня – это колыбель русского менталитета [3: с. 58].

Остановимся подробнее на том, как история, природно-климатические условия, особенности жизни наших предков повлияли на формирование некоторых основополагающих черт российской ментальности.

В.О. Ключевский охарактеризовал «психологию великоросса», сформировавшуюся под «могущественным действием» суровой и «своенравной» природы, которая во многом определяла его жизнь и хозяйственную деятельность. Под влиянием этих условий сформировались такие черты, как непритязательность, изворотливость, привычка к терпеливой борьбе с невзгодами и лишениями, осмотрительность, изобретательность, наблюдательность, работоспособность.

Одной из характерных черт российской ментальности является привычка людей откладывать дела «на последний момент». Так же, как и умение мобилизоваться в сложных условиях и за короткий промежуток времени выполнять сложнейшие задачи. Достаточно вспомнить, как эти качества народа проявлялись в нашей истории в период многочисленных кризисов и войн. В.О. Ключевский писал: «…ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии». Он объяснил это тем, что природные условия (короткое лето и частое ненастье) на протяжении многих веков заставляли российского крестьянина спешить, усиленно напряженно работать, чтобы успеть вырастить урожай. Недаром летние работы земледельца называются «страда» – тяжелый надрывный труд. Это слово имеет общий корень со словом «страдать». Однако собрав урожай, крестьянин оставался без дела на осень и зиму. «Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья» [6].

Тяжелые природно-климатические условия, а также длительное существование в России крепостного права обусловили такие черты российской ментальности, как терпение, страдание, смирение, жертвенность.

Укоренение страдания в российской культуре исторически обусловлено, оно выступает как архаичный защитный механизм, обеспечивавший выживание в авторитарном обществе, своего рода «пережиток крепостного права» [13]. Часто страдание, постулирование его неизбежности выступает в сознании россиян как необходимая жертва, дающая право на справедливое возмещение. О страдании часто говорят как об источнике счастья: «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам; Не испытав его, нельзя понять и счастья» (Е. Баратынский); «Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать» (И. Тургенев). Об этом же говорят пословицы «Бояться несчастья – счастья не видать»; «Не было

бы счастья, да несчастье помогло»; «Кто нужды не ведал, и счастья не знает» и т.д.

Характеризуя психологию российского крестьянина, В.О. Ключевский отмечал также его привычку «больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед», «больше замечать следствия, чем ставить цели». Иными словами, одной из черт российской ментальности является склонность к ретроспективной рефлексии. Возможно, с этим связана и привычка к самообвинениям. Д.С. Лихачев писал об этом следующее: «А.П. Чехов в повести "Степь" обронил от себя лично такое замечание: "Русский человек любит вспоминать, но не любит жить"; то есть он не живет настоящим, и действительно – только прошлым или будущим! Я считаю, что это самая важная русская национальная черта, далеко выходящая за пределы только литературы» [7: с. 58].

Интересны рассуждения В.О. Ключевского о причинах того, почему крестьянин часто полагался на «авось». Он писал: «…своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчётливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадёжное и нерасчётливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось» [5]. Речь идет о такой черте российской ментальности, как склонность более полагаться на удачное стечение обстоятельств, судьбу, чем на собственные силы. Пословица гласит: «Русак на трех сваях крепок: авось, небось да как-нибудь».

Историк Л.В. Милов писал: «Отсутствие четкой взаимозависимости между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая на протяжении столетий, не могло не вызвать определенное чувство скепсиса и обреченности у части крестьян ("на авось мужик и пашню пашет", "уродится, не уродится, а паши" и т.д.)» [12: с. 430] . Эти обстоятельства обусловили такую черту российского крестьянина, как непритязательность, умение обходиться малым. «Не до жиру, быть бы живу» – проявление самоограничения и обозначение механизма выживания. Когда случается кризис, срабатывают заложенные в народной памяти механизмы выживания. У многих людей в это время поднимается энергия, проявляется изобретательность, смекалка, умение решать сложные, подчас кажущиеся неразрешимыми задачи. Это умение не раз спасало россиян во время кризисов.

Одним из главных факторов выживания в суровых природных условиях на протяжении многих столетий была община, или «мир», в которую были объединены российские крестьяне. Она обеспечивала справедливую, уравнительную систему распределения земли, давала возможность каждому члену общины осознать свою значимость и место в коллективе. Важнейшие вопросы решались на общинном сходе. Крестьянский «мир» осуществлял социальный контроль за поведением индивида, существовала система круговой поруки. Одной из важнейших функций общины была забота о ее слабых членах – сиротах, больных, престарелых людях. Широко практиковались «помочи» – коллективная безвозмездная помощь крестьянам, пострадавшим от стихийных бедствий, при постройке дома, других тяжелых работах. Таким образом, община не давала погибнуть слабым, но и зорко следила за тем, чтобы кто-то не обогатился, т.е. поддерживала социальное равенство.

Таким образом, ментальная установка российского общества, которая сформировалась в ее истории, может быть определена как сознание коллективистское, она может быть также названа общинной ментальностью. Для нее характерны установка на приоритет коллективного над индивидуальным, а также обостренное чувство справедливости. В отличие от западной протестантской этики труда, индивидуализма и прагматизма для российской культуры характерна установка на нестяжательскую самореализацию и служение людям [15: с. 75–76].

Исследователи отмечают, что этической базой социальных переустройств советского периода оказалась общинная этика, вынесенная из миросозерцания крестьянской общины, соединившаяся с марксистским пониманием социальной справедливости [17: с. 73].

Распад Советского Союза и последовавшее за ним крушение привычного уклада жизни, разочарование в прежней идеологической парадигме, навязывание западных ценностей способствовали расшатыванию коллективной идентичности. Новые веяния вступили в конфликт с традиционными и привели к аномии и ценностно-смысловой дезориентации общества с последующим мировоззренческим разрывом поколений и редукцией горизонтальных социальных связей [13]. В результате этого в обществе ослабли традиционные механизмы коллективной адаптации. Но в силу того что коллективистские установки можно отнести к глубинным, они сохраняются. В эпоху кризисов коллективизм является хорошим адаптивным качеством, позволяющим людям совместно преодолевать трудности.

Российский менталитет, в отличие от многих других, формировался не на национально-замкнутом пространстве, а на огромной открытой территории, во взаимодействии русских со многими народами. Это также обусловило его специфику.

Сложные природно-климатические условия явились одной из причин российской колонизации. Сельское хозяйство развивалось по экстенсивному

пути, это создавало необходимость освоения новых земель. Переселенцы искали территории, благоприятные для земледелия, промыслов. Еще одной причиной переселения людей на новые земли было стремление уйти от властной опеки, от «ока государева», воплотить идеал воли. Наша страна на протяжении многих веков своей истории развивалась как огромное государство. Начиная с XVI в. территория России увеличилась многократно. Отличительной чертой переселения русских на новые земли было то, что процесс их взаимодействия с коренными жителями происходил в основном мирно. Народы в России проживали на своей исторической территории, не утрачивая социокультурных особенностей. У русских никогда не было стремления «переделать» других. Наоборот, они выступали неким культурным образцом, внушавшим уважение. Не случайно представители некорневых этносов часто принимали православие и воспринимали иные для них русские культурные традиции, расширяя свои возможности таким проникновением в универсальную имперскую среду [11: с. 210]. Многовековой опыт проживания в России разных народов, богатый опыт межэтнического взаимодействия послужили основой для формирования такой черты российской ментальности, как толерантность.

Значительные по своим размерам территории государства, огромная протяженность границ, которые часто носили условный характер, создавали у людей ощущение уязвимости. Это обстоятельство диктовало необходимость сильной государственной власти, которая могла обеспечить безопасность. Достаточно вспомнить, что все серьезные кризисы российской государственности сопровождались иностранным вмешательством. В период раздробленности произошло монголо-татарское порабощение Руси, Смутное время сопровождалось польско-шведским вмешательством, трагические события Гражданской войны в России сильно осложнились иностранной интервенцией. Российская ментальность во многом сформировалась под воздействием многочисленных войн. Россиянам неоднократно приходилось отстаивать свои территории от иностранных захватчиков. А.И. Герцен писал: «Каждый русский сознает себя частью всей державы, сознает родство свое со всем народонаселением. От того-то, где бы русский ни жил на огромных пространствах между Балтикой и Тихим океаном, он прислушивается, когда враги переходят русскую границу, и готов идти на помощь Москве так, как шел в 1612 и 1812 годах» [1: с. 20].

Одной из характерных черт российской ментальности стал патернализм. Он сформировался исторически в результате длительного существования крепостного права и общины. Также это было в значительной степени обусловлено мобилизационной моделью развития страны и традицией сильной государственной власти. Российское самодержавие опиралось на тип общественных отношений, основанных на принципах патернализма. Он был характерен и для советского периода нашей истории. Государство гарантировало советскому человеку минимальный набор социальных гарантий и благ, который не всегда зависел от его усилий. Это, конечно же, порождало иждивенческие настроения, ослабляло у людей необходимость прилагать собственные усилия. В постсоветский период истории нашей страны также проявились подобные тенденции. Западное «никто никому ничего не должен, каждый должен заботиться о своих интересах» плохо приживалось в постсоветской России. Более того, в 1990-е гг. эта черта ментальности проявилась у части населения страны наивной патерналистской верой в «благодетельный» Запад, что, конечно же, было большим заблуждением.

Согласно социологическим исследованиям, проведенным в 1998–2004 гг. ИКСИ РАН, в российском обществе около 41 % населения отличались ярко выраженной патерналистской ориентацией, поддержкой принципов общества социального равенства. Другая группа представлена меньшинством российских граждан (26 %), ориентированных на принципы личной ответственности, инициативы. Еще треть населения исследователи отнесли к промежуточной группе, тяготеющей по большинству значимых мировоззренческих вопросов к сторонникам последовательного традиционализма [2: с. 22].

Весьма интересным представляется феномен понимания свободы в российском менталитете. Д.С. Лихачев писал: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских… Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не преграженным пространством… Воля вольная! Ощущали эту волю даже бурлаки, которые шли по бечеве, упряженные в лямку, как лошади, а иногда и вместе с лошадьми. Шли по бечеве, узкой прибрежной тропе, а кругом была для них воля. Труд подневольный, а природа кругом вольная» [7: с. 509]. В этом проявляется стихийный анархический элемент российского сознания. Это обстоятельство также определило такие черты ментальности, как открытость, удаль, склонность к крайностям.

В западном понимании «свобода» подразумевает возможность реализации каких-либо политических прав, она ограничивается правами и свободами других людей. В российском же понимании она почти не ограничена и предполагает чаще всего личную независимость, возможность быть самому себе хозяином. На такую трактовку свободы россиянами, помимо географических, существенно повлияли и исторические факторы, а именно многовековое существование

крепостного права. До 1861 г. значительную часть населения России составляли крепостные крестьяне, которые были лично не свободны.

Согласно исследованиям социологов, проведенным на рубеже XX и XXI вв., позицию «свободы-вольницы» разделяют свыше 60 % россиян, тогда как «правовую» трактовку свободы – около 40 % [2: с. 20].

Безмерность как оборотная сторона российской интерпретации свободы составляет одну из существенных характеристик менталитета, позволяя прояснить многие эпизоды отечественной истории, включая события последних десятилетий. Именно не знающий меры порыв к воле вместо свободы, склонность бросаться из одной крайности в другую в немалой степени обусловили национально-государственную трагедию, проявившуюся в 90-е гг. XX в. [16: с. 131]. Российское общество вступило в глубокий социальный кризис, который характеризовался разрушением прежней картины мира, девальвации привычных ценностей, большая часть населения страны лишилась привычных опор.

Ряд исследователей считают, что в 90-х гг. XX в. в России произошла полномасштабная социальная революция. Как и для любой революции, для нее характерно отрицание прошлого, прежнего порядка. Революционные настроения в целом характеризуют строки из «Рабочей Марсельезы», которая была популярна во время российских революций начала XX в.: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног…». В советский период были подвергнуты официальному осуждению, а в постсоветский период – осмеянию послеоктябрьские призывы пролеткультовцев: «Искусство прошлого на свалку!», «Сбросим Пушкина с корабля истории». Похожие лозунги раздавались, к сожалению, и в 90-х гг. XX в. Беспощадной критике, например, был подвергнут «Homo soveticus» (на публицистически-бытовом уровне «совок») [15: с. 73–75] . В это время раздавались возгласы, что отечественная культура устарела, что нужно заменить традиционные российские ценности на западные, высказывались мнения, что нужно «переделать» российский менталитет. События, которые пережила Россия в 90-е гг. XX в., можно квалифицировать как один из тяжелейших кризисов в ее истории. Последствия этого кризиса мы ощущаем до сих пор. В настоящий момент важной задачей для нашей страны является новое обретение себя в сложнейших геополитических условиях. А это возможно только с опорой на традиции, отечественный исторический и духовный опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герцен, А.И.* Россия и Польша / А.И. Герцен // Собрание сочинений. В 30 т. Т. 14. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 7–59.

2. *Горшков, М.К.* Динамика массового сознания в контексте социальной трансформации / М.К. Горшков // Мониторинг общественного мнения. – 2005. – № 3 (75). – С. 16–23.

3. *Думнова, Э.М.* Историческая обусловленность трансформации менталитета в России / Э.М. Думнова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С. 55–59.

4. *Зиновьев, А.А.* Берлинское интервью (июнь 1999 г.) [Электронный ресурс] / А.А. Зиновьев. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2008/2163 (дата обращения: 15.01.2016).

5. *Ключевский, В.О.* Дневники и дневниковые записи / В.О. Ключевский // Сочинения. В 9 т. Т. IX. – М. : Мысль, 1990. – С. 325–326.

6. *Ключевский, В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн.1 / В.О. Ключевский. – М. : Мысль, 1997. – С. 259–280.

7. *Лихачев, Д.С.* Раздумья о России / Д.С. Лихачев. – СПб. : Logos, 2004. – 654 с.

8. *Лихачев, Д.С.* Русская культура в современном мире / Д.С. Лихачев // Об интеллигенции. – СПб., 1997. – С. 403–425.

9. *Любчак, В.П.* Исследование менталитета: двухуровневая структура [Электронный ресурс] / В.П. Любчак // Молодой ученый. – 2012. – № 6. – Режим доступа: http://www.moluch.ru/archive/41/5006/ (дата обращения: 11.01.2016).

10. *Любчак, В.П.* Фундаментальное основание российского менталитета: отношение к войне и миру / В.П. Любчак // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 5. – С. 22–26.

11. *Марчуков, А.Н.* Влияние русского менталитета на имперскую политику колонизации / А.Н. Марчуков // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2008. – № 2. – С. 210–213. – (Серия 7. «Философия. Социология и социальные технологии»).

12. *Милов, Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л.В. Милов. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1998. – 573 с.

13. *Сандомирский, М.* Интеллектуальное импортозамещение в отечественной психотерапии и современная российская культура [Электронный ресурс] / М. Сандомирский // Теория и практика психотерапии. – 2015. – № 9(13). – Режим доступа: http://psychotherapy.ruspsy.net/article.php?post=663 (дата обращения: 10.01.2016).

14. *Сапрова, О.В.* Философия исторического познания в трудах школы «Анналов» (Франция, 1929–1994): историко-философский анализ / О.В. Сапрова. – Тюмень : ТОГИРРО, 2005. – 122 с.

15. *Смолин, О.Н.* Политический процесс в современной России / О.Н. Смолин. – М. : Проспект, 2006. – 336 с.

16. *Трофимов, В.К.* Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета / В.К. Трофимов. – Ижевск : ФГОУ ВПО «Ижевская ГСХА», 2010. – 408 с.

17. *Чешев, В.В.* Ментальность русской крестьянской общины (по «Письмам из деревни» А.Н. Энгельгардта) / В.В. Чешев. – Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2014. – 88 с.

18. *Шенкао, М. А.* Теория ментальности в трудах А.Я. Гуревича [Электронный ресурс] / М.А. Шенкао // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2009. – № 1. – (Серия 1. «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»). – Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-mentalnosti-v-trudah-a-ya-gurevicha (дата обращения: 10.01.2016).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МОНОПОЛИЗМА

Д.В. Новиков

В.Ф. Печерица

Новиков Денис Викторович – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Контактный адрес: novikovdeniska@rambler.ru

Печерица Владимир Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, профессор (г. Владивосток).

Контактный адрес: 1977edward@mail.ru

В статье исследуется важный элемент отечественной политической системы – политические партии. В ходе своего исследования авторы приходят к выводу о том, что нынешняя российская многопартийность носит ярко выраженный корпоративистский характер, т.е. представляет собой систему, состоящую из отдельных, контролируемых государством политических партий, каждая из которых обладает монополией на представительство интересов определенного сегмента общества.

Ключевые слова: власть, политическая партия, политический монополизм, политический процесс, капитализм, «всеобщее», «особенное».

Важным элементом целостной системы российского политического монополизма, обеспечивающим легитимизацию политических решений, выражающих интересы господствующего класса, являются политические партии.

С нашей точки зрения, политические выборы представляют собой своеобразный аналог коммерческой сделки, при которой политические партии выступают в качестве «продавца», а избиратели играют роль «покупателя». В ходе данной сделки политическая партия предлагает избирателю «заплатить» своим голосом за некий проект, который она берётся реализовать в случае своей электоральной победы.

Как и в коммерческой деятельности, на политическом рынке потребитель не является актором, произвольно формирующим собственный политический спрос и, таким образом, императивно воздействующим на политическое предложение. Наоборот, само политическое предложение оказывает значительное воздействие на формирование политического спроса.

Причина значительной зависимости политического спроса от политического предложения, на наш взгляд, связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, у значительной доли индивидов не сформирована сама политическая потребность. Что, в свою очередь, находит выражение в политическом абсентеизме, т.е. неучастии данных индивидов в голосовании. Во-вторых, для многих индивидов, у которых всё же сформирована политическая потребность, характерно отсутствие чётко осознанного политического интереса, проявляющееся в непонимании ими корреляции между данной потребностью и фактом голосования за конкретную политическую партию.

Оба вышеуказанных обстоятельства делают электоральные предпочтения российских избирателей крайне неустойчивыми и зависимыми от предложений, исходящих от тех или иных политических партий. В результате российский электоральный рынок характеризуется высокой политической волатильностью и значительной зависимостью не от спроса, а от предложения. Отечественный политолог С.Н. Пшизова, характеризуя российский электоральный рынок и действующих на нём политических потребителей, отмечает следующее: «…на смену жестким детерминантам социально-классовых и идеологических различий приходит пестрый набор профессиональных, культурных, половозрастных, эстетических и прочих ориентаций. Прочные идеологические барьеры, отделявшие сторонников одних партий от других, разрушаются… Избиратель всё больше уподобляется покупателю в коммерческом центре: он реагирует на рекламные образы и предвыборные лозунги… и, не колеблясь, пересекает границы между политическими силами… В результате гарантированная поддержка партий сократилась, флуктуация подаваемых голосов увеличилась и электорат стал в значительной степени "плавающим"» [1: с. 121].

Важной отличительной чертой современного российского электорального рынка является его монополистический характер, который оказывает

определяющее влияние на структурирование политических потребностей и интересов, и, таким образом, формирует соответствующий электоральный потребительский спрос.

Реальный монополистический электоральный рынок, существующий в современной России, на наш взгляд, содержит в себе как «всеобщие», так и «особенные» характеристики, порожденные системой российского «периферийного» капитализма.

Первая из данных характеристик порождена «всеобщей» тенденцией к монополизму, которая свойственна как для всей политической системы капитализма в целом, так и для отдельных составляющих её элементов в частности (политические партии, партийная система, представительные учреждения, выборы и т.д.).

По мнению авторов, в результате выборов в Государственную думу I созыва (12 декабря 1993 г.) произошло формирование российского социально-политического пространства. Элементами данного социально-политического пространства стали своеобразные электоральные сегменты, представляющие собой конкретные программно-идеологические стратегии, каждая из которых являлась объектом политического предложения, а именно: «правый», «левый», центристский и национал-патриотический электоральные сегменты. В дальнейшем (и вплоть до настоящего времени) данные сегменты сохранялись (и сохраняются) в неизменном виде. Изменяются лишь исключительно количественные параметры потребления избирателями данных электоральных продуктов. Так, в 1993 г. (на выборах в Государственную думу I созыва) наибольшей популярностью у политических потребителей пользовалась национал-патриотическая стратегия; в 1995 г. (на выборах в Государственную думу II созыва) и 2011 г. (на выборах в Государственную думу VI созыва) – «левая» стратегия; в 1999 г. (на выборах в Государственную думу III созыва), в 2003 г. (на выборах в Государственную думу IV созыва) и 2007 г. (на выборах в Государственную думу V созыва) – «центристская».

Одновременно с формированием данных электоральных сегментов произошло их закрепление за конкретными политическими субъектами (политическими партиями). Данное закрепление за конкретными политическими субъектами (политическими партиями) вышеобозначенных электоральных сегментов, по существу, было аналогично процессу приватизации, произошедшему в российской экономике в первой половине 90-х гг. XX в. Отдельные политические субъекты получили в «частные руки» образовавшиеся электоральные сегменты, обретя, таким образом, возможность монопольного политического предложения. Так, Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) «приватизировала» национал-патриотический сегмент, Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) получила «левый» сегмент, российская «партия власти» получила «центристский» электоральный сегмент, наконец, российские либералы стали «собственником» «правого сегмента».

Политическая приватизация указанных электоральных сегментов осуществлялась различным темпом, при этом некоторые из них являлись объектами конкурентной борьбы.

Так, национал-патриотический электоральный сегмент уже в 1993 г. в ходе избирательной кампании по выборам депутатов Государственной думы I созыва стал (и остается до настоящего времени) собственностью Либерально-демократической партии России.

«Левый» электоральный сегмент в 1993 г. в ходе избирательной кампании по выборам депутатов Государственной думы I созыва стал «собственностью» Коммунистической партии Российской Федерации. Таковым он оставался вплоть до 2003 г. В 2003 г. (на выборах в Государственную думу IV созыва) данный сегмент стал объектом конкурентной борьбы (а затем и объектом совместного «владения») КПРФ и избирательного блока «Родина». Начиная с 2007 г. и вплоть до настоящего времени «левый» электоральный сегмент находится в совместной «собственности» КПРФ и партии «Справедливая Россия».

Центристский электоральный сегмент первоначально (в 1993 г.) не имел монопольного собственника, а контролировался четырьмя избирательными объединениями, а затем и соответствующими фракциями в «нижней» палате российского парламента. Ими являлись: «Партия российского единства и согласия» (ПРЕС), «Демократическая партия России», «Женщины России» и (отчасти) «Яблоко». В 1995 г. центристский электоральный сегмент попал под контроль тогдашней «партии власти» – движения «Наш дом – Россия». С 1999 г. и вплоть до настоящего времени данный сегмент является «собственностью» «партии власти» «Единая Россия».

«Правый» электоральный сегмент, так же, как и центристский, на протяжении 20 лет менял «собственника». В 1993 г. данный сегмент стал «принадлежать» избирательному блоку «Выбор России». В 1995 г. «правый» электоральный сегмент попал под контроль избирательного объединения «Яблоко». В 1999 г. в ходе избирательной кампании в Государственную думу III созыва данный сегмент стал совместной «собственностью» избирательных объединений «Яблоко» и «Союз правых сил» (СПС). В дальнейшем, начиная с 2003 г. (с выборов в Государственную думу IV созыва) и вплоть до настоящего времени «правый» электо-

ральный сегмент являлся объектом конкуренции между различными политическими объединениями либеральной направленности («Яблоко», СПС, Демократическая партия России, «Гражданская сила», «Правое дело»).

Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод о том, что к 2007 г. (выборы депутатов Государственной думы V созыва) электоральный рынок России сформировался в законченном виде. Конкретные политические партии (КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, «Единая Россия») окончательно закрепили за собой существующие электоральные сегменты, став, по существу, монопольными «продавцами» определенных программно-идеологических стратегий. Единственное исключение в данном случае – «правый» электоральный сегмент. Вплоть до настоящего времени данный сегмент является объектом конкурентной борьбы между различными политическими группировками либеральной направленности. На наш взгляд, монопольный (или олигопольный) контроль над данным сегментом не сложился по причине объективной низкой востребованности со стороны общества «правого» электорального «товара».

Монопольный контроль указанных политических партий над «принадлежащими» им электоральными сегментами закономерным образом проявляется в их (политических партий) монополистическом поведении. Цель данного монополистического поведения – предотвращение угрозы конкуренции в «обладании» электоральным сегментом, исходящей от посторонних политических субъектов.

Так, например, 15 мая 2013 г. во время встречи Президента РФ В.В. Путина с главами фракций Государственной думы лидер КПРФ Г.А. Зюганов и лидер ЛДПР В.В. Жириновский указали на необходимость законодательно затрудняющих возможность участия «молодых» партий на выборах, выступив, таким образом, с идеей ограничения политической конкуренции [2].

Другим примером монополистического поведения «собственника» электорального субъекта является законодательная инициатива Либерально-демократической партии России, предполагающая значительное повышение нижнего порога численности политической партии [3]. 20 июня 2013 г. фракция ЛДПР внесла соответствующий законопроект в Государственную думу [4]. Согласно тексту данного законопроекта [4], а также тексту прилагаемой к законопроекту пояснительной записки [5] минимальная численность политической партии должна быть повышена в 10 раз (с 500 до 5000 членов). Причем указанное требование, предлагаемое в законопроекте, должно распространяться не только на вновь создаваемые, но и на уже существующие политические партии. В том случае, если численность действующей политической партии окажется меньше 5000 членов, она подлежит ликвидации.

Вторая («особенная») характеристика существующего в современной России монополистического электорального рынка обусловлена «периферийным» статусом российского капитализма. Суть её – тотальный контроль государства над партиями-монополистами («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», партии либеральной направленности и т.д.). В результате данного контроля российские партии-монополисты оказываются политическими структурами, полностью встроенными в систему государственного управления.

Контроль со стороны государства над российскими партиями-монополистами осуществляется в различных сферах.

Так, во-первых, государство активно участвует в организационном строительстве политических партий.

Наиболее показательным примером здесь является деятельность государства по созданию «партии власти» («Выбор России», «Наш дом – Россия», «Единство», «Единая Россия»). Все последовательно сменявшие друг друга российские «партии власти» были созданы по прямой инициативе и под непосредственным руководством государственной власти. Современный российский исследователь В.В. Иванов в этой связи так характеризует нынешнюю «партию власти»: «"Единая Россия" есть партия власти, поскольку она создана властью, т.е. по решению Президента Путина и под непосредственным руководством его администрации. Своим местом в политической системе, своими политическими успехами "единороссы" полностью обязаны Путину» [6: с. 8].

Участие государства в организационном строительстве российских партий-монополистов не ограничивается созданием центристской «партии власти». Особой сферой государственного контроля являлись (и являются) оппозиционные политические объединения, обеспечивающие монопольное предложение «левого» политического «продукта». Так, в 2003 г. накануне выборов в Государственную думу IV созыва при непосредственной поддержке Администрации Президента РФ (и лично заместителя руководителя Администрации Президента РФ В.Ю. Суркова) был создан избирательный блок «Народно-патриотический союз "Родина"». Целью создания данного блока являлось упразднение монопольного контроля КПРФ над «левым» электоральным сегментом. Итогом данных действий Администрации Президента РФ стала замена монополии КПРФ как поставщика «левого» электорального продукта на олигополию КПРФ и «Родины» (а затем, «Справедливой России»).

Другим примером вмешательства государства в организационные вопросы деятельности «левых» политических партий являлся факт взаимодействия лидера Коммунистической партии Российской Федерации Г.А. Зюганова с Президентом РФ В.В. Путиным по поводу состоявшихся 3 июля 2004 г. двух параллельных съездов КПРФ.

В этот день (3 июля 2004 г.) в Москве одновременно прошло два съезда КПРФ. Первый съезд, на котором присутствовали сторонники Г.А. Зюганова, проходил в зале гостиничного комплекса «Измайлово». На данном съезде были подтверждены полномочия Г.А. Зюганова как Председателя ЦК КПРФ. Второй («альтернативный») съезд КПРФ (проходил на теплоходе) собрал членов партии, являвшихся противниками Г.А. Зюганова. На нём было принято решение об избрании на пост Председателя ЦК КПРФ губернатора Ивановской области В.И. Тихонова.

5 июля 2004 г. Г.А. Зюганов встретился с Президентом РФ В.В. Путиным и рассказал ему о ситуации в партии, выразив своё недовольство деятельностью «раскольников».

В своём интервью журналистке Марине Королёвой на радиостанции «Эхо Москвы», состоявшемся в тот же день (5 июля 2004 г.), Г.А. Зюганов следующим образом описал встречу с Президентом РФ: «…сегодня утром позвонил Путин, он узнал из эфира, что происходит... Мы встречались… обсудили целый ряд проблем. В том числе и ситуацию, которая складывалась вокруг съезда… я выразил свой протест относительно того, что в стране проводятся против крупнейшей партии такие спецоперации.

М. КОРОЛЕВА – Что по этому поводу сказал президент?

Г. ЗЮГАНОВ – Сказал – разберутся. Возмущение тоже, не может не возмущаться нормальный человек» [7].

3 августа 2004 г. Министерство юстиции РФ признало незаконным съезд противников Г.А. Зюганова, подтвердив, таким образом, законность «официального» съезда КПРФ [8].

Второе направление контроля государства над российскими партиями-монополистами связано с участием в определении их кандидатов в депутаты Государственной думы РФ и кандидатов в Президенты РФ.

Определение кандидатов в депутаты Государственной думы РФ формально-юридически является компетенцией (у партий «Справедливая Россия» и «Единая Россия» – исключительной компетенцией) съездов соответствующих российских политических партий [9–12]. Однако в реальной действительности государственная власть активно влияет на процесс определения отдельными партиями-монополистами состава списка кандидатов в депутаты. Так, например, в 2011 г. Администрация Президента РФ не позволила включить в список кандидатов в депутаты Государственной думы VI созыва от партии «Правое дело» Е.В. Ройзмана [13] . Комментируя влияние Администрации Президента РФ на сугубо внутреннее дело партии – определение состава списка кандидатов в депутаты Государственной думы, современный российский предприниматель и политик М.Д. Прохоров отмечал: «…я на своей шкуре ощутил, что такое **политическая монополия** (*выделено авт.*), когда тебе звонят каждый день, дают указания, пытаются внести в списки своих людей, давят на региональные отделения» [14].

В настоящее время контроль государства над составлением политическими партиями списков кандидатов в депутаты Государственной думы РФ носит системный характер. Так, накануне выборов в Государственную думу V созыва российский оппозиционный политик либеральной направленности В.А. Рыжков утверждал факт существования списка, включающего фамилии тех политиков, которых политические партии не должны выдвигать в качестве кандидатов [15]. Что касается самого содержания данного списка, то, по мнению В.А. Рыжкова, оно определяется тем, «кто управляет движениями "НАШИ", "Молодая гвардия", ЕР, "Местные" и так далее» [15].

Государственная власть оказывает влияние и на выбор партиями-монополистами своих кандидатов в Президенты РФ. Так, накануне выборов Президента РФ 2008 г. лидер ЛДПР В.В. Жириновский отказался участвовать в избирательной гонке, предоставив эту возможность О.А. Малышкину. Причиной отказа лидера ЛДПР от участия в выборах явилось соответствующее требование, исходящее от Администрации Президента РФ [16]. Современный российский политолог А.А. Пионтковский следующим образом комментировал отказ В.В. Жириновского от выдвижения в качестве кандидата: «…абсолютно ясно, что все решения Жириновского определяются администрацией президента России, а она пришла к выводу, что электораты Жириновского и Путина очень серьезно пересекаются. Сверхзадача Кремля на этих выборах – это, безусловно, победа Путина в первом туре» [16].

Третье направление контроля государства над российскими партиями-монополистами – императивное воздействие на их законодательную деятельность в Государственной думе.

Современные российские политические журналисты И. Жегулев и Л. Романова в своей книге, посвященной партии «Единая Россия» [17], указывают на тотальный контроль над законодательной деятельностью фракции «Единая Россия», осуществляемый Администрацией Президента РФ. По их мнению, все законодательные инициативы, как

и все голосования фракции «Единая Россия» по отдельным вопросам, директивно определяются Администрацией Президента РФ. «Рабочий день (в Государственной думе. – *Д.Н., В.П.*) начинался так: депутаты (фракции «Единая Россия». – *Д.Н., В.П.*) приходят за полчаса до пленарного заседания и получают "раздаточные материалы". Главная из них – таблица вопросов, вынесенных в повестке дня на голосование. В последней графе было уже заранее отмечено, как рекомендовано голосовать – "за", "против" или "воздержался". То есть обсуждать ничего не требовалось» [17: с. 97].

Самостоятельность в законодательной деятельности, проявляемая отдельными членами фракции «Единая Россия», влечет за собой неизбежные наказания, главным из которых является невключение диссидента в список кандидатов от партии на последующих выборах в Государственную думу [17].

Характеризуя стиль взаимоотношений между Администрацией Президента РФ и депутатами фракции «Единая Россия», И. Жегулев и Л. Романова приводят показательный пример общения заместителя руководителя Администрации Президента РФ В.Ю. Суркова с депутатами фракции «Единая Россия», проявившими законодательную самостоятельность. «Ты кто такой (обратился В.Ю. Сурков к одному из единороссов-диссидентов. – *Д.Н., В.П.*), ты как кнопки жмешь? Тебе что, непонятно что ли: что написано в табличке – так ты и должен нажимать. Вы тут думаете, что вы депутаты Государственной думы?... Каждый из вас лично мне обязан! Я за каждого из вас просил, поручался. Будете делать то, что я вам скажу…

– Владислав Юрьевич, а если закон, за который нам предлагают голосовать, – не профессиональный?...

– Не ваше дело! – рявкнул Сурков. – Голосуйте, как вам написано. Без вас разберемся, как надо законы писать. Ваша задача – правильно на кнопки нажимать» [17: с. 101].

«Всеобщие» и «особенные» характеристики российского монополистического электорального рынка не существуют изолированно друг от друга, а находятся в состоянии диалектического взаимодействия. Данное взаимодействие, на наш взгляд, проявляется в том, что «особенные» характеристики, накладываясь на «общие» характеристики, приводят к усилению степени монополизированности электорального рынка России и, наоборот, к полному подавлению политической конкуренции.

В итоге реальный российский электоральный рынок превращается в сверхмонополизированное пространство, в котором естественные электоральные монополии (в настоящее время к ним относятся КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Единая Россия»), в исключительном порядке предлагающие избирателям конкретный программно-идеологический «продукт», находятся под тотальным контролем со стороны государства. В подтверждение данного тезиса следует привести показательное высказывание современного российского журналиста Анатолия Баранова о Коммунистической партии Российской Федерации. По его мнению, данная партийная структура – это «лицензированная государством монополия по оказанию оппозиционных услуг населению» [18].

По существу, на наш взгляд, нынешняя российская многопартийность носит ярко выраженный корпоративистский характер, т.е. представляет собой систему, состоящую из отдельных, контролируемых государством, политических партий, обладающих монополией на представительство интересов определенного сегмента общества.

Данная корпоративистки организованная партийно-электоральная система является составным элементом целостной структуры российского политического монополизма, предоставляющим господствующему классу (через контроль политического предложения) возможность управлять электоральным рынком и, следовательно, обеспечивать легитимизацию принимаемых политических решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пшизова, С.Н.* Политика как бизнес: российская версия (I) / С.Н. Пшизова // Полис. – 2007. – № 3. – С. 109–123.

2. Владимир Путин выступил против выборных «фильтров» для малых партий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2013/05/15/filtr-anons.html (дата обращения: 10.12.2015).

3. *Савицкий, О.* Системные оппозиционеры продолжают выдавливать с политической поляны конкурентов – новые партии [Электронный ресурс] / О. Савицкий. – Режим доступа: http://m.specletter.com/politika/2013-06-21/partiinovyshkolennye.html (дата обращения: 10.12.2015).

4. Законопроект № 299338-6 «О внесении изменений в Федеральный закон "О политических партиях"» / Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/ %28SpravkaNew %29?OpenAgent&RN=299338-6&02 (дата обращения: 10.12.2015).

5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "О политических партиях"» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/ %28SpravkaNew %29? OpenAgent&RN=299338-6&02 (дата обращения: 10.12.2015).

6. *Иванов, В.В.* Партия Путина. История «Единой России» / В.В. Иванов. – М. : ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 342 с.

7. Интервью Геннадия Зюганова радиостанции «Эхо Москвы» [Электронный ресурс] / Деловой портал «Альянс Медиа». – Режим доступа: http://www.businesspress.ru/ newspaper/article_mId_33_aId_308924.html (дата обращения: 10.12.2015).

8. Говорим «Зюганов» – подразумеваем «партия». Минюст разобрался с коммунистами [Электронный ресурс] / Официальный сайт издания «Время новостей». – Режим

доступа: http://www.vremya.ru/print/104347.html (дата обращения: 10.12.2015).

9. Устав политической партии ЛДПР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ldpr.ru/#party/ustav (дата обращения: 10.12.2015).

10. Устав КПРФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kprf.ru/party/charter (дата обращения: 10.12.2015).

11. Устав партии «Единая Россия». Руководящие и центральные органы партии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://er.ru/rules/#8 (дата обращения: 10.12.2015).

12. Устав партии «Справедливая Россия». Гл. 8. Центральные руководящие, контрольно-ревизионные и иные органы партии, должностные лица партии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spravedlivo.ru/5_47549.html (дата обращения: 10.12.2015).

13. Прохоров выдвинет Ройзмана в мэры Екатеринбурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grani.ru/Politics/Russia/Parties/m.211720.html (дата обращения: 10.12.2015).

14. *Прохоров, М.Д.* Я на своей шкуре ощутил, что такое политическая монополия [Электронный ресурс] / М.Д. Прохоров. – Режим доступа: http://www.rbcdaily.ru/politics/562949981491996 (дата обращения: 10.12.2015).

15. *Рыжков, В.* Фактически введен запрет на профессию политика [Электронный ресурс] / В. Рыжков. – Режим доступа: http://www.novayagazeta.ru/politics/34116.html (дата обращения: 10.12.2015).

16. ЛДПР выдвинула в президенты спортсмена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_3349000/3349633.stm (дата обращения: 10.12.2015).

17. *Жегулев, И.* Операция «Единая Россия». Неизвестная история партии власти / И. Жегулев, Л. Романова. – М. : Эксмо, 2012. – 304 с.

18. *Кречетников, А.* КПРФ и Удальцов: песнь льда и пламени [Электронный ресурс] / А. Кречетников – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/11/131107_russia_zyuganov_udaltsov.shtml (дата обращения: 10.12.2015).

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР (1922–1941)

Ю.В. Пикалов

Пикалов Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: profiyvp@mail.ru

В статье рассматривается процесс переселения жителей европейской части РСФСР на Дальний Восток через призму его влияния на изменение вековых культурных, экономических и бытовых условий жизни коренных малочисленных народов этого региона.

Ключевые слова: советская национальная политика, коренные малочисленные народы, переселение на Дальний Восток, изменение векового уклада и традиций культурной, экономической и социальной жизни аборигенов.

Проблема советской национальной политики не является чем-то новым в исторической науке. Вместе с тем подходы к выявлению ее сущностных характеристик, целей и задач менялись. В советский период отечественной истории сложилась концепция некапиталистического пути развития малых народностей Севера. Сущность этой концепции, разработанной В.И. Лениным, приводит в своей статье известный дальневосточный историк В.Г. Балицкий: «…все народы без исключения, на какой бы они ступени исторического развития ни находились, могут перейти непосредственно к социализму, минуя не только капитализм, но и докапиталистические классовые отношения» [1: с. 5]. Поскольку это была официальная идеологическая установка КПСС, то все советские историки обязаны были ее придерживаться. Недопустимость критического анализа данной концепции отвергала саму возможность ее диалектического развития. Неудивительно поэтому, что вся советская история национальной политики выглядела как полоса успехов и достижений в развитии коренных малочисленных народов. При этом утверждалось, что выдающихся результатов во всех сферах общественного прогресса они смогли достичь только благодаря советской власти [1: с. 5].

Сущность всех совершавшихся после революции у коренных малочисленных народов процессов состояла в социалистическом переустройстве всего их жизненного уклада [2]. Конкретным проявлением этих процессов стала последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни [3]. Основной причиной национального неравенства, как считало партийное руководство, являлось экономическое неравенство. Отсюда вытекало, что только социалистическое переустройство жизни коренных малочисленных народов Севера сможет ликвидировать их вековую отсталость.

Столь четкая и недвусмысленная историческая концепция национальной политики партии окончательно закрепилась в литературе с 50-х гг. XX в. Это предопределило тот факт, что в тени истории остались 1920-е гг., когда шел поиск путей формирования патронажной по своей сути политики в отношении малочисленных народов Севера.

Очевидно, что анализ причин формирования той или иной политики в области взаимоотношений власти и малочисленных народов упирается в необходимость определения ее фундаментальных, методологических основ. В свою очередь, это определение должно тесно увязываться с контекстом общемирового исторического процесса.

С этой точки зрения наиболее оправданным будет анализ советской национальной политики как процесса общественной социализации малочисленных народов Севера в 20-е – 30-е гг. XX в. Теоретически процесс социализации подразделяется на стихийный, когда его содержание, характер и результаты определяются социально-экономическими и социокультурными условиями, сложившимися в обществе, а также на социально контролируемый, когда государство предпринимает экономические, законодательные и организационные меры, которые объективно влияют на жизненный путь различных групп населения. Советское государство в конце 20-х гг. XX в. первым стало на путь целенаправленной и контролируемой со стороны коммунистической партии социализации населения, коснувшейся в этих рамках и коренных народов Севера.

Эффективность политики в отношении народов Севера, таким образом, определялась критерием «уровень социализации», т.е. полнотой включенности в жизнь страны. Надо отметить, что стихийный процесс социализации всегда присутствовал в жизни этносов Севера. Из поколения в поколение передавались все необходимые знания и умения, позволявшие выживать в суровых условиях. В этом

смысле каждый народ был самодостаточным, самоидентифицированным среди других этносов и мог так существовать еще очень долго. Еще в дореволюционный период произошло частичное включение малочисленных народов в социально-экономическую жизнь России, но оно было неполным и непостоянным. Они продолжали оставаться самоизолированными группами населения.

Главный смысл их социализации в 1920-е гг. заключался в необходимости легитимизации советской власти на дальневосточных окраинах страны. Исходя из этого сформировалась патронажная политика, которая подразумевала постепенное выведение малых народов из самоизоляции и включение их в общероссийскую жизнь. Уже в конце 1920-х гг. вектор национальной государственной политики круто меняет свою направленность. Начинается агрессивная политика насильственной социализации коренных народов, степень активности которой зависела от планов государства в области социально-экономического развития территории их традиционного обитания.

Исходя из сказанного, можно выделить главный, по сути, скрытый до сих пор критерий эффективности национальной политики в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока – уровень их социализации, т.е. включенности в общегосударственную жизнь. Основной смысл государственной политики социального развития народов Севера заключался в выводе их из изолированной жизни этнически замкнутых групп и включении в жизнь большой страны. Парадигма этой политики состояла в том, что в случае ее неудачи наступал длительный период исчезновения этносов с исторической сцены, а в случае успеха – быстрое исчезновение через растворение в «чужой жизни».

Поскольку уровень включенности этих народов зависел от степени экономического развития территории их обитания, то это и определило логику этапов формирования государственной национальной политики: 1920-е – 30-е гг.

Особенность 1920-х гг. в отечественной истории проявилась в разработке и внедрении в жизнь страны новой экономической политики (нэп). Внедрение нэпа на Дальнем Востоке значительно облегчалось тем, что частнопредпринимательская деятельность здесь не прекращалась в годы Гражданской войны и интервенции. Дальревкому оставалось лишь узаконить своими решениями ранее действовавшие финансово-хозяйственные учреждения и принципы, что он почти сразу же и сделал. Пункты 4 и 5 Декларации Дальревкома от 11 ноября 1922 г. гласили: «Учитывая весь опыт пятилетней борьбы РСФСР за свое существование, Дальревком предостерегает рабоче-крестьянские массы от повторения ошибок массового эсеровского поравнительного дележа первобытного потребительного коммунизма, подрывающего возможность зарождения коммунизма производительного» [4: с. 1–2].

С этой целью Дальревком объявил действующими все законы и обязательства Дальневосточной республики в области финансовой и экономической, поскольку они не противоречили новой экономике РСФСР. В частности, Дальревком объявил действующим на прежних основаниях бывший Банк Дальневосточной республики, переименованный в Дальневосточный банк, объявил сохранение свободы золотого обращения [5: с. 34].

Внутриполитическая обстановка на дальневосточной окраине РСФСР в 1922–1925 гг. характеризовалась отсутствием среди местного населения твердой и широкой поддержки РКП (б) и Советов, а также очаговыми проявлениями Гражданской войны и интервенции [5]. Отсутствие дифференцированной национальной политики в отношении коренных малочисленных народов, попытки строить с ними отношения с позиций силы и пренебрежения приводили к политическому противостоянию последних советской власти. Наиболее трагическим событием этого рода явилось тунгусское восстание 1924–1925 гг.

Партийные и советские власти Охотского уезда совершенно не считались с особыми бытовыми условиями, укладом жизни и социальными отношениями тунгусов (эвенков). Они бездумно копировали декреты и постановления центральных и краевых властей и насаждали их среди тунгусского населения. В результате такой «политики» обнищавшие и голодавшие коренные жители были обложены налогами, втрое превышавшими обложения царских времен. Охотские власти запретили частную развозную торговлю под видом борьбы со спекулянтами. Кроме этого, были также запрещены ежегодные ярмарки, которые издавна прочно вошли в жизнь местного населения. Снабжение населения практически полностью прекратилось. Наряду с этим Охотский уездный ревком незаконно взыскал с местного населения часть старых долгов по хлебозапасным магазинам. Свою лепту в возмущение тунгусов внесли отряды красноармейцев и ГПУ. В ходе поиска и преследования участников антисоветского движения на территории Охотского уезда они жестоко расправлялись с местным населением, подвергая его пыткам и расстрелам. В июне 1924 г. в Нелькане состоялся съезд Аяно-Нельканских, Охотских, Аркинских и Маймаканских тунгусов. Они приняли решение отделиться от РСФСР в самостоятельное государство, избрали свое Временное Тунгусское национальное управление, состоявшее исключительно из тунгусов [6].

Попытки подавления восстания привели к кровопролитным сражениям. В январе 1925 г. состоял-

ся второй съезд представителей всех тунгусских родов, который вновь выдвинул требования об отделении и отстранении от власти коммунистов-террористов. На этот раз решением вопроса занялся ЦК РКП (б). По его указанию была сформирована специальная комиссия, призванная решить проблему политическими методами путем переговоров с восставшими. В результате переговоров все участники восстания были амнистированы, партийные и советские органы Охотского уезда были обновлены с учетом ввода в них авторитетных представителей тунгусов. В августе 1925 г. Временное Тунгусское национальное управление и штаб Тунгусских повстанческих отрядов самоликвидировались. К осени этого же года тунгусское движение прекратило свое существование [6].

Уроки тунгусского восстания показали, что очаговое проявление политики военного коммунизма в отношении коренного населения Дальнего Востока чревато серьезными осложнениями для советской власти. Это подталкивало партийное и государственное руководство в центре и на местах к необходимости учитывать интересы не только русского населения, но и коренного туземного. В связи с малонаселенностью и малой освоенностью обширных пространств дальневосточных окраин укрепление советской власти становилось сложной политической задачей.

В таких условиях партийным и советским органам приходилось проводить определенную партийно-государственную социальную политику. Главной целью этой политики было сохранение власти правящей коммунистической партии.

Установление новой экономической политики означало, что РКП (б) будет вынуждена отражать интересы и удовлетворять потребности не только пролетариата, но и других социальных групп населения. За счет этого коммунистическая партия расширяла социальную базу своей поддержки.

Государство не могло удовлетворить потребности непролетарских слоев общества, не допустив частной собственности, свободы торговли, банковских и биржевых операций, концессий и т.д. Объективно это отвечало интересам тех социальных групп, удовлетворять потребности которых партия вовсе не хотела. Нэп вошел в противоречие с программой РКП (б), принятой на VIII съезде партии в марте 1919 г. Отношение руководства партии и государства, а также абсолютного большинства членов РКП (б) к нэпу определялось вполне осознанным пониманием его опасности для власти.

Несоответствие нэпа природе компартии отмечал И.В. Сталин, когда в статье «О политической стратегии и тактике русских коммунистов» в июле 1921 г. писал: «…Мы, будучи экономически окружены в промышленном отношении более развитыми буржуазными государствами, вынуждены пойти на концессии, на договоры торговые с отдельными буржуазными государствами и концессионные с отдельными капиталистическими группами, мы и в этой (хозяйственной) области предоставлены себе сами, мы вынуждены изворачиваться» [7: с. 70].

Получалось, что партийно-государственное руководство ясно осознавало ту опасность, которую таил в себе нэп. Вместе с тем оно не могло не учитывать тот принципиальный факт, что политические настроения масс отражали в общественном сознании тенденции, проявления аморфности социально-классовой структуры РСФСР того времени. Из этого вытекала насущная потребность в формировании такой социальной политики, которая отвечала бы целям и задачам партии.

Естественно, что такая политика не могла быть единой в отношении всех социальных групп населения. Социальная структура РСФСР была достаточно сложной. Наряду с социальными группами, присущими капиталистическому обществу, в ней оставались еще и группы, свойственные докапиталистическим формам общественного устройства. А коренные малочисленные народы Севера и вовсе находились на стадии родовых отношений. Это означало, что и социальная политика государства в отношении различных групп населения должна быть дифференцированной.

Такая политика в условиях Дальнего Востока имела целый ряд местных особенностей, например – в отношении коренных малочисленных народов, но в целом вполне соответствовала принципиальным установкам центральной партийно-государственной власти. В конце 1922–1925 гг. на Дальнем Востоке были созданы условия, отработаны формы и методы для последующего применения этой политики в условиях модернизации 1930-х гг.

Формированию государственной политики в отношении коренных малочисленных народов в 1920-х гг. способствовала дискуссия, разгоревшаяся в кругах научных и практических работников. Часть ученых настаивали на недопустимости их быстрого вовлечения в процессы преобразования всех сторон жизни страны, предлагали меры их защиты от резких перемен. В качестве одной из таких мер предлагалось создание заказных территорий, по своей сути – резерваций. В «Набросках к проекту организации управления туземными племенами» известный этнограф В.Г. Тан-Богораз писал о том, что традиционная жизнь северных народов должна быть надежно защищена от пагубного влияния внешней среды. Он особенно предостерегал от экономических экспериментов, которые, по его мнению, могли подвергнуть опасности само существование этих народов [8]. В докладе наркомату национальностей РСФСР 2 апреля 1923 г. он

настаивал на выделении особых территорий, поскольку считал, что слияние русского и коренного населения «есть смерть для инородцев». Эти территории, по его мнению, должны быть достаточно обширными, соответствующими традиционному быту и занятиям коренных народностей; на них должен был действовать запрет на вселение соседей как русских, так и других инородцев. «С большой чуткостью и осторожностью должны подходить мы к устоям туземной жизни, сломать эти устои нетрудно, но это только приведет туземцев к гибели», – писал ученый [8: с. 9].

Представители другой точки зрения считали, что коренные малочисленные народы, как и все население страны, должны идти по одному пути преодоления социальных и экономических различий, а богатейшие территории их исконного обитания должны быть без всякого ограничения вовлечены в процесс интенсивного освоения. При этом туземное население рассматривалось как средство освоения пространств и богатств Севера, Сибири и Дальнего Востока. Только из этих соображений признавалась необходимость участия в решении проблем коренных народов [9].

В 1925 г. в журнале «Северная Азия» горный инженер А. Крылов достаточно четко определяет практическое предназначение коренных народов края: «Без ездовых собак, без опытного проводника-туземца должно остановиться наше исследование Севера и открытие в нем новых горных богатств» [10: с. 20]. В 1920-е гг. ни одна из приведенных точек зрения не одержала четко выраженной победы. Социально-экономические преобразования на советском Дальнем Востоке протекали в этот период еще достаточно медленно в силу слабой его включенности в общую канву развития страны. На этом фоне развивалась вполне либеральная политика, в основе которой было стремление избегать резкого вмешательства в жизнь туземцев. Одновременно предпринимались действия, направленные на легитимизацию советской власти среди них. Это проявилось в попытках организовать их управление таким способом, чтобы оно наиболее органично соответствовало представлениям коренных народов. Первым шагом в этом направлении можно считать появившийся еще в июле 1822 г. «Устав об управлении инородцев» [11]. Несмотря на отдельные недостатки, Устав обобщал и систематизировал имеющийся опыт управления туземными народами. Для своего времени он представлял собой образец решения проблем взаимоотношений государственной власти и коренных народов с учетом особенностей их исторического, этнического, правового и экономического развития, а также своеобразных отношений с окружающей средой, отличающих их от остального населения России.

Советское государство должно было создать законодательные акты, которые бы определили правовое положение инородцев в новой системе власти и обеспечили их политическую социализацию. Помимо легитимизации советской власти в сознании инородцев имелась и еще одна не менее важная причина – необходимость укрепления позиций СССР на дальневосточных границах. В течение пяти лет (с 1921 по 1925 г.) правительство страны решало здесь принципиальные задачи: возвращение КВЖД и северной части о. Сахалин, оккупированного Японией. За годы Гражданской войны и интервенции влияние России на туземцев практически прекратилось. Эту миссию взяли на себя японские и американские торговцы и промышленники. Необходимо было возвращать утраченные в этой сфере позиции.

В 1924 г. туземный подотдел Дальревкома разработал «Временное положение об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной области» (далее – «Положение») [12]. «Положением» устанавливалась структура родовых органов управления: общее родовое собрание, родовой исполнительный комитет, районный родовой съезд, районный исполнительный комитет. Все дела в роду решались путем открытого голосования простым большинством. Правом голоса обладали все члены рода, достигшие 18-летнего возраста. Каждый род, в котором насчитывалось не менее 15 семейств, избирал на родовом собрании родовой исполком в количестве трех человек – председателя и двух членов. Рода, имевшие менее 15 семейств, управлялись общим родовым собранием. Избранный председатель осуществлял исполнительские функции. Родовой исполком избирался сроком на один год. Так как коренные жители были неграмотными, все дела велись устно.

Управление группами родов осуществлялось районными родовыми органами самоуправления. Район в данном случае был понятием не административно-территориальным, а условным, объединяющим группу кочующих родов. Выборы в этот высший орган самоуправления района производились из расчета 1 депутат на 25 человек населения. Съезд простым большинством избирал районный исполком в составе председателя и двух членов путем открытого голосования. Все дела в районном органе самоуправления велись письменно, для чего райисполком создавал канцелярию под руководством секретаря. Местом пребывания райисполкома устанавливался центральный пункт всех кочевий.

Родовые органы самоуправления обладали исполнительными и распорядительными функциями. В их обязанности входило проведение в жизнь постановлений высших органов советской власти и содействие представителям власти. Они были обя-

заны заботиться о поднятии культурного и политического уровня соплеменников, принимать меры по своевременному снабжению населения товарами, следить за порядком и мирным сожительством родов в подведомственном районе, проводить регистрацию и перепись населения, а также совершать отдельные нотариальные действия.

В обязанности родового исполкома входили сбор налога, учет населения, поддержание общественного порядка. Он выполнял и судебные функции. В этой части «Положение» позволяло исполкомам руководствоваться нормами обычного права. В качестве суда второй инстанции выступал районный исполком.

В целях проведения единой советской национальной политики родовые органы самоуправления работали под постоянным контролем специальных уполномоченных, назначавшихся Дальревкомом в каждый район. Уполномоченный был наделен широкими правами. Он наблюдал за правильным ведением родовых собраний и имел право отвода секретаря райисполкома. Особой задачей уполномоченного была защита коренного населения от эксплуатации со стороны русских и иностранных предпринимателей и его кооперирование.

Следующий шаг по организации самоуправления у малых народностей сделал Комитет Севера при ВЦИК, который разработал единое «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», утвержденное декретом ВЦИК и СНК РСФСР 25 октября 1926 г. [13]. Это положение почти полностью соответствовало указанному ранее «Временному положению об управлении туземных племен, проживающих на территории Дальневосточной области», хотя имелись и отличия. В новом положении наряду с родовым принципом организации самоуправления допускался и территориальный. Его принципиальным отличием от предшествующего явилось утверждение классового подхода к организации самоуправления. В нем прямо устанавливалось, что «…не избирают и не могут быть избираемыми для отправления государственных и общественных должностей лица, предусмотренные ст. 69 Конституции РСФСР» [13: с. 185].

В документах 1920-х гг. отчетливо просматриваются заимствования принципов, взятых из дореволюционного «Устава об управлении инородцев». В них признается наличие прав и интересов северных народностей, необходимость защиты хрупких основ их жизненного пространства.

Анализ директивных документов и постановлений ЦК ВКП (б), ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК РСФСР показывает общую направленность политики государства в отношении коренных народов и изменение их социального облика в процессе реализации этой политики. За период с 1924 по 1932 г. по проблемам коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока было принято более 50 государственных нормативных актов [14]. Подобное внимание высших государственных органов к жизни коренных народов в 1920-х гг. объяснялось относительно либеральной атмосферой политической жизни страны, революционным романтизмом, приверженностью теоретическим установкам ленинской национальной политики.

Вместе с тем чем ниже был уровень власти, тем меньше внимания уделялось коренным народам. Сейчас это кажется странным, но в то время органы власти не относили коренное население к национальным меньшинствам. Это понятие распространялось главным образом на китайцев и корейцев. Дальневосточные властные структуры куда более занимались проблемами указанных диаспор, чем туземными. Вряд ли стоит этому удивляться, так как китайцы и корейцы насчитывали более двухсот тысяч человек населения и их включенность в жизнь региона была значительно большей, чем коренных малочисленных народов.

Для сравнения отметим, что с 15 ноября 1922 по 1 июля 1925 г. Дальревком рассмотрел сотни вопросов самого разного характера, и только 8 из них касались проблем коренных народов [15]. Нередко все постановление по какой-либо проблеме туземцев ограничивалось всего одной фразой.

В связи с этим большое значение имело постановление ВЦИК от 20 июня 1924 г., создавшее Комитет содействия народностям северных окраин, или Комитет Севера. На местах создавались местные органы Комитета Севера. В их числе в 1925 г. был образован Дальневосточный комитет Севера. Центральный и местные комитеты Севера были более других государственных органов погружены в проблемы коренных народов. Это было тем более важно, так как они осуществляли надзорно-экспертные функции за деятельностью предприятий и учреждений на территориях традиционного проживания коренных народов. Нередко предложения, вносившиеся Комитетом Севера в ВЦИК или ЦИК СССР, принимали силу постановлений правительства.

Мнение Комитета Севера учитывалось при принятии такого важного решения, как создание Государственного акционерного Камчатского общества (ГАКО). Оно образовалось в соответствии с постановлением Совета труда и обороны СССР от 5 ноября 1926 г. Устав ГАКО так определял его цели: «…развитие экономической жизни и рационального использования естественных богатств Камчатского округа и Охотского района ДВК, островов, находящихся в Охотском море и в территориальных водах Берингова моря, острова Врангеля в Ледовитом Океане» [16]. Общество получало монопольное пра-

во на эксплуатацию всех природных ресурсов указанных территорий. Естественно, что его деятельность не могла не касаться жизни коренных народов. Более того, она на длительный период стала определяющей для судьбы местных этносов.

Советское государство в лице ГАКО должно было вытеснить с северо-востока СССР иностранных предпринимателей. Влияние американских и японских торговцев и предпринимателей на местное население стало более нетерпимым. В докладе Народного комиссариата внутренней торговли за 1925 г. говорилось: «За время отрыва края от центра с чрезвычайной силой проявилась деятельность иностранцев, сводившаяся к беззастенчивой эксплуатации инородческого населения. На Камчатке уже затронут основной пушной капитал и дальнейший, ничем не регулируемый пушной промысел должен привести к быстрому истощению естественных запасов и, как следствие этого, к полному обнищанию населения. Наконец, американцы заняты были хищнической добычей чукотского золота. Наряду с чисто экономической работой росло и культурно-политическое влияние иностранцев на нашем крайнем северо-востоке. Чукчи постепенно американизировались» [17].

В уставе ГАКО особо подчеркивалось, что «Акционерами общества могут быть исключительно государственные учреждения и предприятия, а равно и объединения с исключительным участием государственного капитала» [18]. Государство в лице ГАКО возвращалось на берега северной части Тихого океана. Теперь оно должно было взять на себя и заботу о жизни местного населения. Контроль же за этой деятельностью мог осуществлять Комитет Севера. Надо отметить, что все сколько-нибудь значительные экономические проекты, которые затрагивали интересы коренного населения, не ускользали от внимания этой организации. Например, в январе 1929 г. специальная комиссия Комитета Севера рассмотрела очень важный вопрос «Об охране интересов малых народностей Северных районов РСФСР при развитии золотопромышленности в этих районах» [19]. В решении комиссии по этому вопросу подчеркивалось, что в районах, вновь вовлекаемых в разработку золота, необходимо соблюдать ограждение интересов малых народностей Севера, остающихся в местах развертываемой эксплуатации недр. Разработка проектов и проведение земле- и водоустройства должно было осуществляться под наблюдением местных Комитетов Севера. Одним из важных условий разработок золота должно было стать обязательное отведение туземному населению охотничьих и рыболовных угодий [19].

Помимо контрольных функций Дальневосточный краевой комитет Севера занимался ведением дел по самым разным вопросам, касавшимся жизни коренного населения. Довольно полное представление об этом дает отчет о работе Далькрайкома Севера за 1926–1928 гг. Прежде всего надо отметить тот факт, что он вел учет коренного населения, изучал места его обитания, анализировал динамику развития хозяйственной деятельности, ее формы и эффективность. В сферу интересов Далькрайкома Севера входили также снабжение коренного населения и процессы его кооперации. Для оказания помощи туземному населению в случае голода Далькрайком Севера открыл 8 хлебозапасных магазинов. Инструкцией предусматривалось иметь в этих магазинах только хлебопродукты и соль, но краевой комитет Севера нашел необходимым изменить ассортимент товаров и возбудил ходатайство о дополнении списка товаров магазинов оружием, боеприпасами, табаком и т.п. [20]. Наряду с хозяйственно-бытовыми делами в поле зрения Комитета Севера находились вопросы советского строительства у малых народов. Главная проблема этого процесса заключалась в отсутствии подготовленных, грамотных работников из числа местного населения. Из-за этого туземцы занимали в основном только выборные должности в райисполкомах и туземных советах, а секретарями по делопроизводству назначались русские. Несмотря на то что влияние туземных исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся (РИКов) на местное население было еще незначительным, процесс их внедрения в туземную жизнь играл большую роль в политизации этой жизни как начальный этап политической социализации коренных народностей. Усилия Комитета Севера в этом направлении дали свои положительные результаты. С 1926 по 1928 г. количество туземных РИКов и туземных советов на Дальнем Востоке выросло со 136 до 307 [20].

Постановлением ВЦИК на органы туземного самоуправления возлагались функции рассмотрения судебных дел. Далькрайком Севера разработал на основании этого постановления «Положение о примирительном производстве по спорным делам» и разослал его на места [20]. В дополнение к этому он организовал выборы туземных заседателей. После этого все спорные вопросы, возникавшие между отдельными родами и группами туземного населения, стали рассматриваться на законном основании избранными представителями этого населения. Американские промышленники, которые не только вели торговлю, но и творили суд и расправу над местными жителями, теперь не имели на это права. Данные меры способствовали укреплению доверия коренного населения к советской власти, так как полностью соответствовали обычаям Севера и его представлениям о сильной государственной власти, которой отныне надо подчиняться.

Немаловажную роль в советизации коренных народов играло включение туземных учреждений в общегосударственную систему кредитно-финансовых отношений. Туземные РИКи и Тузсоветы получали и распределяли ассигнования на образование, здравоохранение, культуру и развитие сельского хозяйства наравне с любыми другими советскими учреждениями. Установление этих отношений также входило в сферу деятельности Комитета Севера.

Наряду с указанными достижениями в работе местных комитетов Севера имелся целый ряд серьезных недостатков. На заседании VI расширенного пленума Комитета Севера при президиуме ВЦИК, состоявшегося 20–31 марта 1929 г., были отмечены наиболее типичные просчеты в их работе. Главным упущением в деятельности местных комитетов Севера было отсутствие постоянной связи с местным туземным населением. Этому способствовало несовершенство средств сообщения, удаленность и труднодоступность кочующих родов и семей, малочисленность штатов работников комитетов. Вследствие этого наблюдалась текучесть кадров в составе комитетов, загруженность их другой работой. Слабый контроль со стороны комитетов за туземными райисполкомами приводил к нецелевому использованию ими средств, отпускаемых на бюджетные нужды. Кроме того, этой же болезнью страдали и исполкомы территорий, в составе которых обитали коренные народности. В связи с этим пленум Комитета Севера обратился во ВЦИК с просьбой запретить руководителям таких исполкомов пренебрегать бюджетной дисциплиной, а также увеличить штаты уполномоченных местных комитетов Севера.

Помимо недостатков в работе самих местных комитетов Севера пленум отметил и то, что ГАКО плохо справляется с возложенными на него обязанностями. В частности, оно совершенно неудовлетворительно снабжало подопечные территории самыми необходимыми товарами: огнестрельным оружием, патронами, снастями, предметами домашнего обихода и т.п. [21]. Нерадивость в работе ГАКО превращала хозяйственные вопросы в проблему политического характера. Государство, вытеснив американских и японских промышленников с Камчатки, Чукотки и Охотского побережья, не смогло наладить взамен адекватное снабжение указанных территорий. Данный факт именно так воспринимался местным населением и тем самым принижал значение новой власти в его глазах. В 1920-е гг. советское руководство еще придавало национальным взаимоотношениям серьезное значение и поэтому адекватно реагировало на недостатки в работе властных структур на Дальнем Востоке.

Подобный либерализм в отношении коренных народов не мог продолжаться долго. Уже к концу 1920-х гг. он пришел в противоречие с потребностями государственного и административно-территориального строительства на дальневосточных окраинах. Границы обитания родовых объединений не совпадали с существующими рамками административного деления на Дальнем Востоке, что тормозило советизацию коренных народов, их включенность в политическую систему. Основные функции по их управлению сосредоточивались на уровне высших органов управления РСФСР. Вместе с тем политическая, экономическая и социальная роль коренных народов была крайне незначительна. Руководство страны посчитало, что столь высокий уровень взаимоотношений с малочисленными этносами не имеет смысла.

В декабре 1930 г. ВЦИК РСФСР принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» [22]. Этим постановлением уровень руководства малыми народами передавался от ВЦИК краевым и областным органам управления. ВЦИК требовал от местных органов власти приступить к объединению и переселению коренных народов с территорий традиционного проживания в места, определенные властью. В Приамурье в этот период были объединены удэгейцы, нанайцы, ульчи и другие народности. Летом 1931 г. в нанайском стойбище Найхин на межрайонном съезде нанайцев двух национальных районов – Торгонского и Болонского было принято решение об объединении в один Нанайский район [23]. Приамурские этносы как самые близко расположенные к центрам экономической, политической и социальной жизни Дальнего Востока первыми были включены в общероссийскую жизнь, что неминуемо вело к вымыванию их самобытности.

Задача политической социализации народов Севера была более сложной. Главным препятствием на пути их советизации являлся кочевой образ жизни. Но и здесь туземное районирование должно было сыграть свою положительную роль. Обязательным условием создания туземных районов было учреждение в них национальных райисполкомов.

Перепись северных окраин Дальневосточного края 1926–1927 гг. зафиксировала 43 417 чел. населения, относившегося к коренным малочисленным народам [24]. Согласно переписи они проживали в 22 районах.

В результате национального районирования, проведенного по постановлению ВЦИК, образовалось 34 национальных района [25].

Этнический состав и численность населения национальных районов ДВК отражены в табл. 1.

Данные таблицы позволяют судить о том, что национальные районы имели огромные территории. Почти каждый из них мог бы поспорить в этом отношении с любой средней европейской державой. Од-

нако население этих районов было очень малочисленным. Относительно многочисленными были народности: чукчи (около 10 тыс. чел.), коряки (более 11 тыс. чел.), эвенки (более 10 тыс. чел.). Пять и более тысяч человек насчитывали такие народности, как гольды (нанайцы) и гиляки (нивхи). Наряду с ними существовали и вовсе малочисленные этносы: удэ – около 1 тыс. чел., ульчи – около 1 тыс. чел. и др.

Как правило, многие малочисленные этносы населяли районы, близко расположенные к краевому и областным центрам Дальнего Востока. Их роль в жизни территорий практически сводилась к нулю. Гораздо большее значение в формировании национальной политики государства играли многочисленные народности, которые были сильно удалены от указанных центров, обитая на Чукотке, Камчатке и Колыме. Большая часть чукчей, эвенков и коряков вели кочевой либо полукочевой образ жизни. При огромных территориях обитания, непрерывной подвижности и малой зависимости от государства они представляли собой очень сложный объект для управления.

Если учесть, что штаты комитетов Севера были малочисленны, а их связь с туземным населением довольно слабой, то остается полагать, что советские и партийные чиновники о жизни коренных народов имели довольно приблизительные представления.

Таблица 1

Территория и население туземных районов ДВК в 1930 и 1933 гг., тыс. чел. [26]

Название района	Территория, кв. км	Население в 1930 г.	Население в 1933 г.	Народность
Северный туземный	105 484	5584	5882	Чукчи
Эскимосский	892	812	855	Эскимосы
Анадырский	69 095	2223	2373	Чукчи
Верхне-Анадырский	72 732	744	783	Чукчи, юкагиры
Южных чукчей	49 755	2340	2465	Чукчи, юкагиры
Кэрэкский	1653	862	902	Кэрэки
Восточно-корякский	75 575	3319	3496	Коряки, чукчи
Западно-корякский	56 532	4867	5127	Коряки
Гижигинский-эвенкский	12 562	1329	1400	Эвенки
Паланский корякский	4595	1218	1283	Коряки
Тигильский корякский	39 341	1093	1151	Коряки
Быстринский	12 068	485	511	Эвены
Ительменский	14 215	931	981	Ительмены
Алеутский	1091	381	402	Алеуты
Ольский эвенкский	69 855	2635	2829	Эвенки
Охотский эвенкский	72 169	3090	2829	Эвенки
Тугуро-чумиканский	96 216	999	1652	Эвенки
Лиманский гилякский	3385	2065	2196	Гиляки
Амгунский негидальский	72 841	927	977	Негидальцы
Ульчский	2322	1376	1425	Ульчи, гольды
Амуро-гилякский	2006	660	716	Гиляки
Болонский гольдский	34 168	2287	2409	Гольды
Горюнский самогирский	15 883	673	706	Гольды, самогиры
Западно-Сахалинский	17 628	1076	1108	Гиляки
Восточно-Сахалинский	25 222	1077	1082	Гиляки, айны
Тумнинский ороченский	26 476	492	819	Орочи
Самаргинский Удэ	26 476	174	183	Удэ
Хорско-Имано-Бикинский	65 494	926	975	Гольды, удэ
Торгонский гольдский	23 733	2961	3120	Гольды
Амуро-тунгусский	48 354	655	695	Эвенки, гольды, удэ
Буреинский эвенкский	35 927	594	731	Эвенки
Селемджино-Эвенкский	164 977	423	446	Эвенки
Сугджаро-Токский Эвенкский	57 040	519	546	Эвенки
Джелтулакский Эвенкский	29 802	365	384	Эвенки
Итого	1 347 866	50 529	52 936	–

Данные о численности, национальном составе и количестве этнических групп коренного населения Дальнего Востока того времени вызывают сомнения. Итоги переписи северных окраин ДВК 1926–1927 гг. показали численность их населения в 43 417 чел. [27]. Сравнение этих показателей с 1930 г. дает прирост за три года более чем 7 тыс. чел. Вместе с тем с 1930 по 1933 г., т.е. также за три года, он вырос всего на 2 тыс. чел. Судя по данным табл. 1, на Дальнем Востоке проживало 19 этнических групп коренного населения. В годовом отчете дальневосточного краевого статистического управления за 1935 г. говорилось уже о 16 этнических группах коренного населения [28]. Данные табл. 1 о численности эвенков в 1933 г. указывают около 11 тыс. чел., а данные крайстата за 1935 г. – более 20 тыс. чел. Очевидно, что за два года численность народности не могла увеличиться почти на 10 тыс. чел., а количество этносов уменьшиться на три группы. Столь значительные разночтения в статистических данных указывают на отсутствие в то время у органов власти достаточных финансовых и кадровых возможностей для более точного учета коренного населения. Наряду с этим можно говорить и об отсутствии сколько-нибудь серьезного интереса государства к своим малочисленным народностям.

Национальные районы, образованные по решению ВЦИК 1930 г., стали промежуточной ступенью между 1920-ми и 1930-ми гг. в политике государства в отношении коренных этносов. Их создание не имело четко выраженного экономического смысла, но отражало лишь желание государства заниматься обустройством жизни коренных малочисленных народов. Более того, только что созданная система национальных районов почти сразу же пришла в противоречие с интересами «большой» национальной политики. Когда встала задача организации на Дальнем Востоке еврейской автономии, государственные органы решали вопросы ее территориального размещения за счет интересов национальных районов. В декабре 1930 г. Президиум Далькрайисполкома постановил: «Принимая во внимание, что Амуро-Тунгусский райисполком вошел в состав Биро-Биджанского района, подчинить Амуро-Тунгусский туземный райисполком со всем объединяемым им туземным населением Биро-Биджанскому райисполкому, которому поручить немедленно принять на себя полное обслуживание названного туземного района во всех отношениях» [29].

Национальное районирование привело к тому, что часть коренного населения Дальнего Востока была переселена и потеряла права на земли традиционного использования. Образование национальных округов, декларировавшее политическое самоопределение малочисленных народов, изначально не предполагало справедливого разделения земель, ресурсов между государством и коренными народами. Созданные национальные районы просуществовали недолго. С 1932 г. началась их ликвидация. На основании специального положения, утвержденного ВЦИК и СНК РСФСР 20 апреля 1932 г., были подвергнуты реорганизации и национальные Советы [30].

В соответствии с положением национальные Советы подразделялись на сельские и кочевые. Началось объединение коренного и русского населения в единых Советах. Это объяснялось отсутствием в руководстве национальных районов «пролетарской базы». Однако основной причиной ликвидации национальных районов была задача скорейшей интеграции коренных народов в социалистическое строительство наравне с русским населением. Вместе с тем такая уравнительность не учитывала самобытности коренного населения, его специфических социальных особенностей. Категорическое выступление Комитета Севера против ликвидации национальных органов власти было оставлено партийным руководством без внимания [30].

Интенсивное переселение в 1930-е гг. на Дальний Восток из центральных регионов страны привело к преобладанию в объединенных Советах русского населения. Это позволяло проводить политику без должного учета национальных интересов коренного населения и ускоряло процессы его ассимиляции. Поставленные в положение сторонних наблюдателей, не имея возможности влиять на процесс принятия решений, касавшихся их судьбы, коренные народы постепенно устранялись от активного влияния на свою жизнь. При таком положении государственные органы могли использовать в своих интересах исконные территории обитания малых народов без учета их мнения.

Наряду с плановым переселением из центральных регионов государство практиковало направление на Дальний Восток вынужденных переселенцев – заключенных. Наибольшее развитие этот процесс получил на Колыме. В этом районе управление территориями перешло под юрисдикцию ГУЛАГа. Именно поэтому в 1934 г. был ликвидирован Охотско-Эвенский национальный округ.

Активное использование ресурсов Дальнего Востока началось уже в годы первой пятилетки (1929–1933). В годы второй пятилетки (1933–1937) оно получило гораздо больший размах. XVII съезд ВКП (б) принял решение создать на Дальнем Востоке ряд крупных промышленных предприятий [31]. На развитие отраслей тяжелой промышленности, металлургии, энергетики, горно-добывающей, угольной промышленности направлялись значительные капиталовложения. В 1936 г. на развитие экономики Дальнего Востока было направлено средств в 22,5 раза больше, чем в 1928 г. [32]. За период пер-

вой и второй пятилеток Дальний Восток был превращен в огромную строительную площадку.

Интенсивное развитие экономики региона было невозможно без соответствующих трудовых ресурсов. К началу 1930-х гг. дефицит рабочей силы по Дальневосточному краю составлял 140 тыс. чел. [5]. Наибольшие трудности представляло заселение Камчатки и Сахалина. Именно эти дальневосточные территории представляли наибольший интерес с точки зрения развития рыбной, угольной и нефтяной отраслей промышленности. Однако 42 % занятых в этих сферах работников составляли японцы, корейцы и китайцы. Вопрос национального состава рабочих в промышленности Дальнего Востока, учитывая международное положение СССР, становился вопросом национальной безопасности [5].

До 1930 г. промышленность Камчатки имела сезонный характер. С 1930 г. Государственное акционерное Камчатское общество приступило к строительству промышленных предприятий, работавших круглый год. Возникла потребность в постоянных рабочих кадрах. Несмотря на целый ряд очень серьезных препятствий, ГАКО удалось обеспечить переселение на Камчатку около 7 тыс. чел. в год [5].

Промышленное и промысловое заселение о. Сахалин – его северной части – шло также трудно и напряженно. Особое место о. Сахалин в экономике Дальневосточного края определялось наличием месторождений нефти. Это было тогда единственное место во всей Восточной и Северо-Восточной Азии, где имелось такое углеводородное сырье. Индустриализация советского Дальнего Востока, рост его авиации, автомобильного парка, гражданского и военно-морского флотов нуждались в потреблении нефтепродуктов во все возрастающих масштабах. Перелом в добыче нефти на Сахалине произошел в годы второй пятилетки. Он был достигнут за счет интенсивного завоза рабочих на остров.

В целом за предвоенные годы Дальний Восток выдвинулся на первое место в СССР по темпам роста населения. С 1926 по 1939 г. численность жителей этого региона удвоилась, увеличившись с 1 281 000 тыс. до 2 562 000 тыс. чел. [5].

Увеличение численности населения края за счет переселенцев не могло не сказаться на положении коренных малочисленных народов. Если до 1930-х гг. они представляли собой большую прослойку населения и являлись влиятельной социальной группой, то затем они просто растворились в общем населении региона и потеряли прежнее значение (табл. 2).

Данные табл. 2 показывают, что численность коренного населения по отношению ко всему населению уменьшилась с 1926 по 1939 г. в 3 раза. Внимание государства к коренным малочисленным народам Дальнего Востока заметно ослабло.

Таблица 2

Удельный вес коренных малочисленных народов Дальнего Востока в общей численности населения в 1926 и 1939 гг.*

Регион Дальнего Востока	1926 г.		1939 г.	
	Все население	В том числе коренное	Все население	В том числе коренное
Камчатская область	19600 чел. 100 %	14118 чел. 72,03 %	109300 чел. 100 %	13661 чел. 12,5 %
Сахалинская область**	11900 чел. 100 %	4300 чел. 36,13 %	99900 чел. 100 %	5400 чел. 5,4 %
Хабаровский край	184700 чел. 100 %	20670 чел. 11,2 %	657400 чел. 100 %	32170 чел. 4,9 %
Итого	216200 чел. 100 %	39088 чел. 18,08 %	866600 чел. 100 %	51230 чел. 5,9 %

В 1935 г. был ликвидирован Комитет Севера. В период его деятельности были заложены основы политики в отношении коренных народов, которая в условиях директивно-планового управления представляла собой политику государственной опеки. С середины 30-х гг. XX в. особые черты этой политики, проявившиеся в советизации, коллективизации, всеобуче коренных народов, постепенно утрачивались. Созданные за эти годы интегральная кооперация, родовые, туземные, кочевые советы, национальные районы ликвидируются. Органы власти превратились в орудие проведения государственной политики колонизации территорий, занимаемых коренными народами Дальнего Востока, а культура и образование – инструментом социалистической идеологии. Наступило время жесткого директивного освоения территорий, населяемых коренными народами. Ведущую роль в этом процессе стали играть организации типа ГУЛАГа и Главсевморпути. Этому последнему и были переданы функции упраздненного Комитета Севера.

Коренные народы были поставлены в полную зависимость от государственных органов в сфере оленеводства, охоты, рыболовства. В то же время они не получили права заметно влиять на проекты промышленного развития территорий своего обитания для того, чтобы эти проекты отвечали интересам их национального развития.

Деятельность Главсевморпути как преемника Комитета Севера продолжалась недолго. Уже накануне Великой Отечественной войны руководство по развитию хозяйства и культуры народов Севера было возложено на местные партийные и советские органы. С этого времени проблемы ко-

* Таблица составлена на основании: Пикалов Ю.В. Указ. соч. С.166; Население России за 100 лет (1897–1997) : стат. сб. М.: Госкомстат России, 2003. С. 64–65; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 173. Л. 9–11.

** Без Южного Сахалина

ренных малочисленных народов Дальнего Востока стали упоминаться в государственных постановлениях лишь косвенно, в контексте общесоюзных экономических преобразований.

Таким образом, государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока РСФСР менялась на протяжении 1920-х – 30-х гг. Если в 1920-е гг. хотя бы теоретически обсуждался вопрос об их органичном включении в общую жизнь страны, то уже в 1930-е гг. исчез и этот теоретический интерес к их судьбе.

Ввиду их малочисленности и отсутствия сколько-нибудь значительного влияния на политику и экономику государственное управление ими было передано вначале в руки краевых и областных органов власти, а затем – в руки районных. Государство перешло от политики учета специфических интересов народов Севера в 1920-х гг. к растворению их интересов в общегосударственной политике развития Дальневосточного региона в 1930-х гг. В результате этого социальный облик коренных малочисленных народов стал быстро изменяться в обоих направлениях: социально-экономическом и социально-культурном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балицкий, В.Г. Некапиталистическое развитие малых народов Севера (историографический очерк) / В.Г. Балицкий // Вопросы истории Дальнего Востока. – Вып. V. – Хабаровск, 1975. – С. 5.

2. Сергеев, М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера / М.А. Сергеев. – М.; Л., 1955.

3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.1898–1970. – 8-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 2. – С. 253.

4. Сборник постановлений Дальневосточного революционного комитета. – Чита, 1922. – № 1. – С. 1–2.

5. Пикалов, Ю.В. Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941) / Ю.В. Пикалов. – Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2003. – С. 34.

6. ФНА РС (Я). – Ф. 3. – Оп. 20. – Д. 61. – Л. 47–67.

7. *Сталин, И.В.* Сочинения / И.В. Сталин. – М., 1949. – Т. 5. – С. 70.

8. Богораз, В.Г. О первобытных племенах (наброски к проекту управления туземными племенами) / В.Г. Богораз // Жизнь национальностей. – 1922. – № 1. – С. 6.

9. *Вахтин, Н.Б.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации / Н.Б. Вахтин. – СПб., 1993. – С. 21–24.

10. *Крылов, А.* Проблемы развития горного дела на советском Севере / А. Крылов // Северная Азия. Кн. 5–6. – М., 1925. – С. 20.

11. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г.// Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. – Т. 38. – С. 394–416.

12. ГАХК. – Ф. Р-58. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 2–4.

13. Конституция и конституционные акты РСФСР (1918–1937 гг.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1940. – С. 185–194.

14. *Соколовский, С.В.* Понятие «коренной народ» в российской науке, политике, законодательстве / С.В. Соколовский // Этническое обозрение. – 1998. – № 3. – С. 83.

15. ГАХК. – Ф. 58. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 3–167.

16. ГАХК. – Ф. Р-1228. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 12.

17. ГАХК. – Ф. Р-1228. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 7.

18. ГАХК. – Ф. Р-1228. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 13.

19. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 51–53.

20. ГАХК. – Ф. П. 2. – Оп. 11. – Д. 29. – Л. 164.

21. ГАХК. – Ф. 137. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 67–70.

22. ГАХК. – Ф. 353. – Оп. 1. – Д. 183. – Л. 79–83.

23. *Яковлева, Е.В.* Малые народности Приамурья после социалистической революции / Е.В. Яковлева. – Хабаровск, 1957. – С. 27–28.

24. ГАХК. – Ф. 299. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 39.

25. ГАХК. – Ф. 353. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 16.

26. ГАХК. – Ф. 353. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 15.

27. ГАХК. – Ф. 299. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 39.

28. ГАХК. – Ф. 353. – Оп. 4. – Д. 20. – Л. 70.

29. ГАХК. – Ф. Р-137. – Оп. 2. – Д. 6а. – Л. 8об.

30. *Зибарев, В.А.* Советское строительство у малых народностей Севера (1917–1932 гг.) / В.А. Зибарев. – Томск, 1968.

31. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. ЦК. 1898–1970. – 8-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1970. – Т. 5.

32. *Хачатуров, Т.С.* Капитальное строительство в СССР / Т.С. Хачатуров. – М., 1967.

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

О.А. Рудецкий

Рудецкий Олег Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и права Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: rudetsky@mail.ru

В работе рассматривается ряд аспектов кризиса русского этноса в постсоветской России: демографический, этнотерриториальный, социокультурный, этнопсихологический. В качестве значимого аспекта выделяются негативные процессы в области русского национального самосознания. Отмечается влияние данных процессов на область современной российской культуры. Вместе с тем подчёркивается наметившийся подъём русского национального самосознания в 2000-е гг. и необходимость его государственной поддержки.

Ключевые слова: этнос, русские, русское национальное самосознание, демографический кризис в России, постсоветская культура.

События, открывающие историю новой – постсоветской – России, представляют собой события колоссального масштаба: крушение политической системы, крах советской идеологии, распад государства. Системный кризис девяностых, обернувшийся упадком всех сторон жизни общества, затронул область национального и этнического самосознания. Как «Великую Русскую Катастрофу» охарактеризовал писатель А. Солженицын историческую ситуацию: «"Русский вопрос" к концу XX века стоит очень недвусмысленно: быть нашему народу или не быть? … Если дело пойдёт так и дальше – то ещё через век слово "русский" как бы не пришлось вычёркивать из словарей» [32]. Кризис, поразивший русский этнос, со всей очевидностью проявился в таких аспектах, как демографический, этнотерриториальный, социокультурный и этнопсихологический.

Одной из болезненных граней постсоветского кризиса стала депопуляция русского этноса. Характерно в этом плане широкое распространение понятия «русский крест», означающее рост смертности при снижении уровня рождаемости [21]. Хотя использование эпитета «русский» в этом понятии носит весьма условный характер, оно более чем показательно в плане словоупотребления. Отметим в связи с этим значительную роль потрясений девяностых. Как справедливо полагает Н.М. Римашевская, «русский крест» есть продолжение длительных неблагоприятных тенденций демографического развития 1960–1980-х гг., однако в 1990-х гг. ситуация усугубилась в результате воздействия на население социально-экономического и политического кризиса в России [28].

Особенностью российского демографического кризиса представляется тот факт, что значительные потери несут именно представители русского этноса. Так, если в 1989 г. численность русских в самой России составляла 119,9 млн чел., то к 2002 г. она составила 115,9 млн чел., а к 2010 г. – 111 млн чел. То есть за два с половиной десятилетия численность русских в России стала на 8,9 млн чел. меньше. Сократился и удельный вес русских по отношению к общей численности населения страны: с 81,5 (1989) до 79,8 (2002) и 77,7 % (2012) [9; 10]. Значительные масштабы сокращения русского населения характеризуют демографические процессы в других странах постсоветского пространства. Всего за десятилетие (с 1989 по 2000 г.) численность русских в СНГ и странах Балтии сократилась с 25,3 до 17,9 млн чел.[*] Таким образом, сегодня мы наблюдаем невиданную раннее с момента ведения переписей населения в России убыль русского населения [2]. При этом, по мнению Л.Л. Рыбаковского, реальные цифры, свидетельствующие о депопуляции, выше переписных: фактически за первое постсоветское десятилетие сокращение численности русских составило 7 % (а не 3,3 % переписных), в то время как всё население страны сократилось только на 1,3 % [30: с. 22].

Заметим, что проблема депопуляции русского народа ещё в 1990-е гг. стала предметом дискуссий среди представителей российской демографической науки [22]. Можно отчасти согласиться с тезисом о том, что депопуляция русского этноса есть результат так называемого демографического перехода. Так, А.Г. Вишневский указывает, что ко второй половине XX в. большинство славянских народов (включая русских) безвозвратно прошли период демографического взрыва [7: с. 135], а активная государственная политика в области повышения рождаемости просто непродуктивна [8]. Альтернативная позиция по вопросу депопуляции русского

[*] Впрочем, значительную роль в этом процессе сыграла миграция в Российскую Федерацию.

этноса состоит в необходимости регулирования демографической ситуации, продиктованной жёсткими условиями развития самой российской цивилизации. Твердую позицию в данном вопросе заняли многие отечественные учёные. Среди них – историк, представитель советской и российской этнодемографии В.И. Козлов, полагавший, что ускоряющаяся тенденция депопуляции русских в скором будущем превратит их в этническое меньшинство в самой России, делая высоким риск роста сепаратистских настроений отдельных регионов [19].

Прогнозы демографического кризиса в России и депопуляции русского этноса вызывают серьёзные опасения. Так, согласно материалам Department of Economic and Social Affairs (США) население России к 2050 г. составит 128,6 млн чел., к 2100 г. – всего 117,4 млн чел. [41]. При этом представители русского этноса едва ли будут составлять численное большинство. Заметим, что в то же время в целом ряде развитых стран наблюдается процесс роста численности населения. Яркий тому пример – демографическая ситуация в США. В тяжёлое постсоветское время, когда Россия потеряла 4,5 млн чел., население США выросло с 249,6 млн чел. в 1990 г. до 320,1 млн чел. в 2014 г. [34]. Как показывает официальная статистика, в расчёте на первую декаду текущего столетия иммигранты дают около 35 % прироста населения и остальные 65 % приходятся на естественные факторы роста [37].

Кризис русского народа характеризует также аспект этнотерриториальный, заключающийся в сокращении этнической территории. В течение долгого времени Россия активно расширяла свои политические границы, и, как следствие, расширялась этническая граница русского этноса. Освоение Беломорья, Поволжья, причерноморских степей, колонизация безлюдных пространств Урала, Сибири, Дальнего Востока, проникновение в Среднюю Азию, Закавказье, Прибалтику привели за несколько столетий к формированию больших групп русского населения. Разнообразие естественно-исторических условий, близкое соседство с другими этносами содействовали становлению многочисленных локальных групп русских [25: с. 382].

По итогам Беловежских соглашений этническая территория русских оказалась политически фрагментированной по той простой причине, что границы республик, очерченные ещё в советское время, элементарно не соответствовали ни исторической, ни этнографической ситуации. В результате распада СССР около 25 млн русских оказались гражданами соседних с Россией стран СНГ и Балтии. Дальнейшие политические события в них привели к тому, что отдельные регионы, в которых исторически русское население представляло численное большинство, стали радикально менять этническую структуру. Так, в течение всего двух последних десятилетий сократилась численность самой большой группы русских за пределами России – русских в Украине. Если в 1989 г. русских в Украине насчитывалось 11,4 млн чел., то в 2011 г. – только 7,4 млн чел. [1]. Последовавший вслед за этим отток русских в Российскую Федерацию привёл к естественному сжатию этнической территории. По некоторым оценкам, в 1990-е гг. она стала значительно меньше даже той территории, которую занимали русские на рубеже XVIII в. [16: с. 45].

Важным аспектом жизни русского этноса в 1990-е гг. стал кризис национального самосознания, отразивший общую духовную ситуацию сложного этапа российской истории. Отметим, что этническое самосознание представляет собой осознание принадлежности к этносу и включает в себя в широком смысле общее представление об истории, культуре, ментальности, территории и т.д. [6: с. 173–199]. Ощущение сопричастности этнической жизни становится полным благодаря сложным символическим образам, воплощающим типичные черты народа и служащим основой целостного мировосприятия. Широкое распространение данных образов в самой культуре гарантирует устойчивость так называемой «этнической Я-концепции» (А.А. Налчаджян) [24: с. 289–290], «этнического образа Мы» (Л.М. Дробижева) [3: с. 166].

Истоки русского национального самосознания относятся ещё к периоду формирования Древнерусского государства. И хотя русских, в строгом смысле, во времена Рюрика, Акольда и Дира, Олега не существовало, многие символические образы были сформированы именно тогда. Сами образы первых князей постепенно стали опорными для русского самосознания. Утрачивая связь с реальными историческими событиями, они, тем не менее, воплощали идеи силы, мудрости, величия. Так, образ Вещего Олега, сотканный из припоминаний и варяжских саг, предстаёт в качестве сильного древнерусского правителя [29: с. 71]. Знаменитой же речи князя Святослава перед войском, зафиксированной в летописи, суждено будет стать ярким символом русской воинской доблести [29: с. 132]. Описан в средневековых источниках величественный размах «русской земли». Такое интересное описание накануне роковых событий мы встречаем в «Слове о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава»: «*Всем ты преисполнена, земля Русская*, о правоверная вера христианская! Отсюда от угров и ляхов до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев и немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы – *то всё с помо-*

щью Божьей покорено было христианскому народу, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали» [31]. Важным этапом истории русского самосознания является период складывания Русского государства, а также период XIX – первой половины XX в., когда в отечественной философии активно обсуждается проблема исторического пути России (западничество и славянофильство, евразийство), рождается понятие русской идеи (Вл.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, В.В. Розанов, Вяч. Иванов, С.Л. Франк, Г.П. Федотов, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев и др.).

Значимой чертой русского характера, описанной в отечественной философии и классической литературе, выступает огромная свобода духа, бóльшая, по мнению Н.А. Бердяева, «чем у западных просвещенных народов» [5]. Неслучайно образ русского, всё ещё сохраняющийся в национальном сознании, – это образ волевого человека, наделённого такими качествами, как духовное усердие, трудолюбие, самопожертвование. Стоит отметить и внутренние противоречия национального характера, драматично проявляющие себя в отечественной истории. Тема внутренних противоречий русской души пронизывает творчество Ф.М. Достоевского. По этому поводу Вл. Соловьёв замечал: «Достоевский никогда не идеализировал народ и не поклонялся ему как кумиру. Он верил в Россию и предсказывал ей великое будущее, но главным задатком этого будущего была в его глазах именно слабость национального эгоизма и исключительности в русском народе. Две в нём черты были особенно дороги Достоевскому. Во-первых, *необыкновенная способность усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций* – черта, которая особенно выразилась в поэзии Пушкина. Вторая, ещё более важная черта, которую Достоевский указывал в русском народе, это *сознание своей греховности, неспособность возводить своё несовершенство в закон и право и успокаиваться на нём: отсюда требование лучшей жизни, жажда очищения и подвига*» [33].

Особенности русского самосознания, проявленные в отечественной культуре, заключались также в обострённом восприятии идей социальной справедливости и нравственного долга, в высокой степени сострадания к ближнему. Характерна в этом плане реакция русского классика Л.Н. Толстого на казнь нескольких крестьян: «Семь смертных приговоров: два в Петербурге, один в Москве, два в Пензе, два в Риге. Четыре казни: две в Херсоне, одна в Вильне, одна в Одессе. И это в каждой газете. И это продолжается не неделю, не месяц, не год, а годы. И происходит это в России, в той России, в которой *народ считает всякого преступника несчастным* и в которой до самого последнего времени по закону не было смертной казни. Помню, как гордился я этим когда-то перед европейцами…» [36: с. 588]. Гнев писателя затронули противоречия русской жизни: «*Двенадцать мужей, отцов, сыновей, тех людей, на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь, схватили, посадили в тюрьмы, заковали в ножные кандалы.* Потом связали им за спиной руки, чтобы они не могли хвататься за верёвку, на которой их будут вешать, и привели под виселицы. *Несколько таких же крестьян, как и те, которых будут вешать, только вооружённые и одетые в хорошие сапоги и чистые мундиры, с ружьями в руках, сопровождают приговорённых*» [36: с. 588].

Кризис русского самосознания в постсоветской России проявился в нескольких ключевых аспектах, а именно: кризисной переоценке традиционных ценностей и исторического опыта, формировании негативных образов русского народа.

Социокультурным феноменом постсоветского времени стало широкое распространение псевдоисторической литературы. Новую хронологию для неискушённых во Всемирной и Отечественной истории изобретает А.Т. Фоменко. К сожалению, его книги приобрели большую популярность в России, выходя многотысячными тиражами, а также стали известны за рубежом. На страницах произведений Фоменко вопреки источникам, документальным свидетельствам совершается попытка опровергнуть ключевые факты истории: московский князь Дмитрий Донской отождествляется с Тохтамышем, Куликовская битва происходит «на самом деле» в Москве и пр. Очевидная для профессионального историка подтасовка фактов, вольная интерпретация источников, лежащая в основе сочинений Фоменко, получила нарицательное имя фоменковщины [40], была охарактеризована как «галлюцинации на мотивы русской истории» [23]. «Великие тайны прошлого» пытаются открыть В.А. Чудинов, М.Н. Задорнов и др. Провозглашаются древняя ведическая цивилизация [39] и древние великие корни русского этноса [14].

Особенно драматичными по степени воздействия на русское самосознание представляются попытки радикального околонаучного истолкования современной истории. Б. Суворов (В.Б. Резун) «открывает» изумлённому непросвещённому читателю неизвестные страницы планов Сталина по покорению Европы [35]. Очевидно, что радикальная переоценка всего исторического опыта России и русского народа вопреки научному взгляду способна оказать разрушительное воздействие на национальное самосознание. Поэт Ю. Колкер заявляет вредоносность образа Победы для русского самосознания:

«*Победа изуродовала русскую душу*, не только карту континента. После войны миллионы русских советских людей, отравленных ложью, упивались мыслью о том, что СССР поработил ("освободил") народы центральной Европы и грозит Западу атомной бомбой. Гордились этим! Великодержавие оказалось для них дороже свободы, чести и совести. … *Спросят: что ж, лучше было бы поражение? Страшно вымолвить, а приходится: да, лучше.* Произносим это, внутренне содрогаясь, в полном сознании того, что фантазия получается жуткая, что нас камнями закидают (и что история не знает сослагательного наклонения), но также в сознании, что эта фантазия – необходима и целительна» [19].

Тенденцией постсоветской культуры стало возникновение произведений, в гротескной и подчёркнуто-негативной форме представляющих русское самосознание, национальные традиции, отечественную историю. Многие современные образы русской жизни, культивируемые отечественными кинематографом, литературой, публицистикой, воплотили мировоззренческий излом кризисного времени. Социальной фантасмагорией оборачиваются фильмы А. Балабанова «Про уродов и людей», «Груз-200» и др. Гнетущая пустота и безнадёжность русской провинциальной жизни становятся лейтмотивом фильма «Левиафан» А. Звягинцева.

Утрата духовных ориентиров целым поколением отражена в одном из эпизодов романа В. Пелевина «Generation "П"» (1999). Персонаж Вовчик Малой просит главного героя Татарского придумать концепцию русской национальной идеи. В художественной форме современным автором была отражена духовная дезориентация русских людей: «Короче, я тебе сейчас ситуацию просто объясню, на пальцах, – сказал Вовчик. – *Наш национальный бизнес выходит на международную арену. А там крутятся всякие бабки* – чеченские, американские, колумбийские, ну ты понял. И если на них посмотреть просто как на бабки, то все они одинаковые. *Но за каждыми бабками на самом деле стоит какая-то национальная идея.* У нас раньше было православие, самодержавие и народность. Потом был этот коммунизм. А теперь, когда он кончился, никакой такой идеи нет вообще, кроме бабок. Но ведь не могут за бабками стоять просто бабки, верно? Потому что тогда чисто непонятно – почему одни впереди, а другие сзади?» [24]. Злой иронией по отношению к русской идее, столь основательно разрабатываемой в философии, звучат слова персонажа: «*Задача простая*. … *Напиши мне русскую идею размером примерно страниц на пять. И короткую версию на страницу*. Чтоб чисто реально было изложено, без зауми. И чтобы я любого импортного <…> бизнесмена там, певицу или кого угодно – мог по ней развести. Чтоб такую духовность чувствовали <…> как в сорок пятом под Сталинградом, понял?» [24].

В то же время отдельные произведения постсоветской культуры изобилуют уничижительными образами как России, так и русского народа; представляют собой художественное глумление над этническими и национальными символами, историей и культурой. В виде грандиозного абсурда предстаёт перед читателем книга известного писателя В. Сорокина «Голубое сало»: Гитлер сидит за одним столом с советским руководством и сетует на отсутствие философии в России; Хрущёв оказывается любовником Сталина; Каганович поднимает тост в честь открытия всероссийского Дома Свободной Любви… [31]. Фантасмагорией оказывается произведение публициста М.Ю. Берга «Несчастная дуэль»: здесь нам повествуется о поэте Х** (Пушкин), убивающем на дуэли барона Д. (Дантес), который к тому же оказывается женщиной («А баронто – баба, господа», — присвистнул от удивления Кавелин) [4].

В книге «Энциклопедия русской души» писателя В.В. Ерофеева от лица главного героя раздаются гневные замечания в адрес всего русского: *«русские – дети пытки»*; *«быть русским – значит быть мишенью»* и т.д. «*Надо воспеть русскую свинью*, – говорится в произведении. – *Русский народ в чем-то уязвительно не уникален.* Он похож на другие архаические народы Азии, Латинской Америки, Африки своей близостью к животному миру». Через символику телесного облик русского человека представлен отталкивающим: «*Русский человек – корявый человек*. Толкается, пихается, может даже укусить. Чужое тело можно использовать как аргумент. Его полезно взломать». Уродливость прослеживается в художественном облике русских женщин: «*Русская женщина любой разновидности атавистична, как каменный пень,* что иногда способствует ее шарму. *У нее запах тела, давно не употреблявшего духов. С кожи тянет запашком тления. Впавшие глаза. Подавленность. Севший голос*» [13]. Неслучайно многие фрагменты из произведения В.В. Ерофеева послужили причиной громкого скандала и в первую очередь фрагмент «Кровавое воскресенье»: «*Русских надо бить палкой. Русских надо расстреливать. Русских надо размазывать по стене. Иначе они перестанут быть русскими. Кровавое воскресенье – национальный праздник*» [13]. В отдельных эпизодах подобные рассуждения главного героя объясняются расплатой русских за собственную слабость и духовную немощь: «*Я не знаю ни одного другого народа, у которого бы деградация зашла так далеко, как у русских. Это уже не народ, а пододеяльник, в который можно засунуть, запихать, влить, втемяшить все что угодно*» [13].

Образ главной героини другого произведения В.В. Ерофеева «Русская красавица» – проститутки Ирины Таракановой – контрастирует с подобными образами классической литературы. Достаточно сравнить его с образом Сони Мармеладовой из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Сложный женский образ, выведенный русским классиком, запечатлел не просто трагедию загубленной русской красоты, но ситуацию великого духовного восстановления личности. Неслучайна поэтому знаменитая сцена, имеющая и религиозный подтекст: «Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги...» [11]. В заключительной части романа в образах Мармеладовой и Раскольникова Ф.М. Достоевский прямо указывает на духовное восстановление: «*Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь.* Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. Они положили ждать и терпеть» [11]. Русская же красавица В.В. Ерофеева в финале романа убивает себя и своего не родившегося ребёнка: «Свет! Я вижу свет! Он ширится. Он растет. Рывок – и я на воле. Я слышу ласковые голоса. Они подбадривают и одобряют. Гудит газоаппарат. Я вижу ее: *она мерно покачивается. С таким щедрым пузом. Прощай, лягушонок! Не дрыгайся, ты поскорей засыпай, ты спи, баю-бай, лягушонок!*» [12].

Необходимо отметить, что явления, порождённые кризисом русского самосознания и воплотившиеся в отдельных произведениях отечественного кино, литературы, публицистики и пр., нередко воспринимаются обществом как явления маргинальные. Будучи порождением духовного кризиса постсоветского времени, они вступают в противоречие с возрождающимся национальным самосознанием. Всё чаще русский вопрос становится темой широкого обсуждения, а ещё формирующаяся культура современной России пытается отыскать ключевые подходы к восстановлению духовных основ нации. Показательны в этом плане произведения Ю. Малеева («Россия вечная»), И. Ефимова («Седьмая жена»), А. Снегирёва («Вера»), З. Прилепина («Обитель») и др. Показательны и те усилия, которые совершаются властью в области формирования российской идентичности, для которой русское самосознание полагается смыслообразующим.

Русское этническое (и национальное) самосознание прошло длительный и трудный процесс своего формирования, однако по итогу оно оказалось сильнее исторических вызовов XX в. Опасные тенденции в развитии русского народа, наметившиеся в постсоветское время, безусловно, требуют особого внимания и конструктивных решений в рамках национальной политики российского государства. Содействие же наметившемуся подъёму и укреплению русского национального самосознания представляет собой одну из важнейших внутриполитических задач современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арефьев, А.Л.* Русский язык в Украинской республике / А.Л. Арефьев // Русский язык на рубеже XX–XXI веков. – М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. – С. 48–62.

2. *Арутюнян, Ю.В.* Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции / Ю.В. Арутюнян // Социологические исследования. – 2010. – № 12. – С. 42–48.

3. *Арутюнян, Ю.В.* Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 271 с.

4. *Берг, М.Ю.* Несчастная дуэль [Электронный ресурс] / М.Ю. Берг. – Режим доступа: http://www.mberg.net/pytdva/

5. *Бердяев, Н.А.* Русская идея / Н.А. Бердяев. – М. : Азбука, 2015. – 320 с.

6. *Бромлей, Ю.В.* Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М. : Наука, 1983.

7. *Вишневский, А.Г.* Русский или прусский? Размышления переходного времени / А.Г. Вишневский. – М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 384 с.

8. *Вишневский, А.Г.* С раскосыми глазами / А.Г. Вишневский // Эксперт. – 2005. – № 11.

9. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=1

10. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php

11. *Достоевский, Ф.М.* Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – М. : Эксмо, 2010. – 608 с.

12. *Ерофеев, В.В.* Русская красавица / В.В. Ерофеев. – М. : АСТ, 2008.

13. *Ерофеев, В.В.* Энциклопедия русской души / В.В. Ерофеев. – М. : АСТ, 2009.

14. *Задорнов, М.Н.* Слава Роду! Этимология русской жизни / М.Н. Задорнов. – М. : Центрполиграф, 2015. – 255 с.

15. *Ильин, И.А.* О русском национализме : сб. ст. / И.А. Ильин. – М. : Российский фонд культуры, 2007. – 152 с.

16. *Кабузан, В.М.* Русская этническая территория в ближнем зарубежье и субъектах Российской Федерации в XVIII–XX вв. (1719–1989 гг.) / В.М. Кабузан // Мир России. – 1996. – № 2. – С. 43–62.

17. *Кабузан, В.М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа / В.М. Кабузан. – СПб. : Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 1996. – 352 с.

18. *Козлов, В.И.* Вымирание русских: кризис или катастрофа / В.И. Козлов // Вестник Российской академии наук. – 1995. – Т. 65. – № 9. – С. 771–777.

19. *Козлов, В.И.* История трагедии великого народа. Русский вопрос / В.И. Козлов. – М., 1997. – 388 с.

20. *Колкер, Ю.* Тризна по России / Ю. Колкер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yuri-kolker.com/articles/Trizna.htm

21. *Коротаев, А.В.* Русский крест: Факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России / А.В. Коротаев, Д.А. Халтурина. – М. : URSS, 2013. – 128 с.

22. *Крылова, И.А.* Демографический кризис в современной России и его возможные негативные социальные последствия / И.А. Крылова // Философия и общество. – 2008. – Вып. № 3 (51).

23. *Милов, Л.В.* К вопросу о подлинности Радзивилловской летописи (О так называемой версии А.Т. Фоменко) / Л.В. Милов // Сборник Русского исторического общества. – М., 2000.

24. *Налчаджян, А.А.* Этнопсихология / А.А. Налчаджян. – СПб. : Питер, 2004. – 381 с.

25. Народы мира: историко-этнографический справочник / гл. ред. Ю.В. Бромлей. – М. : Сов. энцикл., 1988. – 624 с.

26. *Пелевин, В.* Generation «П» / В. Пелевин. – М. : Эксмо, 2012. – 384 с.

27. *Петров, А.Е.* Перевёрнутая история. Лженаучные модели прошлого / А.Е. Петров // Новая и новейшая история. – 2004. – № 3.

28. *Римашевская, Н.М.* Русский крест / Н.М. Римашевская // Природа. – 1999. – № 6.

29. *Рыбаков, Б.А.* Рождение Руси / Б.А. Рыбаков. – М. : Эксмо; Алгоритм, 2012. – 352 с.

30. *Рыбаковский, Л.* Русский народ в этнической структуре России / Л. Рыбаковский // Наука – культура – общество. – 2008. – № 3. – С. 17–23.

31. Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава // Изборник. Повести Древней Руси. – М., 1987.

32. *Солженицын, А.* Русский народ к концу XX века [Электронный ресурс] / А. Солженицын. – Режим доступа: http://www.solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_299.html

33. *Соловьёв, Вл.* Три речи в память Достоевского / Вл. Соловьёв // Достоевский Ф.М. Избранные сочинения. – М. : Худож. лит., 1990.

34. *Сорокин, В.* Голубое сало / В. Сорокин. – М. : Ад Маргинем, 2005. – 350 с.

35. *Суворов, В.* Ледокол / В. Суворов. – М. : АСТ, 2008. – 384 с.

36. *Толстой, Л.Н.* Не могу молчать / Л.Н. Толстой // Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. – М. : Худож. лит., 1989. – С. 589–600.

37. *Травкина, Н.М.* Современные демографические тенденции в США (итоги переписи 2010 г.) / Н.М. Травкина // США – Канада. Экономика, политика, культура. – М., 2011.

38. Численность населения на 1 января (тысяч человек), 1950–2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/app/app4001.php

39. *Чудинов, В.А* Тайные знаки древней Руси / В.А. Чудинов. – М. : Алгоритм, 2009.

40. *Янин, В.Л.* Зияющие высоты академика Фоменко [Электронный ресурс] / В.Л. Янин. – Режим доступа: http://hbar.phys.msu.ru/fat/zvysot.htm

41. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). World Population Prospects: The 2015 Revision, DVD Edition (Medium variant). – URL: http://demoscope.ru/weekly/app/app4035.php

РАЗВИТИЕ РАКЕТНОЙ И ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММ КНДР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И РЕАКЦИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА (2011–2016)

С.В. Сливко

Сливко Станислав Вадимович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: tov.slivko@mail.ru

В статье рассмотрена современная история развития ракетной и ядерной программы КНДР, проанализирована позиция мировых держав по вопросу о денуклеаризации Корейского полуострова, особое внимание уделено возможности альтернативного подхода к решению так называемой корейской проблемы.

Ключевые слова: КНДР, Ким Чен Ын, ядерная программа, ракетная программа, ООН.

В декабре 2011 г. в КНДР состоялась смена политического и военного руководства. В связи со смертью лидера КНДР Ким Чен Ира (17 декабря) его преемник Ким Чен Ын 24 декабря занял пост Верховного главнокомандующего Корейской народной армией, а 26 декабря был избран Первым секретарем ЦК Трудовой партии Кореи. Фигура Ким Чен Ына, ставшего самым молодым главой государства в мире, вызвала пристальное внимание мировой общественности. Северокорейский руководитель стал человеком 2012 г. по версии читателей журнала «Тайм», а политические обозреватели российских и ведущих мировых изданий выдвигали различные версии дальнейшего развития общественно-политического строя КНДР вплоть до организации радикальных реформ «сверху» и демонтажа социализма по примеру СССР [23]. В числе наследства, которое Ким Чен Ын принял от своего отца, одну из ключевых ролей во взаимоотношениях с мировым сообществом играли ракетная и ядерная программы, послужившие поводом для введения против КНДР санкций ООН. Два ядерных испытания и запуски космических спутников Земли означали явные успехи КНДР в этой области, но окончательную судьбу этих разработок следовало решить новому руководству в зависимости от той модели развития страны, которая будет избрана.

Очень скоро в своих выступлениях Ким Чен Ын обозначил важнейшие приоритеты развития КНДР, в числе которых было продолжение курса Ким Ир Сена и Ким Чен Ира на полную самостоятельность КНДР, которая обеспечивается, в том числе, наличием современных стратегических вооружений. В беседе с ответственными работниками ЦК Трудовой партии Кореи (6 апреля 2012 г.) было сказано: «Наша задача – защищать, оберегать их [Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. – *С.С.*] бессмертные заслуги в создании военно-промышленных комплексов и обращать первоочередное внимание на развитие оборонки для всемерного укрепления военного могущества страны, как того требует линия экономического строительства в эпоху сонгун. Необходимо еще более усилить самостоятельность оборонной промышленности и поставить ее на прочную основу ультрасовременной науки и техники <…> для заметного уровня инноваций на вооружении Народной Армии» [5: с. 23–34].

В своей первой публичной речи, произнесенной в качестве руководителя страны и вооруженных сил на военном параде в Пхеньяне (15 апреля 2012 г.), Ким Чен Ын подчеркнул, что обладание ядерным оружием стало закономерным итогом развития армии КНДР: «Великий Ким Ир Сен давно раскрыл непреложную истину о том, что оружие есть жизненно важный фактор существования нации и гарант торжества революции. За весь длительный период своего существования Народная армия выросла в могущественнейшую армию, обладающую всеми видами наступательных и оборонительных средств. Военно-техническое господство перестало быть монополией в руках империалистов и кануло в Лету то время, когда враги шантажировали, угрожали нам своей атомной бомбой» [6: с. 47–48].

На V сессии Верховного Народного Собрания КНДР двенадцатого созыва 13 апреля 2012 г. были внесены изменения в Конституцию КНДР, увековечившие память Ким Чен Ира и провозгласившие КНДР ядерной державой: «Несмотря на развал мировой системы социализма и гнусные нападки коалиционных сил империализма, направленные на удушение нашей Республики, товарищ Ким Чен Ир, проводя политику сонгун, с честью защитил бесценное наследие товарища Ким Ир Сена – завоевания социализма, превратил нашу Родину в несокрушимую идейно-политическую державу, страну – обладательницу ядерного оружия, непобедимую военную державу, открыл широкий простор для строительства могучего и процветающего государства» [26: с. 2].

При этом официальная позиция КНДР не отрицала необходимости денуклеаризации, но без отрыва рассмотрения этого процесса на Корейском полуострове от всего мира: «До осуществления денуклеаризации всего мира не может быть денуклеаризации Корейского полуострова» [13: с. 27]. Посол КНДР в Лондоне Тхэ Йон Хо в своем интервью, данном в октябре 2013 г., заявил: «Нам нужны силы ядерного сдерживания. Политика КНДР по-прежнему имеет своей целью денуклеаризацию на Корейском полуострове. Наша политика всегда заключалась в том, чтобы обезопасить нашу страну от угрозы ядерной войны. Для того, чтобы достичь этой цели, у нас не было выбора, кроме как развивать собственную ядерную мощность» [22]. В качестве основного фактора угрозы по-прежнему обозначались США: «Политика США — ни отрицать, ни подтверждать, имеют ли они ядерное оружие в Южной Корее. Но дело в том, что они могут перебросить туда эти вооружения и нанести удар в любой момент, так что на самом деле вопрос о том, размещено ли это оружие там постоянно, сейчас не так актуален» [22].

Намерения КНДР развивать ядерное оружие и ракетную программу проявились в конкретных фактах испытаний. 13 апреля 2012 г. был осуществлен запуск ракеты «Ынха-3» («Млечный путь-3») со спутником «Кванмёнсон-3», окончившийся неудачей. 12 декабря 2012 г. КНДР вывела на орбиту искусственный спутник Земли «Кванмёнсон-3 (2)», став одиннадцатой космической державой. В ответ на запуск Совет Безопасности (СБ) ООН 22 января 2013 г. единогласно принял резолюцию 2087, которая содержала в себе требования, чтобы КНДР больше не осуществляла никаких новых пусков с использованием технологии баллистических ракет и чтобы она соблюдала резолюции 1718 (2006) и 1874 (2009) путем приостановления всех видов деятельности, связанных с ее программой по баллистическим ракетам, и в этом контексте восстановила свои прежние обязательства по мораторию на пуск ракет [18]. В резолюции прописывались санкционные меры против 6 корейский учреждений и компаний, а также 4 высокопоставленных должностных лиц, чьи банковские счета за рубежом подвергались замораживанию. КНДР расценила резолюцию СБ ООН как нарушение национального суверенитета и провокацию США. При этом отмечалось, что «…ряд заинтересованных сторон приложил усилия для справедливого решения вопроса и предотвращения очередного витка обострения событий, но стало ясно, что и их способности, как они сами признались, есть предел и, стало быть, суверенитет КНДР должен быть защищен только собственными силами» [13: с. 27].

12 февраля 2013 г. КНДР официально заявила о проведении успешных подземных испытаний компактного ядерного устройства большой разрушительной силы. «Ядерные испытания были проведены как часть мер по защите нашей национальной безопасности и суверенитета против безрассудной враждебности США, которая нарушила право нашей республики на мирный запуск спутника», – сообщило Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК). Официальный представитель южнокорейского правительства подтвердил, что Северная Корея еще накануне проинформировала власти США и Китая о планах проведения третьего ядерного испытания. По данным экспертов, мощность ядерного взрыва в КНДР могла составлять около 6–7 килотонн [12].

Реакция мировых держав на ядерные испытания была различной – от нейтральной и сдержанно-осуждающей до откровенно-негативной и воинственной. Президент Франции Франсуа Олланд, министр иностранных дел ФРГ Гидо Вестервелле, президент США Барак Обама резко осудили ядерные испытания, объявили их провокационными и подрывающими мир, указав на необходимость жёсткого ответа со стороны СБ ООН и принятия нового пакета санкций. Министерство иностранных дел Индии призвало КНДР воздержаться от подобных действий, которые могут негативно повлиять на мир и стабильность в регионе. Министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг заявил: «Я резко осуждаю данные испытания, они нарушают резолюции Совбеза ООН 1718, 1874 и 2087». МИД России выразил осуждение, но призвал к спокойному и сдержанному обсуждению события и возобновлению переговоров по ядерной проблеме: «Подобное поведение, несовместимое с общепринятыми критериями мирового общежития, несомненно, заслуживает осуждения и адекватной реакции со стороны международного сообщества. Вместе с тем ожидаем, что нынешний шаг Пхеньяна не будет использоваться в качестве предлога для наращивания военной активности вокруг Корейского полуострова. Линии на "накачивание" ракетно-ядерной мускулатуры должна быть противопоставлена международно-правовая альтернатива» [16].

В декабре 2015 г., наряду с известием о проведении запуска баллистических ракет с северокорейской подводной лодки, информационное агентство «Ренхап» распространило заявление Ким Чен Ына, который объявил, что КНДР способна использовать для защиты суверенитета как ядерную бомбу, так и водородную [11]. Новые ядерные испытания КНДР совершила 6 января 2016 г., при этом в официальном заявлении было сказано о проведении первого в истории Северной Кореи испытания водородной бомбы. «Пока США не от-

кажутся от враждебной политики, никогда не будут возможны ни прекращение ядерных разработок, ни демонтаж ядерных объектов со стороны КНДР. Армия и народ КНДР будут твердо наращивать справедливые силы ядерного сдерживания как по качеству, так и количеству, для того чтобы надежно гарантировать будущее революционному курсу чучхе», — говорилось в заявлении, распространенном ЦТАК [1]. Все мировые державы осудили новое испытание.

Сразу после ядерного испытания некоторые военные эксперты выразили сомнения в том, что КНДР испытала именно водородную бомбу. По данным южно-корейской разведки, мощность взрыва составила около 6 килотонн, что в несколько раз меньше силы взрыва водородной бомбы. Эксперт американского исследовательского центра Research and Development (RAND) Брюс Бенетт заявил: «Взрыв, который должен был произойти при приведении в действие водородной бомбы, в десять раз превышал бы тот взрыв, который произошел на самом деле» [1]. Тем не менее были высказаны и противоположные взгляды. Малая мощность взрыва отнюдь не исключает того, что взрыв мог быть проведен с использованием термоядерной реакции. «Речь все-таки идет, скорее всего, о каком-то испытании в рамках отработки технологий, не более чем. Нет большого смысла в миниатюрной водородной бомбе. Поэтому северокорейцы, скорее всего, отрабатывают какую-то технику. Полномасштабной бомбы, конечно, нет. Они и сами об этом не говорят. В любом случае, разработка технологий кончается тем, что технологии будут разработаны», – заявил эксперт по атомной энергетике, главный редактор «Атоминфо» А. Уваров [27]. Тем не менее после взрыва по запросу США и Японии было созвано экстренное заседание СБ ООН, на котором прозвучали предложения о введении новых санкций против КНДР.

7 февраля 2016 г. с космодрома Сохэ (уезд Чхольсан, провинция Северный Пхёнъан) в 9:00 по местному времени был осуществлен запуск ракеты-носителя со спутником «Кванмёнсон-4» , который был успешно выведен на орбиту Земли в 9 ч 09 мин 46 с. По сообщению Государственного управления по освоению космоса КНДР, на борту спутника – измерительные приборы и средства связи, нуждающиеся в наблюдении Земли [25]. Первоначально в западных СМИ появилась информация о том, что спутник не посылает радиосигналов и находится в неисправном состоянии [24]. Однако эту информацию опроверг начальник Главного центра разведки космической обстановки армии ракетно-космической обороны России (ГЦ РКО) полковник А.Н. Калюта: «Средствами Главного центра был обнаружен вывод Северной Кореей на орбиту космического аппарата. Мы наблюдали в этом запуске два космических объекта: один из них – это третья ступень ракеты-носителя и сам космический аппарат. Исходя из анализа полученной информации, периода обращения, наклонения орбиты, на которую он был выведен, высоты, можно сделать вывод, что данный аппарат является космическим аппаратом дистанционного зондирования земли, то есть может выполнять разведывательные функции. Само функционирование космического аппарата показало, что аппаратура на нём включена» [14]. В настоящее время все системы спутника «Кванмёнсон-4» функционируют на полную мощность, что указывает на зондирование земной поверхности [2].

Несмотря на негативную реакцию мировых держав на запуск спутника и указание Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна на нарушение КНДР резолюций СБ ООН, северокорейское руководство выразило готовность проводить новые запуски: «Необходимо всецело продвинуть научно-исследовательскую работу, чтобы достичь более высоких целей, использовав сегодняшний великий успех для завоевания еще большей победы, и еще больше запускать рабочих спутников», – высказался Ким Чен Ын на официальном приеме по случаю запуска спутника [8]. Вскоре после запуска спутника США, Япония и Республика Корея ввели односторонние санкции против КНДР, а представители США заявили о подготовке резолюции СБ ООН, беспрецедентной по жесткости вводимых санкций.

США подготовили и 25 февраля 2016 г. внесли в Совет Безопасности ООН резолюцию о введении дополнительных международных санкций против КНДР. Как сообщила постпред США при ООН Саманта Пауэр, новый проект резолюции, разработанный во взаимодействии с Китаем, предусматривает «самый жесткий набор санкций», вводившихся Совбезом более чем за 20 лет.

Заседание СБ ООН открылось в Нью-Йорке 2 марта в 10:00 по местному времени. Вся процедура голосования и озвучивания позиций голосовавших участников заседания заняла 1 ч 25 мин. За резолюцию, которая получила номер 2270 (2016), проголосовали все постоянные и временные члены Совета Безопасности в составе 15 стран [17]. Принятая резолюция запрещает импорт из КНДР природных ресурсов (уголь, железо, золото, титан, редкоземельные минералы и др.), экспорт авиационного и ракетного топлива. Все грузы, следующие из КНДР или направляющиеся в неё, подлежат обязательному досмотру. Замораживаются финансовые средства государственных северокорейских учреждений за рубежом, запрещается деятельность финансовых учреждений КНДР на территории иностранных государств, а также обучение за границей граждан КНДР по специальностям, которые могут быть использованы при разработке ядерного

оружия и аэрокосмической техники. Вместе с тем пункты резолюции делают невозможным какое-либо военно-техническое сотрудничество КНДР с другими странами даже по вопросам развития обычных вооружений.

Как подчеркивается в резолюции, основная цель введения дополнительных санкций – сделать невозможным развитие ядерного вооружения и средств его доставки за счет ограничения материальных ресурсов, заставить северокорейское руководство отказаться от развития ядерной и космической программ [19]. Обращает на себя внимание отсутствие разграничения между военными целями ракетных разработок и мирным освоением Космоса. Отказывая КНДР в праве на запуск любых ракетносителей, Совет Безопасности ООН, в том числе, запрещает Северной Корее выводить на орбиту Земли искусственные спутники, предназначенные для обслуживания народного хозяйства и обеспечения национальной безопасности.

В резолюции проводится чёткое противопоставление мероприятий КНДР по разработке ядерного оружия и средств его доставки интересам корейского народа. Эта же позиция имеет место в выступлении представителя США в СБ ООН С. Пауэр, которая заявила о существовании «двух совершенно противоположных реальностей», в одной из которых живет северокорейское руководство, а в другой – население КНДР: «Практически все ресурсы Корейской Народно-Демократической Республики направляются на реализацию ее безответственного и неустанного устремления к обладанию оружием массового уничтожения. Правительство Северной Кореи предпочитает наращивать свою программу по созданию ядерного оружия вместо того, чтобы растить своих детей». Действия руководства КНДР были расценены американским представителем как «маниакальные». Из всех выступивших после голосования представителей стран – членов СБ ООН, только южно-корейский представитель О Чжун затронул вопрос о причинах, подтолкнувших КНДР к разработке ядерного оружия: «Вы говорите, что Соединенные Штаты представляют для вас угрозу. Зачем Соединенным Штатам угрожать вам? Почему сильнейшей военной державе в мире нужно угрожать небольшой стране, которая находится далеко от нее, по другую сторону Тихого океана? Никакой угрозы не существует. Это плод вашего воображения». Многочисленные примеры военного вмешательства США и НАТО во внутренние дела суверенных государств в разных регионах планеты заставляют усомниться в истинности заявления южно-корейского представителя.

Вместе с тем выступления представителей стран – членов СБ ООН можно условно подразделить на две группы. Первая группа объединяет выступления, в которых дана негативная оценка общественно-политического строя КНДР, из «тоталитарных свойств» которого выводится сам факт разработки оружия массового поражения в ущерб интересам корейского народа (выступления представителей США, Японии, Южной Кореи, Новой Зеландии и др.). Во вторую группу входят выступления, осуждающие только факт разработки и испытаний КНДР ядерного оружия, а также запуски баллистических ракет. Эти выступления акцентированы на необходимости возобновления шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова и участия КНДР в ДНЯО, отказе корейской стороны от развития своих ядерных и ракетных программ, решения любых международных споров путем налаживания переговорного процесса (выступления представителей России, Китая, Венесуэлы, Уругвая и др.). Вместе с тем выступление представителя Уругвая одержит в себе пожелание более прозрачной и открытой процедуры выработки резолюции, а представитель Китая выступил против развертывания американской системы ПРО в Южной Корее, видя в этом угрозу стратегическим интересам КНР. Представитель России выразил сожаление об одностороннем вводе санкций против КНДР со стороны США, Японии и РК до заседания СБ ООН.

Эти обстоятельства позволяют усмотреть за внешним единодушием стран – участниц СБ ООН различные мотивы, которыми они руководствовались при голосовании за введение санкций. Для США и их тихоокеанских союзников в лице Японии и Южной Кореи целью является демонтаж общественно-политического режима КНДР всеми возможными способами. В случае укрепления ядерного статуса Северной Кореи КНР утрачивает важные рычаги влияния на нее. Как отметил директор Института международных отношений Цзилиньского университета Ба Дяньцзюнь, для КНР согласие с новыми санкциями против КНДР было вынужденной мерой, поскольку действия Пхеньяна нанесли ущерб интересам КНР. Вместе с тем аналитик выразил глубокие сомнения в действенности санкций, указав на их конфронтационный характер: «Данные санкции не заставят Пхеньян задуматься о своих действиях, а, вероятно, наоборот, приведут к дальнейшим испытаниям или даже новым разработкам в области миниатюризации ядерных устройств». В то же время отказ Китая от поддержки КНДР и противодействия США на Корейском полуострове будет способствовать росту военной опасности: «Если данные санкции приведут к существенному ослаблению оборонного потенциала КНДР или подорвут её обороноспособность, а Китай в своей политике на Корейском полуострове

отойдёт от традиционных принципов взаимоотношений с Пхеньяном, то даже нейтральная позиция КНР будет подталкивать США к военному решению корейской проблемы. Вот о чём Китаю стоит задуматься», – отметил Ба Дяньцзюнь [21].

Российское руководство не заинтересовано в новом витке конфронтации с США по корейскому вопросу, имея «болевые точки» на Украине и в Сирии. При этом Россия не намерена утрачивать своей посреднической роли в переговорах между КНДР и США. И Китай, и Россия склонны рассматривать появление новой ядерной державы в регионе как посягательство на свои сферы влияния. Однако гарантировать безопасность безъядерной КНДР в случае отказа последней от разработки ядерного оружия эти страны не могут.

Несмотря на то что почти 50 % от общего объема экспорта КНДР теперь попадает под эмбарго, это едва ли заставит северокорейское руководство отказаться от ядерной и ракетной программ. О том, что четыре пакета санкций ООН, вводимые прежде, не достигли своей цели, заявила и американская сторона, обосновывая беспрецедентность новых санкционных мероприятий. Правительство КНДР осудило резолюцию СБ ООН, назвав её в своем заявлении для прессы «международным преступлением, нацеленным на изоляцию и задушение независимого и справедливого суверенного государства под неподходящим предлогом» [20]. В заявлении отмечается руководящая роль США и их союзников в ООН, в качестве альтернативы северокорейская сторона предлагает выстраивать иной мировой порядок, в котором нет диктата мировых держав.

Спустя несколько дней после заседания СБ ООН, 7 марта начались крупнейшие за всю историю американо-южно-корейского сотрудничества полуторамесячные штабные учения «Key Resolve» и полевые учебные маневры «Foal Eagle». В маневрах принимает участие более 300 тысяч южнокорейских и 15 тысяч американских военнослужащих, подразделения военно-морских сил США и Республики Корея. Запланировано участие в маневрах американского атомного авианосца John C. Stennis и атомной подводной лодки США North Carolina [9]. Впервые за время проведения совместных учений организаторы учений открыто признали их целью подготовку превентивного удара по КНДР, устранение руководства КНДР в результате точечных ударов и спецопераций, нейтрализацию ядерного оружия и других стратегически важных объектов. До начала учений было озвучено Заявление Верховного главнокомандования Корейской народной армии, которое охарактеризовало их провокацию против КНДР как попытку нарушения суверенитета и бессмысленного военного бесчинства [4]. Северокорейская сторона объявила о своем намерении нанести превентивный удар по Республике Корее и США в случае нарушения границы и провокаций в ходе учений, не исключая использования ядерного оружия. Учитывая неизменно жёсткую позицию КНДР на ежегодные учения США и РК, а также враждебные по отношению к КНДР цели организаторов учений, следует расценить их действия как провокацию, которая обостряет обстановку в регионе.

Ответом на совместные учения можно считать запуск двух ракет малой дальности в сторону Японского моря, произведенный КНДР 10 марта. Две ракеты были выпущены из северной части провинции Хванхэ и пролетели около 500 километров, после чего упали в воды к северо-востоку от порта Вонсан. Лидер КНДР Ким Чен Ын во время испытаний баллистических ракет наметил план развития ядерного оружия: «КНДР должна быть готова атаковать противника ядерным оружием на земле, в воздухе на море и под водой с помощью диверсификации средств доставки ядерных боеголовок» [7]. Кроме того, было озвучено, что корейским ученым и инженерам удалось уменьшить размер ядерных боеголовок, которые будут установлены на баллистические ракеты [10]. Миниатюризация ядерных боеголовок означает, что КНДР получила в свое распоряжение не только стратегические силы ядерного сдерживания, но и тактическое ядерное оружие.

Адекватно оценить реакцию мирового сообщества на северокорейские ядерные испытания и запуски спутников можно лишь в сравнении с аналогичной практикой применительно к другим странам. Израиль, не ставший участником Договора о нераспространении, имеет свой ядерный арсенал со всеми возможными средствами доставки (с наземными, воздушными и морскими компонентами базирования). Он обладает полноценной космической программой, позволяющей выводить на орбиту Земли искусственные спутники на базе ракеты «Шавит», которая может быть использована в качестве ракеты-носителя для ядерной боеголовки [28]. Систематические запуски разведывательных спутников (Ofeq) и спутников связи (AMOS) не вызывают каких-либо протестов со стороны ООН или мировых держав, несмотря на то что Ближний Восток является одним из самых «взрывоопасных» регионов планеты.

Индия и Пакистан, также воздерживающиеся от подписания ДНЯО, синхронно совершили подземные ядерные испытания в 1998 г., а в числе взорванных зарядов Индии имелась водородная бомба мощностью 32 килотонны. Однако против Израиля, Пакистана, Индии не было предпринято каких-либо санкционных мер со стороны ООН. Те торгово-экономические санкции, которые последовали в отношении Индии и Пакистана после испытаний 1998 г., имеют двусторонний характер и преодоле-

ваются за счет противоречий в международном законодательстве. Энергичное развитие ядерной отрасли в этих странах вызывает у многих держав, прежде всего у США, стремление к расширению сотрудничества в этой области. В течение 2005 г. Франция, Великобритания и Канада приняли совместные с Индией заявления о снятии ограничений на поставки Дели продукции двойного назначения [29]. Между тем количество ядерных зарядов, имеющееся у этих стран, во много раз превышает арсенал КНДР. По различным экспертным оценкам, ядерный потенциал Израиля может насчитывать от 100 до 200 боеголовок, Индии – 120–160, Пакистана – 60–70 [30].

Давление на КНДР, оказываемое ведущими мировыми державами и ООН с целью отказа корейской стороны от разработки, испытаний, совершенствования ядерного оружия и ракетной программы, находится в противоречии с их собственной практикой в отношении других стран. КНДР вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия 10 января 2003 г. в полном соответствии со статьей X, которая гласит: «Каждый Участник настоящего Договора в порядке осуществления государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны» [3]. Таким образом, речь идёт не о жёстком применении абстрактных принципов нераспространения ядерного оружия, а о вполне конкретном использовании запретительных мер исходя из интересов стран, представленных в Совете Безопасности ООН.

Ядерные испытания являются проверенным средством оценки прогресса в развитии технологий изготовления и потенциала нового оружия. Возможность того, что КНДР еще неоднократно прибегнет к испытаниям ядерного оружия, подразумевается её реальным статусом государства, создавшего соответствующие технологии и развивающего их. «Больше ядерных испытаний, для того чтобы оценить разрушительную мощность новых ядерных боеголовок» – на это нацелил военное руководство Кореи Ким Чен Ын, как сообщило Центральное телеграфное агентство Кореи 11 марта 2016 г. [7]. За всю историю создания и развития ядерных вооружений обладающие им страны провели более 2000 испытаний, большая часть приходится на США (1054 испытания, 1151 устройство) и СССР (715 испытаний, 969 устройств) [31, 32].

Путь, по которому идёт КНДР, является повторением пути государств, уже обладающих ядерным оружием и не нуждающихся в испытаниях для совершенствования его качественных показателей. Между тем работа стран «ядерного клуба» над средствами доставки и совершенствованием систем ПРО по-прежнему проводится с большим размахом. По словам директора департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД РФ М. Ульянова, модернизация стратегических сил США имеет беспрецедентный размах: «В этом просматривается явная расстыковка между публичными декларациями США о приверженности скорейшему построению безъядерного мира, с одной стороны, и реальной политикой в этой сфере – с другой» [15]. При этом никакие международные нормы не ограничивают права ядерных держав на модернизацию своих ядерных арсеналов.

Путь санкций и международное давление на КНДР с целью заставить её отказаться от реализации ядерной и ракетной программ обречен на неудачу, о чем свидетельствуют факты новейшей истории. Ужесточение санкций не приводит к свертыванию ракетной и ядерной программы, вызывая лишь жёсткую реакцию со стороны КНДР. Эти действия наносят ущерб авторитету ООН, которая выступает в глазах КНДР как проводник американской политики. Особенно усиливает это впечатление тот факт, что участие американских войск в Корее (1950–1953) осуществлялось под флагом ООН.

На наш взгляд, необходимо комплексное обсуждение проблемы в широком историческом контексте, которое избавит мировое сообщество от возложения ответственности за дестабилизацию обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе исключительно на КНДР. К числу важнейших практических мероприятий следует отнести:

1) подписание мирного договора между КНДР и США, отказ США и их союзников от рассмотрения КНДР в качестве страны-изгоя и разработки любых планов вмешательства во внутренние дела Северной Кореи;

2) ликвидацию военного присутствия США в Южной Корее;

3) возобновление переговорного процесса и сотрудничества между КНДР и Республикой Кореей;

4) принятие КНДР в «ядерный клуб», приведение статей Договора о нераспространении ядерного оружия (1968 г.) в соответствие с реалиями современности;

5) отмену санкций ООН в отношении КНДР;

6) вовлечение КНДР в процесс международного космического сотрудничества.

Важную роль в этом процессе могут сыграть Россия и КНР, которые в силах представить реальную альтернативу постановке вопроса, отличную от концепции США, и обеспечить солидную международную поддержку своим инициативам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бомба ко дню рождения вождя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/army/2016/01/06/8010749.shtml (дата обращения: 20.02.2016).

2. ВКС России: Спутник-разведчик КНДР ведет зондирование Земли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rosregistr.ru/nauka/38360.html (дата обращения: 20.02.2016).

3. Договор о нераспространении ядерного оружия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 7.03.2016).

4. Заявление Верховного главнокомандования Корейской народной армии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kprf27.ru/2016/02/29/besposhhadno-pokaraem-tex-kto-smeet-zatmit-blestyashhee-solnce-nashej-sudby/ (дата обращения: 7.03.2016).

5. *Ким Чен Ын.* Будем глубоко уважать великого Ким Чен Ира как вечного генерального секретаря нашей партии и доведем революционное дело чучхе до победного конца / Ким Чен Ын // К окончательной победе. – Пхеньян, 2013. – С. 1–39.

6. *Ким Чен Ын.* Выше подняв знамя сонгун, мощной поступью пойдем вперед к окончательной победе / Ким Чен Ын // К окончательной победе. – Пхеньян, 2013. – С. 39–59.

7. Ким Чен Ын заявил о важности новых ядерных испытаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20160311/1388035663.html (дата обращения: 7.03.2016).

8. Ким Чен Ын поставил задачу продолжать запуски спутников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20160215/1374589458.html#ixzz42pbylrfu (дата обращения: 20.02.2016).

9. «Key Resolve» и «Foal Eagle» – новый вызов КНДР? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eurasian-defence.ru/?q=node/35807 (дата обращения: 7.03.2016).

10. КНДР запустила две баллистические ракеты в сторону Японского моря // Тихоокеанская звезда. – 2016. – 11 марта 2016. – № 42 (27573).

11. КНДР объявила об успешном испытании водородной бомбы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rbc.ru/politics/06/01/2016/568c90669a79471b68b9853b (дата обращения: 20.02.2016).

12. КНДР официально объявила об успешном ядерном испытании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rosbalt.ru/main/2013/02/12/1092766.html (дата обращения: 20.02.2016).

13. Маршал Ким Чен Ын в 2013 году – Пхеньян : Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. – 152 с.

14. Минобороны на РСН: Космический мусор наносит вред действующим аппаратам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rusnovosti.ru/posts/409809 (дата обращения: 20.02.2016).

15. МИД РФ: модернизация ядерных сил США имеет беспрецедентный размах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20160311/1388018746.html (дата обращения: 7.03.2016).

16. Мировое сообщество осуждает КНДР и ждет заседания СБ ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20130212/922505551.html (дата обращения: 20.02.2016).

17. Организация объединенных наций // Официальный отчет заседания Совета Безопасности ООН– 7638-е заседание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //https://documents-dds-ny.un.org/doc (дата обращения: 7.03.2016).

18. Организация объединенных наций // Резолюция Совета Безопасности ООН 2087 от 22 янв. 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents-dds-ny.un.org/doc (дата обращения: 20.02.2016).

19. Организация Объединенных Наций. Резолюция 2270 (2016) : принята Советом Безопасности на его 7638-м заседании 2 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //https://documents-dds-ny.un.org/doc (дата обращения: 7.03.2016).

20. Ответим решительными адекватными мерами на резолюцию СБ ООН о «санкциях» против КНДР, грубо попирающую достоинство и суверенитет нашей Родины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.naenara.com.kp/ru/news/news_view.php?19+1372 (дата обращения: 7.03.2016).

21. Политолог: санкции не заставят Пхеньян отказаться от ядерной программы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20160303/1383742810.html#ixzz42pU7qTjw (дата обращения: 7.03.2016).

22. Понять и защитить Корею. Эксклюзивное интервью посла КНДР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rotfront.su/понять-и-защитить-корею/ (дата обращения: 20.02.2016).

23. Радио Свобода. Приведет ли смена руководителя Северной Кореи к смягчению диктатуры? [Электронный ресурс]. – Режим доступа:://www.svoboda.org/content/transcript/24427790.html (дата обращения: 20.02.2016).

24. СМИ: северокорейский спутник продолжает «кувыркаться» на орбите [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ria.ru/world/20160219/1376997366.html (дата обращения: 20.02.2016).

25. Сообщение Государственного управления по освоению космоса КНДР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kprf27.ru/2016/02/08/soobshhenie-gosudarstvennogo-upravleniya-po-osvoeniyu-kosmosa-kndr/ (дата обращения: 20.02.2016).

26. Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики – Пхеньян : Изд-во литературы на иностранных языках, 2014. – 35 с.

27. Что взорвали – непонятно: бомба КНДР произвела нешуточный фурор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2705728 (дата обращения: 20.02.2016).

28. *Штейнберг, М.* Кузница израильского оружия [Электронный ресурс] / М. Штейнберг. – Режим доступа: http://www.jig.ru/meadle_east/058.html (дата обращения: 7.03.2016).

29. *Шилин, А.А.* Ядерные программы Индии и Пакистана [Электронный ресурс] / А.А. Шилин. – Режим доступа: http://www.armscontrol.ru/course/lectures06a/aas060323.pdf (дата обращения: 7.03.2016).

30. Ядерный потенциал Израиля вызывает разногласия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sem40.ru/warandpeace/military/ourweapon/8037/ (дата обращения: 7.03.2016).

31. Gallery of U.S. Nuclear Tests [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nuclearweaponarchive.org/Usa/Tests/index.html (дата обращения: 7.03.2016).

32. Soviet Nuclear Test Summary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nuclearweaponarchive.org/ Russia/Sovtestsum.html (дата обращения: 7.03.2016).

МАЛАЙЗИЯ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

В.А. Смоляков

Т.И. Захарова

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права.

Контактный адрес: smolyakov46@mail.ru

Захарова Татьяна Ивановна – кандидат политических наук, доцент кафедры маркетинга и рекламы Хабаровского государственного университета экономики и права.

Контактный адрес: tatyanazaharova@mail.ru

Малайзия – образец многосоставного общества с неоднозначным политическим режимом. В настоящей статье исследуется проблема взаимосвязи между политической системой и фрагментированным мультикультурным обществом. Рассматриваются политические последствия данной разнородности. Анализируются тенденции малайзийского политического процесса и результаты выборов.

Ключевые слова: Малайзия, многосоставное общество, Вестминстерская парламентская система, со-общественная демократия, Национальный фронт, оппозиция, Народный блок, выборы.

В современном мире Юго-Восточная Азия – один из самых сложных регионов. Общества стран Юго-Восточной Азии неоднородны, а сами страны отличаются друг от друга во многих отношениях: в цивилизационном, этническом, экономическом и политическом. В этой связи особый интерес представляет Малайзия – пример многосоставного общества с неоднозначным политическим режимом. В настоящей статье рассматривается проблема взаимосвязи между политической системой и фрагментированным мультикультурным обществом, анализируются тенденции политического процесса, а также даётся оценка политического режима страны. Авторы руководствуются теоретической установкой, согласно которой политический процесс является составляющей политической системы, которая включает также политические ценности, нормы и институты.

Малайзия (Федерация Малайзия) – федеративная конституционная монархия. Страна состоит из двух частей – Западной (юг полуострова Малакка) и Восточной, где на севере острова Калимантан (Борнео) расположены провинции Саравак и Сабах. Эти провинции отделены от полуострова более чем одной тысячей тремястами километрами морского пространства и являются эксклавами. Специфика географического положения страны связана с историческими особенностями создания Федерации Малайзия. С 1824 и до 1957 г. современное ядро страны Малайя, – так называлась страна до 1963 г., – была колонией Великобритании и наряду с островными территориями входила в состав Британской империи. До прихода британцев Малайя представляла собой несколько феодальных султанатов. Колониальные власти учредили территориальные владения и тем самым предопределили в Юго-Восточной Азии межгосударственные границы. В 1948 г. Великобритания преобразовала населённый малайцами полуостров Малакка в Федерацию Малайя, предоставив местным султанам право самоуправления. Страна получила полную независимость 31 августа 1957 г. и приняла название «Федерация Малайя». После предоставления независимости северным территориям острова Калимантан – Сараваку и Северному Борнео Великобритания добилась присоединения их к Малайе. В состав Федерации был включен также Сингапур. После этого название страны изменилось. С 1963 г. государство стало называться «Федерация Малайзия» (англ. «Federation of Malaysia»). По одной из версий, суффикс «si» был вставлен для того, чтобы отразить в наименовании вхождение в Федерацию Сингапура [26]. Попытка включить в состав Федерации султанат Бруней не удалась. Предложение не было поддержано ни правительством Малайзии, ни самими правителями султаната. Последние справедливо рассчитывали на монопольное использование такого блага, как нефть. Против передачи Малайе северной части острова Калимантан категорически выступила Индонезия, которая во времена Сукарно и Сухарто претендовала на эту территорию. Уместно заметить, что даже название

острова («Калимантан» для индонезийцев и/или «Борнео» для малайцев) является предметом спора между Индонезией и Малайзией. Только после свержения военного режима Сухарто новое демократическое правительство Индонезии сняло свои территориальные претензии. Следует подчеркнуть, что Малайзийская Федерация вообще не стремится к территориальному расширению. Это вызвано желанием сохранить единство страны на основе малайского большинства и опасениями межэтнических конфликтов из-за расколотой идентичности. Недостаточная степень развития общей идентичности закономерно порождает обострение проблемы сепаратизма. По этой же причине Малайзия охотно избавилась от проблемного Сингапура, который в 1965 г. был исключён из Федерации.

Малайзия уже несколько десятилетий демонстрирует успешное экономическое развитие и считается одним из «азиатских тигров». Валовой внутренний продукт на душу населения составил в 2014 г. 9800 долл. по обменному курсу или 16 530 по пересчитанному в соответствии с ППС [26]. Рост экономики позволил Малайзии приблизиться к категории стран со средним уровнем жизни. Однако разрыв между людьми с высокими и низкими доходами остаётся значительным. В Малайзии наблюдается самая высокая степень неравенства в доходах среди стран Юго-Восточной Азии, т.е. больше, чем в Филиппинах, Таиланде, Сингапуре, Вьетнаме и Индонезии [22]. *Индекс Джини* показывает высокую степень экономического неравенства, сложившегося в Малайзии, и составляет 46,2 балла [17]. Это означает, что страна подвержена риску социально-политической нестабильности, поскольку, по данным специалистов, такая ситуация возникает в стране, если степень неравенства превышает 45 отметок.

Политический процесс в Малайзии формируется в институциональных рамках федеративного государственного устройства и выборной конституционной монархии. На сегодня страна остаётся единственной Федерацией в Восточной Азии. Она состоит из 13 государств – субъектов Федерации (штатов) и трёх федеральных территорий. Населённые аборигенами штаты Сабах и Саравак имеют несколько большую автономию, чем другие субъекты Федерации. В 1963 г. малайская элита дала согласие на включение этих островных штатов в состав Федерации, рассчитывая на то, родственные малайцам аборигены острова Борнео (Калимантана) смогут уравновесить многочисленную китайскую общину Сингапура. Восточным малайзийским штатам с этой же целью было предоставлено несоразмерное численности населения довольно большое количество мест в федеральном парламенте [12: p. 50].

Девять штатов из одиннадцати, расположенных на полуострове Малакка, возглавляются несменяемыми наследственными правителями – султанами. Султаны выполняют, главным образом, представительские функции. Каждый правитель является также исламским духовным главой своего штата. В каждом штате имеется законодательное собрание, формируемое путём всеобщих выборов по одномандатным избирательным округам. Исполнительную власть осуществляют правительства штатов, возглавляемые главными министрами. В штатах, во главе которых стоят наследственные монархи, главного министра назначает глава государства по согласованию с премьер-министром Федерации. По сложившейся практике в этих штатах главные министры, как правило, являются этническими малайцами. В остальных четырёх штатах федеральное правительство назначает губернаторов, которые назначают администраторов – главных министров из лидеров той партии, которая получила большинство мест в легислатуре штата [26].

Штаты имеют своё представительство в Сенате – верхней палате парламента (по два депутата от каждого штата). Анализ взаимоотношений между центром и регионами показывает, что в Малайзии вследствие неравномерного распределения финансовых ресурсов «федерализм в высшей степени централизован» [44]. Эта централизация особенно усилилась после событий 1969 г., когда правительство решило усилить политический контроль над местными органами власти [39: p. 23]. Учитывая, что существует корреляция федерализма с характером политического режима, который в Малайзии, как мы увидим далее, не может считаться полностью демократическим, с этим мнением можно согласиться. Но если принять во внимание наличие многопартийности и относительную самостоятельность местных законодательных собраний, которые формируют органы исполнительной власти, следует констатировать, что федерализм в Малайзии не является «спящим», когда принципы федеративного устройства провозглашаются, но на практике не соблюдаются.

В Малайзии установилась Вестминстерская система правления, которая включает следующие черты [30].

✓ Суверен, т.е. глава государства, как и английская королева, «царствует, но не правит». Обладая «спящими полномочиями», он осуществляет главным образом церемониальные функции.

✓ Глава правительства, т.е. исполнительной ветви власти, который называется премьер-министром (англ. PM), т.е. первым министром, формально назначается главой государства. Однако в силу сложившейся традиции или конституционного соглашения премьером назначается лидер партии (или представитель коалиции партий), получившей

большинство и вотум доверия путём голосования в нижней палате парламента.

✓ Исполнительная ветвь власти – правительство, которое формируется премьер-министром из ведущих членов парламентской фракции. Кабинет министров должен быть сплоченной командой и работать на основе принципа «коллективной ответственности».

✓ Министры управляют вверенной им отраслью через бюрократический аппарат, т.е. постоянный штат чиновников. Последние являются практически несменяемыми носителями преемственности и опыта государственного управления. По закону они должны быть политически нейтральными, т.е. беспартийными.

✓ Важнейшим компонентом Вестминстерской системы является многопартийность и деятельность парламентской оппозиции. Оппозиция, выполняя функцию критики правительственной программы и политического курса, вносит законодательные предложения и может при определённых условиях возглавить правительство. Поэтому парламентскую оппозицию часто называют «правительством в ожидании», или «теневым кабинетом» (англ. *Shadow Cabinet*). Представитель самой большой оппозиционной партии парламента имеет официальный статус лидера оппозиции. «Теневой кабинет» становится альтернативным правительством в случае ухода действующего правительства в отставку или победы оппозиции на очередных выборах.

✓ Парламент состоит из двух палат. Состав нижней палаты парламента, как правило, избирается по мажоритарной системе в одномандатных округах. Верхняя палата уравновешивает власть нижней палаты. Члены верхней палаты или избираются на прямых выборах, или назначаются как монархом, так и местными собраниями.

✓ Нижняя палата имеет право отправить правительство в отставку, выразив ему по инициативе оппозиционных партий вотум недоверия, или отказав в доверии. В таком случае правительство обязано уйти в отставку или распустить парламент и назначить досрочные выборы.

✓ Неписаным правилом является также наличие парламентской привилегии, которая даёт депутату право, не опасаясь последствий или обвинений в диффамации, обсуждать любой относящийся к делу вопрос. Для запросов и дискуссий членам кабинета специально устанавливается так называемая минута митинга [30].

Редкая особенность малайзийской монархии в том, что она является не только федеративной, но и выборной[1]. Глава государства – Верховный правитель (малайск. Янг ди-Пертуан Агонг), которого девять султанов выбирают из своего состава на пять лет только на один срок. Однако глава государства не представляет весь народ, поскольку избирается только теми регионами, которые являются исторически сложившимися монархиями (и населены преимущественно малайцами). Остальные 4 штата не участвуют в выборах Верховного правителя. Согласно ст. 32 Федеральной Конституции Верховный правитель является Высшим главой Федерации. Однако он является номинальным правителем, поскольку исполняет в основном церемониальные функции и может действовать только по совету премьер-министра [16: Article 40].

Состав Кабинета министров формируется из депутатов парламента. Формально правительство реализует решения от имени короля. Однако на практике король во всех случаях действует по «рекомендации» правительства. Так что реальная власть принадлежит парламенту и правительству. В малайзийской политической системе премьер-министр имеет весьма большие полномочия, причем принцип сдержек и противовесов в этой системе не функционирует [32].

Законодательная власть, как уже отмечалось, разделена между двумя палатами: Палатой представителей (нижней палатой) и Сенатом (верхней палатой). В настоящее время Палата представителей состоит из 222 депутатов и избирается максимально на пять лет по мажоритарной избирательной системе. Сенат состоит из 70 сенаторов, избираемых на три года. Формируется верхняя палата следующим образом: 26 членов избираются ассамблеями тринадцати штатов, остальные 44 сенатора назначаются королём по рекомендации премьер-министра.

Ключевой особенностью малайзийского политического процесса является то, что он разворачивается в сложносоставном, т.е. полиэтничном, мультикультурном и многоязыковом обществе. Мультикультурализм противоречит общей национальной идентичности – основе легитимной власти и единства государства. К Малайзии имеет прямое отношение известная политологическая теория, которая утверждает, что культурная фрагментация, в отличие от политического плюрализма, содержит потенциальную угрозу стабильности государства и раскола общества по линии базовых ценностей [18: p. 23]. Известный специалист по странам Восточной Азии профессор Л. Пай отмечал, что в малайзийском обществе выделяются две отчетливо выраженные и несовместимые, по его мнению, культуры: китайская, с одной стороны, и малайзийская, с другой [34: p. 250].

Анализ национального состава населения, по данным переписи 2010 г., показывает, что малайцы составляют половину населения страны, а вместе с бумипутера образуют доминирующую группу –

[1] Кроме Малайзии, выборы монарха проводятся также в ОАЭ и Ватикане.

67,4 % [8].[2] Китайцы составляют 22,6 %, индийцы – 6,7 %. Разные этнические группы редко смешиваются и проживают раздельно. Большинство населения (61,3 %) исповедует ислам суннитского толка. 19,8 % являются приверженцами буддизма, 9,2 % – христианства, 6,3 % – индуизма и 1,3 % – конфуцианства, даосизма и других традиционных китайских религий [33].

Малайзийская Конституция гарантирует свободу вероисповедания, но в то же время провозглашает ислам государственной религией. Анализ данных переписи 2010 г. позволяет проследить высокую степень корреляции между двумя переменными: этнической самоидентификацией, с одной стороны, и религиозной – с другой (табл. 1). При этом, согласно содержащемуся в Конституции определению, малайцем считается тот, кто исповедует ислам, а также практикует малайские обычаи и культуру [16: Article 160]. Таким образом, в Малайзии мы наблюдаем феномен совпадения религиозной идентификации с этнической в одной и той же группе населения. В результате возникает разделение общества на несколько обособленных и даже противостоящих друг другу сегментов. А это обычно содержит опасный для стабильности конфликтный потенциал.

Плюралистическое общество, основанное на множественности групповых принадлежностей, как отмечал Льюис Козер, характеризуется разнонаправленностью интересов и порождаемых ими конфликтов [3: с. 10–14]. Множественные конфликты, когда одни и те же индивиды принадлежат к разным группам, имеют свойство взаимно сдерживать друг друга. Данная модель множественной групповой принадлежности характерна, например, для Швейцарии. И наоборот, угроза раскола общества на противостоящие группы возрастает, если религиозная идентичность совпадает с этнической. Следует отметить, что опасность сепаратизма, которая проявляется, прежде всего, в Сараваке, осознается правительством. В ответ на этот вызов государство выдвигает на передний план политику поддержания общемалайзийской идентичности, основанной на разделяемых всеми группами общества единых культурных ценностях [20: p. 47–56].

Таблица 1

Корреляция этнической и религиозной (конфессиональной принадлежности) в Малайзии [7]

Доля этнической группы в составе населения, %	Конфессиональная принадлежность, %
Малайцы – 50,1	Мусульмане* – около 100
Китайцы – 22,6	Буддисты – 83,6 Даосы – 3,4 Христиане – 11,1
Аборигены – 11,8	Христиане – 46,5 Мусульмане – 40,4
Индийцы – 6,7	Индуисты – 86,2 Христиане – 6,0 Мусульмане – 4,1

* Таблица составлена на основе данных перепеси 2010 г.

Официально установленное равенство религий и межэтническая гармония в Малайзии находятся в неустойчивом состоянии. Межэтнические столкновения с применением насилия в истории страны происходили дважды: в 1946 и 1969 гг. С тех пор в отношениях между расами сохраняются значительные социальные и политические противоречия [20: p. 48]. Малайцы консолидируются на основе ислама и господствуют в политической жизни страны, являясь основным резервом для пополнения кадрами госаппарата, полиции и армии. При этом отождествление государственной религии с малайским этносом вместе с политическим превосходством малайцев вступает в конфликт со стремлением к равноправию других этносов.

Китайская диаспора проживает в городах, занимает доминирующие позиции в экономике и является самой образованной частью населения. В то время как китайцы – самая зажиточная этническая группа, индийцы относятся к беднейшим слоям общества. Таким образом, основным противоречием малайзийской политики является стремление к сохранению относительного консенсуса между этнорелигизными группами, с одной стороны, и сохраняющееся неравенство в экономической и политической сферах – с другой. Стержнем политической системы является политическое превосходство малайцев как государствообразующего этноса. Это превосходство основывается, прежде всего, на бюрократии – преимущественно малайскому по составу классу чиновников, которому и принадлежит власть в государстве. В литературе высказывается точка зрения, что именно малайзийская бюрократия является опорой полуавторитарных порядков, которые скрываются за фасадом демократических институтов в этой стране [2].

[2] *Бумипутера* (англ. *Bumiputera*) – в широком смысле слова абориген, представитель коренного населения немалайского происхождения. Этот термин в переводе с малайского означает «сын земли». Меньшая часть бумипутера проживает на полуострове Малакка, основная часть – на севере острова Калимантан. В ст. 16 Конституции 21 этническая группа бумипутера классифицируется также в качестве «уроженцев Саравака» [Main article : Bumiputera (Malaysia). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Parti_Pesaka_Bumiputera_Bersatu (дата обращения: 23.10.2013)].

Во внутренней политике перед правящей элитой стоит центральная политическая проблема: сохранение стабильности при сохраняющихся религиозных расхождениях и большой разнице в уровне жизни между этническими группами. Особенно серьёзный политический кризис возник 13 мая 1969 г., когда межэтническая напряженность вылилась в массовые погромы и столкновения, жертвами которых стали десятки людей, главным образом китайцы. Беспорядки послужили причиной пересмотра социально-экономической политики. Правительство Разака с 1971 г. взяло курс на проведение «новой экономической политики». Целью этой политики стало перераспределение национального дохода и разнообразных социальных благ в пользу малайцев и представителей коренных племен. Для этого правительство стало проводить политику «аффирмативных действий», т.е. положительной дискриминации, согласно которой малайцам предоставляются специальные льготы и привилегии в бизнесе, в области образования, социальной защиты и на государственной службе [38: p. 132]. Неудивительно, что данная политика вызывает недовольство китайской и индийской общин, которые восприняли её как ущемление в правах групп немалайского происхождения. Следует отметить, что, несмотря на реформы, в экономике попрежнему ключевые позиции сохраняют китайцы.

Со времени получения независимости и проведения первых выборов в Федеральный Законодательный совет (парламент) в 1959 г., в стране установилась многопартийная система. Ведущая особенность этой системы – «одновершинная концентрация», или безальтернативное превалирование (термин Дж. Сартори) одной партии – Объединённой Малайской национальной организации (ОМНО) и возглавляемого ею Национального фронта над всеми другими партиями [6: с. 242]. Однопартийная гегемония установилась после того, как на выборах победила возглавляемая Объединённой Малайской национальной организацией коалиция – Союзная партия (англ. the Alliance Party), которая получила 51,8 % голосов и 74 из 104 мест в парламенте [15]. С тех пор ОМНО и её блок под названием Национальный фронт (НФ) правит страной (табл. 2). Основной принцип этой системы раскрыл лидер партии Махатхир Мохамад: «Я убежден, – заявил он, – что страна должна иметь сильное правительство, но вместе с тем не слишком сильное. Большинство в две трети, которое я предпочитал, будучи премьер-министром, является вполне достаточным, но большинство в 90 % было бы избыточным. Мы нуждаемся в оппозиции для того, чтобы она указывала нам на ошибки, которые мы совершаем. Когда вам никто не возражает, вы всегда считаете, что вы правы» [43].

Таблица 2

Итоги выборов и распределение парламентских мест в Малайзии в 1959–2013 гг.

Год	Всего мест в нижней палате	Количество мест правящей партии / против оппозиционных партий	Места правящей партии, %	Процент проголосовавших за правящую партию / или оппозицию
1959	104	74/30	71	51,8/48,2
1964	104	89/15	86	58,5/41,5
1969/1970	144	92/52	64	47,4/52/6
1974	154	135/19	88	60,7/39,3
1978	154	130/24	84	57,2/42,8
1982	154	132/22	86	60,5/39,5
1986	177	148/29	84	55,8/44,2
1990	180	127/53	71	51,9/48,1
1995	192	162/30	84	65,0/35,0
1999	193	148/45	77	56,0/40,3
2004	219	198/21	90	63,9/36,1
2008	222	140/82	63	50,27/46,8
2013	222	133/89	60	46,53/53,5
В среднем	–	–	77,5	55,7/44,3

Малайзийские партии похожи на европейские: они иерархичны, стабильны, имеют отличающиеся друг от друга программы и постоянных лидеров. Все партии участвуют в избирательном процессе, вовлекая людей на самом низовом уровне. Партии имеют устойчивую электоральную базу, выборы выгодно отличаются сравнительно невысокой волатильностью, т.е. устойчивостью избирательских предпочтений, в отличие от других стран Юго-Восточной Азии. Согласно классификации Китчельта малайзийские партии можно отнести к типу программно-идеологических партий. То, что в отличие от большинства стран Восточной Азии малайзийские политические партии связаны с низовыми организациями и являются выразителями ценностей определённых групп населения, объясняется сравнительно просто: эти партии создаются на этнической основе вследствие существующего в обществе отчётливого расового разделения. Этническая принадлежность играет важную роль в малайзийском политическом процессе со времени колониального владычества Великобритании, которая проводила политику, основанную на принципе «разделяй и властвуй». В некоторой степени под влиянием этого фактора возникли три политические партии с этнической окраской: Объединённая Малайская национальная организация (представляющая малайцев), Китайская ассоциация Малайзии (представляющая китайцев) и Индийский конгресс Малайзии (представляющий индийцев). Все эти партии являлись выразителями интересов богатых землевладельцев, крупной и средней национальной буржуазии. Есте-

ственно, что с самого начала они заняли правую часть политического спектра.

В 1952 г. был заключен политический союз Китайской ассоциации Малайзии (КАМ) и Объединённой малайской национальной организации (ОМНО). В октябре 1954 г. к союзу ОМНО-КАМ присоединился Индийский конгресс Малайзии (ИКМ). Таким образом, три партии объединились и в 1954 г. образовали объединение – Союзную партию. В 1970 г. в этот блок вошла Объединённая народная партия Саравака (ОНПС), а в 1972 г. – Малайзийская партия народного движения (МПНД – Геракан) и Народно-прогрессивная партия. В 1973 г. это объединение получило нынешнее официальное название – Национальный фронт (Barisan Nasional, сокр. BN). В настоящее время правящая коалиция состоит из 14 партий и рассматривает себя в качестве единой организации конфедеративного типа [10: p. 233].

Национальный фронт, как и входящие в него партии, придерживается консервативной идеологии и занимает правоцентристские позиции. Официально провозглашаемой целью НФ является поддержание межэтнического и межрасового мира в стране, расширение массовой поддержки режима [28: p. 3–29]. Программу работы нынешнего правительства НФ провозгласил в 2010 г. премьер-министр Наджиб Тун Разак. Эта программа, которая называется «Одна Малайзия» (англ. *1Malaysia*, по малайски *Саму Малайзии*), делает упор на национальное единство, этническую терпимость и эффективное управление. Концепция включает восемь базовых ценностей: настойчивость, культуру передового опыта, терпимость, лояльность, образование, смирение, честность и меритократию. Для внедрения программы проводится широкий комплекс мероприятий: курсы и семинары для обучения государственных служащих, подготовки общественных деятелей и др. [14].

Таким образом, ключевым свойством малайзийской политической системы является однопартийная гегемония партий Национального фронта и его ведущей силы – ОМНО, которую можно определить как «партию власти». ОМНО была основана в 1946 г. и в настоящее время насчитывает в своих рядах 2,4 млн человек. Внутрипартийная жизнь ОМНО строится на демократических и выборных началах. В этой партии проявляется ограниченный плюрализм. Так, проводятся далеко не формальные и даже соревновательные выборы председателя партии, который в дальнейшем автоматически становится премьер-министром. В частности, на ежегодной генеральной ассамблее партии в апреле 1987 г. в ходе выборов лидеры столкнулись с острой критикой со стороны партийцев. В партийных рядах возникли разногласия, и делегаты разделились на две группы. В результате Махатхир с трудом сохранил свой пост: за него проголосовали 761 делегат, а против – 718 [28: p. 224–230].

Партия в лево-правом спектре занимает позиции правее центра. Партийная идеология ОМНО является разновидностью политического консерватизма и представляет собой сложный комплекс официальных идей и неофициального партийного этоса. Эта идеология двулика, как Янус. С одной стороны, она публично выдвигает лозунг «уважения плюралистического, многорелигиозного и мультикультурного общества» (малайск. *Rukunegara*). Но, с другой стороны, у партийных кругов есть идеология неофициальная. Политологи указывают на то, что мотивация и партийный этос на практике включают понятия «раса, религия, нация» (малайск. *Bangsa, Agama, Negara*). Именно этот лозунг выражает суть неофициальной идеологии и политики ОМНО, которая направлена на защиту интересов в первую очередь малайцев [1].

Итак, ОМНО рассматривает себя в качестве защитника интересов малайцев и бумипутера. Вследствие этого она стремится культивировать дух патриотизма с акцентом на малайские ценности и единение малайцев. Неофициально ОМНО выступает в качестве покровителя и защитника концепции «малайского превосходства» («ketuanan Melayu») [21: p. 180]. В связи с этим малайзийцы немалайского происхождения считают, что ОМНО своей политикой ущемляет их национальные интересы. И кроме того, концепция является неконституционной. Как партия, опирающаяся на малайское большинство, ОМНО претендует и на монопольное представительство мусульман страны и стремится использовать ислам в качестве политического ресурса. В то же время следует подчеркнуть, что ОМНО отвергает религиозный фундаментализм и является сторонником умеренного ислама суннитского толка. Таким образом, идеология партии является умеренно националистической и консервативной.

Партии власти противостоит оппозиция, в которую входят десять партий. Из них самыми влиятельными являются три партии, которые представлены в федеральном парламенте: Партия народной справедливости (ПНС), Партия демократического действия (ПДД), Панмалайзийская исламская партия (ИПМ). Все эти партии выступают единым блоком. Сначала это была неформальная коалиция партий под названием Альтернативный фронт (англ. Alternative Front), который просуществовал с 1998 по 2004 г. Вместо старой коалиции в 2004 г. был создан Народный блок (англ. *People's Pact*). В отличие от правящих партий, которые строят свою политику на этнорелигиозной идентичности, Народный блок открыт для всех граждан Малайзии независимо от национальной принадлежности. Слабой стороной блока является то, что он не имеет общей долгосрочной программы. Идеологические установки входящих в него партий не совпадают и

даже противоречат друг другу. Это левые идеи социал-демократии, левоцентристская идеология социального либерализма и правоцентристская исламистская идеология. Этот блок трижды добивался успехов на выборах: в 1999, 2008 и 2013 гг. (табл. 3).

Таблица 3

Итоги голосования за партии Народного блока на выборах в парламент 2013 г.

Политическая партия	Полученные голоса,		Места в Палате представителей		+/-
	кол-во, млн	%	кол-во, млн	%	
Народный блок в целом	5,62	50,87	89	40,09	+7
Партия народной справедливости (ПНД)	2,3	20,39	30	13,51	–1
Партия демократического действия (ПДД)	1,7	15,21	38	17,12	+10
Панмалайзийская исламская партия (ИПМ)	1,6	14,78	21	9,46	–2

В историю Малайзии 2008 г. вошел благодаря двум событиям. Первое событие – это экономический кризис, затронувший интересы простых малайзийцев. Второе, в некоторой степени связанное с первым, – это участие в выборах Народного блока, Партии демократического действия, Панмалайзийской исламской партии, Партии народной справедливости и др. Важной особенностью этих выборов было то, что на ход избирательной кампании и успех оппозиции существенно повлиял Интернет. Исследования показывают, что благодаря электронным социальным сетям в обществе возрос социальный капитал и увеличилась политическая активность молодежи [40: p. 88]. В результате произошел существенный сдвиг в соотношении сил. НФ впервые после 1989 г. потерял конституционное большинство, которое ранее составляло в парламенте более 2/3 голосов (см. табл. 2). Оппозиция получила большинство в четырех штатах и сформировала в них свои правительства. Успех оппозиции был закреплён на выборах 2013 г., которые прошли при высокой явке избирателей, составившей 80 % [35]. За правящий НФ проголосовало меньше половины – 47 % избирателей страны. Но НФ, тем не менее, получил 60 % мест в Палате представителей и сформировал своё правительство. Результаты выборов встревожили правящую элиту [27]. Они показали, что, во-первых, китайский электорат «свингует», т.е. волной переходит от КАМ к оппозиционной Партии демократического действия; во-вторых, то, что часть малайцев отходит от ОМНО [19]. За ПДД проголосовали 1,7 млн китайцев, а за правительственную партию КАМ – только 867,9 тыс. человек. Эта новая и тревожная для правящей коалиции тенденция перетекания голосов «волной» получила название «китайское цунами» [11]. На всеобщих выборах 5 мая 2013 г. оппозиционный блок завоевал 89 мест в парламенте и удержал контроль над тремя штатами : Келантан, Пинанг и Селанго. Как следует из данных табл. 3, Народный блок завоевал поддержку почти 51 % избирателей.

В лагере оппозиционеров место лидирующей партии в прошлом принадлежало ИПМ. Как следует из данных табл. 3, самой влиятельной силой оппозиции и второй после ОМНО партией страны с 2013 г. стала Партия народной справедливости [31]. Лидером ПНС является харизматичный политик, бывший заместитель премьер-министра Анвар Ибрагим, в 1998 г. снятый со всех своих постов и арестованный по политически мотивированным обвинениям. В 1998 г. в Куала-Лумпуре на демонстрации в защиту Анвара вышло от 30 до 100 тыс. человек. «Многих при этом возмущал не столько сам факт заключения Анвара Ибрагима, сколько то, как грязно это было сделано и как жестоко обращались с ним в тюрьме, где его избивали…, не давали встречаться с родными и т.п.», – пишет лично знавший Ибрагима В.А. Погадаев [5: с. 48]. В 1999 г. жена опального политика на волне народного протеста основала Национальную партию справедливости. После слияния с Народной партией Малайзии в 2003 г. было принято современное название – Партия народной справедливости. В сентябре 2004 г. Анвар Ибрагим был освобожден из тюрьмы и сразу включился в партийную политику. Ему удалось договориться с двумя другими главными оппозиционными партиями страны – Партией демократического действия и Панмалайзийской исламской партией о выступлении на выборах 2008 г. в качестве объединенной силы.

В ПНС насчитывается около 200 тыс. членов. Ряды партии открыты для представителей всех этнических или религиозных групп населения. Идеология ПНС – социальный либерализм. В политическом отношении ПНС занимает позицию в центре идейно-политического спектра. Руководитель партии Анвар Ибрагим является сторонником умеренного ислама и пропагандирует идею, что ислам и демократия вполне совместимы. ПНС выступает за демократизацию общественно-политической жизни страны и уменьшение социального неравенства. В социальной политике не должно делаться никаких исключений или предпочтений каким-либо группам населения. По итогам выборов 2013 г. партия на волне популярности А. Ибрагима получила 20,4 % голосов и 30 мест в парламенте (т.е. больше, чем другие оппозиционные партии).

Наибольшее число мест в парламенте получила Партия демократического действия. База политиче-

ского влияния партии находится в крупных городах и промышленных районах страны. ПДД, как уже было отмечено, опирается в основном на городской средний класс китайского происхождения [13]. На выборах за эту партию в середине 1990-х гг. голосовала половина китайских избирателей. Другая часть китайского электората поддерживала партию КАМ. В прошлом малайцы за ДПП почти не голосовали [12: p. 71]. В своей идеологии и политике партия придерживается социал-демократических ценностей, является секуляристской и стоит левее центра. ПДД выступает за общество равных возможностей, демократическое правление и верховенство права. В свои лозунги ПДД включает требования об усилении борьбы с коррупцией чиновников. Партия разработала концепцию «малайзийской Малайзии» на основе общих ценностей, т.е. единого народа как интернациональной общности без разделения по расовым, религиозным и этническим признакам.

Третье место по влиятельности в оппозиционном блоке занимает Панмалайзийская исламская партия (ИПМ, англ. *The Pan-Malaysian Islamic Party*) [29: p. 408–409]. Эта партия была основана в 1951 г. и получила легальный статус в 1955 г. В 1973–1977 гг. входила в НФ, откуда была исключена. Партия находится на втором месте по численности после ОМНО: она насчитывает около миллиона членов. Электоральная база партии – приверженные исламу жители сельскохозяйственного и консервативного севера Малаккского полуострова. Партия занимает место в правой части политического спектра. Она стоит на позициях умеренного малайского национализма, панисламизма и культурно-религиозного консерватизма. Со дня основания партия конкурирует с ОМНО за малайский электорат, который, как было отмечено выше, является полностью мусульманским. Партия имеет своей целью создание Исламского государства, в котором для мусульман должна быть основанная на законах шариата отдельная правовая система. Неудачи на выборах побудили партийных лидеров модернизировать партийную идеологию и внести изменения в смысл понятия «исламское государство» ради придания ему большей умеренности. В партийных документах сейчас есть даже положения об исламской демократии и равноправии этнических групп.

В отличие от европейских партийных систем идеологический спектр в малайзийской политической жизни является односторонним. Правое консервативное крыло является наиболее сильным. Правый фланг занимают и правительственные партии, и одна из партий оппозиции – Панисламистская партия. Левый фланг спектра пуст. Компартия – потенциальный кандидат на это место. Но эта партия была запрещена и полностью вытеснена с политической сцены благодаря Закону о внутренней безопасности, принятому против коммунистических повстанцев в 1960 г. Несмотря на то что в Малайзии противостоят друг другу два политических полюса, они разделены не столько по идеологическому принципу, сколько по принципу «за» или «против» гегемонии ОМНО. Надеждой сторонников демократического выбора для Малайзии является замена режима с одной партией-гегемоном на двухпартийную систему [24: p. 27–63]. Развитие политической жизни страны, казалось бы, демонстрирует эту тенденцию. Во-первых, ведущей характеристикой малайзийского политического процесса стало деление на два блока – Национальный фронт и Народный блок. Этот процесс стимулируется мажоритарной избирательной системой. Во-вторых, партийная система в Малайзии высоко поляризована. Но ряд обстоятельств указывает на то, что говорить о формировании двухпартийной системы пока еще преждевременно. Прежде всего, надо отметить, что острота политической борьбы объясняется не столько большим идеологическим разрывом между партиями, сколько этническими и конфессиональными расколами в обществе. И кроме того, Народный блок не является единым. Оппозиционные партии объединяет только ближайшая цель – победа над правящей коалицией. Но эти партии провозглашают разные стратегические цели. Консервативная Исламистская партия имеет мало общего в ценностях с либеральными ПДД и ПНС. Можно предположить, что в случае прихода Народного фронта к власти эти противоречия выйдут наружу и тогда возникнет риск раскола коалиции. Таким образом, тенденция возникновения двухпартийной системы, скорее всего, носит временный характер, поскольку обусловлена борьбой за отстранение ОМНО от власти.

Итак, базисом малайзийской политической системы является однопартийная гегемония партий Национального фронта и его ведущей силы – ОМНО. Каким же образом удаётся сохранять на протяжении многих лет гегемонию одной партии? Одной из причин живучести режима является поддержка правящей коалиции малайцами, которые считают ОМНО выразительницей своих интересов. НФ также мобилизует через КАМ и ИНК поддержку со стороны части китайской и индийской общин. Еще одним источником влияния ОМНО эксперты считают то, что эта партия с момента своего возникновения тесно связана с государственной бюрократией, состоящей большей частью из малайцев [10: p. 210–233]. Эта связь укрепилась за многие годы пребывания партии у власти. Дэн Слэйтер даже утверждает, что именно сильный государственный аппарат является главным фактором стабильности режима и долговременной авторитарной власти ОМНО [37: p. 15–29]. Все премьер-министры Малайзии были членами ОМНО. Еще один фактор – выборы, которые, по общей оценке наблю-

дателей являются «свободными», но «несправедливыми». Эксперты отмечают, что в Малайзии избирательная борьба между оппозицией и партией власти носит явно неравный характер. НФ, опираясь на подконтрольную ей полицию, ограничивает возможности оппозиции на проведение митингов и собраний, запугивает активистов, иногда снимает через подконтрольную ей избирательную комиссию отдельных кандидатов еще на этапе выдвижения. Зарубежные критики обращают внимание на факты нарушений прав человека. В стране с 1960 г. действует ставший символом авторитаризма Закон о внутренней безопасности (англ. *the Internal Security Act*, сокр. *ISA*), который сначала был направлен против коммунистических повстанцев, но вслед за тем стал широко применяться против оппозиции. Этот Закон допускает досудебное задержание подозреваемых лиц на значительные сроки. П. Крауч приводит следующие данные: с самого начала действия Закона число задержанных в период между 1960 и 1981 гг. составило около трёх тысяч человек [12: p. 50]. Волнообразное уменьшение или увеличение числа арестованных с тех пор из года в год продолжалось. Власти имеют право вводить ограничения на проведение митингов и демонстраций, контролировать деятельность СМИ, оправдывая это соображениями национальной безопасности. Свобода прессы ограничена законами о цензуре, а также ежегодным лицензированием изданий по линии министерства внутренних дел, которое может прекратить издание газеты. Партия власти имеет огромное преимущество в доступе к СМИ. Государственное телевидение находится под контролем ОМНО. А частные телеканалы в основном принадлежат контролируемым правящей партией бизнес-структурам. И все же в условиях сложного и дифференцированного медиапространства эти меры не всегда предрешают исход выборов. Как показывают последние успехи оппозиции, население городов и молодежь получают альтернативное освещение событий через Интернет и благодаря этому проявляют все большую самостоятельность в политическом поведении [36: p. 8–14]. В усложняющихся условиях партия власти заботится о собственной легитимности и потому старается не выходить за рамки законности. Режим проводит периодические выборы, побеждая главным образом при помощи испытанных избирательных технологий и методов политического манипулирования.

Необходимо также принять во внимание, что НФ получает большинство мест в Палате представителей и формирует правительство даже в тех случаях, когда получает меньше половины голосов на выборах. Причина этому – в мажоритарной избирательной системе с одномандатными округами. Эта система имеет два закономерных следствия: во-первых, стимулирует образование или двухпартийных систем, или двух межпартийных блоков (коалиций). Вторым следствием является непропорциональное распределение парламентских мест в пользу партии, получившей относительное большинство в отдельных округах, хотя и не по всей стране в целом. Мажоритарная система часто жертвует принципом справедливости ради создания сильного и эффективного правительства. Именно данный классический тип политической системы мы наблюдаем в Малайзии. Дополнением к этой избирательной системе относится также умелая «нарезка» округов. Имеется в виду способ манипулирования волеизъявлением избирателей, который называется «джерримендеринг». Это явление получило название по имени губернатора штата Массачусетс Э. Джерри, который в 1812 г. «перекроил» округа своего штата, чтобы раздробить электорат, голосовавший за его политических оппонентов. Политическая география Малайзии хорошо подходит для эффективного использования джерримендеринга, поскольку электорат как оппозиции, так и партии власти проживает компактными группами. Географическое распределение голосов демонстрирует значительные диспропорции: между преимущественно городскими регионами с большой долей этнических китайцев, которые в большинстве голосуют за оппозицию – с одной стороны; и в основном сельскими штатами, населенными бумипутера, в которых правящая коалиция всегда получает большинство мест – с другой стороны. Избирательные округа целенаправленно формируются так, чтобы отданные в данном округе за оппозиционного кандидата голоса терялись среди голосов сторонников НФ. Такое манипулирование голосами избирателей путем «нарезки» округов позволяет Национальному фронту получать большинство депутатских кресел даже тогда, когда за власть голосует меньше половины избирателей.

В литературе представлено немало политических теорий, объясняющих многомерный политический процесс в Малайзии. Как нам представляется, анализ политического процесса в Малайзии не следует строить по упрощенной схеме: демократическая оппозиция против авторитарного режима. Можно предположить, что правящая элита не может допустить победу Народного фронта, поскольку это может привести к смене всего правящего «истеблишмента» и его политики и, возможно, расколу и дестабилизации общества. Известно, что политическая стабильность, основывающаяся на сильном государстве, является необходимой предпосылкой легитимности режима.

Характерно, что все авторы обращают внимание на плюрализм как ведущую характеристику малайзийского общества. Из этого политологи делают вывод, что сложные в этническом отношении об-

щества менее всего предрасположены к демократии. Однако существует и другая точка зрения. Профессор Калифорнийского университета Аренд Лейпхарт в работе «Многосоставные общества и демократические режимы» выдвигает следующий тезис: «…достигнуть и поддерживать стабильное демократическое правление в условиях многосоставного общества хотя и трудно, но отнюдь не невозможно» [4: с. 455–460]. Демократия, согласно взглядам Лейпхарта, не связана в определяющей степени с однородностью общества. Он вводит в свою концептуальную схему понятие «со-общественная демократия», для которого характерны раздельность политических субкультур, сегментарный плюрализм и необходимость постоянного поиска согласия. Некоторые авторы, руководствуясь концепцией А. Лейпхарта, рассматривают малайзийский политический процесс как разновидность «со-общественной демократии». Существует точка зрения, что этнорелигиозные противоречия в Малайзии регулируются благодаря деятельности правящей коалиции, которая поддерживает относительную гармонию в обществе [25: p. 43–59]. Обобщая малайзийский опыт, тайваньский политолог Лин утверждает, что политический режим в Малайзии на определённых этапах истории включал в себя некоторые черты со-общественной демократии. Это, во-первых, принцип взаимного вето; во-вторых, гарантии пропорционального представительства основных групп населения; в-третьих, высокая степень автономии групп в их внутренних делах; в-четвёртых, участие в правительстве представителей главных этнорелигиозных групп населения.

К сожалению, у Лин осталась нераскрытой такая выделенная А. Лейпхартом в 1969 г. черта со-общественности, как пропорциональная избирательная система [23: p. 207–225]. Действующая в стране мажоритарная система искажает принцип пропорционального представительства в пользу одной из групп населения. Семьдесят процентов состава нижней палаты парламента 2013 г. являются малайцами. Кроме того, с 1970-х гг. в малайзийской политической системе авторитарными методами вводится малайская идентичность. А это не вполне соответствует принципам со-общественности. Вот почему попытки применить к политической системе Малайзии понятие «со-общественная демократия» является, по меньшей мере, спорным.

Существуют и другие подходы для характеристики малайзийского политического режима. Ряд авторов обращают внимание на его двойственную сущность. Так, Гарольд Крауч даёт малайзийской системе властвования название «репрессивно-респонсивный режим» (англ. *repressive-responsive regime*), имея в виду то, что власти, с одной стороны, используют репрессивные меры, чтобы держать оппозиционные группы под контролем. Но, с другой стороны, они вынуждены проявлять чувствительность к идущим из глубин общества вызовам и отвечать на требования разнообразных социальных сил [12: p. 96].

А. Уфен и А. Счедлер называют существующий политический режим конкурентным, или электоральным, авторитаризмом, так как этот режим ради сохранения легитимности разрешает оппозиции время от времени бросать ему вызов на периодически проводимых выборах и, что крайне важно, с непредсказуемым результатом [41, 42]. Другие политологи используют термин «полудемократия», имея в виду соблюдение властями Конституции и дозированную открытость политической системы [9: p .45–62].

Таким образом, обобщая разнообразные определения политического режима, можно сделать вывод, что в Малайзии сложился *гибридный политический режим*. Он характеризуется тем, что в политической системе соединены признаки и авторитаризма, и демократии. В отличие от жестких авторитарных режимов в политическом процессе Малайзии сохраняется политическая жизнь и конкуренция между партиями. Несмотря на полицейские методы запугивания активистов, имеется сильная оппозиция, у которой есть шансы победить на выборах. Но, тем не менее, ведущей характеристикой данной системы следует считать наличие *гегемонистской партии*, которая через коалицию и государственный аппарат осуществляет контроль над политической жизнью общества. Правительство всегда готово применить репрессии, если только политический процесс начинает развиваться в угрожающем для режима направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Главные лозунги власти Малайзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://u4isna5.ru/stati/23-ctatigoimuupr/511-2012-02-21-09-41-19 (дата обращения: 13.10.2013).

2. Инвестиционные особенности Малайзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bankomet.com.ua /2011/09/ investitsionne-osobennosti-malayzii/ (дата обращения 24.12.2012).

3. *Козер, Л.* Функции социального конфликта : пер. с англ / Л. Козер. – М. : Идея Пресс, 2000.

4. *Лейпхарт, А.* Многосоставные общества и демократические режимы / А. Лейпхарт // Мухаев Р.Т. Политология. Хрестоматия : пособие для вузов. – М. : Приор, 2000. – С. 455–460.

5. *Погадаев, В.А.* Малайзия : Анвар Ибрагим – феникс, восставший из пепла / В.А. Погадаев // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 5. – С. 45–50.

6. *Сартори, Дж.* Партии и партийные системы: рамки анализа / Дж. Сартори // Теория партий и партийных систем. – М. : Аспект-Пресс, 2008. – С. 242.

7. Department of Statistics, Malaysia [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.statistics.gov.my/ index.php?r=column/ctwoByCat&parent_id (дата обращения: 23.10.2015).

8. Bumiputera (Malaysia) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Parti_Pesaka_Bumiputera_Bersatu (дата обращения: 23.10.2013).

9. *Case, W.* Politics in Southeast Asia : Democracy or Less / W. Case. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002.

10. *Chin, James.* Malaysia : The Barisan National Supremacy / James Chin. – New York : Chatham House, Seven Bridges Press, 2002.

11. Chinese tsunami hits Malaysian politics. The Times of India. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://articles.timesofindia.indiatimes.com/2013-05-07/rest-of-world_prime-minister-najib-razak-barisan-nasional-kuala-lumpur (дата обращения: 15.09. 2015).

12. *Crouch, H.* Government and Society in Malaysia / H. Crouch. – N.Y. : Cornell University Press, 1996. – 266 p.

13. Democratic Action Party (Malaysia) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/Democratic_Action_Party_(Malaysia) (дата обращения: 12.10.2015).

14. "8Values". [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.livingvalues.net/countries/malaysia.html (дата обращения: 12.10.2015).

15. Elections in Malaysia. From Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/Elections_in_Malaysia (дата обращения: 14.10.2015).].

16. Federal Constitution of Malaysia. Article 40 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http:// unmis. unmissions.org/Portals/UNMIS/Constitution-making20Symposium/FederalConstitutionMalaysia.pdf (дата обращения: 24.11.2015).

17. Gini. Gini Index. World Bank. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://data.worldbank.org /indicator/SI.POV.GINI?order=wbapi_data_value_2011+wbapi_data_value+wbapi_data_value-first&sort=asc (дата обращения: 10.04. 2013).

18. Kahn & Francis Loh Kok Wah, eds., Fragmented Vision: Culture and Politics in Contemporary Malaysia. – Sydney : Allen & Unwin, 1992. – 233 p.

19. *Khoo, Boo Teik.* Thirteenth General Elections (GE13) / Boo Teik Khoo. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ide.go.jp/Japanese/Publish/Download/Kidou/pdf/2013_malaysia_06.pdf: (дата обращения: 15.11. 2015).

20. *Kim, Nam-Kook.* Multicultural Challenges and Redefining Identity in East Asia / Nam-Kook Kim. – Burlington, VT : Ashgate Publishing Limited, 2014. – P. 47–56.

21. *Lee, Hock Guan.* Malay Dominance and Opposition Politics in Malaysia / Hock Guan Lee. Singapore : Southeast Asian Affairs, 2002. – 205 p.

22. *Leigh, M. Malaysia* : Buffeted From Below [Электронный ресурс] / M. Leigh. – Режим доступа: http://www.aseanfocus.com/asian_analysis/Malaysia-Buffeted20FromBelow.php (дата обращения: 10.09. 2015).

23. *Lijphart, A.* Consociational Democracy / A. Lijphart // World Politics. – 1969. – № 21. – P. 207–225.

24. *Lin, Juo-yu.* A Structural Analysis of the 1999 Malaysian General Election : Changing Voting Preference of Ethnic Chinese and Malay Groups and Party / Juo-yu Lin // Taipei : Tamkang Journal of International Affairs. – 2002. – № 3. – Vol. 6. – P. 27–63.

25. *Lin, Juo-yu.* A Structural Analysis of the 1999 Malaysian General Election: Changing Voting Preference of Ethnic Chinese and Malay Groups and Party / Juo-yu Lin // Journal of International Affairs. – 2002. – Vol. VI. – No. III. – Spring. – P. 43–59.

26. Malaysia. From Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Malaysia#History (дата обращения: 12.12. 2015).

27. Malaysia's election – A dangerous result // The Economist. – 2013. –11 May.

28. *Means, Gordon P.* Malaysian Politics : The Second Generation / Gordon P. Means. – Oxford : Oxford University Press, 1991.

29. *Noor, A.F.* Pan-Malaysian Islamic Party (PAS) / A.F. Noor // The Princeton Encyclopedia of Islamic Political Thought. Princeton : Princeton University Press, 2012. – P. 408–409.

30. *Patapan, Haig.* Westminster Legacies : Democracy And Responsible Government in Asia And the Pacific [Электронный ресурс] / Haig Patapan, John Wanna, Patrick Weller. – Режим доступа : http://ru.bookzz.org/book/925828/b1fe59 (дата обращения: 10.04.2015).

31. Peoples Justice_Party. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/People_Justice_Party_(Malaysia) (дата обращения: 12.10.2015).

32. Polity IV Country Report 2010: Malaysia. P. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm (дата обращения: 12.10.2015).

33. Population Distribution and Basic Demographic Characteristics (PDF). Department of Statistics, Malaysia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.statistics.gov.my/index.php?r=column/ctheme&menu (дата обращения: 12.12.2015).

34. *Pye, L.* Asian Power and Politics. The Cultural Dimensions' of Authority / L. Pye. – Harvard : Belknap of Harvard University, 1988. – 276 p.

35. Record 80 % turnout of voters for GE13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www. freemalaysiatoday.com/category/nation/2013/05/05/record-80-turnout-of-voters-for-ge13 (дата обращения: 25.05.2015).

36. *Rizal, Ahmad* (2008). Internet Democracy : Influence of Electronic Community in the 12th Malaysian Election / Ahmad Rizal // Mohd Yusof 6th International Malaysian Studies Conference. – 2008. – P. 8–14.

37. *Slater, D.* State Power and Staying Power: Infrastructural Mechanisms and Authori tarian Durability / D. Slater, S. Fenner // Journal of International Affairs. – 2011. – № 3 – P. 15–29.

38. *Sundaram, Jomo Kwame.* Reinventing Malaysia : reflections on its past and future / Jomo Kwame Sundaram. – Malaysia : Published by Penerbit Universiti Kebangsaan, 2001. – P. 132.

39. *Tilman, Robert* O. The Centralization Theme in Malaysian Federal-State Relations, 1957–75 / Robert Tilman // Institute for Southeast Asian Studies (Singapore), Occasional Paper. – 1976. – № 39. – P. 6–34.

40. *Tumin, M.* Virtual civil society: resurgence of social capital and the 2008 General Election in Malaysia / M. Tumin, I. Ndoma // Malaysian Journal of Democracy and Election Studies. –2013. – P. 86–95.

41. *Ufen, A.* The 2008 Elections in Malaysia. Uncertainties of Electoral Authoritarism / A. Ufen // Taiwan Journal of Democracy. – 2008. – № 1. – Vol. 4. – P. 155–169.

42. *Schedler, A.* Electoral authoritarianism : the dynamics of unfree competition / A. Schedler // Boulder and London : Lynne Rienner Publishers. – 2006. – P. 56–62.

43. United Malays National Organisation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.wikipedia.org/wiki/ United_Malays_National_Organisation (дата обращения 18.10.2015)].

44. Wong Chin Huat. Weakened federalism in the new federation / Chin Huat Wong. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа : http://www.sun2surf.com/article.cfm?id=18724 (дата обращения: 12.11. 2015).

ПОГРАНИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ КАК ЗОНА УЯЗВИМОСТИ И КОНТАКТНОСТИ

С.А. Сидоров

Сидоров Сергей Александрович – доктор политических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Дальневосточного института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ) (г. Хабаровск).

Контактный адрес: sidorov1061@yandex.ru

В данной статье автор исследует понятие пограничного пространства, раскрывая его сущность. Анализирует пограничное пространство Дальнего Востока России в качестве совокупности процессов и явлений, связанных с государственной границей, процессами разграничения и взаимодействия государств. Показывает особенности пограничной политики РФ в Дальневосточном регионе.

***Ключевые слова*:** пограничное пространство, Дальневосточный регион, пограничная политика России, государственная граница, фактор, угрозы безопасности РФ, координация, сотрудничество.

В настоящее время приграничные регионы стали весьма уязвимой и проблемной частью всей сферы национальной безопасности России. Под приграничным регионом автор понимает регион, примыкающий к сухопутной границе либо к пограничным или территориальным водам, по которым проходит линия разграничения территории государств, содержащих участок пограничной зоны, и в которых осуществляется пограничная политика. Важным признаком приграничного статуса региона является наличие на его территории структур погранслужбы, задействованных в обеспечении пограничного режима данной территории. Их специфика состоит в том, что из-за особого отношения государства к своим внешним границам они неизбежно вплетены в сложнейшую комбинацию факторов, связанных с геополитикой, геоэкономикой и безопасностью. Кроме того, регионы находятся на стыке цивилизаций. Для дальневосточных регионов межцивилизационные различия приводят, прежде всего, к обостренному восприятию китайской миграции. Более того, с их участием внедряются в практику новые модели международного взаимодействия. Именно приграничные регионы обладают самым сильным инновационным потенциалом с точки зрения обкатки и экспериментального нахождения нетрадиционных форм кооперации с соседними политическими акторами.

Уязвимость уже не связана исключительно с войной и миром, обороной и армией. С окончанием «холодной войны» произошел переход к либерализированной политико-экономической системе, что не позволяет изолировать политику от экономики. В настоящее время пограничное пространство – это социально-географическая территория, охватывающая приграничную территорию и далее вглубь, за ее пределы, на которой наблюдаются политические, социально-экономические и культурные процессы и явления, сталкиваются индивидуальные общественные и национальные интересы соседних государств. Пограничное пространство Дальнего Востока РФ рассматривается в качестве совокупности процессов и явлений, напрямую связано с государственной границей, процессами разграничения и взаимодействия государств, и раскрывается во взаимодействии государств как социально-экономических систем, и только лишь в определенном типе взаимодействия – пограничных отношениях. К особенностям пограничных отношений относятся: во-первых, связанность, обусловленная общностью границ и развитием трансграничного сотрудничества; во-вторых, неоднородность и устойчивость, которая обусловлена наличием государств с различными политико-экономическими, социально-культурными и духовными отношениями; в-третьих, определенность, которая формируется потребностями государства в сохранении своих существенных признаков; в-четвертых, социальная направленность деятельности занятых в пограничном пространстве в целях обеспечения национальной безопасности.

Сегодня именно пограничные пространства становятся основными и потенциальными источниками повышенной опасности для внутренней стабильности и территориальной целостности страны. Государственная граница и приграничные территории[*] государств различны по своим формам развития, что определяло в прошлом и определяет в

[*] Приграничные территории – пространство, включающее пограничную зону, а также российскую часть вод пограничных рек озер и иных водоемов, территориального моря и внутренних вод Российской Федерации, где установлен пограничный режим, пункты пропуска через государственную границу, а также территории административных районов и городов, особых охраняемых природных территорий, объектов и других территорий, прилегающих к государственной границе, пограничной зоне, берегам пограничных рек, озер и иных водоемов.

настоящем специфику выработки пограничных программ сосуществования, адекватно отражающих политические, экономические, культурные, этнические, конфессиональные особенности в том или ином пограничном регионе.

Закрепление и определение понятия «государственная пограничная политика» или «пограничная политика России» сформулированы в Положении о Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по пограничной политике, утвержденном указом Президента Российской Федерации от 27 февраля 1995 г. № 211 и в Положении о Пограничной службе Российской Федерации, утвержденном приказом Директора Федеральной службы безопасности РФ в 2008 г. Для исключения ведомственного толкования вводится в оборот словосочетание «государственная пограничная политика Российской Федерации». Однако приоритетные направления в документе не конкретизированы.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что сам термин «пограничная политика государства» является сравнительно новым. Он не получил еще достаточно широкого политологического признания, нормативно-правового закрепления и применения в международной и отечественной политической практике. Во многих странах вопросы, относящиеся к компетенции пограничной политики, не образуют самостоятельного направления политики государства, а регулируются в рамках внешней, военной (оборонной), правоохранительной политики. Однако в России, имеющей обширную территорию и граничащей со значительным числом сопредельных стран, существует нужда в выработке и проведении самостоятельной пограничной политики.

Пограничная политика – это политика на линии взаимопересечения внешней и внутренней политики. Объектом ее воздействия является пограничное пространство, которое отличает особая динамика происходящих процессов, а также нередко непредсказуемый характер дальнейшего развития данных процессов.

Наряду с понятием «законодательство о Государственной границе» (ст. 4 закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации») в последнее время стали использовать понятия «правовые основы Государственной границы», «конституционно-правовые основы», «нормативная база охраны Государственной границы», «договорно-правовая база сотрудничества государств-участников СНГ по пограничным вопросам» и др.

Вопрос юридического регулирования пограничной безопасности России широко рассматривается в научной и служебной литературе, но детальный регламент деятельности субъектов защиты и охраны государственной границы в настоящее время отсутствует [5]. Официальный взгляд изложен в «Основах пограничной политики РФ» [4: с. 126].

Понятия «пограничная политика» и «региональная пограничная политика» объединяет отношение к государственной границе и прилегающим территориям, однако понятия не являются синонимичными, отличаясь по содержательному и сущностному объему. Пограничная политика – это часть общегосударственной политики, реализуемая на всем пограничном пространстве страны. Региональная же пограничная политика реализуется в пограничном пространстве того или иного региона страны и имеет свою специфику, зависящую от свойств региона.

Особенности современной пограничной политики в Дальневосточном регионе обусловливаются рядом факторов.

Политический фактор: помимо границы с КНР и США имеется антироссийская риторика во внешней политике Японии, имеющей давние территориальные претензии.

Экономический фактор: современное состояние российского Дальнего Востока является дотационным. Уровень жизни населения ниже, чем в сопредельных государствах, что вызывает рост трансграничной преступности, увеличение наркотрафика и контрабандной деятельности (особенно на морском участке границы). Распространена незаконная предпринимательская деятельность (вырубка лесов и др.).

Демографический фактор: сохраняется процесс убыли населения, увеличение численности этнических диаспор народов Кавказа и Средней Азии.

Нынешняя российская пограничная политика в Дальневосточном регионе не в полной мере способствует исправлению сложившейся в регионе обстановки, а также не обеспечивает пограничной безопасности, адекватной имеющимся угрозам. В связи с этим очевидна необходимость научного определения приоритетных направлений развития региона в современных условиях.

В настоящее время остро встала проблема координации деятельности различных ведомств в пограничном пространстве. В сфере фронтира работает более 20 министерств и ведомств, но только на основе координации действий всех заинтересованных государственных структур можно многократно умножить усилия в противодействии угрозам в пограничном пространстве.

Пограничная политика РФ осуществляется на приграничной территории страны, а также на связанных с ней объектах на внутренней территории, в воздушном и водном пространстве, включая континентальный шельф как перспективную экономическую зону Российской Федерации [1]. Вследствие развития международных взаимодействий пограничные территории могут находиться далеко в глубине страны: вокруг международных аэропортов, свободных экономических зон и др.

Основными задачами пограничной политики России являются: сохранение независимости и территориальной целостности государства; сотрудничество между пограничными государствами по предотвращению военной опасности, конфликтов и кризисов в пограничном пространстве; защита национальных интересов на пограничном пространстве страны; пресечение терроризма и организованной преступности; противодействие незаконной миграции, а также экономической, культурной и другим видам экспансии иностранных граждан; обеспечение безопасности России на внешних границах [3].

Важность данных задач обусловлена существованием следующих угроз интересам безопасности России в пограничном пространстве:

– незавершенности юридического разграничения территории с некоторыми сопредельными государствами (Япония, США);

– усиления экспансии сопредельных государств в экономической, демографической и культурно-религиозной областях;

– наличия транснациональной организованной преступности, проблемы наркотрафика, контрабанды (в том числе и оружия), расхищения природных ресурсов;

– напряженной межэтнической и межконфессиональной обстановки, снижения уровня жизни населения;

– деятельности иностранных спецслужб, в том числе через «дочерние» организации («правозащитные» центры и др.) [6: с. 5] и т.д.

С учетом системного подхода развитие событий на всех уровнях – межгосударственном, федеральном (межведомственном), региональном и местном – должно происходить не последовательно, а параллельно, т.е. одновременно.

Межгосударственный уровень обеспечивает, прежде всего, координацию усилий ФСБ России с органами (войсками) пограничной охраны сопредельных государств, зарубежными дипломатическими представительствами и консульствами, иммиграционными и таможенными службами, заинтересованными международными организациями. На данном уровне происходит организация и планирование, а также практическое решение задач совместной охраны внешних границ СНГ пограничными органами и пограничными войсками.

Федеральный (межведомственный) уровень нацелен на согласование деятельности ФСБ России с другими министерствами, ведомствами, комитетами России на всех приграничных территориях.

Региональный уровень обеспечивает взаимосогласование действий региональных управлений ПС ФСБ России (групп войск) с органами власти субъектов РФ.

Местный уровень координации позволяет согласовывать действия частей и подразделений органов Пограничной службы ФСБ России с государственными органами на местах, а также с юридическими и физическими лицами.

Вследствие этого решение задачи предупреждения и парирования внешних угроз интересам и безопасности Российской Федерации в пограничном пространстве предполагает наличие ряда последовательных шагов [2: с. 76–77]:

– понимания военно-стратегических, политических, экономических, этнических, демографических, религиозных и других интересов России в пограничном пространстве с учетом региональной специфики;

– учета геополитического положения региона;

– конкретизации внешних угроз пограничной безопасности и упреждающего развития мер противодействия;

– классификации внешних угроз, для нейтрализации которых достаточно местных ресурсов и для борьбы с которыми потребуется привлечение федеральных ресурсов;

– выяснения наличия вероятных внешних угроз, которые не могут быть предупреждены профилактическими мероприятиями;

– постановки конкретных задач всем субъектам пограничной политики региона, обеспечения комплексного взаимодействия;

– постоянного мониторинга угрожающих факторов с прогнозом развития событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голунов, С.* Безопасность пограничных пространств [Электронный ресурс] / С. Голунов // Международные процессы. – Режим доступа: http://www.intertrends.ru/fourteen/003 (дата обращения: 04.04.2011).

2. Взаимосвязь между пограничной политикой и угрозами безопасности страны в пограничном пространстве / М.Л. Гришин [и др.] // Проблемы пограничной политики государства и пути их решения : монография. М. : БДУ-пресс, 2001. – С. 76–77.

3. Основы Пограничной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http//ps.fsb.ru/general/info/details.htm (дата обращения: 18.10.2010).

4. Основы пограничной политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 окт. 1996 г. № Пр-1987 // Сборник нормативных правовых актов. Вып. VII. Безопасность, оборона, государственная граница. – М., 1998. – С. 126–127.

5. *Чеканов, В.Е.* Правовые основы пограничной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : материалы науч.-практ. конф. Московского военного института ФПС РФ / В.Е. Чеканов. – Режим доступа: http://voenprav.ru/doc-3464-1.htm (дата обращения: 17.10.2015).

6. *Щербаков, А.Н.* Пограничная безопасность – важнейшая составляющая часть безопасности России и Граница России / А.Н. Щербаков. – М., 1999.

«КУЛЬТУРНЫЙ КОД» И СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ В РОССИИ

Д.А. Цыплаков

Цыплаков Дмитрий Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Философского факультета Новосибирского государственного университета.

Контактный адрес: tsypl@ngs.ru

В статье предложен анализ изменения в процессах формирования национального самосознания в России XX в. Национальное самосознание непрямым образом связано с самоидентификацией. Посредствующим звеном между национальной самоидентификацией и самосознанием являются ценности. Именно под ними можно понимать распространенное в публицистике понятие «национальный культурный код».

Ключевые слова: национальное самосознание, самоидентификация, «культурный код», ценности, секуляризация.

В последнее время в социальной публицистике стало использоваться понятие «культурный код» как некоторая категория, описывающая культурную специфику России как самобытной цивилизации [12]. Настоящая статья не ставит своей целью дать социально-философское обоснование применению этого понятия. Как и всякая метафора, в данном случае это словосочетание имеет лишь интуитивно определяемые границы, более того, разные авторы могут вкладывать в него свое собственное понимание. Если идет речь о «национальном культурном коде», то прежде всего следует начать с понятия «национальность», важнейшей характеристикой которого является национальное самосознание. «Национальный культурный код» есть, прежде всего, «национальный», т.е. такой, который принадлежит устойчивой общности людей, осознающих себя как единую нацию. А осознание этого единства и есть основа национального самосознания.

Национальное самосознание является самостоятельной частью общественного сознания и всегда было важным элементом общественной жизни. Национальное самосознание представляет собой, по утверждению Д.В. Ольшанского, «…совокупность взглядов и оценок, мнений и отношений, выражающих содержание, уровень и особенности индивидов – членов общности о своей истории, современном состоянии и будущих перспективах, а также о месте среди других общностей. Оно включает рациональные и эмоциональные компоненты, ядро национального сознания, стержень оценочных отношений и рационально-ценностных представлений, необходимых для самоопределения человека» [9: с. 309].

Другими словами, национальное самосознание есть идейная основа национального единства в совокупности чувствований и чаяний народа, определяющих общую историческую судьбу. Если на микроуровне – уровне отдельных индивидов – в обществе присутствует сознание единства народной истории и общей судьбы, связанной с определенным государствообразующим народом как лидером этнической совокупности, то можно говорить не только о наличии национального самосознания, но и о наличии сформировавшейся нации как единого социально-государственного целого. Отсутствие же национального самосознания говорит о том, что еще не началось формирование данной общности как нации либо мы наблюдаем уже распадающуюся нацию, потерявшую основу своего единства. Таким образом, национальное самосознание, на взгляд автора, представляет собой центральное явление, лежащее в основе социальной онтологии нации, и центральную составляющую «культурного кода». Это подтверждает и Б. Андерсон, который определяет нацию как «воображенное политическое сообщество» [1: с. 30]. М.Ю. Тимофеев полагает, что можно говорить даже о «семиосфере нации», где происходит репрезентация концепта нации [16]. Таким образом, когда речь идет о «национальном культурном коде», то денотат этого понятия скорее всего можно отыскать именно в «семиосфере нации», понятой как некая культурная основа, вокруг которой происходит единение нации.

Личностной основой этого единения является национальная самоидентификация, т.е. когда индивид осознает самого себя принадлежащим к определенной этнической группе и (или) нации. Наличие самоидентификации не всегда означает то, что данный индивид выступает носителем национального самосознания. Этот факт есть лишь необходимое, но не достаточное условие включенности в национальное самосознание. Самоидентификация на этническом и национальном уровне – важный этап процесса формирования личности. Но для того чтобы на основе самоидентификации сформировалось самосознание, требуется прохождение нескольких этапов в личностном развитии индивида, первым из которых и является принятие (признание) «культурных кодов» как поведенческих и ментальных стереотипов, характерных для этнической группы и нации, т.е. определенных ценностных

установок. В отличие от этнической самоидентификации языковой фактор в национальном самосознании имеет подчиненное значение, а определяющими будут идейно-аксиологические факторы.

Для процесса самоидентификации характерно наличие синкретического мировоззрения, когда в социально-мировоззренческом плане могут совмещаться противоречащие и несовместимые позиции. Так, самоидентификация индивида как мусульманина может сочетаться с употреблением алкоголя или иными проявлениями, запрещенными исламом. На уровне самоидентификации не происходит еще формирования устойчивой идейно-аксиологической составляющей. Таким образом, самоидентификация является лишь условием sine qua non, существования «культурного кода». Но самоидентификация не означает еще того, что индивид разделяет общие ценности, и вообще не означает включенности в «семиосферу нации».

Самоидентификация является важным этапом в процессе становления социальной личности, но для полноценного включения индивида в социальную жизнь требуется переход от самоидентификации к самосознанию. Процесс перехода от самоидентификации к самосознанию характеризуется формированием устойчивых мировоззренческих стереотипов, связанных с оценкой исторического пути нации, ее положения в мире. Собственно идея нации, возникшая в европейских странах, включала в себя надсословность, языковую унификацию на основе единого главного диалекта, принадлежащего доминирующему этносу, и, самое главное – на основе разделяемых в национальном сознании ценностей, базисе «культурного кода».

Таким образом, национальное самосознание как определенная совокупность идей, ценностных установок носит конкретно-исторический характер. Поэтому нет национального самосознания вне и помимо сознания принадлежности людей к конкретной социально-политической общности. Самоидентификационное ощущение принадлежности человека к социальной общности через ряд посредствующих стадий становится ощущением этнической принадлежности, а на некотором этапе – и национальным самосознанием. Исходя из вышесказанного национальное самосознание может быть определено как принадлежность к данной общности, через признание ее языка родным, через единство культуры, через осознание общности интересов и приверженность к определенным разделяемым в этой общности ценностям.

Как можно очертить структуру национального самосознания? С.М. Арутюнян [2] представил ее как единство осознания национальной принадлежности, приверженность к национальным ценностям, стремление к государственной самостоятельности. Национальность, будучи одной из существенных характеристик духовного мира человека, его психологического склада, формируется в конкретной социально-этнической среде.

Часто понятия «национальное самосознание» и «самоидентификация» смешиваются. Так, З. Кадиев и Н. Гасанов [6] писали, что человек является по своей национальности тем, кем он себя чувствует. И, по их утверждению, совершенно неважно, от кого он родился и какие внешние черты унаследовал. Этнический украинец, сформированный в русской, белорусской или эстонской среде, в действительности является русским, белорусом или эстонцем. И наоборот, человек, в силу обстоятельств сменивший этническую среду и ассимилировавшийся в ней, фактически меняет свою национальность. Здесь важно только одно: его собственное национальное самосознание. Это звучит очень политкорректно и во многом верно, но терминологически требует уточнения. Ассимилированность в определенной среде и «самочувствие» не всегда совпадают. Иногда человек чувствует себя принадлежащим к определенной национальности, но не является включенным в эту систему ценностей; а часто бывает, что человек включен в среду, но его самоидентификация ей не соответствует.

В связи с этим возникают вопросы: как проходит генезис национального самосознания, какую роль в этом процессе играют ценностные факторы и в особенности религиозный фактор? Поскольку религия в обществе приобретает черты социального явления, объединяя людей в религиозные общины, то непременной чертой такого объединения становится религиозное самосознание не только как формальная принадлежность к определенной конфессии, но и как осознание целе- и смысложизненных императивов, нравственных устоев, ценностных ориентиров. В становлении национального самосознания важную роль играет фактор религиозный, который отвечает за формирование базовых ценностей нации. Но этот фактор в разные эпохи продуцировался неодинаково.

Прежде всего, «национальное» как философскую категорию нужно отличать от «этнического». Если этническая принадлежность определяется в первую очередь языком, то национальная принадлежность включает в себя принадлежность этническую, одновременно предполагая нечто большее: осознание общности исторической и политической судьбы с обществом и государством. Таким образом, национальное самосознание – это духовная общественно развитая форма самоидентификации, которая фиксирует черты и свойства исторически определенного субъекта, его исторического творчества, его отношения к государству и обществу, в рамках которых протекает его жизнедеятельность.

Уточнив таким образом понятие национального самосознания и его связь с аксиологией, можно обратиться к проблеме формирования национального самосознания в России в XX в. Истоки этих процессов лежат в дореволюционной истории России.

Процессы формирования национального самосознания в дореволюционной России имели существенную специфику по сравнению с западно-европейскими. Национальное самосознание, процесс формирования которого шел еще в XIX в., было связано с религиозным самосознанием. Присоединение Украины и Белоруссии к России, обусловленное единством православной веры, создало предпосылки к формированию единой русской нации (великороссы, малороссы и белорусы). Религиозное единство создавало благоприятные условия для интеграции в русскую жизнь и других народностей Российской империи. Конечно, в XIX в. нельзя было сказать, что религиозное единство непременно приведет к интеграции в российскую нацию. Но народы, сохранившие свою вероисповедную самобытность, фактически не интегрировались в русский этнос. Исходя из этого примера возникает вопрос: возможен ли единый «национальный культурный код» без включенности в мировоззренческо-аксиологический аспект культуры, квинтессенцией которого является религия?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим факты недавней нашей истории. Резкий отрыв религиозного фактора от процессов формирования этнической принадлежности можно было наблюдать в начале XX в. Крах российской государственности в 1917 г. и создание советской России привели к трансформации процессов образования нации. Революция исходила из воинствующего атеизма – крайней разновидности секуляризма – для изгнания религии из публичной сферы. На место религиозных ценностей пришла социалистическая идея, которая стирала различия между национальностями, что являлось необходимым требованием социализма. Так, еще П.Н. Ткачев писал: «С повсеместным торжеством принципов социальной революции всякие племенные и национальные различия между людьми должны неминуемо исчезнуть. Принцип национальности несовместим с принципом социальной революции, и он должен быть принесен в жертву последнему. Это одно из самых элементарных требований социалистической программы…» [17]. Из этого текста явно видно стремление «проскользнуть между Сциллой и Харибдой»: «…с одной стороны, он (социалист) должен содействовать всему, что благоприятствует устранению перегородок, разделяющих народы, всему, что сглаживает и ослабляет национальные особенности; с другой – он должен самым энергическим образом противодействовать всему, что усиливает и развивает эти особенности» [17]. В то же время автор отмечал, что социалист не должен оскорблять ничьего национального чувства, не давая, однако, «…раздувать его какими бы то ни было искусственными мерами» [17: с. 302–323]. Но почти сразу же реализация планов строителей нового общества столкнулась с невозможностью игнорировать национальный вопрос. В СССР попытались поставить процессы национальной самоидентификации под контроль идеологии.

Национальное самосознание в СССР целенаправленно изолировалось от влияния религиозного фактора. На первый план выдвигалось языковое и квазигосударственное единство в рамках национальных республик и автономий. В 60-е гг. XX в. был официально объявлен курс на формирование новой исторической общности – советского народа. Конечно, это не было политикой решительного уничтожения национального. Предполагалось насыщение национального сознания интернациональными чертами. Так, Большая советская энциклопедия писала о «советском народе» следующее: «Усиление интернациональных черт в национальной культуре и характере говорит не о том, что национальное якобы приносится в жертву интернациональному, а о том, что меняется, обогащается само понятие национального» [15: с. 25] Таким образом, «советский» в СССР не означало «русский», а означало «интернациональный». Как заявил Н.С. Хрущев: «В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, – советский народ» [20: с. 153]. При этом русская культура продолжала рассматриваться как основа интернационализации советского социума.

Единственной общей чертой «советского народа» было владение русским языком, который был признан общегосударственным. Но элиминация национальных языков и элементов национальной культуры нигде не декларировалась. Это позволило протянуть тоненькую «нитку» «культурного кода» через советскую культуру, осуществляемую на территории РСФСР. Какую роль в нем играл и играет религиозный фактор?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть роль религии в самоидентификации нации. Можно без труда констатировать, что в самоидентификации религиозный фактор сохранился. Русские по-прежнему идентифицируют себя как православных. Это показали и социологические опросы, проведенные ВЦИОМом [14], Левада-Центром [7], ФОМом [13], и события, связанные с прибытием Пояса Богородицы в Россию в ноябре 2011 г. По этим исследованиям и по наблюдениям за столицей в ноябре 2011 г. можно с уверенностью сказать, что у многих (от 56 % в 2000 г. до 76 % в

2010 г.) граждан присутствует определенная религиозная самоидентификация (я – православный). Но можно ли сказать, что бóльшая часть населения России имеет сформированное религиозное самосознание, сообразное православной картине мира с богатым и неповторимым набором ценностей? Ответ очевиден – нет. Ведь чтобы пройти путь от самоидентификации до самосознания, необходимо преодолеть рубежи признания ценностей и их практического усвоения. Заметим, что в данном случае православная самоидентификация является лишь их «ярлычком» и реально не формирует ценностных установок личности.

Тем не менее это не означает четких религиозных границ самоидентификации: среди русских, принявших ислам, популярно сочинение Али-Вячеслава Полосина «Манифест Новой России: Третий путь – прямой!» [10]. В этой брошюре говорится о том, что ислам, по мнению автора, способен вывести Россию из кризиса и сделать сильной преуспевающей страной. В молодежной среде определенную поддержку получили новые квазирелигиозные движения неоязыческого и националистического толка [8]. Кроме того, многие русские (т.е. идентифицирующие себя как русских) являются убежденными атеистами.

Вместе с тем пример татар, устойчиво ассоциирующих себя с исламом, показывает, что религиозный фактор по-прежнему остается значимым для национальной самоидентификации. Так, татары, принявшие христианство, были фактически вытеснены из татарского этноса, образовав субэтническую группу «кряшен». Нынешняя ситуация постсоветского размывания национальной самоидентификации делает влияние религиозного фактора на формирование национального самосознания двойственным. С одной стороны, религиозный фактор остается важным при национальной самоидентификации, но с другой стороны, в области национальных ценностей его влияние минимально.

Итак, следует констатировать, что религиозный фактор является одним из важнейших в формировании национального самосознания. Именно он лежит в основе бытования в обществе «национального культурного кода». Это не значит, что человек для того, чтобы быть русским, непременно должен быть религиозным и исповедовать православную веру. История знает много примеров, когда татары, латыши, остзейские немцы, евреи были подлинными патриотами России и оставляли глубокий след в истории и культуре России, не будучи православными (достаточно вспомнить несколько имен: К. Барклай де-Толли, И. Левитан, О. Мандельштам и др.) [4]. Но это значит, что для того, чтобы быть по настоящему русским, нужно разделять глубинные ценности православного мировоззрения: жертвенное служение Родине, чувство долга, любовь к ближним. Если же религиозный фактор исключен из «культурного кода» или этот фактор становится лишь способом самоидентификации, не формируя реально ценностных установок личности, является лишь «ярлычком», «этикеткой», то в таком случае он не формирует положительных черт национального характера, а служит лишь оправданием деструктивных действий, делинквентного поведения. Если религиозная принадлежность служит лишь для идентификации по принципу «свой – чужой», то она может стать причиной разделений и конфликтов на национальной почве. Для правильного формирования национального самосознания нужно не исключать из этого процесса религиозный фактор, а использовать его для формирования подлинных нравственных ценностей. Эти ценности невозможно сформировать в рамках мировоззренческого безразличия и индифферентности. Только если в жизни человека есть нечто подлинно ценное, он научится уважать ценности других людей и народов. Толерантность должна формироваться на основе жизненно переживаемых нравственных оснований, а не на основе ценностного нигилизма. Такие нравственные основания могут быть сформированы при глубоком изучении ценностных оснований традиционных для России религий, перечисленных в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» [18], прежде всего православного христианства, а также ислама, буддизма, иудаизма в их исторически оправдавших себя формах.

Важной проблемой, на наш взгляд, является то, что религия становится для нашей молодежи именно «ярлычковым» фактором формирования национального самосознания и не становится «культурным кодом». По данным социологического исследования Социологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, проведенного в 2008 г., верующими себя считают 71,2 % молодежи в России [3]. Из них каждый второй себя назвал православным или христианином, 4,9 % респондентов отнесли себя к мусульманам, другие религии исповедуют лишь 1 % молодежи. Но при этом всего 3,5 % молодежи соблюдают посты, 9,4 % респондентов причащаются и исповедуются не менее одного раза в год. Эти исследования подтверждаются опросом, проведенным в НГТУ на факультете гуманитарного образования в феврале 2011 г.

Почему же современная российская молодежь в большинстве своем называет себя православной, хотя чаще всего не придерживается религиозных ценностей? Идентифицируя себя русским, молодой человек считает себя православным, так как отечественная история не мыслится в отрыве от право-

славия, православной культуры. Православная традиция воспринимается как некое наследие прошлого. Но, к сожалению, не всегда молодые люди, идентифицируя себя православными, придерживаются религиозных ценностей и нравственных норм.

Самоидентификация тесно связана с мировоззрением, а мировоззрение включает в себя моральные ценности как часть «культурного кода». Одной из наиболее значимых мотиваций выполнения моральных норм или соблюдения взятых на себя обязательств является именно сохранение своего идентификационного статуса [19]. Отсутствие же ценностной составляющей в самоидентификации позволяет молодежи не связывать себя моральными нормами или обязательствами. Ведь религиозная самоидентификация задает только направленность развития через определенную систему ценностей [4], но само принятие этих ценностей зависит от самого индивида. Примером может служить повсеместное явление в России, когда молодые люди в период весенней или зимней сессии с завидным постоянством ходят в храм, молятся, ставят свечи (в южных регионах – заходят в мечеть или дацан). Это для них не только подтверждение своего идентификационного статуса, но и признание определенных ценностей и мотиваций. Но как только последний экзамен сдан, студент находится перед мировоззренческой дилеммой: поступать впоследствии в соответствии с православными ценностями (или ценностями других традиционных религий) либо жить одним днем. И здесь очень часто религиозная мотивация заканчивается. А ведь уже имеются неоднократные примеры, когда поверхностная религиозность трансформируется в маргинальную религиозность под влиянием тоталитарных сект или экстремистских организаций (см., напр., «дело Рыно-Скачевского» [5]).

Причины этого следует искать в том, что религиозность – весьма сложное и непростое явление. Так, Александр Владимирович Посадский, анализируя религиозную жизнь студенческой молодежи в России, говорит: «Поиск религиозных смыслов молодыми россиянами часто противоречив и непоследователен. Их восприятие религиозного мира подчас характеризуется синкретизмом и эклектикой. Тем не менее, встречающаяся фрагментарность религиозного мышления, отсутствие логической согласованности его элементов никоим образом не способны заслонить искренности и глубины духовного поиска. Этот поиск предельно индивидуализирован, связан с самостоятельным и творческим конструированием религиозной картины мира» [11]. Таким образом, в условиях мировоззренческого плюрализма и «ярмарки религиозности» молодежи бывает непросто прийти к подлинно гуманистической основе традиционных религий, так как эта основа связана с нравственным самоконтролем, ответственностью и определенными обязательствами по отношению к окружающим людям, обществу и Отечеству. Нередко традиционные религии не занимаются «религиозным маркетингом», в то время как экстремистские организации и тоталитарные секты оборачивают свой «продукт» в привлекательную упаковку, обещая решение всех жизненных и мировоззренческих проблем «здесь и сейчас». Это и создает реальную опасность в области межэтнических конфликтов. Этническое самосознание, лишенное ценностно-религиозной компоненты, несет в себе угрозу радикализма.

Наличие религиозной компоненты в самоидентификации очевидно, но одновременно очевидно, что современная эпоха породила глубинные искажения в национальном самосознании, поразившие его ценностную составляющую. На наш взгляд, «национальный культурный код» в его ценностно-религиозной компоненте прежде всего должен быть связан с принятием и реализацией в практической деятельности традиционных нравственных принципов. Секуляризационные процессы в области формирования национального самосознания разрушили «культурный код» нации. Необходимо, чтобы формирование национального самосознания сопровождалось принятием традиционных религиозных и гуманистических ценностей. Только тогда этот процесс станет созидательным и послужит укреплению единства России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.

2. *Арутюнян, С.М.* Нация и ее психический склад / С.М. Арутюнян. – Краснодар: [б. и.], 1966. – 271 с.

3. Большинство российской молодежи верит в Бога – опрос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=27897 (дата обращения: 10.04.2012).

4. *Данилова, В.Е.* Культурная идентичность немцев России в XVIII – н. XX вв. / В.Е. Данилова // Общественные науки. – 2010. – № 4. – С. 257–264.

5. Десять лет за ненависть. Лидеры бандитской группировки осуждены повторно [Электронный ресурс] // Рос. газ. – 2010. – 9 апр. – № 5154 (75). – Режим доступа: http://www.rg.ru/2010/04/08/skinheads-site.html (дата обращения: 10.04.2012).

6. *Кадиев, З.* Вновь о пятом пункте / З. Кадиев, Н. Гасанов // Собеседник. – 1990. – № 20. – С. 3.

7. Какую религию Вы исповедуете? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.levada.ru/archive/religiya/kakuyu-religiyu-vy-ispoveduete (дата обращения: 10.04.2012).

8. *Кирчанов, М.В.* История и воображение (славянский миф и национализм) [Электронный ресурс] / М.В. Кирчанов // История и национализм. Мифологические версии прошлого. – Воронеж, 2011. – 55 с. – Режим доступа: http://ejournals.pp.net.ua (дата обращения: 25.01.2012).

9. *Ольшанский, Д.В.* Основы политической психологии / Д.В. Ольшанский. – Екатеринбург : Деловая кн., 2001. – 496 с.

10. *Полосин, А.* Манифест Новой России: Третий путь – прямой / А. Полосин. – М. : Ладомир, 2001. – 32 с.

11. *Посадский, А.В.* Религиозная жизнь студенческой молодежи России в контексте современных зарубежных исследований и стратегические перспективы развития духовного просвещения в России [Электронный ресурс] / А.В. Посадский. – Режим доступа: http://www.pokrov-forum.ru/science/prav_phil_kult/statia/molodej_rossii-s11.php (дата обращения: 10.04.2012).

12. *Путин, В.* Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] / В. Путин. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 10.04.2012).

13. Религиозная идентичность и воцерковленность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/d081623 (дата обращения: 10.04.2012).

14. Роль церкви в жизни России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=557&q_id=40097&date=31.08.2008 (дата обращения: 10.04.2012).

15. Советский народ // Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 24. – М., 1976. – 608 с.

16. *Тимофеев, М.Ю.* Нациосфера: Опыт анализа семиосферы наций / М.Ю. Тимофеев. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. – 279 с.

17. *Ткачев, П.Н.* Революция и принцип национальности. По поводу «Записок южно-русского социалиста» / П.Н. Ткачев // Сочинения. Т. 2. – М. : Мысль, 1976. – С. 302–323.

18. О свободе совести и о религиозных объединениях [Электронный ресурс] : федер. закон : [принят Гос. Думой 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ]. – Режим доступа : http://www.legis.ru/misc/doc/840/ (дата обращения: 25.01.2012).

19. *Щербаков, М.А.* Модель уровней самоидентификации личности [Электронный ресурс] / М.А. Щербаков. – Режим доступа: http://www.ipd.ru/articles/ident_article.shtml (дата обращения: 25.01.2012).

20. XXII съезд КПСС: стеногр. отчет. Т. 1. – М. : Политиздат, 1962. – 608 с.

ЯСАЧНАЯ ПОЛИТИКА В ПРИОХОТЬЕ: ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА

Г.Т. Титорева

Титорева Галина Теодоровна – кандидат искусствоведения, заведующий научно-исследовательским сектором этнографии Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова.

Контактный адрес: mazo2005@mail.ru

В статье рассмотрены история ведения ясачной политики Российского государства в Приохотье в XVII – нач. XX в., круг проблем, связанных с хозяйственно-экономическим освоением этой территории. Обозначены особенности процесса объясачивания эвенов (ламутов) – одного из коренных народов дальневосточного региона. Отмечается политическая и экономическая значимость освоения Восточной Сибири и побережья Охотского моря для России.

***Ключевые слова*:** ясак, эвены, коренные малочисленные народы Севера, Приохотье.

Проблемы ясачной политики Российского государства в той или иной мере затрагивались многими исследователями истории Сибири XVII в. и ее дальневосточных окраин. Однако в большей степени эти исследования касались территорий Западной и Восточной Сибири, чему способствовало обнародование материалов фондов Сибирского приказа, начало которому положил С.В. Бахрушин в 1920-е гг. [2]. Наименее исследованным с исторической и этнографической точек зрения районом дальневосточного региона остается Приохотье, где проживают преимущественно эвены (ламуты), эвенки (тунгусы), коряки.

В настоящей работе предпринята попытка проследить историю ведения ясачной политики российского государства среди одного из коренных народов Охотского побережья – эвенов, в первую очередь южной их группы, населяющей территорию современного Охотского района Хабаровского края.

Сбор ясака с коренных жителей Охотского побережья начался в XVII в. с приходом на эти земли отрядов казаков. До появления русских землепроходцев эта территория не принадлежала какому-либо государству, и населявшие ее этносы жили традиционным укладом, никому не подчиняясь. В отличие от сибирских народов, имевших опыт податных платежей еще до присоединения к России [2: с. 50–51], коренное население дальневосточного региона, в том числе и Приохотья, не знало налогового бремени и, естественно, восприняло его внедрение негативно.

К приходу русских большинство эвенов было сосредоточено на Охотском побережье и занимало обширную территорию от р. Ульи на юго-западе до р. Тауй на северо-востоке. Всего здесь было зафиксировано более сорока кровных родов, большая часть которых принадлежала к «пешим» (оседлым) ламутам [21: с. 155]. Первый ясак с них собрали участники экспедиции Ивана Москвитина, основавшие в 1639 г. в устье р. Ульи первое в Приохотье «зимовье с острожком» [20: с. 44]. «А по той де реки по Ульи живут те тунгусы[1] 4-е роды: килары, долганы, горбыканы, бояшенцы, а тех де родов людей у них много <...>. А на той де реки на Улье соболя и иного всякого зверя у них много» [14: с. 139]. За 2 года, которые отряд Ивана Москвитина провел среди охотских тунгусов, им было собрано 440 соболей ясака. Ламуты оказали русским отчаянное сопротивление. В отписках того времени имеется детальное повествование о кровопролитных сражениях за первый собранный Москвитиным ясак и о неудачном опыте использования заложников из числа местных народов [14: с. 447]. Вернулся отряд Москвитина в Якутск в 1641 г. [6: с. 519].

На протяжении всего XVII в. шло исследование охотских земель с целью поиска новых подданных. Участники походов составляли «росписи» с подробным описанием неизвестных территорий и рек Охотского побережья и расселения по этим рекам тунгусских родов. Эти сведения служили основанием для планового обложения ясаком населения Приохотья [20: с. 441].

В 1644–1645 гг. на Улье зимовал отряд В. Пояркова, который собрал «17 соболей да семеры наполники собольи да семь пластин собольих же» [19: с. 11]. В 1646 г. из Якутска на Охотское море был послан десятник Семен Шелковник с отрядом из 40 человек. Собранная ими ясачная казна в сопровождении отряда из 21 человека была отправлена в Якутск в 1651 г. [6: с. 519]. В 1648 г. отряд якутских служилых людей во главе с Иваном Афанасьевым, собиравший ясак на р. Охоте, морем дошли до р. Мотыхлей, где обнаружили «…тунгусов розных родов больши пятисот человек. И они де, служилые люди, с теми тунгусами бились и одолеть де их не могли, потому что место многолюдно, а служилых людей немного» [14: с. 298]. В 1652 г. ясачный сборщик Семен Епишев, побывавший в северном Приохотье, докладывал, что и «…за Охотою рекою по блиску на иных реках и подле море … неясачных тунгусов многих родов больши 5000 человек» [14: с. 300]. В 1653 г. в Тоуйск прибыл отряд Михаила Стадухина. Он прожил в устье Тоуя до 1657 г. и тоже собирал здесь ясак.

[1] Эвенов (ламутов) вплоть до 1930-х гг. часто называли тунгусами.

В отписках этого периода сообщается о больших запасах моржового клыка, имеющихся на севере Охотского побережья. В последствии этот ценный материал стал приниматься сборщиками ясака и закупаться для отправки в столицу [14: с. 298, 301].

Походы сборщиков ясака по труднопроходимым, малонаселенным охотским землям были сопряжены с большими трудностями и лишениями. Так, в 1654 г. боярский сын Андрей Булыгин был отправлен «…з государевыми служилыми людьми на государеву дальную службу на Ламу на Большое море акиян, на Улью, и на Охоту, и на Нию (Иню. – *Г.Т.*), и на Мотыхлей реки для государева <…> ясачново и поминочново соболиного збору и для прииску и приводу под государеву царскую высокую руку неясачных немирных иноземцев, тынгусов» [14: с. 303]. В устье р. Урак их суда «…морем разбило, и государево жалованье хлебные запасы и свинцы, и порохи – казачьи оклады все притонуло, и сами одва не погибли…» (Там же). С трудом добравшись в июне 1654 г. на р. Охоту, А. Булыгин поставил острог и в январе 1655 г. отправился уже зимним путем на нартах «на неясачных людей на Улбей и на Нию, где бы государю прибыль учинить» (Там же). В результате в марте в Якутский острог из Охотска было отправлено «6 сороков 24 соболя да лисицу чернобурую вешную, да лисицу сиводушную, да наполник соболей, а в нем 5 пластин…» [14: с. 303–304].

Первоначально размер ясака в Приохотье не был определен, поскольку не существовало списков ясачных подданных. Неокладный налог взимали по возможности плательщика «…смотря по их мочи, кому что мошно давать» [14: с. 237]. В 1651–1652 гг. пешие охотские тунгусы Мунелагирского рода заплатили сборщику Семену Епишеву по соболю с человека, в то время как другие рода вносили по три соболя с человека. В 1675–1676 гг. в Охотске значилось 1172 ясачных плательщика с окладом 2389 соболей в год, т.е. в среднем с каждого взыскивалось по два соболя [5: с. 34]. Я. Линденау, побывавший в Приохотье в первой половине XVIII в., писал, что с пеших ламутов «брали 5, 10 или больше соболей» [9: с. 54].

В качестве плательщика выступал родовой князец, который сам собирал подать со своих сородичей и передавал ее ясачным сборщикам; его имя вносилось в ясачные книги. Став посредником между представителями государственной власти и сородичами, князцы укрепляли свое положение в сообществе и усиливали влияние в нем [7: с. 64]. Князцов, прилежно вносящих ясак, жаловали «малыми подарками: красными сукнами, прониками, иглами, оловцом» [16: с. 142].

Для сбора ясака строились зимовья и остроги. В Приохотье, кроме упомянутого Усть-Ульинского зимовья, были сооружены Охотский острог (1647), Тауйское, или Мотыхлейское, зимовье (1648), ставшее в 1653 г. острогом, Гижигинский острог (1651); на юго-западном берегу Охотского моря было поставлено Тугурское зимовье (1652) и Удской острог (1679) [18: с. 26, 50–51; 1: с. 16]. Оленные охотские эвены платили ясак также в Верхнемайском и Зашиверском острожках [6: с. 520; 21: с. 158].

Сдача пушнины происходила не только в зимовьях и острогах, чаще всего сборщики выезжали в места традиционных собраний оленеводов (ярмарок), происходивших ранней весной, перед началом отела оленей. В XVIII–XIX вв., после принятия большинством коренных народов православия, когда в местах кочевий были построены часовни и церкви, сбор ясака был приурочен к большим православным праздникам и происходил на территории церковных учреждений. Особенно почитаемым у кочевников был день Св. Николая, 6 декабря, когда «…князьцы всех наслегов и многие из народа собираются … для отдачи ясака и решения тех дел, коих миролюбиво они окончать не могли» [8: с.18].

Для обеспечения гарантированной уплаты налога кочевыми родами, которые постоянно перемещались в труднодоступных горно-таежных районах Приохотья и легко могли избежать встречи со сборщиками ясака, власти применяли систему аманатства, известную многим ясачным народам [4: с. 121]. Аманатов не брали только от «пеших» (оседлых) родов. В аманаты забирали «лутчих людей» рода, чаще всего кого-то из родственников князца. Жили они в острогах в «аманатских избах». Для них специально заготавливали этническую пищу, в частности юколу (сушеную рыбу) [18: с. 25]. В 1675–1676 гг. в Охотском остроге от 1172 ясачных людей содержалось 70 аманатов. Среди заложников были и женщины (ясырки). Родственники могли выкупить ясырку за 40–50 соболей. Если род аманата длительное время не выплачивал ясак, заложника могли казнить [5: с. 35]. Известны случаи, когда аманатам удавалось бежать из плена.

Приведение охотских эвенов «под высокую государеву руку» длилось около 25 лет и часто сопровождалось кровопролитными столкновениями. Отписки того времени свидетельствуют о большой жестокости казаков в отношении инородцев, которые отвечали пришельцам тем же. Ламуты были хорошо вооружены, они имели ружья, луки, стрелы, рогатины, куяки и шишаки костяные [19: с. 12]. С 1647 по 1651 г. охотский гарнизон находился в осаде, а в 1653 г. ламуты его сожгли. С 1654 по 1660 г. бои между служилыми людьми и «немирными инородцами» происходили регулярно [5: с. 27]. Неоднократно ламуты нападали на ясачные обозы и отнимали «государеву казну» [5: с. 36]. Сопротивление местного населения не позволяло получить большую дань, поэтому в

1651–1652 гг., несмотря на многочисленность охотских эвенов, с них было собрано всего 5 сороков 30 соболей [5: с. 27]. Большие недоимки возникали в конце XVII в. и вследствие эпидемий оспы, уносящих жизни сотен местных жителей, особенно пеших, оседлых, групп. Наиболее сильный мор принесла эпидемия 1657–1659 гг., а в 1659–1660 гг. в районе Охотского острожка погибло около половины населения, в том числе более 200 ясачных плательщиков [5: с. 28].

Относительно полно охотские тунгусы были объясачены к 1665 г. [6: с. 520], а к концу XVII в. завершилась разработка всей системы ясачного обложения в России. Были составлены списки жителей стойбищ и кочевников, приписанных к зимовьям и острогам, на основе которых определялся индивидуальный оклад ясака; он оставался неизменным до следующей переписи населения и назывался «окладным». Ясачному обложению подлежали мужчины от 18 до 50 лет. В случае немощи или болезни ясачного плательщика за него должны были платить родственники, а если он умирал, его оклад передавался по наследству вместе с имуществом. Кроме ясака, местные жители должны были подносить подарки (поминки) – государевы, воеводские и дьячьи [2: с. 60]. Включение человека в окладные списки и получение от него подати означало принятие им подданства Российского государства.

Весь ясак из Охотска доставлялся в Якутское воеводство, где располагался ясачный стол Якутской приказной избы, а оттуда в Москву, в Сибирский приказ. С 1763 г., после упразднения Сибирского приказа, мягкая рухлядь стала поступать в Кабинет Его Величества.

В середине XVII в. группа охотских эвенов насчитывала 1300–1320 взрослых мужчин, с зашиверскими и колымскими – около 1550, а всего населения около 6000 человек [5: с. 27]. По данным ясачной книги 1668 г., в Охотский острог к ясачному платежу явилось 1163 человека [6: с. 530]. К концу XVII в. численность эвенов в Приохотье, в том числе и плательщиков ясака, значительно уменьшилась (табл. 1). В конце 1680-х гг. всего насчитывалось около 5500 человек, а после эпидемии оспы 1690/1691 гг. количество ясачных плательщиков уменьшилось вдвое и на конец XVII в. группу охотских эвенов составляло около 4000 человек обоего пола [5: с. 38–39].

Наиболее полным из известных списков родов охотских и тауйских тунгусов является список 1678 г. [22: л. 1–61]. В эти годы численность плательщиков ясака Охотского острога достигла максимума [6: с. 522].

В Приохотье, как и в Восточной Сибири, ясак собирался пушниной (мелкой рухлядью), которая служила в этот период основным предметом русского экспорта и валютным источником [17: с. 7]. Исчислялся ясак преимущественно в соболях, принимались также шкуры лисиц, горностая, рыси. Размер оклада зависел от размера и характера охотничьих угодий, направления хозяйственной деятельности. Во внимание принималось удобство торговых путей, число работников и добровольное согласие родового управления и родовичей [15: л. 3].

Таблица 1

Численность ясачных тунгусов Охотского острога во 2-й половине XVII – начале XVIII в. [6: с. 521]

Год	Числилось	Явилось	Новиков	Сошло	Умерло
1668	1163	1163	–	–	–
1669	1163	1055	18	71	35
1672	1093	1040	49	53	18
1673	1122	1029	47	93	–
1678	1152	–	–	–	–
1679	1152	798	1	354	–
1681	1146	953	13	186	7
1682	1153	1000	9	114	40
1685	1111	1028	10	75	8
1686	1113	1033	14	75	5
1687	1122	1058	1	62	2
1688	1120	1017	5	99	4
1691	946	828	5	103	25
1692	926	–	–	–	–
1693	926	439	–	421	66
1694	666	313	4	314	39
1695	630	355	7	275	–
1697	640	396	12	166	88
1699	586	326	27	260	–
1700	613	408	9	205	–
1701	622	439	20	182	1
1702	642	439	15	203	–
1703	657	443	56	214	–
1705	713	470	11	242	1
1706	724	484	1	239	1
1708	727	485	–	241	1
1710	727	494	3	232	1
1712	727	494	7	232	1

«Пешие» ламуты, жившие на побережье Охотского моря и занимающиеся главным образом рыболовством и морским зверобойным промыслом, тоже платили ясак пушниной, которую вынуждены были выменивать у таежных оленеводов, промышлявших соболя (табл. 2).

Сложности с добычей пушнины, большие недоимки, зависимость сбора ясака от природных условий («недород зверя», пожары и пр.) привели к решению в 1727 г. разрешить замену пушного оклада денежным эквивалентом, однако вскоре уплата ясака деньгами была признана для казны убыточной и в 1739 г. вышла резолюция Кабинета министров соби-

рать ясак соболями, «…а чего соболями не достанет, то добирать другой мягкой рухлядью, а в таких местах, где подлинно соболей и другой мягкой рухляди сыскать невозможно, то брать деньгами по три рубля за соболя» [23: с. 840]. За одного соболя засчитывали волка, лисицу, выдру, рысь, росомаху и десять белок [7: с. 65]. В исключительных случаях ясачный оклад мог служить платой за услуги, оказываемые тунгусами русским экспедициям. Так, в 1740 г. В. Вальтон, проводивший описание р. Ульи, за ясак нанял четырех проводников, рассчитав стоимость их работы следующим образом: «…шаман – соболь ценою в 2 рубли в 50 копеек, Дабгаман – лисица красная, Качаман – лисица ж красная ценою по рублю, Улякан – соболь в 4 рубли в 50 копеек, итого их ясаку на 9 рублев» [16: с. 209].

Таблица 2

Количество ясака, собранного в Охотском остроге во 2-й половине XVII в.
[6: с. 492–493]

Год	Плательщики ясака		Ясак	
	Числилось	Уплачено	Оклад	Явилось
1656	200	160	677(2)*	844(5)
1662	181	192	1104	1209
1673	1122 (далее с Тауйским)	1076	2341	1767(9)
1685	1111	1038	2221	786(4)
1695	630	362	1779(1)	247(188)
1700	613	417	1687(19)	339(129)
1708	727	485	1807(59)	530(147)

* В скобках указано количество лисиц.

Если у таежников после уплаты ясака оставалась пушнина, они могли продать ее сборщикам, а те, в свою очередь, обязаны были сдать ее в казну вместе с ясаком и поминками и внести в те же ясачные книги [14: с. 238]. Служилые люди и сборщики ясака, пользуясь удаленностью Приохотья и отсутствием надзора, часто злоупотребляли своей властью: присваивали лучшую пушнину, произвольно определяли стоимость ясака, запрещали замену окладных зверей, применяли грубую силу в общении с местным населением. Несмотря на официальные рекомендации «…обид и налог ясашным иноземцам не чинить под опасением штрафа» [16: с. 206], государственные органы поощряли сборщиков, повышающих объем собранного ясака, тем самым поддерживая жесткие меры в отношении ясачного населения.

Многочисленные жалобы плательщиков ясака и снижение сборов заставили правительство в 1763 г. упорядочить систему ясачного обложения. Была проведена генеральная перепись инородцев, каждый род «…был обложен или определенным родом зверя, раз навсегда оцененным, или деньгами, или тем и другим вместе» [23: с. 840]. На случай неулова окладных зверей разрешено было заменять их другой пушниной или деньгами по справочным ценам.

По переписи ясачных комиссий Камчатки, Охотского и Гижигинского уездов в 1763 г. в Охотском уезде числилось 1989 тунгусов. Согласно окладным книгам они вносили в ясак 412 $^{1}/_{2}$ шт. соболей, 467 $^{1}/_{2}$ шт. лисиц, 622 белки, 7 пыжиков, 2 норки, а также 13 маутов и 6 оленьих кож и деньгами 81 руб. 33 $^{1}/_{4}$ коп. Весь ясак оценивался в 2001 руб. 53 коп. Кроме тунгусов, в Охотском уезде числилось 1934 ясачных коряка, которые должны были вносить 150 лисиц и 1733 белки на сумму 3926 руб. 50 коп. и деньгами 640 руб. 8 коп., а всего на 4566 руб. 58 коп.

В Гижигинском уезде насчитывалось ламутов и коряков 1153 человека, которые платили в ясак 41 $^{1}/_{2}$ шт. соболей, 647 лисиц, 481 белку, 1 ровдугу, 25 парок, 9 маутов, 1 оленью шкуру и деньгами 4 руб. 49 $^{1}/_{2}$ коп., всего на сумму 850 руб. 19 $^{1}/_{2}$ коп. [15: л. 6].

Выработанный порядок обложения сохранялся до начала XIX в., когда был принят Устав об управлении инородцами 1822 г., по которому сибирские и северные народы были поделены на оседлых, кочевых и бродячих. Охотские ламуты были отнесены к разряду бродячих народов. К этому времени значительно изменились и численность ясачных народов, и их материальное положение, что повлекло изменение размеров и формы ясачного обложения. Кроме того, истощение пушного промысла по всей Сибири и, как следствие, – уменьшение полученной мягкой рухляди также диктовали необходимость поиска иных средств пополнения государственной казны. Образованные в 1827 г. ясачные комиссии Восточной и Западной Сибири составили для кочевых и бродячих инородцев, в том числе и охотских, новые окладные книги, соответствующие реальной демографической и экономической ситуации в регионе. Первая ясачная реформа 1827–1835 гг. узаконила денежный характер ясака [3: с. 35], однако в среде коренных жителей Приохотья деньги не получили широкого хождения и пушнина оставалась основным средством платежа.

Если по обложению 1763 г. весь ясак, собираемый с инородцев Камчатки, Охотского и Гижигинского уездов, исчислялся суммой 146 460 руб. 55 $^{5}/_{8}$ коп. (пушнина на 73 324 руб. 11 $^{1}/_{2}$ коп. и деньгами 73 136 руб. 44 $^{1}/_{8}$ коп.), то в 1835 г. суммарный оклад составил 525 162 руб. 99 $^{1}/_{4}$ коп., в том числе мягкая рухлядь на сумму 120 513 руб. 15 коп. и денежные сборы 404 649 руб. 84 $^{1}/_{4}$ коп. [15: л. 7]. Значительное увеличение размера ясака было вызвано и некоторым ростом числа податного населения, и, в первую очередь, изменением реальных цен на пушнину.

Регулятором стоимости ясачной пушнины служили цены, за которые она продавалась на мировых рынках и, главным образом, на Лондонском аукционе. Цены планировались на три года исходя из средней суммы, рассчитанной по сложившейся стоимости каждого вида пушного зверя в предыдущем «трехлетии» (табл. 3).

Перемещаясь по потребностям промысловой деятельности на огромном пространстве, кочевники, приписанные к ясачным пунктам, не соблюдали территориальных границ, что затрудняло сбор податей, особенно в XIX в., когда перестала действовать система аманатства. Известны случаи, когда группа верхоянских и колымских эвенов уходила на Охотское побережье, в места, более благоприятные для промысла, и в течение 10 и более лет не платила ясак, в то время как у основного рода росли недоимки и старостам приходилось обращаться в окружные управления с просьбами о списании долгов сородичей и внесении их в ясачные списки по новому месту жительства [11: л. 37]. В архивных фондах имеются также многочисленные документы с аналогичными просьбами самих плательщиков, желающих поменять место приписки [10; 12; 13].

Перемещения оленных ламутов были вызваны не только промысловой необходимостью, но и другими причинами, например опасностью эпидемий или особыми правилами ясачного сбора, согласно которым с временных ясачных плательщиков не требовали уплаты недоимок за предыдущие годы. С вновь объявившихся плательщиков, выходцев из других зимовий и острогов, обычно взимали только по одному соболю или лисице в год, и это значительно облегчало положение таежных кочевников [5: с. 77].

Таблица 3

Стоимость ясачной пушнины в Охотском уезде в конце XIX – начале XX в., руб. [15: л. 43–43 об.; 140–140 об.]

Название рухляди	Годы											
	1888		1889		1890		1906		1907		1908	
	б*	м	б	м	б	м	б	м	б	м	б	м
Лисица сиводушка с лапами и хвостом 1-го сорта	10	8	10	8	15	11	14	8	12	7	12	7
Она же без лап 1-го сорта	9	7	9	7	14	10	13	7	11	6	11	6
Лисица сиводушка с лапами и хвостом 2-го сорта	8	7	8	7	10–50	8–50	12	7	10	6	10	6
Она же без лап 2-го сорта	7	6	7	6	9–50	7–50	11	6	9	5	9	5
Лисица красная с лапами и хвостом 1-го сорта	6	4	6	4	5–50	4–80	8	6	8	6	7	5
Она же без лап 1-го сорта	5	3	5	3	5	4–30	7–50	5–50	7–50	6–50	6–50	4–50
Лисица красная с лапами и хвостом 2-го сорта	4	3–50	4	3–50	4–20	3–90	–	–	–	–	–	–
Она же без лап 2-го сорта	3–50	3	3–50	3	3–70	3–40	–	–	–	–	–	–
Выдра 1-го сорта	8	6–50	8	6–50	8	7	12	6	12	6	12	6
Выдра 2-го сорта	6	4	6	4	6–50	4–55	–	–	–	–	–	–
Волчья шкура 1-го сорта	6	5	6	5	5	4–50	6	4	6	4	6	4
Волчья шкура 2-го сорта	4	3–50	4	3–50	4	3–50	–	–	–	–	–	–
Медвежья шкура 1-го сорта	10	8–50	10	8–50	11	9	15	6	15	6	15	6
Медвежья шкура 2-го сорта	5	4	5	4	6	4	–	–	–	–	–	–
Песец белый	–	–	–	–	–	–	4	2–50	4	2–50	4	2–50
Белки с лапами и хвостом 1-го сорта	0–25	0–20	0–25	0–20	0–27	0–23	0–35	0–25	0–33	0–23	0–30	0–25
Белки 2-го сорта	0–18	0–15	0–18	0–15	0–21	0–16	0–32	0–22	0–30	0–20	0–25	0–20
Горностай с лапами и хвостом 1-го сорта	0–20	0–15	0–20	0–15	0–18	0–16	2–80	2	2–50	2	1–50	1
Горностай с лапами и хвостом 2-го сорта	0–15	0–13	0–15	0–13	0–16	0–14	–	–	–	–	–	–
Пыжик** черный теребленный	–	–	–	–	–	–	2	1–80	2	1–80	2	1–80
Пыжик серый	–	–	–	–	–	–	0–80	0–50	0–80	0–50	0–80	0–50
Выпороток*** черный	–	–	–	–	–	–	1	0–80	1	0–80	1	0–50
Выпороток серый	–	–	–	–	–	–	0–70	0–30	0–70	0–30	0–70	0–30

*б – наибольшая цена, м – наименьшая цена; ** шкурка олененка до 1 месяца; *** шкурка недоношенного олененка.

Таким образом, практика ясачных сборов в Приохотье проводилась в рамках государственной экономической стратегии и внутренней политики Российской империи, однако имела свои региональные особенности, связанные, в первую очередь, с удаленностью этих территорий, природными и историческими условиями, менталитетом кочевых этносов. Являясь основным инструментом в деле увеличения податного населения и пополнения государственной казны, ясак и система его сбора были частью важного исторического процесса хозяйственно-экономического освоения дальневосточных окраин и в конечном счете расширения территории государства и укрепления ее восточных границ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александров, В.А.* Россия на дальневосточных рубежах: (вторая половина XVII в.) / В.А. Александров. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. – 272 с.

2. *Бахрушин, С.В.* Ясак в Сибири в XVII в. / С.В. Бахрушин // Научные труды. Т. 3. Ч. 2. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – С. 49–85.

3. *Боякова, С.И.* Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. – 1917 г.) / С.И. Боякова. – Новосибирск : Наука, 2001.

4. *Бродников, А.А.* Сбор ясака: зависимость процесса объясачивания от потестарно-политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.) / А.А. Бродников // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 119–123.

5. *Гурвич, И.С.* Этническая история северо-востока Сибири / И.С. Гурвич. – М. : Наука, 1966. – 276 с.

6. *Долгих, Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке / Б.О. Долгих. – Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. – М., 1960. – Т. LV. – 623 с.

7. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М. : Наука, 1990. – 471 с.

8. *Кибер, А.Ф.* Краткие замечания о ламутах, тунгусах и юкагирах / А.Ф. Кибер // Сибирский вестник. – СПб. : Тип. департамента народного просвещения, 1823. – Ч. 3. – С. 13–20.

9. *Линденау, Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я.И. Линденау. – Магадан : Кн. изд-во, 1983. – 154 с.

10. Национальный архив республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 1202.

11. НА РС(Я). – Ф. 25и. – Оп. 1. – Д. 1898.

12. НА РС(Я). – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 87.

13. НА РС(Я). – Ф. 1453. – Оп. 2. – Д. 41.

14. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке (сборник документов). – М. : Гос. изд-во географ. лит., 1951. – 619 с.

15. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 1485.

16. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. – М. : Наука, 1984. – 320 с.

17. *Савченко, С.Н.* Ясачная политика царской администрации в период освоения Приамурья русскими в XVII в. / С.Н. Савченко // Записки Гродековского музея. – Хабаровск : ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2003. – Вып. 5. – С. 7–23.

18. *Сафронов, Ф.Г.* Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил / Ф.Г. Сафронов. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1988. – 192 с.

19. *Слюнин, В.Н.* Охотско-Камчатский край: Естественно-историческое описание / В.Н. Слюнин. – СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1900. – Т. 1. – 694 с.

20. *Степанов, Н.Н.* Первая русская экспедиция на Охотское побережье в XVII в. / Н.Н. Степанов // Известия Всероссийского географического общества. – 1958. – № 5. – С. 438–452.

21. *Туголуков, В.А.* Эвены / В.А. Туголуков // Этническая история народов Севера. – М. : Наука, 1982. – С. 155–167.

22. Центральный государственный архив древних актов. – Ф. 1177. – Оп. 4. – Яс. Кн. 166 г.

23. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб. : АО «Ф. А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1904. – Т. 41а. – 576 с.

КОНЦЕПТ «ДОВЕРИЕ» ПРИ АНАЛИЗЕ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИЙ

И.Ф. Ярулин

Ярулин Илдус Файзрахманович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Контактный адрес: iarulin@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы трансформации этнического состава населения Хабаровска в связи с особенностями этнической миграции в регионе, складывающимися отношениями между мигрантами и принимающим сообществом, проводится анализ роли такого элемента этносоциального взаимодействия, как доверие.

Ключевые слова: этнические общности, этническая миграция, принимающее сообщество, доверие/недоверие, межэтническая напряженность.

Неконтролируемый приток мигрантов разной этнической принадлежности с низким социальным статусом, часто не владеющих языком принимающего населения, вызывает ряд социально-психологических проблем в местах миграции и способен стать одним из факторов разжигания межэтнических конфликтов. «Новое освоение» Дальнего Востока России неизбежно приведет к привлечению иностранной рабочей силы для решения задач, связанных с реализацией программы создания территорий опережающего развития.

Миграционные процессы последнего десятилетия существенно трансформировали реальность российского общества. Как и в странах Западной Европы, столкнувшихся с иммиграционным бумом десятилетиями раньше, это обстоятельство порождает целый комплекс средне- и долгосрочных последствий – от переформатирования социально-экономической структуры и социокультурного пространства страны до деградации межэтнических отношений и появления националистического дискурса в политической повестке дня.

Возрастание масштабов иммиграции в Россию из стран ближнего и дальнего зарубежья порождает проблемы взаимной адаптации как для самих иммигрантов, так и для принимающего их населения. Анализ структуры социальных взаимодействий в системе «этнические мигранты–принимающее общество» позволяет рассматривать процессы взаимодействий в этой системе с позиций влияния на их содержание и характер различных элементов. Важным моментом в системе межэтнической коммуникации является нормативная ориентация, которая понимается как стандарт выбора, в соответствии с которым цель связывается с ситуацией. Несовпадение целей мигрантов с тем образцом, который представляется желательным для населения принимающего общества, является существенным проблемообразующим фактором в системе взаимодействий этих социальных субъектов. Отношения между этническими мигрантами и местными жителями потенциально конфликтны, так как в этих отношениях актуализируются столкновения идентификаций и интересов. Поэтому вероятностная кривая направленности межэтнических интеракций отклоняется в сторону негативных стратегий взаимодействия.

Возникает необходимость изучения и обобщения теоретического и практического опыта разрешения и предотвращения межэтнической напряженности, в частности анализа роли такого элемента этносоциального взаимодействия, как доверие.

Социальное доверие представляет собой готовность действующего субъекта вступать с «социально другим» в отношения сотрудничества и партнерства, исходя из признания «социально другого» как не представляющего социальной, культурной, этнической, физической или иной угрозы.

Во второй половине XX – начале XXI в. человечество стало свидетелем непреодолимой и необратимой силы процессов глобализации, так или иначе охвативших все сферы общественной жизни и создающих глобальную по своему масштабу систему взаимозависимости стран и народов мира. Противоречивость глобальной миграции, возникновение в научном сообществе идеи нерегулируемости миграции вследствие несостоятельности попыток управлять миграционными потоками [1], идеи приостановить или запретить иммиграцию вообще, которые находят обоснование в русле концепции «третьего демографического перехода» [2], актуализируют задачу социологического сообщества по поиску методологических оснований и разработке адекватных теоретических моделей, позволяющих анализировать качественные изменения, происходящие в миграционных процессах в условиях глобализации. Сложность и масштабность, а также новизна некоторых миграционных движений сделали предшествующие теоретические построения мало применимыми к анализу современных реалий. Рост современных межэтнических или межнациональных миграций, по мнению многих спе-

циалистов[1], является серьезным фактором вызова для мировой социальной, экономической и политической систем. Особая ситуация с этническими миграциями возникла на территории бывшего СССР после его распада и образования новых независимых государств.

Анализируя процессы и результаты миграционных потоков, исследователи[2] часто обращают внимание на свойства мигрантов, которые тем или иным образом способствуют их включению в новую культурную среду. Однако не менее важным представляется изучение факторов принимающей среды, характеристик доминирующей этнической группы для того, чтобы определить успех взаимодействия представителей различных этнических групп, а также судить о выбираемых стратегиях их взаимодействия. Немалая часть конфликтов иммигрантов и принимающего сообщества происходит от национального, этнического «высокомерия» коренных жителей города, региона, страны [3]. Практически при исследовании миграционных процессов не уделяется внимания познанию феномена недоверия и диалектики доверия и недоверия как факторов людского поведения, в частности совместного проживания старожилов и приезжих.

Принято считать, что доверие во взаимоотношениях возникает в условиях открытости неопределенности, уязвимости, отсутствия контроля и характеризуется как установка того или иного лица к снижению его субъективной оценки рисков, связанных с поведением партнёра по взаимодействию. Однако недоверие также возникает только при наличии всех перечисленных условий. Если нет открытости, уязвимости и неопределенности, то нет и опасений, связанных с ними, и, следовательно, нет оснований не только для доверия, но и для недоверия.

В этнометодологических рассуждениях доверие выступает в двух ролях. Во-первых, как вера в порядочность, доброжелательность другого человека или, в критических ситуациях, как вера обоих агентов в принадлежность к одному и тому же сообществу (нации), требующая от них той или иной степени солидарности [4].

Ф.Н. Ильясов в рамках ресурсного подхода предлагает следующее понимание употребляемого концепта: «Доверие – это совокупность представлений и настроений субъекта: а) отражающих его ожидания того, что объект будет реализовывать некоторые функции, способствующие увеличению или сохранению ресурсов субъекта; б) проявляющихся в готовности субъекта делегировать объекту реализацию этих функций. Соответственно недоверие – это ожидания выполнения функций, приводящих к уменьшению ресурсов субъекта, приводящие к отказу делегировать объекту выполнение соответствующих функций» [5: с. 34]. Доверие по своей психологической природе является установкой по отношению к людям, социальным группам, политикам, политическим партиям, маркам производителей, товарам, банкам и т.д.

Доверие или его антипод недоверие в современном мире имеет материальную силу. Одним из важнейших факторов, определяющих характер не только межличностных, но и в целом всех социальных отношений, является доверие. Оно непосредственно «вплетено» в механизм, обеспечивающий интеграцию и стабильность общества. Подчеркивая роль доверия в организации общественной жизни, известный американский социолог А. Селигмен отмечает, что власть, господство и насилие на какое-то время могут решить проблему социального порядка, организации

[1]См., напр.: Вишневский А.Г. Мифология и жизнь. Миграция в России: ее восприятие и социально-политические последствия // Россия в глобальной политике. 2013. 11. Спецвыпуск. С. 199–208; Миграция в России. 2000–2012 : хрестоматия. В 3 т. / сост.: Н.В. Мкртчян, Е.В. Тюрюканова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская. Т. 1. Ч. 1. М.: Спецкнига, 2013; Мукомель В.И. Политика интеграции. М.: Фонд «Новая Евразия», 2012; Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 23–34; Alba R., Nee V. Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration. Harvard: Harvard University Press, 2003; Baubock R. Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism, International Migration Review. 2003. 37(3). P. 700–723; Buijs F.J., Rath J. Muslims in Europe: The State of Research. (Essay prepared for the Russell Sage Foundation). New York City, 2002. URL: http://www.janrath.com/downloads /@RSF %20European % 20Research % 20 on % 20 Islam % 20 and %20Muslims.pdf; Constant A., Massey D. Self-Selection, Earnings, and Out-Migration: A Longitudinal Study of Immigrants to Germany // Journal of Population Economics. 2003. 18(4). P. 631– 653; Denisenko M.B. Russia's Population until 2025, in: Russia 2025: Scenarios for the Future / ed. by M. Lipman, N. Petrov. L.: Palgrave Macmillan, 2013. Ch. 4. P. 86–105.

[2] См., напр.: Остапенко Л.В., Субботина И.А., Юраков А.В. Москва многонациональная: парадоксы столичной жизни // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения / отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Старый сад, 2006; Олимова С., Боск И. Трудовая миграция из Таджикистана. Душанбе: МОМ, 2003; Пядухов Г.А. Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. Пенза: ПГАСА, 2003; Лебедева Н.М. Этническая толерантность в регионах России: теория и практика // Этнопанорама. 2005. № 1–2; Галлямов Р.Р. Этносоциальная стратификация общества: теоретические подходы и концептуальная модель // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии / отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 2005; Иммигранты в Москве / Институт Кеннана; под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009; Инкультурация мигрантов: проблемы и пути решения : итоговый сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. СПб., 2013; Миграционные проблемы в Европе и пути их решения. М.: Ин-т Европы РАН, 2015; Huddleston T., Niessen J. and Dag Tjaden J. Using EU Indicators of Immigrant Integration. Final Report for Directorate-General for Home Affairs. Brussels: European Commission, 2013. 73 p.; Coleman D. The demographic effects of international migration in Europe // Oxford Review of Economic Policy. 2008. № 24(3). P. 452–476.

разделения труда, но «они не способны сами по себе обеспечить основу для поддержания этого порядка в долговременной перспективе» [6: с. 7].

Большинство социальных исследователей подтверждают наличие проблемы и кризиса доверия. Сегодня встречается утверждение, что население сегодня все в большей степени утрачивает способность пользоваться доверием как способом социальной интеракции. Проецируется ситуация, когда изменения приведут к угасанию этого феномена.

Доверие как социальный феномен превращает объединение социальных акторов в институционализированное сообщество, ибо доверие есть такая разновидность социального капитала, которая обретается и используется только группой в целом, что создает возможность существования в среде ее членов генерализованного обмена, в отличие от индивидуального капитала, который обретается индивидами и используется ими для достижения частных целей.

Становление взаимного доверия – это способность к ассоциации, которая зависит от существования внутри сообщества норм и ценностей, разделяемых всеми его членами, а также от готовности последних подчинять свои интересы интересам группы. Взаимное доверие, имеющее конкретную экономическую величину, – результат общих норм и ценностей.

Важным положением в современных исследованиях этих феноменов является утверждение о том, что доверие не всегда приносит благо, а недоверие – ущерб. Избыток доверия может иногда причинить значительный вред, а оптимальный уровень недоверия – существенную пользу. В то же время большинство исследователей определяют доверие как уверенно позитивные или оптимистические ожидания субъекта относительно поведения контрагента, а недоверие – как уверенно негативные его ожидания. Таким образом, эти авторы считают, что доверие касается ожиданий событий, на которые надеются, а недоверие – ожиданий вещей, которых боятся. В частности, в работах Б. Поршнева предложены некоторые основания для разграничения их содержания и происхождения [7]. Отвергая представление о том, что доверие есть всего лишь отсутствие недоверия, Б. Поршнев отмечает, что эти явления могут существовать в один и тот же момент времени. Используя аналогию с законом обратной индукции возбуждения и торможения в физиологии высшей нервной деятельности, Б. Поршнев считает, что основанная на доверии зависимость, сила прямого влияния слова на психику, индуцирует (хотя и далеко не столь автоматически) ограждение, складывающееся из разных психических механизмов. Выработка этих средств отпора совершается на протяжении всей истории человечества. Недоверие и есть первый феномен из серии этих охранительных психических антидействий. Понимая доверие как предрасположенность к внушению и зависимости от другого, Б. Поршнев отмечает, что «зависимость» первичнее, материальнее, чем «внутренний мир» индивидуума. По мнению Б. Поршнева, недоверие есть отношение, формирующее внутренний мир человека, – психическая независимость достигается противодействием зависимости. Таким образом, способность не доверять наряду со способностью доверять – онтогенетически и филогенетически одно из древнейших образований.

Динамический баланс доверия и недоверия является результатом влияния двух взаимосвязанных факторов: «сближение–избегание» и «благоприятно–неблагоприятно». Интересующие объекты при сближении вызывают у принимающей стороны разные ощущения и эмоции, формируя представление о благоприятном или неблагоприятном (опасном). В дальнейшем, наряду с фактором «благоприятно–неблагоприятно», значимыми становятся также показатели «полезно–вредно», «плохо–хорошо», «нравственно–безнравственно». Эту группу факторов можно условно объединить под названием «ожидание блага–опасение ущерба». Значимость каждого из входящих в эту группу факторов для построения отношений доверия/недоверия определяется целым спектром личностных, социально-демографических, социокультурных, ситуативных и других детерминант.

Таким образом, наиболее значимыми факторами, по которым возможно разграничить феномены доверия и недоверия, выступают «сближение–избегание», «ожидание пользы–опасение вреда». Эти факторы являются в значительной степени взаимосвязанными и в предельном случае (под влиянием ситуации, личностных особенностей и т.д.) они могут сливаться в единый фактор – «доверчивость–подозрительность (недоверчивость)». Именно этот частный случай и выступал основой теоретической модели, которая долгие годы считалась наиболее приемлемой в социологии, – модели противопоставления и взаимоисключения доверия и недоверия. Можно видеть, что среди основных факторов доверия/недоверия имеются коннативные, когнитивные и эмоциональные образования. Это позволяет сформулировать определение феноменов доверия и недоверия как психологического отношения с его традиционной структурой, включающей перечисленные компоненты.

Еще в 1990-х гг. отмечалось: «…в российском социуме низок уровень взаимного доверия людей, для него типичны взаимное безразличие, ограниченность реципрокного (т.е. основанного на взаимном исполнении обязанностей) поведения "родственно-дружеским" кругом, а чувство долга – масштабами семьи» [8: с. 230].

Низкий уровень межличностного доверия и доверия к социальным институтам фиксируется в

2000-х гг. как социологическими центрами, так и специалистами [9–11].

Межличностное недоверие сказывается, в первую очередь, на прямых межличностных контактах с конкретными представителями меньшинств (этнических, мигрантских, религиозных и т.п.).

Другой, более широкий круг доверия охватывает категории людей, объединяемых в нашем представлении в воображаемые сообщества: этнические группы, религии, расы и т.п. В этом случае доверие к конкретным лицам переходит в доверие к более абстрактным общественным объектам. Такая форма доверия часто опирается на стереотипы и предубеждения. А так как импульс доверия относится исключительно к людям, «…чтобы его погасить, достаточно дегуманизировать, овеществить адресат доверия, лишить его человеческих черт: индивидуальности, самоутверждения, достоинства, автономии» [12: с. 157–158]. Недоверие, базирующееся на деперсонализации, провоцирует ксенофобию ко всем членам воображаемого сообщества.

Попробуем проследить это на примере с миграционной ситуацией в Хабаровске. Данные получены в ходе социологического опроса, проведенного в июле 2015 г.[3]

***

Жители города воспринимают мигрантов как многочисленную категорию населения. На вопрос: «Как Вы считаете, много ли мигрантов в Вашем городе?» 38,7 % выбрали ответ «очень много» и еще 47,1 % – «достаточно много». Всего 4,2 % предпочли ответ «немного» и 10,0 % – вариант «мало, почти нет». Необходимо отметить актуальность представлений о численности мигрантов для жителей Хабаровска.

Характеризуя причины миграции, хабаровчане определили следующие приоритеты (табл. 1, 2).

Таблица 1

Причины появления мигрантов в Хабаровске

Вариант ответа	%
Приезжают на заработки	45,3
Приезжают в поисках лучшей жизни для своей семьи, будущего своих детей	19,4
Бегут в связи с прямой угрозой жизни	2,2
Делают деньги криминальными способами	10,3
Их завозят работодатели как дешевую рабочую силу	21,5
Другое (напишите)	1,3

Таблица 2

Материальное положение мигрантов

Вариант ответа	%
Примерно такое же, как у местных жителей	3,9
Несколько лучше, чем у местных жителей	3,9
Значительно лучше, чем у местных жителей	10,6
Значительно хуже, чем у местных жителей	43,2
Несколько хуже, чем у местных жителей	22,0
Затрудняюсь ответить	16,4

Высокая степень единообразия характерна для представлений хабаровчан о занятиях мигрантов. Отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, чем в основном занимаются мигранты в Хабаровске? (выберите не более двух вариантов)», респонденты дали следующие ответы (табл. 3).

Таблица 3

Трудовая занятость мигрантов

Вариант ответа	%
Торгуют на рынках, в ларьках, магазинах	70,9
Частным образом ремонтируют квартиры, строят дачи (дома)	42,5
Занимаются криминальным бизнесом	16,6
Работают на производстве, в строительстве, сельском хозяйстве, транспорте, сфере услуг, в организациях, учреждениях	38,5
Побираются, нищенствуют	5,7
Другое (все вместе взятое)	14,9

Таким образом, главной сферой приложения труда мигрантов общественное мнение Хабаровска считает торговлю. Высок удельный вес убеждения о включенности мигрантов в криминальный бизнес.

При выявлении позитивных или отрицательных характеристик занятости мигрантов были получены следующие ответы (табл. 4).

Таблица 4

Характеристика занятости мигрантов

Вариант ответа	%
Торгуют некачественными товарами и продуктами	55,9
Мигранты работают там, где не хотят работать местные	44,5
Занимают рабочие места, нужные нашему населению	44,9
Привозят в город дешевые товары и продукты	28,3
Понижают уровень зарплаты, соглашаясь на самую низкую	37,2
Дешево и качественно ремонтируют квартиры, строят дачи (дома)	11,7
Из-за них повышаются цены на жилье	6,9
Из-за них повышается преступность	13,85
Из-за них работодатели снижают зарплату	10,1
Другое	1,2

[3] Опрос проведен некоммерческим партнерством «Дальневосточный институт социально-политических исследований» 2–9 июля 2015 г. (научный руководитель профессор И.Ф. Ярулин). Опрошено 400 респондентов по половозрастной выборке. Примерная погрешность составляет 3,5 %. Подобные опросы по сходной методике проводились в Краснодаре (2007), Уфе (2006), Астрахани (2009), Хабаровске (2010).

Доминирующее отношение старожильческого населения Хабаровска к мигрантам – терпимое (табл. 5).

Таблица 5

Отношение к мигрантам, %

Мигранты	Положительно	Терпимо	Испытываю раздражение или неприязнь	Затрудняюсь с ответом
Выходцы из Центральной Азии	19,8	39,7	33,5	7,0
Выходцы из Китая	17,9	43,3	28,6	10,2

Чрезвычайно важный аспект этнической дифференциации миграционного потока раскрывают ответы на вопрос: «Мигранты каких национальностей вызывают у Вас опасение?» (табл. 6).

Таблица 6

Мигранты, представляющие угрозу

Вариант ответа	%
Любых национальностей	27,1
Кавказцы	18,4
Выходцы из Средней Азии	5,5
Китайцы	27,1
Таких нет	4,6
Затрудняюсь ответить	17,3

Для значительной части хабаровчан (почти каждый третий) все мигранты представляют угрозу. Полученные результаты демонстрируют отношение к миграции как «нерусской» по своему этническому составу. Среди тех, кто назвал какие-либо этнические общности в составе миграционного потока в качестве представляющих угрозу, наибольший процент указал выходцев из Китая. На отношение к мигрантам оказывает влияние не только опыт реального общения с мигрантами, но и в значительной степени – различные информационные потоки. Так формируется отношение к мигрантам людей, практически не контактирующих с ними (табл. 7).

Таблица 7

Крупные конфликты между мигрантами и старожилами в Хабаровске

Вариант ответа	%
Да, такие конфликты были	19,2
Нет, у нас никогда не было конфликтов	34,2
Затрудняюсь ответить	46,6

Обращает на себя внимание большое количество затруднившихся с ответом на вопрос: «Знаете ли Вы о крупных конфликтах между мигрантами и старожилами в Хабаровске?». Можно предположить, что люди, которые не смогли вспомнить какие-либо конфликтные ситуации, тем более легко припоминаемые крупные, не смогли в то же время противостоять стереотипу высокой конфликтности отношений с мигрантами.

Ответы на вопрос: «Можно ли в Вашем городе разрешать регистрацию (прописку) всем желающим мигрантам?» распределились следующем образом (табл. 8).

Таблица 8

Возможность получения регистрации

Вариант ответа	%
Да, можно всем желающим	9,7
Нельзя разрешать никому	55,6
Одним можно (кому напишите)	4,8
Другим нельзя (кому напишите)	10,9
Затрудняюсь ответить	15,4
Другое	3,6

Данные опроса свидетельствуют об очевидности «этнической» и ограничительной ориентации желательной миграционной политики на федеральном уровне. Большинство опрошенных считают необходимым принимать этнических русских, каждый третий убежден в том, что «чем меньше мигрантов, тем лучше». Наиболее негативной является установка на прием выходцев из бедных стран «дальнего зарубежья» (табл. 9).

Таблица 9

С какими из перечисленных утверждений Вы согласны?

Вариант ответа	%
Дальний Восток должен принимать преимущественно русских из бывших республик СССР	25,5 %
Дальний Восток должен принимать всех мигрантов, желающих здесь жить и работать, независимо от национальности и страны происхождения	8,1 %
Россия должна принимать только беженцев, независимо от их национальности	9,8 %
Чем меньше на Дальнем Востоке мигрантов, тем лучше	44,3 %
На Дальнем Востоке нужно принимать всех мигрантов	3,8 %
Затрудняюсь ответить	8,5 %

***

Таким образом, по результатам опросов можно сделать следующие выводы: постоянные жители Хабаровска в целом настроены лояльно к приезжим гражданам, однако считают, что необходимо ограничивать и контролировать их въезд. Численность мигрантов оценивается местными жителями как высокая. Негативное отношение к мигрантам местные жители объясняют их влиянием на криминаль-

ную обстановку в городе. Большинство понимает причины, вынуждающие людей приезжать в регион, – это и отсутствие работы, и низкие заработки, и низкое социальное и материальное положение в стране проживания. Тем не менее, по убеждению большинства, мигранты являются причиной дефицита рабочих мест, нехватки ресурсов социальных служб. Местных жителей, готовых принимать приезжающих независимо от их национальности и страны происхождения, меньшинство. Особую обеспокоенность вызывает мнение коренного населения о запрете прописки (регистрации) мигрантов и предоставлении им права на постоянное жительство. По оценкам конфликтности между мигрантами и коренным населением, большинство опрошенных не сталкивались с крупными конфликтами, однако неудобства со стороны мигрантов испытывали многие местные жители. Можно говорить об определенной мере недоверия к мигрантам, что необходимо должно быть учтено при проведении миграционной политики в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Демени, П.* Глобализация и международная миграция: противоречивые перспективы / П. Демени // Миграция и развитие : сб. докл. и ст. ведущих секций и докладчиков междунар. конф. (Москва, 13–15 сентября 2007 г.). – М., 2007. – С. 55.

2. *Coleman, D.* Immigration and ethnic change in low-fertility societies – towards a new demographic transition? Paper presented at Population Association of America annual meeting / D. Coleman, S. Scherbov. – Philadelphia, 2005.

3. *Diaz-Guerrero, R.* Toward A Psychological Nationalism / R. Diaz-Guerrero // Peace and conflict: Journal of Peace Psychology. – 1997. – № 3(4).

4. *Гарфинкель, Г.* Концепция и экспериментальные исследования «доверия» как условия стабильных согласованных действий / Г. Гарфинкель // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 1. – С. 3–25.

5. *Ильясов, Ф.Н.* Типы шкал и анализ распределений в социологии / Ф.Н. Ильясов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 4. – С. 34.

6. *Селигмен, А.* Проблема доверия / А. Селигмен. – М., 2002.

7. *Поршнев, Б.Ф.* Элементы социальной психологии / Б.Ф. Поршнев // Проблемы общественной психологии. – М., 1965.

8. *Дилигенский, Г.Г.* Становление гражданского общества: культурные и психологические проблемы / Г.Г. Дилигенский // Гражданское общество в России: Структуры и сознание. – М. : Наука, 1998. – С. 230.

9. Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») / М. Сасаки [и др.] // Вопросы экономики. – 2010. – № 2.

10. Межличностное и институциональное доверие [Электронный ресурс] // ФОМ. – 2008. – июль. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0826/d082621, 30 октября 2009.

11. *Голенкова, З.Т.* Российский рабочий: социально-политические ориентации / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 11 / отв. ред. М.К. Горшков. – М. : Новый хронограф, 2012. – С. 198–199.

12. *Штомпка, П.* Доверие – основа общества / П. Штомпка. – М. : Логос. 2012.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОБРАЗ В МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ХАБАРОВСКА КОНЦА XIX ВЕКА

С.В. Коваль

Коваль Светлана Викторовна – специалист культурно-просветительского отдела Музея истории города Хабаровска.

Контактный адрес: sveta_kovaly@mail.ru

В статье рассматривается специфика создания музыкальной образности на примере музейной экскурсии «Из дневника кн. В.Ф. Духовской в Хабаровске (1893–1897)».

Ключевые слова: музыкально-историческая экскурсия, домашнее музицирование конца XIX в., экспозиция Хабаровска конца XIX в., экскурсионный метод реконструкции.

В широком понимании музыкальная деятельность в музее даёт ассоциацию с музеями художественного типа. Но сегодня актуальным стало использование эстетического наследия в исторических музеях в культурно-просветительской деятельности для формирования не только детской, юношеской, но и взрослой аудитории постоянных посетителей. Опыт авторских музыкально-исторических экскурсий в музейной экспозиции дореволюционного Хабаровска показывает, что в основе таких программ должна быть творческая интерпретация историко-культурного наследия, так как именно культура формирует повседневные связи людей, их отношение к той среде, в которой они обитают. Проблемой в данном случае является воссоздание экскурсоводом исторического образа и реконструкция аутентичного песнопения. Гипотезой нашего исследования является возможность применения экскурсионных методик показа для интерпретации музыкального образа прошлого. На примере фрагмента из музыкально-исторической экскурсии «Из дневника кн. В.Ф. Духовской в Хабаровске (1893–1897)» мы постараемся решить данную проблему. Новаторство таких программ заключается в том, что музыкальный образ органически «вплетён» в технологию музейной экскурсии благодаря применению автором-экскурсоводом методических приёмов «реконструкции» и «интеграции».

Отечественная музейная культурно-образовательная деятельность основана на долгосрочных музейно-педагогических программах, иногда их называют музейно-образовательными или музейно-экскурсионными тематическими программами. Первые такие программы начали появляться в 1990-е гг. в столичных городах – Москве и Петербурге. Их реализация происходила в тесном контакте со школой. Так, в Государственном Русском музее Санкт-Петербурга программа «Музыка в музее» была нацелена на применение только в художественном музее (научный руководитель и автор концепции Б.А. Столяров). Методическое пособие Б.А. Столярова «Музыка в музее», вып. III [10] по теме «Русская музыка второй половины XIX в.», рассчитано на широкий круг специалистов, интересующихся вопросами художественного развития детей и юношества в музейной среде.

Сегодня исторические музеи активно пытаются занять своё место в ряду других учреждений индустрии культурного досуга, всё чаще используя эстетический пласт своего исторического контекста. Обладая широкими возможностями для формирования личности, музейные экскурсии играют значительную роль в образовательной, воспитательной, культурно-просветительной сфере, в современной жизни, сохраняя и донося до общества накопленное предыдущими поколениями культурное наследие. «Если раньше основное внимание уделялось музейным предметам, то в последнее время основной целью музейного дела становится музейный посетитель, его интересы. Поэтому перед музеем встаёт необходимость создания новых культурных проектов, отвечающих предпочтениям посетителя и соответствующих требованиям музеев, утверждающих, что прошлое должно стать отправной точкой будущего» [13: с. 163]. Сегодня музейная педагогика призвана решать многие культурные задачи, в том числе музыкально-эстетического просветительства, что, на наш взгляд, позволит привлечь в музей «взрослого» потенциального посетителя.

Так, например, музеевед Е.В. Хрустова [14] рассматривает рекреационно-образовательную деятельность через художественный образ в исторических музеях и отмечает, что «…все сферы духовной деятельности человека сохраняют материальные па-

мятники как современной, так и прошлых цивилизаций, а также отражают исторический уровень развития общества. Искусство существенно влияет на формирование культуры, но, прежде всего, культура формирует повседневные связи людей, их отношение друг к другу и к той среде, в которой они обитают. Поэтому исторические музеи имеют не меньшее значение для формирования отношений личности к окружающему миру, чем музеи художественные, технические и естественнонаучные» [7: с. 128].

В исторической экспозиции Хабаровска конца XIX – начала XX в. с 2012 г. проходит творческий эксперимент – авторские музыкально-исторические экскурсии, в которых языком художественной культуры стал язык «скрещивания» музейной коммуникации и вокального исполнительства. Культуре известны такие «скрещивания» двух типов языков в одном произведении (в мемуарах, в документально-художественных фильмах и др.), на пересечении которых рождается новое художественное целое. Здесь происходит именно соединение двух семиотических структур: подлинно-предметно-знакового языка исторической экспозиции с его фактологической реальностью, с языком вокального и актёрского исполнительства с его вымышленной художественной образностью. Так, появляется синтетический язык и новая экскурсионная технология в культуре – вокально-художественная музейная экскурсия в исторической экспозиции. Являясь «слепком» своего времени, музыкально-историческая экскурсия сохраняет в «законсервированном» виде представления о нормах и идеалах, воплощенных в художественных образах прошлого. Авторская редакция обеспечивает более глубокое постижение собственно вокальной музыки, которая не только усиливает впечатление параллельно исторической экспозиции, иллюстрируя ту же мысль, но открывает возможности нового, качественно преображенного впечатления от того же материала. Принципиально важным для нас при знакомстве с современной авторской реконструкцией камерно-вокальной музыки конца XIX в. становится и опыт реинтерпретации классического наследия.

В большинстве случаев культурной интерпретации музейного пространства в рамках проекта «Музыка в музее» проводятся лекции-концерты или экскурсии-концерты для разных возрастных и социальных групп посетителей. То есть одна часть – это традиционная музейная или городская экскурсия, вторая часть – концерт с музыкальными произведениями. Новаторством исследуемых культурологических программ является то, что музыкальный образ органически «вплетён» в методическую ткань экскурсии, где интерьер музыкальной гостиной конца XIX – начала XX в. своими предметами «показывает», какая музыка его наполняла, а экскурсовод-вокалист демонстрирует особенности живого вокально-инструментального исполнения. В данных программах экскурсовод должен обладать хорошо поставленным голосом и умением плавно переходить от разговорной образной речи к академическому вокалу для иллюстрации. Желательно, чтобы экскурсовод был в историческом костюме соответствующего сословия и умел аккомпанировать себе и экскурсантам на музыкальном инструменте. Тогда и зрители-слушатели смогут продемонстрировать свои вокальные возможности или просто озвучить произведение хором, пользуясь историческими нотными изданиями для учеников. «В процессе эстетического восприятия активизируется рациональная сфера исполнителя, явственно выступает интеллектуальная направленность эстетического состояния, когда органы чувств музицирующего отключаются от реальной, обыденной жизненной ситуации под воздействием музыкального образа воспринимаемого хорового, песенного произведения» [15: с. 8].

В одной из таких музыкально-исторических экскурсий «Из дневника кн. В.Ф. Духовской в Хабаровске» [2] мы обращаемся к периоду Хабаровска 1893–1897 гг., когда город переименовывается из Хабаровки в Хабаровск (1893), создаётся научное общество с музеем и библиотекой (1894), проходят выборы в городскую Думу и Управу (1894), появляются первые публикации газеты «Приамурские ведомости» и другие важные события. Применяя в музейной экскурсии приём реконструкции, мы обращаемся к воспоминаниям, мемуарам как ценному источнику для изучения Хабаровска 1890-х гг. Так, Ф.Б. Шенк отмечает в научной статье, что «…автобиографические тексты русской дворянки В.Ф. Духовской (урождённой Голицыной, 1854–1931), воспоминания которой могут быть прочтены как источник для изучения культурной истории Российской империи, особенно подходят для реконструкции "имперских биографий". Будучи супругой высокого царского сановника С.М. Духовского, который, помимо прочего, служил генерал-губернатором Приамурской области и Туркестана, Духовская теснейшим образом соприкасалась с культурным, географическим и политическим многообразием царской империи. Личные свидетельства женщин при этом особенно важны, так как здесь дискурсивные границы автобиографического письма проходят иначе, чем у мужчин. Источники такого рода открывают взгляд на чувственный спектр имперского господства, который, возможно, не был сугубо женским, но о котором на основе традиций мужского автобиографического письма мы знаем ещё очень мало» [16: с. 40].

Историческая часть музейной экскурсии даёт представление о Хабаровске 90-х гг. XIX в., о главной улице того времени – Алексеевской (ныне

ул. Шевченко), на которой находились первые кирпичные постройки: Дом генерал-губернатора и Военное, или Офицерское, собрание, построенные ещё при А.Н. Корфе (1884–1893) – первом Приамурском генерал-губернаторе. Фото в экспозиции двухэтажного каменного губернаторского особняка свидетельствуют об интересном решении одного из первых военных архитекторов Хабаровска – В.Г. Мооро. «Перечень помещений даёт наглядную информацию о жизни владельца дома. Здесь размещались малая и большая столовые, музыкальная комната и будуар, малая и большая гостиные, зал для приёмов, получивший название Атаманского, жилые комнаты, кабинет, передняя, помещение для прислуги и дежурного» [8: с. 196]

В этой части музейной экскурсии для воссоздания собирательного образа для нас важен эмоциональный настрой Духовской. Согласно господствовавшей тогда в Российской империи концепции неравенства полов женщины-дворянки считались «чувствительными» существами и могли в автобиографических текстах выразить больший спектр чувств, чем мужчины: «…увы, здесь нет друзей и царит ненавистный для меня официальный дух… для всех я – жена начальника. Так тяжело, так недостаёт мне мамы, Юлии Бутовской и Марии Осиповны Коган! (*педагога по вокалу.* – авт.)» [1, с. 108]. Но уже весной 1894 г. Духовская напишет: «В конце мая к большому моему ликованию приехала М.О. Коган с детьми; я опять принялась с ней за пение» [1].

Помимо исторического и биографического исследования автор-экскурсовод создаёт музыкальную реконструкцию предположительного репертуара В.Ф. Духовской. О том, какими вокальными данными обладала Духовская, свидетельствуют строки из дневника: «Ревностнее чем когда-либо занимаюсь пением с Марией Осиповной. У меня развилось колоратурное сопрано: мне легко даётся ария Розины из "Севильского цирюльника", и вообще весь репертуар Ван-Зандт». «Шлецер, мой первый учитель музыки, который давал мне уроки, когда мне было двенадцать лет, приглашен профессором в Московскую консерваторию; он слышал моё пение и одобрил его, но сожалеет, что я забросила рояль» [1, с. 96].

Творческая часть экскурсии начинается с показа интерьера музыкальной гостиной рубежа XIX–XX вв., которая находится в экспозиционном комплексе квартиры хабаровчанина. Этот период характеризуется сглаживанием различий между дворянским и буржуазным интерьерами. Оформление интерьера в этот период начинает определяться финансовыми возможностями и вкусом владельца. Технический прогресс и развитие промышленности способствовали появлению новых материалов. Так, появилось машинное кружево, окна стали украшать тюлевыми занавесками. Появляется мягкая мебель, часто в столовой стоял массивный буфет. Как и в архитектуре особняков и доходных домов, в интерьере конца 1890-х гг. складывается стиль модерн (от фр. moderne современный), выражающийся в отказе от подражания, прямых линий и углов. Интерьер в стиле модерн отличается единством стиля: плавными изогнутыми природными линиями, новыми технологиями, тщательно подобранными предметами быта.

В ходе музыкально-исторической экскурсии происходит знакомство: с традицией проведения музыкальных вечеров в гостиных комнатах; с коллекцией уникальных музыкальных инструментов конца XIX – начала XX в.: пианино с канделябрами (конец XIX в.), пианино 1870 г. [МИГХ КП-3300] из Хабаровского Общественного собрания, граммофон (конец XIX в.) [МИГХ КП-3284]. Эти инструменты, предназначавшиеся для домашнего пользования, были широко популярны в среде горожан среднего достатка. «Музыка не просто проникает в быт просвещенной России, она становится насущной необходимостью» [5: с. 9]. Фортепиано становится обязательной принадлежностью каждого дома. Именно оно занимает главное место в гостиных. Из воспоминаний княгини В.Ф. Духовской в Хабаровске в 1894 г.: «Японская комната преобразована теперь в мой "студио", который прислуга называет студень. Стоит тут наш рояль, привезённый из Москвы». «Вечером я музицировала с М.И. Шанявским и с Дзярским, батальонным офицером, окончившим Варшавскую консерваторию… Дзярский занимается также композиторством и посвятил мне серенаду для мандолины, скрипки и рояля» [1: с. 106]. Обстановка таких домашних музыкальных вечеров разительно отличалась от той, что можно было увидеть в концертном зале. «Здесь царила непринужденность и интимность. Традиционный диван, стулья с креслами и другие предметы обстановки, необходимые домочадцам в повседневной жизни, среди которых, например, столы для рукоделия – это занятие не возбранялось во время домашних концертов… "Уголки", удобные для разговоров, с маленькими столиками, диванчиками и креслами, обилие шкафчиков и этажерок разбивают некое единое пространство. Но рояль и здесь занимает главное место, он служит объединяющим центром. Музыка живет не только в гостиных, но и в кабинетах» [11: с. 14–15].

Традиции домашнего музицирования на инструменте, преимущественно на фортепиано и гитаре, становятся популярной практикой проведения досуга, а музыкальные инструменты – традиционным элементом убранства гостиной. «Фортепианное сопровождение многих романсов М. Глинки и А. Даргомыжского написано в стиле гитарного сопровождения. Композиторы А. Алябьев, А. Варла-

мов, А. Гурилёв и другие свои широко популярные романсы и песни написали в расчёте на сопровождение гитары или фортепиано в манере, близкой гитарному аккомпанементу. Свои задушевные романсы, полные элегической грусти или романтической взволнованности, Варламов пел, сопровождая их мягкими переборами на гитаре» [6: с. 4]. Во второй половине XIX в. усиливается внимание российской общественной мысли к значению искусства в процессе воспитания в целом и вопросам музыкального обучения в частности [4: с. 4]. Именно об этом писал Ф. Толь в «Журнале Министерства народного просвещения» № 2, ч. 109, за 1861 г.: «Если родители считают обучение музыке совершенно необходимым, то мы предложили бы начать его с пения, а не с какого-нибудь инструмента. Кроме того, что пение способствует развитию органа дыхания, что оно непосредственнее, определённее и полнее выражает музыкальную идею, что в нём чаще и повседневнее можно упражняться, кроме того – обучение ему менее механично, менее надоедает ребенку» [12: с. 94].

Музыкально-историческая экскурсия включает реконструкцию вокального пения в интерьере музыкальной гостиной. Благодаря применению методических приёмов мы можем описать создаваемый автором-экскурсоводом вокально-художественный образ. Давая практические рекомендации в своей монографии, Б.В. Емельянов отмечает: «Особенность рассказа состоит в том, что в нём отсутствуют устные доказательства. Их роль выполняет зрительный ряд. Экскурсовод так строит показ, чтобы "заговорил" сам предмет, чтобы экскурсанты увидели то, о чём он рассказывает. Это достигается путём образного рассказа, умелого использования методик показа, демонстрации наглядных материалов из "портфеля экскурсовода" [3: с. 53]. Методика показа сложна потому, что она оригинальна сама по себе и в отличие от методики рассказа не применяется ни в одной из других форм воспитательной и культурно-просветительской работы. Приёмы показа – это приёмы, организующие наблюдение (изучение, исследование) экспонатов и позволяющие выделить музейный предмет из всей экспозиции, чтобы представить его как «участника» исторического события (приём реконструкции, интеграции и др.). Приёмы рассказа вторичны, это приёмы, построенные на описании объекта и его характеристик. Например, приём персонификации, который используется для мысленного создания образа конкретного человека, например жены Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского. Для подтверждения, яркого и убедительного выражения своей мысли, сохранения особенностей языка и колорита определенного исторического периода времени, воспроизведения картины события мы прибегаем к приёму цитирования мемуаров В.Ф. Духовской. В нашей экскурсии на основе приёма цитирования используется прямая речь. При этом ставится задача – сделать экскурсантов участниками разговора между историческими личностями, очевидцами исторических событий. Делается это с помощью небольших выдержек из мемуаров.

К методическим приёмам показа относится приём зрительной, а в нашем случае и вокальной реконструкции (воссоздания). «Термин "реконструкция" означает восстановление первоначального вида объекта показа по предметам, остаткам или письменным источникам» [3: с. 92]. Сущность этого приёма заключается в том, что словесным путём восстанавливается историческое событие или культурная традиция по зрительным и слуховым анализаторам, полученным в музейной экспозиции. Задача указанного приёма – дать возможность экскурсантам поучаствовать в проведении, например, домашних концертов в интерьере дореволюционной музыкальной гостиной, услышать живое пение в манере исполнения конца XIX в. Ещё один пример приёма показа – это приём интеграции (восстановление, восполнение), построенный на объединении отдельных частей наблюдаемого объекта в единое целое. Например, в исторической части экскурсии демонстрируются фото, документы и предметы середины 1890-х гг., даётся характеристика музейных экспонатов в отдельности: визитное платье статс-дамы конца XIX в., пианино 1870 г., интерьер гостиной по фото хабаровской квартиры 90-х гг. XIX в. и др. Затем экскурсовод объединяет (интегрирует) зрительные впечатления и комментарии, полученные экскурсантами при наблюдении отдельных объектов. На заключительном этапе показа группа наблюдает весь фрагмент экспозиции музыкальной гостиной в квартире конца XIX в. и музицирующую В.Ф. Духовскую, которую вокально «озвучивает» экскурсовод. Таким образом, в историческом интерьере гостиной создаётся вокально-художественный образ, который видят и слышат экскурсанты.

Музейная экскурсия по методике проведения отличается от экскурсии городской, технологию которой мы применяем для описания музыкальной образности. Экскурсионный метод реконструкции обычно используется для образного словесного описания городской архитектуры. Применение метода реконструкции для описания музыкальной архитектоники художественного образа в историко-бытовой экспозиции стало поводом нашего экспериментального исследования и позволило сделать следующие выводы.

1. Применяя в музеях краеведческого типа вокально-исторические программы, мы сохраняем и транслируем традиции отечественной классической музыки.

2. Целесообразно вместо рекреационных музейных программ применять художественные экскурсии с элементами исторической реконструкции музыкальных традиций данного региона.

3. Основываясь на том, что предметы музыкального быта «помнят» своих исторических хозяев, данные тематические экскурсии позволяют творчески исследовать культуру повседневности Хабаровска конца XIX – начала XX в. как самым маленьким посетителям музея, так и взрослым группам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурилова, М.Ф.* Общество Старого Хабаровска (конец XIX – начало XX в.): по семейным фотоальбомам и прочим раритетам / М.Ф. Бурилова. – Хабаровск : РИОТИП, 2007. – 528 с.

2. *Духовская, В.Ф.* Из моих воспоминаний. Ч. 1. / В.Ф. Духовская. – СПб., 1900. – 599 с.

3. *Емельянов, Б.В.* Экскурсоведение / Б.В. Емельянов. – М. : Советский спорт, 2007. – 128 с.

4. *Зеткина, И.А.* К истории домашнего музыкального обучения в России / И.А. Зеткина, Е.В. Секотова // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 3. – С. 1–5.

5. *Иванова, Г.Е.* Камерная инструментальная музыка в жизни российского общества XVIII–XIX вв. / Г.Е. Иванова // Система ценностей современного общества. – 2013. – № 27. – С. 7–12.

6. *Иванов-Крамской, А.М.* Школа игры на шестиструнной гитаре / А.М. Иванов-Крамской. – М. : Музыка, 1975. – 152 с.

7. *Иксанова, И.В.* Естественноисторический музей в структуре современной культуры / И.В. Иксанова, Г.Б. Наумов, В.В. Черненко // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков. – М. : ГИМ, 2001.

8. *Крадин, Н.П.* Старый Хабаровск: Портрет города в дереве и камне (1858–1938) / Н.П. Крадин. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1999. – 304 с.

9. *Озерова, Д.Е.* Культурно-образовательная деятельность музеев в России и за рубежом : метод. указания / Д.Е. Озерова. – Ярославль : ЯрГУ, 2011. – 48 с.

10. *Столяров, Б.А.* Музыка в музее [Электронный ресурс] : метод. пособие. Вып. III / Б.А. Столяров // Союз музеев России, ФГУК «Государственный Русский музей», РЦМПиДТ. – СПб. : ГРМ, 2010. – 56 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

11. *Стругова, О.Б.* Музыка на фоне интерьера / О.Б. Стругова // Звук и образ: Музыка в русском искусстве XI–XX веков. – М. : Трилистник, 2002. – С. 12–15.

12. *Толь, Ф.* Педагогика и дидактика / Ф. Толь // Народное образование. – 2003. – № 1 (1324). – С. 90–99.

13. *Хрустова, Е.В.* Музыкальная коммуникация в рекреационно-образовательной деятельности музея на примере музея «Разночинный Петербург» / Е.В. Хрустова // Педагогические и психологические исследования. «Человек и образование». – 2014. – № 1 (38). – С. 163–167.

14. *Хрустова, Е.В.* Художественные образы исторических событий в мемориальном пространстве. На примере музея «Разночинный Петербург» / Е.В. Хрустова // Пути формирования событийного туристического пространства. «Современные проблемы сервиса и туризма». – 2012. – № 2. – С. 35–43.

15. *Чабанный, В.Ф.* Музыкально-педагогическое руководство хоровым любительством : учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 2 / В.Ф. Чабанный. – СПб. : СПбГУКИ, 2008.

16. *Шенк, Ф.Б.* «Я так устала быть перелетной птицей» Имперское пространство и имперское господство в автобиографии российской дворянки / Ф.Б. Шенк // Вестник ЮУрГУ. – 2014. – № 2. – Т. 14. – С. 40–50. – (Серия «Социально-гуманитарные науки»).

ОБРАЗ ЯПОНСКОГО СОЛДАТА В АМЕРИКАНСКОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1941–1945 ГОДОВ

Р.В. Кулепанов

Кулепанов Руслан Владимирович – ассистент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин МГУ им. Г.И. Невельского (г. Владивосток).

Контактный адрес: csword@mail.ru

В статье рассматриваются основные принципы изображения японского солдата в американской военной пропаганде в период войны на Тихом океане.

Ключевые слова: Вторая мировая война, японская армия, американская военная пропаганда.

Развитие средств массовой информации в XX в. вывело на принципиально новый уровень использование пропаганды в ходе военных конфликтов. Особенно широко военная пропаганда использовалась в период мировых воин. Мировые войны имели характер тотальной войны с использованием массовых призывных армий. В этих условиях военная пропаганда, направленная на мобилизацию людских резервов, являлась не менее значимым фактором, чем промышленное развитие государства.

Научное исследование вопросов, связанных с использованием военной пропаганды, началось практически сразу же после окончания Первой Мировой войны. Особенно следует выделить работу члена британского парламента А. Понсонби «Falsehood in war-time: Propaganda lies of the First World War» («Обман в военное время: Пропагандистская ложь Первой мировой войны»), изданную в 1928 г., в которой рассмотрены основные пропагандистские приемы, использовавшиеся средствами массовой информации Антанты в войне против Германии [11]. Несмотря на то что данная работа была опубликована в 1928 г., она не потеряла актуальности и до настоящего времени.

На основе работы А. Понсонби современный бельгийский историк А. Морелли сформулировала 10 базовых принципов военной пропаганды. Эти базовые принципы характерны для военной пропаганды любого государства как в прошлом, так и в настоящее время. А. Морелли показала, что принципы пропагандистской кампании в ходе конфликта на территории бывшей Югославии ничем не отличаются от принципов, описанных А. Понсонби по итогам Первой мировой войны.

1. Мы не хотим войны. 2. В начале войны виновен исключительно противник. 3. У противника лицо дьявола. 4. Мы защищаем благородное дело, а не частные интересы. 5. Противник совершает злодеяния сознательно; мы делаем непреднамеренные ошибки. 6. Противник использует несанкционированное оружие. 7. Мы несем очень небольшие потери, в то время как потери противника огромны. 8. Художники и интеллектуалы поддерживают нас. 9. Наше участие в войне имеет священную природу. 10. Те, кто подвергает сомнению наши заявления, – предатели [10].

Однако это лишь базовые принципы. Опыт ведения пропагандистских кампаний в ходе военных конфликтов показывает, что конкретные пропагандистские приемы различаются в зависимости от объекта пропаганды. Как отмечал Р. Зульцман, «Пропагандисты всегда должны помнить о том, что между пропагандой, которая имеет целью поднять моральный дух собственного народа, и пропагандой, которая свою задачу видит в ослаблении воли противника к сопротивлению, существует большая разница» [1: с. 528]. Таким образом, можно выделить 4 объекта, на которые направлена, различная по своему содержанию, военная пропаганда:

1) собственное гражданское население;

2) личный состав собственных вооруженных сил;

3) гражданское население враждебного государства;

4) личный состав вооруженных сил противника.

При этом необходимо особо подчеркнуть, что правильное ведение пропаганды среди собственных солдат является одним из важнейших факторов, определяющих боеспособность вооруженных сил. Как показал опыт нацистской Германии, гражданское население в условиях информационного вакуума готово доверять любой, даже самой откровенной лжи. В то же время ложь в военной пропаганде, направленной на солдат вермахта, производила обратный эффект, поскольку заблокировать информацию для солдат, находящихся на передовой, было невозможно. Военнослужащий был способен адекватно оценивать состояние собственных вооруженных сил и вооруженных сил противника. Значительный процент военнослужащих, в отличие от гражданского населения, имел доступ к любым

источникам информации посредством использования радиостанций.

Как отмечал Р. Зульцман, «Здесь решающим оказалось действие бумеранга, вызванное всей пропагандой предыдущих лет, которая в дни побед твердила немцам о том, что советский человек является "представителем низшей расы", а в период отступления и военных неудач значительно ослабила силу сопротивления немецких войск» [1: с. 535]. Таким образом, военная пропаганда, направленная на личный состав собственных вооруженных сил, вынуждена балансировать между объективной информацией о противнике и пропагандистской ложью, призванной мотивировать военнослужащих на активное участие в боевых действиях.

В этой связи наибольший интерес представляет американская информационно-пропагандистская литература, предназначенная для личного состава вооруженных сил США в период войны с Японией на Тихом океане. Американская военная пропаганда периода Второй Мировой войны имела ряд характерных особенностей. В первую очередь необходимо отметить то, что противостояние США и Японии не несло столь сильной идеологической окраски, как противостояние СССР и Германии. Во-вторых, удаленность театра военных действий от территории США не позволяла в полной мере использовать «пропаганду ужасов». По этой причине многочисленные военные преступления японской армии на оккупированных территориях не были отражены в пропагандистских источниках столь же широко, как преступления нацистов на территории СССР. В-третьих, американские информационно-пропагандистские источники, предназначенные для военнослужащих, имели гриф «For use of military personnel only. Not to be published» («Только для военнослужащих. Публикация запрещена») и были довольно четко отделены от пропаганды, направленной на гражданских лиц.

Массовая публикация информационно-пропагандистских материалов о японских вооруженных силах и характеристиках японского солдата началась осенью 1942 г., когда американские вооруженные силы впервые столкнулись с особенностями ведения боевых действий японской армией в ходе боев за о. Гуадалканал. Необычайная стойкость японских солдат, их преданность императору и готовность совершать самоубийственные «банзай-атаки» требовали от американской пропаганды объяснения этих особенностей своим солдатам и подготовки их к встрече с новым противником.

Одной из первых комплексных работ, детально рассматривающих особенности национального характера японского солдата, стала лекция «Японский солдат крупным планом» подполковника генерального штаба армии США У. Д. Клеара, прочитанная в форте Левенворт в Канзасе в октябре 1942 г. Главной целью своей лекции подполковник У. Клеар видел ознакомление личного состава вооруженных сил США с характерными особенностями японского солдата: «Это – наш противник. Будет мудро узнать как можно больше об этом полудиком животном, чьи кривые ноги принесли флаг Восходящего Солнца на четверть земного шара, от ледяных берегов Берингова моря до горящих песков южных островов... Наши солдаты, морские пехотинцы и моряки, которые сейчас сражаются, слишком заняты уничтожением японцев, чтобы узнать, как японцы добились этого. Но мы, дома, можем узнать – и должны узнать, как эти бойцовые животные удерживают самый протяженный боевой порядок в мире, от Кыски до Тулаги» [4: с. 3]. При анализе вышеприведенного отрывка, помимо объяснения причин интереса к японцам, ясно видны расистские высказывания. Данный элемент в дальнейшем широко использовался в американской пропаганде, особенно в агитационных плакатах. Следует помнить, что в 40-е гг. XX в. идеи превосходства белой расы были широко распространены в США и использование расистской идеологии никак не осуждалось.

В своей лекции У. Клеар отмечал, что данных о японской армии, полученных в предвоенный период, недостаточно для объективной оценки ее возможностей. Имея сведения о численности японской армии, ее организации, характеристиках вооружения, американцы недооценили значение идеологии японского народа. У. Клеар утверждал, что в Японии нет четкой границы между вооруженными силами и гражданским населением. По его мнению, все японское общество формировалось в условиях непрекращающихся военных конфликтов, что привело к крайней степени милитаризации всего японского народа. Утверждение У. Клеара о том, что именно для японцев характерно крайне жестокое отношение к своим противникам, явно не соответствовало действительности. Заявление о том, что «скрытый садизм японцев должен быть удовлетворен», ставило своей целью дегуманизировать японцев в глазах американских солдат, и в то же время подготовить американцев к встрече с опасным противником [4: с. 6]. Следует отметить, что в качестве примеров японской жестокости У. Клеар использовал события из истории средневековой Японии. Реальные преступления японской армии в Китае и на территории Юго-Восточной Азии были неизвестны автору или же не использовались в качестве пропагандистского материала. Расистские высказывания при описании «скрытого садизма японцев», вероятно, подчеркивали расовую природу японской жестокости. При этом факты не менее страшных преступлений, совершенных европейскими нацистами, никак не упоминались.

Помимо «врожденной жестокости» У. Клеар проанализировал феномен безграничной преданности японцев своему императору. На основе преданности императору У. Клеар показывает систему господства и подчинения, пронизывающую все японское общество: «Военная жизнь в Японии не ограничена периодом, когда призывник находится на военной службе. Это – образ жизни, с рождения до смерти, всей страны» [4: с. 36]. Точно так же показаны экспансионистские устремления Японии. У. Клеар утверждал, что японская идеология иерархичности переносится и на внешнюю политику. По мнению японцев, в мире следовало выстроить иерархичную систему во главе с Японией, точно так же как в самой Японии выстроена иерархическая система во главе с императором. Очевидно, что японские идеи иерархичности и коллективизма вызывали резкое отторжение американцев с их идеями равенства, индивидуализма и личной свободы.

Таким образом, У. Клеар заложил основные черты образа японского солдата – жестокого фанатика, беспрекословно подчиняющегося своим командирам, готового умереть за императора, бездумно верящего в необходимость контроля над всем миром.

Лекция У. Клеара была прочитана довольно узкому кругу слушателей, но в дальнейшем пропагандистские материалы получили широкое распространение среди американских военнослужащих. Одним из основных информационно-пропагандистских источников стал «Бюллетень разведки», с сентября 1942 г. ежемесячно издававшийся Управлением военной разведки военного департамента США. «Бюллетень разведки» содержал информацию об организации, тактике, вооружении войск как Оси, так и антигитлеровской коалиции, и предназначался для распространения среди рядового, сержантского и младшего офицерского состава. Очевидно, что в его материалах не могло не быть пропагандистской составляющей.

Уже в самых первых номерах «Бюллетеня разведки» японская армия характеризовалась как опасный противник. При этом подчеркивалось, что причиной побед японской армии в начальный период войны было не превосходство в тактике или вооружении: «…ни в коем случае, ранний успех японцев не является результатом применения передовой тактики или новейшего вооружения» [8: с. 52]. Акцент был сделан на подготовке японского солдата, его способности действовать внезапно и легко адаптироваться к условиям театра военных действий. Помимо описания стандартных тактических приемов японской армии, большое значение уделялось обманным действиям. В числе прочих упоминалось использование японцами белого флага, имитация сдачи в плен для последующей внезапной атаки. Отмечался факт использования пленных индийских солдат в качестве «живого щита» [8: с. 61]. Описывались случаи, когда раненые японские солдаты убивали американских санитаров, пытавшихся оказать им помощь [6: с. 7–8]. Эти описания, а также раздел, посвященный действиям японской «пятой колонны», должны были подготовить американских солдат к войне, в которой не существует никаких правил, а противник готов на любые действия для достижения цели.

Успешная для США кампания на о. Гуадалканал позволила получить довольно много информации о личном составе вооруженных сил Японии. Особо следует отметить захват личных дневников японских военнослужащих, выдержки из которых публиковались в «Бюллетене разведки». Официально целью публикации дневников называлось изучение по материалам противника эффективности действий американских войск. Однако не вызывает сомнений тот факт, что некоторые эпизоды из дневников относились к «пропаганде ужасов» и имели задачу возбудить ненависть американских солдат к японцам. Так, в одном из дневников показывалась готовность японцев к массовым убийствам пленных: «…в этом районе находилось около 9000 пленных. Все они радовались, наблюдая сегодняшнюю бомбежку. Среди них были и те, кто аплодировал. Все члены моего подразделения, услышав это, согласились, что было бы лучше убить их всех до единого... Конечно, если бы мы были на их месте, мы бы также радовались, как и они. Я полагаю, что это естественно. Однако, зная что пленные были счастливы, я полагаю, что естественно было сказать "убейте их всех"» [5: с. 19].

Еще один отрывок из японских дневников являлся прямым признанием участия в военном преступлении, направленном против гражданских лиц: «13 августа – аборигены привели нам девять австралийских пленных – пять мужчин, троих женщин и одного ребенка. 14 августа – приблизительно в 08:00 мы обезглавили и расстреляли девять пленных» [5: с. 21].

Следует отметить, что главным достоинством этих материалов с пропагандистской точки зрения было то, что эта пропаганда не была явной и агрессивной. По этой причине приведенная информация выглядела убедительно и не вызывала сомнений.

Публикации в «Бюллетене разведки» стремились показать, что ставка японцев на силу духа и моральное превосходство не может привести к реальным достижениям на поле боя. Несколько статей, анализировавших моральные качества японцев, внушали американским солдатам мысль о том, что японцы опасны только как бездумные фанатики, неспособные противостоять грамотной тактике и превосходству в современном вооружении.

В «Бюллетене разведки» за июнь 1944 г. приводятся высказывания лейтенанта японской армии, свидетельствующие о моральном превосходстве японских солдат над солдатами союзников: «Чего ожидать от американцев и австралийцев? Они могут гордиться только своей материальной мощью. Ждите и смотрите! Мы будем вести войну на уничтожение. Чувства каждого офицера и солдата, всей армии заключаются в желании уничтожить всех американцев и австралийцев» [9: с. 81]. В результате американские солдаты признали силу духа японского солдата и поняли, что противостоять японской морали можно, лишь полностью уничтожив ее носителей. Так, Р. Леки, участник боев на о. Новая Британия, охарактеризовал японский боевой дух следующим образом: «Те же японцы, которых мы обнаружили, находились в тяжелейшем состоянии... У них не было оружия, еды и одежды, но остался боевой дух, который не смогли сломить лишения. Именно высочайший боевой дух – неотъемлемая черта японской императорской армии – делал плохо обученного и слабо вооруженного солдата опаснейшим противником. Они все сопротивлялись, и все были уничтожены, в основном заколоты штыками, поскольку стрелять во время патрулирования неизвестной территории опасно» [2: с. 297–298].

Наибольшего размаха публикация информационно-пропагандистских материалов достигла в 1944–1945 гг. В этот период американские вооруженные силы активно участвовали в боевых действиях на островах центральной части Тихого океана, Новой Гвинее, Филиппинах. Кроме того, американское командование готовилось к возможному вторжению на территорию Японии и к противостоянию не только с вооруженными силами Японии, но и со всем японским народом. В данный период было издано несколько подробных справочников, детально рассматривавших вооруженные силы Японии. В первую очередь следует назвать справочник «Soldiers guide to the japanese army. Military intelligence service special series № 27» («Солдатский справочник по японской армии. Специальная серия № 27 Службы военной разведки»). Данная работа также изображает японских солдат бездумными фанатиками: «Пропаганда тщательно лелеет его ненависть к союзникам; его религия, неразрывно переплетенная с его патриотизмом, убеждает его, что он достиг наибольших высот в своей судьбе, находясь в благородной профессии военного» [13: с. 10]. Также подчеркивалась склонность японских солдат к совершению преступлений: «Несмотря на предписания и стимул награждений и премий, преступления и нарушения дисциплины не редки в японской армии. Грабежи, насилие, и злоупотребления – текущие нарушения, и нет особых причин полагать, что обучение преуспело в том, чтобы существенно сократить дезертирство, разрушение военной техники и уход со сторожевых постов» [13: с. 9–10].

Еще одним примером информационно-пропагандистских материалов следует назвать справочник «Handbook of Japanese military force. War department technical manual TM-E 30-480» («Справочник по японским вооруженным силам. Техническое руководство TM-E 30-480 Военного департамента»). В нем особенности японской нации характеризовались следующим образом: «В японской социальной системе нет никакого места индивидуализму. Детям преподают, что как члены семьи они должны слепо повиноваться своим родителям и, забывая собственные эгоистические желания, всегда помогать семье. Эта система повиновения и лояльности расширена на японское общество и жизнь в целом, проникая вверх от семьи, через соседские собрания, школы, фабрики и другие более крупные организации, пока, наконец, все японское государство не наполнится духом самопожертвования и лояльности непосредственно императору» [7: с. 8–9]. Кроме того, в данном справочнике японский солдат характеризуется следующим образом: «…ликующий от военных успехов и наполненный идеями японского расового превосходства японский солдат склонен установить это превосходство над завоеванными людьми и забыть строгие инструкции, данные в период обучения. Зафиксированы многочисленные нарушения законов ведения войны, докладывается о случаях насилия, мародерства, пьянства и грабежей» [7: с. 9].

В сокращенной форме информация о японской армии подавалась в справочнике «Battle experiences against the Japanese» («Опыт в боях с японцами»). В первой главе сформулированы 6 основных характеристик японского солдата, о которых всегда должен был помнить американский военнослужащий: «1. Японцы всегда опасны. 2. Японцы бесчеловечны. 3. Японцы могут скрываться где угодно. 4. Японец не может действовать самостоятельно. 5. Японцы иногда совершают ошибки. 6. Японец всегда готов к смерти» [3: с. 7].

Еще один справочник был целиком посвящен военным хитростям, которые японские солдаты использовали против войск союзников. В справочнике «The Punch below the belt. Japanese ruses, deception tactics and antipersonnel measures» («Удар ниже пояса. Японские хитрости, обманная тактика и действия против личного состава») детально описывались обманные приемы японских солдат. Данная работа подчеркивала, что «…японцы предпочитают бить ниже пояса. Возможно, в военной истории не существовало армии, сравнимой с японской по вероломству и хитрости» [14: с. 1]. Как отмечалось в справочнике, «основной прием –

опасность должна выглядеть безобидной» [14: с. 3]. Данное утверждение в сочетании с утверждениями о том, что японцы готовы умереть за императора и никогда не сдаются в плен, вело к тому, что американские солдаты уничтожали всех японских солдат. Следует отметить, что в отношении японцев эти информационно-пропагандистские материалы были по большей части верны. Большинство японских солдат действительно были готовы умереть за императора, но те немногие, кто осознавали бессмысленность дальнейшей борьбы, не получали возможности сдаться в плен. Опасаясь засады, американские солдаты расстреливали сдающихся в плен и добивали раненых. Нередко жертвами американских солдат становились не идейные самураи, а жители Кореи и Формозы, насильственно мобилизованные во вспомогательные подразделения японской армии.

Результатом использования информационно-пропагандистских материалов стало крайнее ожесточение американских солдат по отношению к противнику. Идеи расового превосходства вели к тому, что японцы воспринимались не как люди, а как объекты охоты. В воспоминаниях морского пехотинца США Р. Леки описывается охота за трофеями после сражения на р. Тенару: «Один из морпехов методично шагал среди мертвых тел с парой щипцов. Он сделал наблюдение, что японцы имеют большую склонность к золотым зубам. Он заглядывал в каждый рот. Он разжимал челюсти со всей сноровкой опытного дантиста с Парк-авеню, затем осторожно, очень осторожно, чтобы, не дай бог, не пораниться и не заразиться, выдергивал все, что блестит. Он хранил золотые зубы в мешочке из-под табака, который всегда носил на шее, как амулет. Мы звали его Сувенир» [2: с. 103]. Подобные случаи описаны в воспоминаниях морского пехотинца Ю. Следжа: «Во время этого затишья солдаты обшарили ранцы и карманы мертвых врагов в поисках трофеев. Это было ужасным занятием, но морские пехотинцы делали это методично. Нашлемные повязки были проверены на наличие флагов, сумки и карманы вывернуты, золотые зубы были вырваны. Мечи, пистолеты и ножи для харакири чрезвычайно ценились и тщательно сохранялись, пока их нельзя было послать домой или продать какому-нибудь пилоту или моряку за круглую сумму» [12]. Дегуманизация противника приводила к таким крайним формам ожесточения, когда японские солдаты воспринимались как неодушевленные объекты: «Когда мы говорили, я заметил такого же минометчика, сидящего рядом со мной. Он держал горстку коралловой гальки в левой руке. Правой рукой он праздно бросал их в открытый череп японского пулеметчика. Каждый раз, когда его подача была верна, я слышал небольшой всплеск дождевой воды в ужасном сосуде. Мой приятель бросал коралловые куски так небрежно, как мальчик, бросающий гальку в лужу на грязной дороге за своим домом; в его действии не было ничего злонамеренного. Война настолько ожесточила нас, что это было невероятно» [12]. В отдельных случаях дегуманизация противника принимала такие крайние формы, что трофеями становились части тел японских солдат: «Он объяснил, что думал, что высушенная японская рука будет более интересным подарком, чем золотые зубы. Так, когда он нашел труп, который был высохшим на солнце и не гниющим, он просто вынул свой Ka-bar и отрезал руку от трупа…» [12].

Таким образом, американская информационно-пропагандистская литература создавала образ японского солдата как жестокого фанатика, беспрекословно подчиняющегося императору, одержимого идеей мирового господства. Подчеркивалась готовность японских солдат к совершению военных преступлений. Готовность японцев сражаться до последнего и частое упоминание об их военных хитростях подталкивали американских солдат к поголовному уничтожению японских солдат без каких-либо попыток уговорить их сдаваться в плен.

С пропагандистской точки зрения созданный образ идеально соответствовал своим задачам и внешне не отличался от той реальности, с которой столкнулись американские солдаты. Что касается реальных глубинных причин поведения японцев, то их анализ не являлся задачей пропаганды. Наконец, подчеркивание расовых различий помогало дегуманизировать врага и снимало с американского солдата любые моральные ограничения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зульцман, Р.* Пропаганда как оружие в войне / Р. Зульцман // Итоги Второй Мировой войны. Выводы побежденных : пер. с нем. Л.К. Камоловой. – СПб. : Полигон; М. : АСТ, 1998. – С. 516–545.

2. *Леки, Р.* Каска вместо подушки. Воспоминания морского пехотинца США о войне на Тихом океане : пер. с англ. С.В. Лисогорского / Р. Леки. – М. : Центрполиграф, 2005. – 367 с.

3. Battle experiences against the Japanese / Headquarters European Theater of operations United States Army. 1945. – URL: http://cgsc.contentdm.oclc.org/cdm/singleitem/collection/p4013coll8/id/4051/rec/1

4. *Clear, W.J.* Close-up of Jap fighting-man. Lecture delivered at the Command and General Staff school Fort Leavenworth Kansas, October 1942 / W.J. Clear. – URL: http://cgsc.contentdm.oclc.org/cdm/singleitem/collection /p4013coll8/id/2921/rec/1

5. Extracts from diaries // Intelligence bulletin. – Vol. I. – № 6 / Washington D. C.: Military Intelligence service. War Department. – 1943. – С. 18–26. – URL: http:/ /www.lonesentry.com/articles/intelligence-report/diaries.html

6. Fighting in the Solomon Islands // Intelligence bulletin. – Vol. I. – № 4 / Washington D.C.: Military intelligence service. War Department. – 1942. – С. 1–15. – URL:

http://www.lonesentry.com/articles/intelligence-report/fighting-solomon-islands.html

7. Handbook of Japanese military force. War Department technical manual TM-E 30-480 / Washington D.C.: United States Government Printing Office. – 1944. – URL: http://www.ibiblio.org /hyperwar/Japan/IJA/HB /index.html

8. Japan: Ground forces. // Intelligence bulletin. – Vol. I. – № 1 / Washington D. C.: Military intelligence service. War Department. – 1942. – С. 52–69. – URL: http://www.lonesentry.com/articles/intelligence-report/ground-forces-japan.html

9. Morale, Characteristics of Japanese soldiers // Intelligence bulletin. – Vol. II. – № 10 / Washington D.C.: Military intelligence service. War Department. – 1944. – С. 80–82. – URL: http://www.lonesentry.com /articles/intelligence-report/morale-japanese.html

10. *Morelli, A.* Principes élémentaires de propagande de guerre / A. Morelli // Investig'Action. – 2011. – URL: http://www.michelcollon.info/Principes-elementaires-de.html?lang=fr

11. *Ponsonby, A.* Falsehood in war-time: Propaganda lies of the First World War / A. Ponsonby // London.: George Allen and Unwin. – 1928. – URL: http://www.vlib.us/wwi/resources/archives/texts/t050824i/ponsonby.html

12. *Sledge, E.B.* With the Old Breed at Peleliu and Okinawa / E.B. Sledge. – New York : Presidio Press, 2007.

13. Soldiers Guide to the Japanese Army. Military intelligence service special series № 27. / Washington D.C.: Military intelligence service War Department. – 1944. – URL: http://cgsc.contentdm.oclc.org/cdm /singleitem/collection/p4013coll8/id/2919/rec/46

14. The Punch below the belt. Japanese ruses, deception tactics and antipersonnel measures. Military intelligence Division special series № 33 / Washington D.C.: United States Government Printing Office. – 1945. – URL: https://archive.org/details/ThePunchBelowTheBelt

ВОПРОС О СОЗЫВЕ ПРИАМУРСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ ПРИМОРЬЯ (МАЙ 1921 Г. – ИЮНЬ 1922 Г.)

Д.А. Ляхов

Ляхов Денис Алексеевич – главный научный сотрудник отдела истории Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова.

Контактный адрес: vispacem@list.ru

В статье рассматривается один из аспектов политической борьбы между различными группировками антибольшевистских сил Белого Приморья в мае 1921 г. – июне 1922 г. Основное внимание уделено анализу нормативно-правовых актов, касающихся создания Приамурского Учредительного собрания.

Ключевые слова: Гражданская война на Дальнем Востоке, Временное Приамурское правительство, Приамурское Народное собрание, Приамурское Учредительное собрание.

В современных кризисных условиях в России продолжается поиск не только путей модернизации экономики, но и оптимальных форм политического устройства. Необходимость проведения определенных реформ в данной сфере осознается как оппозицией, так и высшим руководством страны. В последние годы по этому вопросу высказывается множество часто противоположных точек зрения. На взгляд автора, при решении подобных проблем особенно важно учитывать исторический опыт прошлого, в первую очередь одного из сложнейших периодов отечественной истории – Гражданской войны 1918–1922 гг.

В обозначенном контексте особенно интересен процесс борьбы за будущее политическое устройство страны в рамках антибольшевистских государственных образований Дальнего Востока на завершающем этапе Гражданской войны. В это время в среде противников большевиков наблюдался определенный отход от догматических установок предыдущего периода и соответственно некоторая трансформация взглядов в сторону либерализма западного образца. Вместе с тем частично сохранялись характерные для антибольшевистского лагеря идеологические положения, в частности концепция «непредрешения». Согласно этой концепции после победы над советами предполагалось создание некоего выборного представительного органа власти, наделенного законодательными полномочиями и призванного сформулировать новые правила политической жизни страны. Наиболее четко реализацию данной идеи можно проследить на примере деятельности правительства братьев С.Д. и Н.Д. Меркуловых.

Так, вопрос о необходимости созыва Всероссийского Учредительного собрания поднимался еще в марте 1921 г. в ходе работы так называемого Съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока, проходившего во Владивостоке. В резолюции по текущему моменту, подготовленной политической секцией, конечной целью деятельности противников большевиков называлось восстановление «…Единой, Великой и Свободной России, в которой народу будет обеспечено спокойное и свободное выражение своей созидающей воли через Всероссийское Учредительное собрание» [2]. Решение аграрного вопроса также откладывалось до лучших времен: «…величины наделов, отдаваемые в личную собственность, и размеры земель, выделяемые для нужд государства, промышленности, церкви и монастырей, будут определяться Всероссийским Учредительным собранием» [2]. Таким образом, приморские социалисты с самого начала оставались в плену концепции «непредрешения».

Впоследствии, после переворота во Владивостоке в мае 1921 г., Временное Приамурское правительство (ВПП) во главе с братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми действовало в рамках означенной идеи. Это нашло отражение в издаваемых нормативно-правовых актах и деятельности исполнительной и законодательной ветвей власти. В частности 14 июня 1921 г. ВПП был издан указ № 13 о выборах в Приморское Народное собрание (ПНС). В данном документе отдельно оговаривался срок окончания полномочий ПНС – день созыва Учредительного съезда или же роспуск правительством [1].

В Положении о Приамурском Народном собрании срок деятельности этого представительного органа ограничивался одним годом. Он должен был работать в сессионном порядке (очередные и чрезвычайные сессии). Внеочередные сессии созывались по требованию не менее 50 членов Народного собрания. Впредь до созыва Учредительного съезда продолжительность и перерыв в сессии определялись правительством [4: л. 1 об]. Одной из главных задач ПНС обозначалась выработка специального закона об Учредительном съезде будущего Учредительного собрания, которое должно было избрать постоянные органы всех ветвей Приморской власти. Только будущий Учредительный съезд мог сместить Временное Приамурское правительство. Он также

обладал правом сокращения срока работы Народного собрания и определения его компетенции [4: л. 2]. Можно заключить, что решение важнейших вопросов политического устройства региона сознательно передавалось в ведение Учредительного съезда, который только предполагалось создать. Фактически ПНС исполняло роль временного законодательного органа, призванного решить единственную задачу.

Естественно, в работе приморского парламента вопрос о созыве Учредительного собрания занял важнейшее место. В прениях по различным вопросам данная проблема затрагивалась неоднократно. Так, при обсуждении правительственной декларации в июле 1921 г. депутат от крестьянской фракции П.Л. Назаренко выступал за демократическую республику во главе с Народным собранием, избранным по избирательному закону 1917 г. Через некоторое время (точный срок не оговаривался) предполагался созыв Всероссийского Учредительного собрания [3: л. 46]. Официальную проправительственную позицию в том же обсуждении изложил депутат от фракции Несоциалистического съезда С.М. Широкогоров. Главной задачей деятельности Народного собрания признавалась выработка избирательного закона для созыва Учредительного съезда, который должен был установить постоянную власть в крае и выработать основные законы, определяющие государственный и общественный строй [3: л. 75–80].

Таким образом, идея «непредрешения» оставалась на вооружении приморских властей. Подобный подход, как оказалось, не устраивал оппозицию в лице эсеров, представителей демократической фракции и их союзников. Показательно, что на заседаниях Приамурского Народного собрания обсуждение вопроса о созыве Учредительного съезда проходило очень медленно. Создавшаяся ситуация препятствовала выработке единой стратегии борьбы с большевиками и, в конце концов, стала причиной острейшего конфликта между исполнительной и законодательной ветвями власти Белого Приморья.

Под влиянием все более ухудшавшейся обстановки весной 1922 г., уже после поражения так называемого Хабаровского похода, в Приморье закономерно разразился политический кризис, поводом к которому как раз и послужило обсуждение и принятие на 65-м заседании Приамурского Народного собрания 2 мая 1922 г. Положения о выборах в Приамурское Учредительное собрание [5: л. 280–316].

В отличие от подобных документов периода Гражданской войны на Дальнем Востоке данное Положение подробнейшим образом описывало не только избирательную процедуру, но и полномочия органов власти, непосредственно отвечающих за проведение выборов и подсчет голосов [5: л. 280–305].

Приамурское Учредительное собрание (ПУС) образовывалось из депутатов, избранных на основе всеобщего, равного, без различия пола избирательного права, посредством прямых выборов и тайного голосования на территории, подконтрольной Временному Приамурскому правительству. В городах выборы проходили по пропорциональной системе, а в сельской местности – по мажоритарным округам. Вводилась норма представительства: в среднем 1 депутат на каждые 4000 чел. гражданского населения и 1 депутат на каждые 2000 чинов армии и флота.

Территория, предназначенная для проведения выборов, делилась на избирательные районы двух типов: городские и сельские. Городским избирательным районом считалось каждое городское поселение, управляемое на основании Городового положения, а сельским – каждая волость, станица или поселок городского типа, имеющие более 2000 жителей. Поселки городского типа с населением менее 2000 чел. объединялись в сельский район с ближайшими такими поселками. Число членов Приамурского Учредительного собрания от района определялось делением общего числа жителей на 4000. Если в остатке оставалось более 2000, то число избираемых в данном районе депутатов увеличивалось на 1. Если же в остатке фиксировалась меньшая цифра, то число избираемых депутатов оставалось без изменений. Волость или станица всегда являлась избирательным районом, вне зависимости от численности проживающего населения. Территориальное деление на районы передавалось в ведение Центральной избирательной комиссии (ЦИК) [5: л. 280].

Выборы в полосе Китайско-Восточной железной дороги должны были производиться по специальному закону.

Пассивное избирательное право граждане получали с 21 года, активное – с 25 лет. При этом чины армии и флота имели право голосовать и избираться только по Владивостокскому и Никольск-Уссурийскому городским избирательным районам.

Не имеющими права участвовать в выборах ни в каком качестве признавались сумасшедшие и глухонемые граждане, находящиеся под опекой.

Лишались избирательного права следующие категории лиц:

– осужденные и находящиеся под следствием за тяжкие преступления, кражу, мошенничество, присвоение, растрату вверенного имущества, укрывательство похищенного, подлог, ростовщичество, лихоимство, сводничество и потворство непотребству;

– осужденные за деяния, имеющие целью нарушение свободы и препятствование законному проведению выборов в Приамурское Учредительное собрание, законодательные учреждения и органы самоуправления;

– несостоятельные должники.

Право избирать по определенному избирательному участку получали лишь лица, внесенные в избирательный список этого участка. В список могли быть включены только граждане, проживающие на его территории. Однако никакого временного ценза оседлости не вводилось. Тем самым пассивное избирательное право получали многочисленные беженцы и переселенцы, проживающие на подконтрольной Приамурскому государственному образованию территории. В отличие от пассивного активным правом разрешалось пользоваться без учета места проживания [5: л. 281–282].

Руководство производством выборов возлагалось на Центральную избирательную комиссию, в районах Приморской области – на районные и участковые избирательные комиссии.

В состав ЦИК включались председатель и шесть членов. Председателем по должности становился старший председатель Владивостокской судебной палаты. Члены ЦИК избирались от Приамурского Народного собрания (4 чел.), от Владивостокской городской думы (1 чел.), от Приморской областной земской управы (1 чел.). Товарищ председателя избирался из членов ЦИК ими самими. Отдельно оговаривалось, что ЦИК имела право приглашать для работы представителей отдельных групп и категорий избирателей, но только с совещательным голосом.

Члены ЦИК обладали определенным иммунитетом. Они не подлежали ответственности за высказывания, мнения, голосования при исполнении своих обязанностей; не подлежали аресту без разрешения ЦИК, если только не были пойманы непосредственно на месте преступления. В таком случае судебное преследование могло быть приостановлено до истечения срока полномочий.

Полномочия Центральной избирательной комиссии были достаточно широки, включая в себя не только организационные мероприятия по проведению избирательной кампании, но и осуществление контроля над финансовой составляющей выборов:

– общественное наблюдение и общий контроль за ходом выборов;

– выработку специальных инструкций в дополнение и развитие Положения о выборах в Приамурское Учредительное собрание;

– установление границ избирательных районов;

– составление списков лиц, избираемых в Приамурское Учредительное собрание;

– ведение статистики по выборам;

– распоряжение кредитами, выданными на производство выборов [5: л. 282–283].

Районные избирательные комиссии (РИК) должны были состоять в городах из пяти членов, в сельской местности из трех членов и двух кандидатов к ним. В городах РИК избирались городским самоуправлением (управы и думы), в сельской местности – волостным или земским собранием, станичным сходом, в поселках городского типа – поселковыми думами. Районная избирательная комиссия обладала теми же правами, что и Центральная избирательная комиссия.

В обязанности РИК входили:

– контроль за деятельностью участковых избирательных комиссий (УИК);

– наблюдение над своевременным составлением избирательных списков и их обнародованием;

– рассмотрение протестов и жалоб на действия самоуправления и участковых избирательных комиссий;

– своевременное осведомление населения района о списках кандидатов;

– подсчет голосов по районам и определение тем самым результатов выборов.

Разделение на участки в городах проводила городская дума, в сельской местности участком являлось каждое сельское сообщество. Участковые избирательные комиссии назначались в городах районными избирательными комиссиями, в сельской местности три члена УИК избирались населением сельского общества. Дополнительно в УИК включался представитель от избирателей, заявивших кандидатский список и указавших своего представителя в члены УИК. В районные избирательные комиссии также и на тех же основаниях включался представитель от избирателей. В обязанности участковых избирательных комиссий входили прием и первоначальный подсчет голосов [5: л. 283–285].

Голосование как в городах, так и в сельской местности должно было проходить согласно избирательным спискам, которые, в свою очередь, предоставлялись городскими управами, казачьим поселковым и местным самоуправлением. В избирательных списках для идентификации голосующего обозначались фамилия или прозвище, имя, отчество, возраст, место проживания. Граждане сами контролировали внесение себя в списки избирателей. Избиратели получали избирательные карточки, дававшие право участвовать в голосовании, на себя и членов семьи по удостоверению личности. Списки обнародовались не позднее чем за 30 дней до даты проведения выборов. В течение пяти дней разрешалось подавать жалобы и протесты, которые рассматривали участковые и районные избирательные комиссии в течение трех дней. Решения избирательных комиссий можно было обжаловать в Окружном суде. Исправленные списки избирателей обнародовались не позднее семи дней до выборов [5: л. 285–287].

Как уже отмечалось, выборы в городах производились путем подачи голосов за один из заявленных кандидатских списков, в сельской местности – подачей голосов за того или иного кандидата из

общего кандидатского списка. Кандидатские списки подавались на рассмотрение районной избирательной комиссии группами избирателей не позднее 20 дней до выборов. Для того, чтобы список считался действительным, требовались подписи не менее 25 чел., имеющих избирательное право в данном районе, с указанием фамилии, имени, отчества и места проживания. К этому прилагалось заявление кандидатов о согласии участвовать в выборах в данном районе по данному списку. Число предлагаемых кандидатов в списке не должно превышать число депутатов, избираемых в районе. Один кандидат имел право баллотироваться не более чем в пяти районах, в том числе одном сельском. Если списки были неправильно оформлены, их разрешалось подать вновь не позднее чем за 15 дней до голосования. Избирательные списки публиковались в обязательном порядке также за 15 дней до даты проведения выборов. В сельской местности кандидаты в депутаты выдвигались либо сельскими и поселковыми сходами с представлением приговоров сходов, либо по той же процедуре, что и в городах [5: л. 287–290].

Голосование производилось посредством подачи избирательных записок при предъявлении избирательных удостоверений (карточек), которые подготавливались участковыми избирательными комиссиями. В сельской местности ввиду организационных и материальных проблем разрешалось обойтись без избирательных удостоверений. Выборы проходили в течение трех дней. Заседания участковых избирательных комиссий носили публичный характер. Всему происходящему в участковой избирательной комиссии велся протокол [5: л. 292–294].

В городах число депутатов определялось пропорционально количеству голосов, отданных за тот или иной избирательный список. Если один и тот же кандидат в депутаты избирался в городе и в сельской местности, то он проходил в Приамурское Учредительное собрание по мажоритарному округу. В сельской местности победитель определялся простым большинством голосов. Выбывшие по тем или иным причинам депутаты в городах замещались следующими кандидатами по определенному избирательному списку, в сельской местности – путем проведения частичных выборов в конкретном районе [5: л. 295–298].

Документ касался только выборов и не определял полномочия депутатов. Однако в нем отмечалось, что члены Приамурского Учредительного собрания обладали личной неприкосновенностью.

В отдельной главе Положения говорилось об ответственности за ограничение свободы голосования, правильности выборов и неприкосновенности депутатов. Так, всяческое препятствование выборам, мошенничество со списками каралось достаточно жестко, вплоть до ареста и тюрьмы [5: л. 289].

В данном документе впервые настолько подробно формулировались законодательные основы избирательной системы и освещались полномочия избирательных комиссий всех уровней. Важнейшее значение имела отмена ограничительного пункта о неучастии в выборах «политически неблагонадежного населения». Введенные изменения фактически разрешали участие в голосовании всем оппозиционным силам, недовольным работой Временного Приамурского правительства, вплоть до левых социалистов, анархистов и большевиков. Подобная ситуация не могла устроить приморские власти, поскольку принятый депутатами законодательный акт напрямую противоречил базовым политическим установкам правящего режима.

Чтобы не допустить выборов по новому избирательному закону, С.Д. Меркулов предложил созвать новое представительное собрание по типу Земского собора. Одновременно правительство обвинило парламент в заговоре и 31 мая 1922 г. распустило его своим указом. Белоповстанческая армия также оказалась расколотой. Бывшие семеновские и некоторые каппелевские части остались на стороне меркуловского режима. В ходе разразившегося острого политического кризиса победу в Приморье все же одержала правительственная группировка, поддержанная каппелевскими войсками. Белый режим в Приморье начал скатываться к откровенной военной диктатуре монархического толка.

Таким образом, следование концепции «непредрешения» нанесло серьезный вред антибольшевистским силам Дальнего Востока. Затягивание принятия важных и жизненно необходимых решений на фоне постоянно ухудшающейся военно-политической и финансовой обстановки приводило не только к усилению внутренних противоречий, но и к утрате социальной базы. Противостоящая Временному Приамурскому правительству Дальневосточная республика, имеющая четкую программу социально-экономического развития и выступающая за прекращение иностранной интервенции, пользовалась значительно большей поддержкой населения. В условиях Гражданской войны поражение Белой идеи в Приморье было практически неизбежным ввиду перманентного недостатка финансов, зависимости от иностранных государств и, что следует подчеркнуть особо, нерешительности при формировании и реализации политической повестки дня. Это наглядно показали события в регионе осени 1922 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник Временного Приамурского правительства. – 1921. – № 2. – 30 июня.

2. Вестник Съезда несоциалистических организаций Дальнего Востока. – 1921. – 28 марта.
3. Государственный архив Приморского края. – Ф. Р-1495. – Оп. 1. – Д. 25.
4. Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. Р-927. – Оп. 1. – Д. 83.
5. РГИА ДВ. – Ф. Р-927. – Оп. 1. – Д. 167.

ИНКЛЮЗИВНЫЙ МЕТОД СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ОСОБЫМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ В УСЛОВИЯХ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА

О.О. Олифер

М.В. Сокольская

Олифер Ольга Олеговна – соискатель ученой степени кандидата наук, старший преподаватель кафедры психологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей, юридической и инженерной психологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск).

Контактный адрес: mvsokolskaya@mail.ru

В статье обсуждается проблема ранней социализации детей с особыми образовательными потребностями. Обоснована роль инклюзивного обучения в решении этой важнейшей проблемы современности. В частности, представлены результаты эмпирического исследования, убедительно доказывающие возможности социализации детей с особыми образовательными потребностями, если для них будут созданы условия, позволяющие обучаться вместе с их здоровыми сверстниками. В исследовании приняли участие учителя, родители и дети младшего школьного возраста, среди которых были здоровые школьники и дети с особыми образовательными потребностями, часть их которых обучалась инклюзивно, а часть находилась на домашнем обучении. Исследование проводилось на базе общеобразовательных школ г. Хабаровска в 2015 г.

Ключевые слова: дети с особыми образовательными потребностями, младшие школьники, инклюзия, социализация, общие образовательные школы, домашнее обучение.

Одной из наиболее актуальных демографических и социально-экономических проблем российского социума на современном этапе является включение в общество детей с особыми образовательными потребностями. В России сегодня наблюдается стабильное сокращение численности населения трудоспособного возраста и сохраняется тенденция к ухудшению его качественного состава, в связи с чем проблема социализации детей с особыми образовательными потребностями приобретает особую актуальность и значимость.

В 2013 г. в России насчитывалось более 2 млн детей с ограниченными возможностями (8 % всей детской популяции), из них около 600 тыс. – дети с инвалидностью. Ежегодно численность детей данной категории увеличивается [2].

Ребенок с особыми образовательными потребностями (ООП) – это ребенок с нарушениями, вследствие которых к нему нужно применять особые образовательные программы, отличные от стандартных. Детьми с особыми образовательными потребностями могут быть как дети с психофизическими нарушениями, так и дети, не имеющие таковых. В последнем случае особые образовательные потребности могут быть обусловлены социокультурными факторами.

Важнейшая проблема образования – доступность для социальных групп, которые имеют невыгодные стартовые условия. Особое место среди них занимают дети с особыми образовательными потребностями. Получению качественного образования такими детьми препятствуют множественные ограничения, которые связаны с социальным неравенством. Исследования в области социологии, которые проводились в Российской Федерации и на Западе начиная с 60-х гг., показали, что образование склонно подтверждать и отражать существующее социальное неравенство. Так как ответственность за результаты обучения возлагается на педагогов, то в итоге больше всего внимания уделяется способнейшим, лучшим школьникам, а дети с ограниченными возможностями оказываются в низах школьной иерархии [2].

На сегодняшний день отношение к детям с ООП изменилось: практически никто не возражает, что образование должно быть доступно для всех детей, главный вопрос в том, как сделать так, чтобы такой ребенок получил и богатый социальный опыт, и реализовал свои образовательные потребности. Следовательно, вопросы из идеологической плоскости переместились в исследовательские, методические и организационные плоскости.

В 2008 г. Россия подписала Конвенцию ООН «О правах инвалидов». В ст. 24 Конвенции говорится том, что в целях реализации права на образование государства-участники должны обеспечить инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни человека [10; 11].

Инклюзивный подход предполагает понимание различных образовательных потребностей детей и предоставление услуг в соответствии с этими потребностями через более полное участие в образовательном процессе, привлечение общественности и устранение дискриминации в образовании, создание условий для совместного обучения детей с ограниченными возможностями и их здоровыми сверстниками [4].

Большими проблемами на пути продвижения инклюзии остаются: неучтенность различного уровня нужд и потребностей детей с ООП в зависимости от уровня ограничений жизнедеятельности для формирования поддерживающих услуг и доступной среды при организации целевого финансирования; неориентированность стандартов образования на обучение таких детей [2; 4–6].

Инклюзивное образование включает в себя не только обучение и воспитание детей с ООП совместно с их нормально развивающимися сверстниками в общеобразовательной школе, но и их социальную адаптацию, которая является важнейшим условием адекватного и эффективного вхождения детей в социум. Практика свидетельствует, что включение детей с ООП в общие образовательные школы становится катализатором преобразований, которые ведут к улучшению условий обучения всех детей.

Включение детей с ООП в общие образовательные школы необходимо начинать с первых классов, в связи с тем что психологически возраст младших школьников сензитивен к формированию социальных представлений. В этом возрасте для детей не характерно наличие устойчивых стереотипов. Создание фиксированной установки на признание ценности личности другого независимо от его отличий, инвалидности и пр. определяет готовность младших школьников к актуализации в образе другого ребенка именно тех свойств, качеств, характеристик, которые позволят взглянуть на него с позиций равноправия [8].

Личность ребенка с особыми образовательными потребностями формируется позже, сложнее и, безусловно, требует особого внимания со стороны родителей, воспитателей, педагогов и прочих участников образовательного процесса. Взаимопомощь и отзывчивость у детей с нарушениями интеллекта имеет характерные особенности, связанные с общими отклонениями в развитии их нравственных представлений и нравственного поведения. Формальное усвоение младшими школьниками с особыми образовательными потребностями морально-этических знаний препятствует выделению и осознанию наблюдаемых в повседневной жизни этических ситуаций. По мере того как жизненный опыт младших школьников с ООП обогащается знанием этических норм и представлений, приобретаются навыки социально значимых действий, вырастают возможности альтернативных решений. Постепенно развивается способность совершенствовать свое поведение на основе полученных знаний о морали.

Эффективность формирования социально-перцептивного опыта в условиях инклюзивного образования во многом определяется тем, как организован процесс овладения соответствующими знаниями, умениями, навыками, и чем богаче и разнообразнее взаимодействие ребенка с другими, тем больше у него возможностей социального познания и шире его социально-перцептивный опыт.

В связи со всем вышесказанным была поставлена цель – обосновать возможность использования инклюзии как метода социализации детей с особыми образовательными потребностями в условиях школьного образования Дальневосточного региона.

Методологическую основу исследования составляют: целостный подход (В.С. Ильин, Б.Г. Гершунский, А.С. Макаренко и др.); личностный подход (Е.В. Бондаревская, А.Н. Леонтьев, В.В. Сериков и др.); идеи по развитию детей с особенностями в развитии, предлагаемые А. Адлером, Л.С. Выготским и другими учеными; психолого-педагогические технологии создания условий для развития детей, требующих специальной коррекции и реабилитации (А.Л. Найн, Л.Г. Гуслякова, В.П. Кащенко, Е.А. Екжанова и др.); концептуальные модели индивидуализации обучения (И. Унт, А.С. Границкая, В.Д. Шадриков и др.); социальные аспекты инклюзивного образования (Е.Ю. Шинкарева, Н.Н. Малофеев, В.З. Кантор, Д.В. Зайцев, Н.В. Антипьева, Л.И. Акатов и др.) [1; 3–7; 9 и др.].

В качестве общенаучных применялся широкий набор методов исследования: анализ психолого-педагогической, социологической, социальной и медицинской научной литературы, наблюдение, включенное наблюдение, анкетирование, опрос, тестирование.

При проведении эмпирического исследования использовался комплекс психодиагностических методов, позволяющий получить развернутую картину уровня социализации детей с ООП – выявить социальную адаптацию, статус в группе, характеристики личности и поведения: многофакторный личностный опросник для младших школьников Р.Б. Кеттелла (CPQ); исследование самооценки Дембо–Рубинштейна в модификации А.М. Прихожан; фрустрационный тест Розенцвейга (детский вариант); рисуночный апперцептивный тест (РАТ).

В исследовании приняли участие 123 человека, из них 83 взрослых и 40 детей. Взрослые: 19 – педагоги общеобразовательных учреждений, 22 – родители здоровых детей, 42 – родители детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья. Дети младшего школьного возраста: 27 детей с нарушением слуха I степени – не превышает 50 дБ и II степени – от 50 до 70 дБ, из них 13 девочек и 14 мальчиков; из этих детей 12 человек обучаются в массовой школе в инклюзивных классах, а 15 человек обучаются на дому; 13 здоровых детей, среди которых 5 девочек и 8 мальчиков. Исследование проводилось на базе общеобразовательных школ г. Хабаровска в 2015 г.

На первом этапе эмпирического исследования взрослым респондентам (учителя и родители) была предложена анкета с целью выявления их отношения к возможности совместного обучения в общеобразовательных школах здоровых детей и детей с особыми образовательными потребностями.

В индивидуальной беседе 4,5 % из общего числа опрошенных родителей здоровых детей и 4,8 % родителей детей-инвалидов высказали мнения о том, что совместное обучение с детьми-инвалидами возможно по соматическому состоянию здоровья, но не с детьми с заболеваниями центральной нервной системы или психическими расстройствами. Подобная установка, разделяющая детей-инвалидов на «хороших» и «плохих», характерна для современного общества. Многочисленные исследования психологов подтверждают, что наиболее приемлемыми партнерами по общению и взаимодействию здоровые дети и их родители считают детей-инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата и с соматическими заболеваниями. Наименее готовы здоровые члены общества строить межличностные отношения с детьми-инвалидами с умственной отсталостью и психическими заболеваниями.

Большинство опрошенных родителей считают, что образовательная инклюзия с детьми с ООП вполне возможна и даже необходима, однако такого же мнения придерживаются не более 30 % учителей. Незначительное количество учителей выразили готовность работать с такими школьниками наравне с обычными. Только 1/5 часть учителей считают, что их уровень квалификации позволит работать с детьми с ООП. Результаты опроса также показали, что нежелание учителей обучать детей-инвалидов в массовой школе связана не с отрицательным отношением педагогов к самим детям, а с отсутствием четко разработанной системы обучения таких детей в общеобразовательной школе, отсутствием учебных программ для инклюзивных классов и критериев оценки таких учеников.

Второй этап исследования заключался в изучении возможности социализации детей младшего школьного возраста с особыми образовательными потребностями в условиях инклюзивного обучения в процессе школьного образования. Исследование детей с ООП с использованием многофакторного личностного опросника Р. Кеттела позволило выявить их личностные особенности.

Высокие значения в двух группах испытуемых были получены по фактору –Е «Конформность» – 30,5 % в группе детей с ООП, обучающихся в инклюзивных классах, и 42,4 % в группе детей, обучающихся на дому. Фактор Е+ «Доминантность» получил низкие значения в группах детей с ООП – 6,3 и 4,8 % соответственно. Показатели, полученные по этому фактору, подтверждают высокую степень зависимости ребенка-инвалида от социальной среды. Наименьшее значение фактора «Конформность» в группе детей-инвалидов, обучающихся в инклюзивных классах, говорит о том, что эти дети менее подвержены влиянию авторитетных лиц и группы, к которой они принадлежат, чем другие дети-инвалиды и их сверстники. Однако сравнение полученного результата с результатами, получаемыми в группах здоровых детей того же возраста, показывает значительное расхождение. Здоровые дети, напротив, демонстрируют немного более завышенные показатели по фактору Е+ «Доминантность» – 31,2 %.

Высокие оценки были получены по фактору G+ «Высокое Супер-Эго»: 47,2 % в группе детей с ООП, обучающихся инклюзивно; 36,2 % в группе детей с ООП, обучающихся на дому. Находясь в высокой степени зависимости от окружающих и прежде всего от взрослых, ребенок-инвалид стремится проявлять качества, поощряемые взрослыми, – благоразумие, рассудительность, осторожность и т.д. Отсутствие социального опыта делает его менее склонным к риску, менее энергичным и активным по сравнению с его здоровыми сверстниками.

Фактор Q3+ «Контроль желаний». Наибольшие количественные значения по данному фактору были получены в группе детей с ООП, обучающихся в инклюзивных классах, – 38,2 %, т.е. им свойственна лучшая социальная приспособленность и более успешное овладение требованиями окружающей жизни. В группе детей с ООП, обучающихся на дому, этот показатель составил 24,4 %. Несмотря на некоторые различия, в целом уровень показателей по этому фактору в обеих группах детей с ООП свидетельствует о их социальной готовности и возможности адаптации.

Наиболее высокие показатели по фактору – С «Слабость "Я"» получены в группе детей с ООП, обучающихся на дому, – 26,2 %. Будучи выключенным из ситуации социального взаимодействия, ребенок с ООП лишается ориентиров для своего развития. В отсутствие накопления опыта преодо-

ления сложностей у такого ребенка формируется тактика избегания неудач, вследствие чего ребенок остро реагирует на малейшие неудачи, не принимает критики со стороны, не умеет контролировать свое настроение и эмоции.

Дети с ООП, обучающиеся инклюзивно, склонны оценивать себя как менее способных по сравнению со своими здоровыми сверстниками. Желание выглядеть не хуже других детей и успешно справляться со школьными требованиями приводит к повышенному самоконтролю и избыточному желанию приспособится к любой социальной ситуации. Однако ситуация постоянного напряжения и жесткого внутреннего контроля, являясь психологически сложной и стрессовой, оказывает непрестанное давление на ребенка, что может выражатся в аффективных вспышках, неустойчивости настроения.

Данные, полученные по фактору – С «Слабость "Я"» коррелируют со значениями фактора – Q4 «Фрустрированность», характеризующего ребенка как напряженного, раздражительного и фрустрированного. Наибольшие значения получены в группе детей с ООП, обучающихся инклюзивно, – 16,8 %. Эти данные подтверждают выводы о том, что ситуация, в которой ребенок-инвалид постоянно сравнивает себя с нормально развивающимися сверстниками, является для него стрессовым фактором. Отсутствие более удачливых сверстников и способных одноклассников делает саму ситуацию обучения менее фрустрирующей для детей-инвалидов, обучающихся дома, чем для детей-инвалидов – учеников общеобразовательных школ, где их одноклассниками могут быть более способные и успевающие здоровые дети. Однако нахождение в такой фрустрирующей ситуации заставляет детей-инвалидов учиться контролировать себя и свои эмоции, что позволяет им эффективнее вписаться в социальную жизнь, учит пониманию социальных норм и правил.

Это подтверждается данными, полученными по фактору – А «Шизотимия»: дети с ООП, обучающиеся инклюзивно, получили вдвое более высокий показатель – 23,4 %, чем дети, обучающиеся дома, – 12 %. Большинству детей с ООП свойственна замкнутость, недоверчивость и обособленность. В группе детей с ООП, обучающихся инклюзивно, эти качества выражены в большей степени вследствие актуализированной потребности такого ребенка быть включенным в детский коллектив, с одной стороны, и отсутствием навыков эффективного общения, с другой.

Таким образом, дети с ООП нуждаются в постоянной поддержке и больше, чем другие дети, подвержены влияниям окружающей среды, что коррелирует с данными, полученными по фактору «Конформность».

Смещение значений в сторону высоких получено по фактору – D «Флегматичность» во всех группах детей с ООП. Однако наибольшие значения выявлены в группе детей, обучающихся на дому, – 17,9 %, наименьшее – 13,9 % – у обучающихся инклюзивно. Фактор «Флегматичность» характерен для неторопливых, сдержанных детей, что отражает потенциал детей-инвалидов, который, однако, нередко остается нераскрытым вследствие социальной неопытности и страха этих детей, препятствующих проявлению их ресурсных качеств в социальном взаимодействии.

Результаты исследования личности детей с ООП позволили выявить значимые различия, присущие таким детям и обусловленные их развитием и обучением. Наиболее прерывистыми, скачкообразными, с одним или несколькими яркими пиками являются профили детей с ООП, обучающихся на дому. Более высокие значения по большему числу факторов в группе детей с ООП, обучающихся инклюзивно, свидетельствуют о более плавном распределении личностных характеристик, т.е. о большей гибкости этих детей, их социальной приспособленности, возможности эффективной социальной адаптации.

Корреляционный анализ не выявил значимых различий личностных особенностей между детьми с ООП, обучающимися инклюзивно, и их здоровыми сверстниками, что является важным фактором, подтверждающим возможности инклюзивного обучения как метода социализации детей с ООП.

Результаты изучения самооценки (методика Дембо–Рубинштейна) показали, что в обеих группах детей с ООП преобладает очень высокий уровень самооценки, но наибольшее количество детей с такой самооценкой выявлено в группе, обучающейся на дому, – 50 %. Неадекватные показатели самооценки детей данной группы связаны с их замкнутым образом жизни, отсутствием возможности полноценно контактировать с миром. В семьях, воспитывающих детей-инвалидов, наиболее частая форма воспитания – гиперопека, которая способствует превращению ребенка в «кумира семьи», в результате формируется завышенная самооценка, не соответствующая реальным возможностям ребенка и его актуальной ситуации развития.

В группе детей с ООП, обучающихся инклюзивно, показатели самооценки более реалистичные: у 40 % детей очень высокий уровень самооценки; у 20 % – высокий и 3,3 % – средний. Инклюзивное обучение дает возможность ребенку с ООП создавать широкие социальные связи, чаще участвовать в общественной жизни, что позволяет получить отражение себя и своих поступков от участников общественных отношений и на основании этого сформировать реальную, соразмерную собственным возможностям Я-концепцию.

Анализ результатов исследования реакций на неудачу и способов выхода из ситуаций, препятствующих деятельности или удовлетворению потребностей личности (тест Розенцвейга), показал, что ни в одной из групп детей с ООП не был выявлен очень высокий уровень коэффициента групповой конформности. Данный результат указывает на сложности, испытываемые всеми детьми с ООП в процессе адаптации к их социальному окружению. Независимо от самого окружения ситуация раннего развития, дошкольного детства не позволила этой категории детей выработать эффективные стратегии социальной адаптации и межличностного взаимодействия.

Высокий уровень коэффициента групповой конформности был получен у 20 % детей с ООП, обучающихся инклюзивно, что характеризует адаптационный потенциал детей с ОПП, который, тем не менее, не развивается достаточно активно. Дети с ООП включаются в окружающую действительность, как показывают исследования, в основном на поверхностном уровне, предпочитая не погружаться всецело в жизнь социума, не создавать тесных связей с окружающими людьми.

Дети с ООП в обеих группах продемонстрировали преобладание экстрапунитивных реакций: 41,7 % детей, обучающихся инклюзивно, и 60 % детей, обучающихся на дому. Этот тип направления реакции связан с экстернальным локусом контроля, при котором ребенок склонен преувеличивать значение и влияние внешних факторов на происходящие события, снимая при этом с себя ответственность за происходящее.

Результаты исследования интропунитивного типа реагирования указывают на то, что дети с ООП, обучающиеся инклюзивно, в большей степени, чем их сверстники с ООП, обучающиеся на дому, склонны к проявлению интернального локуса контроля в своем поведении, при котором выражено стремление брать ответственность за происходящие события на себя.

При импунитивном типе реагирования фрустрирующая ситуация рассматривается как нечто незначительное или неизбежное, преодолимое со временем, обвинение окружающих или самого себя отсутствует. Наибольший процент данного типа реагирования (25 %) был получен в группе детей с ООП, обучающихся инклюзивно, т.е. этим детям свойственно адекватное отношение к событиям своей жизни.

Результаты исследования типов реакций детей с ООП в обеих группах показали, что наиболее часто такие дети используют самозащитную реакцию, т.е. ребенок-инвалид воспринимает окружающий мир как опасный и угрожающий для себя, и все его усилия сосредоточены на самозащите.

Наименьший процент ответов был получен по препятственно-доминантному типу реакции: среди детей с ООП, обучающихся в инклюзивных классах, – 16,7 % и среди детей, обучающихся на дому, – 13,3 %. Препятственно-доминантный тип реакции характеризует фиксацию испытуемого на препятствии. Дети с ООП менее, чем на самозащите, склонны сосредоточиваться на ситуации препятствия.

Необходимо-упорствующий тип реакции, характеризующийся фиксацией на удовлетворении потребности, продемонстрировали 25 % детей с ООП, обучающихся инклюзивно, и 40 % детей, обучающихся на дому. Дети с ООП предпочитают ждать удовлетворения своих потребностей от ближайшего окружения.

Анализ полученных данных позволяет охарактеризовать поведение ребенка с ООП в ситуации фрустрации: дети с ООП, обучающиеся инклюзивно, используют все три типа реакций, но фиксация при любой из них – самозащита.

В этой группе наблюдается меньший разброс данных по факторам, направлениям и типам реакций, ответы распределены более равномерно, что свидетельствует о широком поведенческом репертуаре детей с ООП, обучающихся в инклюзивных классах. Они способны приспосабливаться к меняющимся условиям, правильнее оценивают ситуацию и выбирают адекватные методы реагирования.

Поведенческие паттерны детей с ООП, обучающихся на дому, более жестко детерминированы. Им свойственна склонность преимущественно к экстрапунитивным реакциям, но выявлен значительный разброс в показателях по факторам. Такая картина указывает на определенные поведенческие предпочтения и закрепившиеся реакции. Вне зависимости от реальной ситуации, в которой они находятся, дети с ООП, обучающиеся на дому, прибегают к стереотипному, привычному для них образу действий. Подобное поведение затрудняет социальную адаптацию испытуемых, делает их менее приспособленными, гибкими, готовыми быстро и адекватно реагировать на меняющиеся условия жизни.

С целью исследования движущих сил личности – внутренних конфликтов, влечений, интересов и мотивов – детям с ООП был предложен рисованный апперцептивный тест (РАТ).

В группах детей с ООП, обучающихся инклюзивно и на дому, процент рассказов с тематикой поиска дружбы составил 41,5 и 46,9 % соответственно, что говорит о значимости и актуальности этой темы для данной категории детей.

В рассказах детей с ООП, обучающихся на дому, главный герой чаще всего выступает как пассивный участник происходящих событий, рассказ ведется от третьего лица. Они не стремятся брать

на себя ответственность за построение взаимоотношений со сверстниками, быть инициаторами дружбы.

Тематика доминантности, присутствующая в рассказах детей с ООП, обучающихся инклюзивно, характеризует их стремление оказывать влияние на окружающих людей, руководить ими. Таким образом, лидерский потенциал ребенка с ООП, обучающегося инклюзивно, выше, чем у ребенка с ООП, обучающегося дома. Полученный результат связан с ситуацией бóльших социальных возможностей, которые предоставляются ребенку в массовой школе, где помимо учебной деятельности существует большое количество других возможностей для проявления своего потенциала и получения признания со стороны одноклассников, а возможно, и превосходства над здоровыми сверстниками.

Существенный процент в историях детей с ООП, обучающихся инклюзивно, принадлежит тематике отвержения, характеризующей их стремление к прерыванию отношений, грубости и неуступчивости – 24,9 % и в группе детей с ООП, обучающихся на дому, – 6,7 %. В большинстве рассказов детей с ООП обеих групп отвергающим фактором является не главный персонаж, которого ребенок бессознательной ассоциирует с собой, а второстепенные герои, «они», бессознательно ассоциирующиеся у ребенка с окружающим его обществом – сверстниками, одноклассниками, взрослыми.

В группе детей с ООП, обучающихся дома, процент рассказов, посвященных подобной тематике, намного ниже (6,7 %), чем в группе детей, обучающихся в инклюзивных классах. Узость социальных контактов, закрытость семейного мира позволяют ребенку, обучающемуся дома, избегать многих социальных ситуаций, связанных с унижением, оскорблением, отвержением детей, имеющих недостаток в развитии. Обучение в массовой школе предполагает участие в социальном взаимодействии ребенка с ООП, однако неготовность общества к принятию таких детей очень часто проявляется в грубом обращении, оскорблении и унижении их как здоровыми детьми, так, к сожалению, и взрослыми.

Значительное число рассказов детей с ООП в обеих группах было посвящено желанию ребенка быть в центре событий: 24,9 % у обучающихся инклюзивно и 33,5 % у детей, обучающихся на дому.

Невозможность проявить себя, выразить свои индивидуальные способности, продемонстрировать собственную уникальность в обществе является причиной компенсаторного стремления быть центром событий, получения внимания от большого количества посторонних людей. В условиях общеобразовательной школы ребенок с ООП имеет больше возможностей для проявления своей индивидуальности и уникальности в коллективе, в общественной жизни, чем ребенок, обучающийся дома. Реализация этих возможностей, проявление себя в социальном взаимодействии приводит к тому, что потребность во внимании со стороны, в признании, будучи реализованной, не является столь актуальной для ребенка с ООП – ученика массовой школы, как для его сверстника, обучающегося на дому.

Рассказы на тематику игры показали следующие результаты: 16,6 % в группе детей с ООП, обучающихся инклюзивно, и 20,1 % в группе детей, обучающихся на дому. Тема игровой деятельности присуща детям, проявляющим в своем поведении такие черты личности, как оптимизм, беззаботность и безответственность. Данные результаты могут быть связаны с бóльшей личностной зрелостью детей с ООП, обучающихся в инклюзивных классах.

Тематика рассказов, в которых предпочтение было отдано приспособлению, также преобладала у детей с ООП, обучающихся в инклюзивных классах, – 24,9 %, а в группе детей с ООП, обучающихся на дому, – 13,4 %. Приспособление характеризует пассивную подчиняемость испытуемого внешним факторам или обстоятельствам, предполагая, наряду с этим, его умение приспосабливаться к существующей действительности. Исходя из полученных данных можно предположить, что дети с ООП, обучающиеся в инклюзивных классах, в большей степени готовы приспосабливаться к меняющимся требованиям окружающей их среды. Респонденты этой группы проявляют бóльшую социальную гибкость.

Тематика «поиск покровителя», предполагающая умение испытуемого спрашивать совета, прислушиваться к мнению окружающих, искать «сильных» друзей, также присуща детям, нуждающимся в мягком обращении, неуверенным в себе и своих перспективах. В группе детей с ООП, обучающихся в инклюзивных классах, количество рассказов с данной тематикой составило 41,5 %, среди обучающихся на дому – 20,1 %.

Несмотря на то что детям с ООП, обучающимся инклюзивно, свойственен более высокий уровень фрустрации и неуверенности в себе, но, наряду с этим, подобная ситуация, вынуждая их приспосабливаться к требованиям широкой социальной среды, развивает адаптивные возможности их личности, такие как социальная гибкость, настойчивость, стремление к лидерству и т.д. Такой ребенок умеет, в отличие от сверстников в двух других группах, обратиться к окружающим за помощью, больше доверяет миру. Это подтверждается и результатами исследования рассказов по тематике «помощь другим». Дети с ООП, обучающиеся в инклюзивных классах, показали 8,3 %, а дети с ООП, обучающиеся на дому, – 6,7 %. Дети с ООП, обучающиеся на дому, в меньшей степени демонстрируют склон-

ность к проявлению заботы о других и оказанию помощи окружающим.

Тематика агрессии в большей степени была выявлена в группе детей с ООП, обучающихся в инклюзивных классах, – 16,6 %, тогда как у детей, обучающихся на дому, таких историй выявлено 6,7 %. Агрессия в данном случае выступает как стремление самоутвердиться, одержать победу над соперником. Известно, что для успешного социального функционирования необходимо определенное присутствие в структуре личностных характеристик такого свойства, как ассертивность. Ассертивность личности помогает ее носителю добиваться успехов в социуме, где условием достижения чего-либо является участие человека в здоровой конкурентной борьбе. Ребенок-инвалид, находящийся в обществе здоровых сверстников, неизбежно включается не только в процесс поиска друзей и позитивного социального взаимодействия, но становится также участником конкурентной борьбы, присущей любым социальным сообществам.

Таким образом, незначительное превышение агрессивной тематики в рассказах детей с ООП, обучающихся в массовой школе, свидетельствует об их бóльшей готовности к успешной жизни в социуме, чем у испытуемых, находящихся на домашнем обучении. Готовность отстаивать собственные интересы, активно участвовать в построении собственной жизни делает их социально подготовленными к ней. Это предположение находит подтверждение в результатах, полученных по теме доминантности, где испытуемые данной группы показали также наиболее высокий результат – 8,3 % в сравнении с группой детей с ООП, обучающихся на дому, – 6,7 %.

Анализируя данные, полученные по всем темам историй, представленным детьми с ООП обеих групп, необходимо заметить, что так же, как и в предыдущих исследованиях, выявлен значительно больший диапазон различной тематики в рассказах детей, обучающихся инклюзивно. Содержание рассказов детей этой группы отличалось большей насыщенностью и разнообразием, сюжеты были более сложными и интересными. Дети этой группы коснулись большего количества возможных тематик в своих рассказах.

Дети с ООП, обучающиеся на дому, испытывали сложности при прохождении этого теста. Они с большим трудом находили тему для рассказа, отношения между героями описывали линейно и однообразно. Диапазон тем, к которым прибегали дети этой группы, значительно у́же по сравнению с тематикой, рассматриваемой детьми в других группах. Респонденты данной выборки оставили без внимания такие темы, как социабельность, самозащита и порядок.

Результаты исследования показали, что дети с ООП, обучающиеся в инклюзивных классах, более социализированы, они свободнее идут на контакт в сравнении с детьми с ООП, находящимися на домашнем обучении. Полученные результаты свидетельствуют в пользу обучения детей с особыми образовательными потребностями при соответствующих медицинских показаниях и индивидуальных возможностях в общеобразовательных школах. Этой проблеме следует уделять больше внимания на государственном уровне, дети с особыми образовательными потребностями должны иметь равные права со здоровыми детьми, ведь среди них также есть дети, способные к учебной деятельности, талантливые, одаренные, но они не в состоянии «влиться» в общественную жизнь самостоятельно.

Таким образом, инклюзия как метод социализации в условиях школьного образования может быть достаточно эффективна для детей с особыми образовательными потребностями. Аргументы против инклюзивного образования в основном сводятся к тому, что дети с особыми образовательными потребностями получают при таком обучении более низкий уровень знаний или при их обучении возникают некоторые социальные сложности.

Существование инклюзивных школ позитивно сказывается на типично развивающихся детях, а не только на учениках с инвалидностью. Помогая сверстникам с особыми образовательными потребностями активно участвовать в образовательной и социальной деятельности, обычные дети незаметно для себя получают важнейшие жизненные уроки. Этот положительный опыт заключается в росте социальной сознательности, в осмыслении отсутствия различий между людьми, в развитии самосознания и самооценки, в становлении собственных принципов, и последнее, но не менее важное – способствует искренней заботе и дружбе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агавона, Е.Л.* Готовность педагогов как главный фактор успешности инклюзивного процесса в образовании / Е.Л. Агавона, М.Н Алексеева, С.В. Алехина. – М., 2011. – 302 с.

2. *Алехина, С.В.* Инклюзивное образование в Российской Федерации / С.В. Алехина // Инвестиции в образование – вклад в будущее : докл. междунар. симпозиума. – М., 2010. – 102 с.

3. *Возняк, И.В.* Интеграция детей с ограниченными возможностями в образовательный процесс. Начальная школа / И.В. Возняк, Л.В. Годовникова. – М. : Учитель, 2011. – 210 с.

4. *Екжанова, Е.А.* Основы интегрированного обучения / Е.А. Екжанова, Е.В. Резникова. – М. : Дрофа, 2008. – 288 с.

5. *Малофеев, Н.Н.* Специальное образование в меняющемся мире. Европа : учеб. пособие для студентов пед. вузов / Н.Н. Малофеев. – М. : Просвещение, 2009.

6. *Михальченко, К.А.* Инклюзивное образование – проблемы и пути решения / К.А. Михальченко // Теория и практика образования в современном мире. – СПб. : Реноме, 2012. – 206 с.

7. *Рубинштейн, С.Л.* Психология умственно отсталого школьника / С.Л. Рубинштейн. – М. : Просвещение, 1986. – 192 с.

8. *Сокольская, М.В.* Ценностные ориентации в структуре личности и деятельности подростков / М.В. Сокольская. – Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2004. – 119 с.

9. *Тригер, Р.Д.* Психологические особенности социализации детей с задержкой психического развития / Р.Д. Тригер. – СПб. : Питер, 2008. – 192 с.

10. *Шинкарева, Е.Ю.* Право на образование ребенка с ограниченными возможностями в РФ и за рубежом : моногр. / Е.Ю. Шинкарева. – Архангельск, 2007. – 96 с.

11. Юнеско, Саламанкская декларация и рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями. Париж, Юнеско / Министерство образования. – Испания, 1994.

РЕЦЕНЗИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.Ф. ПЕЧЕРИЦЫ «"ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС" ПУТИНА УСКОРЯЕТСЯ НА КИТАЙ»

В.А. Смоляков

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права.

Контактный адрес: smolyakov46@mail.ru

Мир вступает в эпоху перестройки всей системы международных отношений. Вступление в XXI в. отмечено переходом к многополярности и новой конфигурации сил – относительным уменьшением экономической мощи западных держав и смещением фокуса геоэкономики в Азиатско-Тихоокеанский регион. В центре этой трансформации стоит Китайская Народная Республика. КНР вышла на второе место в мире и, возможно, к 2015 г. заняла первое место по валовому внутреннему продукту (ранжирование в данном случае зависит от методики расчета). Растёт и военная мощь Китая. Сегодня многие эксперты разделяют мнение, что сверхдержавами XXI в. будут США и Китай.

В этом меняющемся мире Россия вынуждена определять свою национальную роль и формировать отвечающую национальным интересам внешнеполитическую ориентацию. С решением этой задачи связаны не только сегодняшняя национальная безопасность, но и обеспечение надёжных предпосылок для экономического и политического развития российского общества в предстоящие десятилетия. Этим обстоятельством объясняется огромный интерес не только отечественной, но и мировой общественности к проблеме российско-китайских отношений. Вот почему бесспорную актуальность имеет вышедшая в 2015 г. во Владивостоке книга профессора ДВФУ В.Ф. Печерицы «"Восточный экспресс" Путина ускоряется на Китай»[1], в названии которой выражена ключевая мысль произведения – «разворот» российской внешней политики в сторону Китая. В монографии излагаются современные проблемы и даются оценки перспектив российско-китайских отношений на рубеже XX–XXI вв.

В.Ф. Печерица в этой книге представил итог своей многолетней работы в области изучения российско-китайских отношений. Его научная деятельность связана с китайской тематикой с 1990-х гг. Важно то, что он имеет возможность изучать китайскую действительность не только по сухим источникам. Автор постоянно бывает в Китае с докладами и лекциями, имеет там широкий круг знакомств. Как председатель единственного на Дальнем Востоке диссертационного совета по политическим наукам он подготовил для молодой китайской политологии немало перспективных кандидатов наук. В скобках хотелось бы отметить, что название книги явно связано с впечатлениями молодых лет Владимира Федоровича. В.Ф. Печерица в молодости работал помощником машиниста локомотива на экспрессе Москва – Пекин.

Монографию отличает широкий охват материалов, которые легли в основу концептуальных выводов. Автор основывается на опубликованных китайских и российских источниках: материалах прессы, монографиях и статьях, анализе выступлений политических лидеров. Анализ подкрепляется данными статистики. Автор аргументированно проводит главную мысль: поворот России на Восток готовился на протяжении нескольких лет и не был результатом импровизации или побочным продуктом череды последних политических событий.

Содержание работы изложено в пяти последовательно выстроенных главах. В.Ф. Печерица исходит из того, что внешняя политика формируется на стыке внутренних и международных процессов.

[1] Печерица В.Ф. «Восточный экспресс» Путина ускоряется на Китай : моногр. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федер. ун-та, 2015. 128 с.

В первой главе автор показывает, что на внешнюю политику России оказывают влияние как внутренние, так и внешние, геополитические факторы. Представляется методологически верным то, что автор начинает исследование с рассмотрения внутриполитической среды, в которой формировалось китайское направление внешней политики РФ. Профессор показывает, что проблема выбора между альтернативными векторами – восточным и западным, была и остаётся связанной, с одной стороны, с идеологическими установками либералов-западников и, с другой стороны, – «антизападниками». Последние, указывает автор, – это КПРФ, «Справедливая Россия», «Родина» и ЛДПР (не вполне понятно, почему автор не называет здесь «Единую Россию», позиции которой в данном вопросе близки к названным партиям). Они воспринимают США и их союзников в качестве не столько идеологических, как это было в годы холодной войны, сколько геополитических противников. Сторонники этой позиции считают, что «…безоговорочное соблюдение любых либеральных стандартов на практике не могут быть ничем иным, кроме полного подчинения американскому диктату».[2] В отличие от них «западники» относятся к Китаю с подозрением и считают, что лучшим выбором для России было бы развитие тесных отношений с Западом с целью получения доступа к технологиям и инвестициям через политическое сближение и экономическую интеграцию. Настороженные в отношении Китая круги, основываясь на опыте прошлых десятилетий, опасаются также «непредсказуемости» его поведения в будущем. Проанализирована в книге также и доминирующая ныне не столько прокитайская, сколько сбалансированная линия, построенная на учете российских национальных интересов. В.Ф. Печерица, по сути, признаёт, что логика внешнеполитического мышления современной политической элиты России основывается на понятиях традиционной политики «баланса сил». В связи с этим в работе рассматривается также воздействие геополитического фактора, под которым понимается местоположение России как евразийской державы, отношения внутри треугольника США – Россия – Китай. Россия находится в процессе поиска своего пути в глобальной политической системе. Это обстоятельство диктует необходимость выдерживать правильное соотношение между восточным и западным направлениями российской внешней политики. Сошлёмся на следующую авторскую оценку: «Политическое руководство и общественность РФ видят в лице поднимающегося Китая сдерживающий и геополитически сбалансированный элемент, который превращается из региональной державы в один из существующих основных центров силы в новом многополюсном мире, где всё еще не утратили своего значения силовые факторы».[3] Вместе с тем В.Ф. Печерица раскрывает противоречия в российско-китайских отношениях и справедливо указывает, что идя на сближение с Россией, Пекин ведёт в то же время и собственную игру. У Китая и России есть собственные не совпадающие интересы в разных регионах мира и в двусторонних отношениях, о чем подробно говорится на страницах книги.

Читателю будет интересна и глава об истоках международной политики КНР и о том месте, которое занимает в ней Россия. Автор пишет, что внешнеполитическая стратегия китайского руководства тесно связана с реформами, идущими в этой стране. Эта стратегия основывается на четком понимании взаимосвязи внутренних и внешних задач. Нынешний подход пекинских лидеров к внешним делам носит прагматичный и преимущественно деидеологизированный характер. Он базируется на теории Дэн Сяопина и установках съездов КПК. Суть этой стратегии состоит в решении двуединой задачи: во-первых, в приоритетности внутреннего социально-экономического развития, основанного на политической стабильности и открытости внешнему миру; во-вторых, в обеспечении мирных международных условий для решения внутренних задач, в развитии связей с зарубежными странами в интересах развития экономики страны. Для этого Китай, согласно заветам Дэн Сяопина, должен «затаиться на время» и не ввязываться в международные конфликты.

Важным элементом внешнеполитического мышления КНР является концепция многополярности, в которой отводится место и России. Автор пишет, что в глобальной стратегии Пекин рассматривает Российскую Федерацию как вторую после США великую державу[4]. Отношения двух стран в 2000-е гг. вышли на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. Полностью разрешены территориальные споры. В целом Пекин больше не рассматривает Россию в качестве соперника и тем более противника. Но далее, согласно логике, возникает вопрос: а не могут ли Россия и Китай стать союзниками?

Выяснению этой проблемы посвящена третья глава книги: «Союз или стратегический партнерский диалог?». Совершенно очевидно, что этот вопрос имеет особую значимость для российского руководства в свете украинского кризиса, развернувшегося в начале 2015 г. Россия в результате известных событий оказалась в состоянии конфрон-

[2] Печерица В.Ф. «Восточный экспресс» Путина ускоряется на Китай. С. 9.

[3] Там же. С. 15.

[4] Там же. С. 40.

тации со странами Запада и сегодня, как никогда, нуждается, по меньшей мере, в стратегическом партнерстве с набирающим силу гигантом. Отметим, что в отличие от Китая, который сосредоточен на внутреннем развитии, внешнеполитические задачи выдвинулись в системе приоритетов России на первое место. К сказанному можно добавить, что вопрос о союзнических отношениях основывается и на сходстве политических режимов. Никто не может отрицать также общность некоторых интересов обеих стран на мировой арене. РФ и КНР не согласны с мировым порядком, установившимся в период после окончания холодной войны. Обе страны не согласны с гегемонией западных держав и, прежде всего, США. Обе страны решительно отстаивают принцип суверенитета и невмешательства во внутренние дела под предлогом продвижения демократии, защиты прав человека и национальных меньшинств. Естественно, что за развитием российско-китайских отношений внимательно наблюдают и на Западе. Отсюда ясно, почему этот вопрос имеет высокую степень актуальности. Профессор Печерица в данном вопросе придерживается сбалансированных оценок. Он пишет, что некоторые аналитики и в России, и в Китае склонны считать и РФ, и КНР «естественными союзниками». Но есть и другие точки зрения. Трезвая оценка основывается на выводах о нереалистичности идеи союзнических отношений двух стран. Как было отмечено выше, Китай в настоящее время не нуждается в союзниках и не заинтересован в конфронтации с США и другими западными государствами. К тому же две дружественные страны несопоставимы по совокупной мощи. Россия, со своей стороны, в случае установления союзнических отношений рискует оказаться в зависимом положении. К тому же ни Китай, ни Россия не имеют совпадающих претензий к третьим странам или общих долгосрочных целей в международных отношениях, которые являются необходимым условием для союзнических отношений. В связи с этим автор монографии рассматривает далеко не безоблачный исторический опыт союзнических отношений между СССР и КНР и даёт оценку возможности союза между Россией и Китаем в современных условиях. Хотелось бы обратить внимание на ряд интересных и, на наш взгляд, обоснованных выводов, представленных в этой работе. Военно-политический союз образца 1950 г., пишет Печерица, в настоящее время невозможен. Обе страны самодостаточны, а их коренные интересы хотя и имеют много общего, но всё же не всегда совпадают. К тому же, делает справедливый вывод автор, время блоков и союзов ушло в прошлое.[5]

Анализ российско-китайских отношений был бы далеко не полным без рассмотрения реальных или потенциальных проблем и противоречий между РФ и КНР, а также выяснения путей их разрешения. Этот аспект раскрывается автором в четвертой главе. Возникновение противоречий – это естественный процесс развивающихся связей двух стран. Автор выделяет и рассматривает некоторые пункты несогласий в отношениях между ними. Это несовпадения в интересах, свойства национальных характеров, несхожесть обществ, различия во внешнеполитических доктринах, проблемы в развитии экономического сотрудничества. Автор указывает на то, что многие российские аналитики видят и связанный с развитием КНР огромный конфликтный потенциал в Восточной Азии. Это и проблемы внутреннего порядка, в особенности растущее противоречие между рыночной экономикой и коммунистической политической системой, Кроме того, внушает опасения некоторая непредсказуемость этой страны**.** Профессор ставит вполне уместные вопросы: «Будет ли Китай, если станет сверхдержавой, по-прежнему стремиться к поиску равновесия сил на международной арене?»; «Будет ли он считаться со своими партнерами, в том числе Россией?»[6]. И, наконец, нельзя игнорировать также трудности и проблемы в торгово-экономических отношениях. На видное место в отношениях двух стран выдвигается также соперничество в Центральной Азии, вызванное реализацией Китаем стратегии «экономического пояса шелкового пути». В качестве примеров разрешения спорных вопросов автор ссылается на урегулирование благодаря взаимным усилиям России и Китая взрывоопасной пограничной проблемы, на совместный поиск решения проблемы экологической безопасности р. Амура и др. Можно вполне согласиться с высказанным автором соображением общего характера: Китай занят больше решением внутренних проблем, чем внешних. А для этого ему нужны мирные международные условия.

В целом рассматриваемая работа обращает внимание общественности на проблемы, возникающие вследствие сложностей и неопределённостей процесса развития двусторонних отношений. Проведённый автором объективный анализ помогает преодолеть некоторые стереотипы и страхи, до сих пор сохраняющиеся в массовом сознании.

В пятой главе книги главное внимание уделено путям и перспективам углубления российско-китайского стратегического партнерства как в политической, так и экономической области. Россия и Китай придерживаются сходных позиций по мно-

[5] Печерица В.Ф. «Восточный экспресс» Путина ускоряется на Китай. С. 56.

[6] Там же. С. 60.

гим вопросам международной безопасности и сотрудничают в рамках Совета Безопасности ООН, ШОС, БРИКС. Москва и Пекин вместе выступают против развертывания ПРО и продвигаемого Соединенными Штатами проекта Транстихоокеанского партнерства. Особенно перспективным автор считает региональное партнерство в АТР. Автор рассматривает вопросы экономического сотрудничества КНР и РФ в связи с концепцией социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкальского региона до 2025 г. Взаимопонимание сложилось и в вопросе о нераспространении ядерного оружия, в том числе и противодействия ракетно-ядерным амбициям КНДР. Интересен обрисованный автором военный аспект сотрудничества двух стран.

Завершает монографию шестая глава «Приграничное и межрегиональное сотрудничество РФ и КНР: опыт, проблемы, перспективы». В этой части книги речь идёт, прежде всего, о сотрудничестве Дальнего Востока и Восточной Сибири с Северо-восточными провинциями Китая. Понятие «приграничье» для китайской стороны связано с официально проводимой политикой «открытости» и представлениями об узости государственных границ в условиях глобализирующегося мира. Китайская политическая элита считает наиболее перспективным регионом для углубления сотрудничества именно российский Дальний Восток. В.Ф. Печерица приводит данные, показывающие значение торгово-экономических отношений и для российской стороны. На КНР приходится свыше 70 % регионального товарооборота восточных субъектов РФ.[7] Значительное место в главе отведено рассмотрению принятых за последние годы программ развития дальневосточного региона, в особенности ТОРов, кластерного типа организации экономики и т.д. Автор отмечает не только сильные, но и слабые стороны сотрудничества РФ с Китаем, в том числе диспропорции в торговле, усиление ассиметричной зависимости России от КНР. Многие проблемы, как показано в книге, порождаются и российской стороной. Прежде всего, это нарастающее отставание российской экономики, которое отражается и на структуре товарооборота, и на способности российской стороны к быстрой реализации совместных проектов.

В книге приводится следующий факт: доля российской продукции с высокой добавочной стоимостью (машины и оборудование) составляет всего 4–5 %.[8] Автор отмечает, что российская политика в отношении развития Дальнего Востока страны «фактически остановилась»[9]. Представляется, что в свете возникших за последние месяцы трудностей в развитии двусторонних связей эта тема заслуживает более глубокого рассмотрения.

В порядке подведения итога можно сделать следующий вывод: подготовленный В.Ф. Печерицей труд интересен и актуален. Ставшие достоянием общественности анализ и обобщения существенно углубляют наше понимание проблем российско-китайских отношений. Книга написана живым, доступным даже читателю-неспециалисту языком. Результаты исследования послужат полезным подспорьем для журналистов, экспертов, преподавателей и студентов вузов.

[7] Печерица В.Ф. «Восточный экспресс» Путина ускоряется на Китай. С. 111.

[8] Там же. С. 118.

[9] Там же. С. 116.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Рассмотрение работ аспирантов и соискателей кандидатской степени осуществляется только при наличии отзыва научного руководителя и рекомендации кафедры по месту их обучения.

4. Для аспирантов и соискателей публикация статей бесплатно.

5. Статьи должны быть в объёме от 0,5 до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков). В них может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем.

6. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

6.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются диски и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на диске. Если дисков два и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дисках (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

6.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в следующем порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фамилии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются.

6.3. Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском языке, затем на иностранных. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку. Библиографическое описание источника в списке литературы (фамилии и инициалы авторов печатаются курсивом) составляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ 7.1–2003. Шрифт и межстрочный интервал те же, что и в статье.

6.4. Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210×297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

6.5. Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

7. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

8. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

9. К статье прилагается краткая аннотация, ключевые слова (не более 15), а также профессиональный перевод на английский язык аннотации, ключевых слов и названия статьи.

10. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 262. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru. Материалы, присланные ценными письмами и бандеролями, не принимаются.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 450 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство "Роспечать"». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Извещение **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2016 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Квитанция **Кассир**	Дальневосточный государственный университет путей сообщения УФК по Хабаровскому краю (наименование получателя платежа) 2724018158 № 40503810500001000191 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа) ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю (наименование банка получателя платежа) **БИК** 040813001 № 06109339920 (номер Л/кс) № 272401001 (номер КПП) Подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2016 год (наименование платежа) Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал № 1 (49) 2016

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*
Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2016 г. Поз. 12.5. Подписано в печать 15.03.2015 г.
Гарнитура «Times New Roman». Уч.-изд. л. 21,3. Усл. печ. л. 19,8. Зак. 51. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.